

Михаил Львович Гавлин

Российские предприниматели и меценаты

Annotation

В книге дана галерея портретов представителей крупнейших предпринимательских династий нашей страны. Среди ее персонажей – промышленники и заводчики Строгановы и Демидовы, чаепромышленники Боткины, владельцы знаменитых заводов в Гусь-Хрустальном и Дятьково Малышевы, «железнодорожные короли» фон Мекк, внесшие немалый вклад в развитие экономики и культуры России. Книга рассчитана на широкий круг читателей. В качестве дополнительного материала она может быть использована при изучении истории России.

Михаил Львович Гавлин

Российские предприниматели и меценаты

Предисловие

Россия в разные времена вызывала удивление иностранцев сказочными состояниями, нажитыми в исторически очень сжатые сроки. В калейдоскопе картин российской истории особенно бросаются в глаза эпохи пробуждения от застоя, оцепенения, отличающиеся бурным развитием, появлением новых исторических групп, новых имен, а также и новых крупных богатств.

Вся многовековая история предпринимательства в России напоминает непрерывную череду приливов и отливов, нескончаемых пенящихся волн,

накатывающихся на берега нашего отечества и затем вновь с тяжким грохотом откатывающихся в просторы Мирового океана. С одним из таких приливов предпринимательской энергии на российских просторах можно связать эпоху ослабления ордынского ига на Руси, когда посреди разорения и запустения русских земель, в центре их, потаенно накапливает силы Москва. В этот период в землях Господина Великого Новгорода и Северо-Восточной Руси нарастал подъем производительных сил, расцветали различные ремесла и промыслы, била ключом торговая жизнь. На северных рубежах Руси, в Великом Устюге, Поморье, а позднее в Прикамье, в Перми Великой необычайную энергию и предприимчивость проявляют торговые и промышленные люди. Они все дальше проникают в необжитый, манящий неизведанными просторами и природными богатствами северный край. Именно к этому времени относится начало предпринимательской деятельности знаменитых солепромышленников Строгановых, их многовекового, тяжелого и противоречивого пути к богатству и власти.

История допетровской Руси насчитывает не так уж много известных нам крупных личностей, ставших своеобразными символами русского предпринимательства и инициативы. В широком движении освоения новых земель, развернувшемся в эту эпоху, одни из них становились первооткрывателями, пионерами-первопроходцами, вроде тверского купца Афанасия Никитина, другие выступали своего рода конкистадорами – завоевателями и промышленниками, миссионерами и колонизаторами в одном лице. К этим последним, сыгравшим исключительную роль в продвижении России на восток, относятся и Строгановы.

Возможно, победы русского оружия над Швецией – передовой европейской державой – и последующие петровские преобразования были бы невозможны, если бы к этому времени не осуществлялось уже в течение двух веков промышленное освоение земель Русского Севера, Урала и Сибири. Первые заводы и открытые рудные богатства «восточного Клондайка» России стали одной из крупных материальных предпосылок этих успехов. Строгановы внесли выдающийся вклад в историю открытия, хозяйственного, промышленного освоения новых земель. Их можно отнести к наиболее ярким представителям российской торгово-промышленной жизни этого времени.

Но и в дальнейшем Строгановы продолжали оставаться уникальным, крупнейшим, именитейшим купеческим и дворянским родом. Представители династии на протяжении многих поколений, даже войдя в аристократическую среду, продолжали активно заниматься предпринимательской деятельностью, сохранив за собой вплоть до 1917 года громадные владения и заводы.

С началом царствования Петра I наступила новая, переломная, бурная эпоха русской истории. Для многих предприимчивых, энергичных людей, да и просто «баловней судьбы» это была пора поразительно быстрых возвышений, неожиданных взлетов карьеры. В это время складывались состояния Демидовых, Мальцевых, Яковлевых, Баташевых, Гончаровых и др. В среду старинной русской знати «вступали беспрестанно люди с именами прежде неизвестными. Они получали почетные титулы, высокие чины, важные придворные должности и значительное, а иногда даже громадное богатство, и вдобавок к этому они роднились с известными фамилиями».

Многообразная хозяйственная жизнь на обширных пространствах России все время порождала различные формы и пути накопления богатств, возникновения состояний. А это, в свою очередь, обуславливало многоликость российского предпринимательства, многообразие его типов.

Проявлениями самых первых, раннекапиталистических форм накопления богатства,

восходящих еще к допетровскому и Петровскому времени, могут служить промышленная и торговая деятельность Строгановых и горнозаводское дело Демидовых.

Особенно ускорились процессы накопления со времени Петра. Политика преобразований, необходимость перевооружения армии и крупное городское строительство дали мощный импульс к образованию целого ряда промышленных районов страны не только в Центре, но и на Северо-Западе, в Поволжье, на Урале и в Сибири и породили целый слой предпринимателей – выходцев из самых разных сословий: крестьян, торговых людей, городских ремесленников, которые образовали первую волну промышленной буржуазии России. Некоторые из них принадлежали к старинным, но обедневшим родам, другие были потомками гильдейских купцов, позднее приобретшими дворянский герб. Крупнейшие из этих новых заводчиков-промышленников – Мальцевы, Баташевы, Яковлевы, Гончаровы и др. – в течение XVIII – начала XIX века влились в состав дворянства, а некоторые, как Демидовы, и в состав титулованной знати.

В судьбах нескольких поколений рода Демидовых, проделавших удивительную эволюцию от выходцев из народных низов до одной из самых громких аристократических фамилий Российской империи, отразилась одна из характерных для нашей истории линий развития крупного российского предпринимательства. Вливаясь в ряды дворянства и его высшего слоя – знати, такие династии заводчиков, как Демидовы, чрезвычайно способствовали укреплению экономической силы и энергии дворянского сословия, его жизнеспособности, задержав, по крайней мере на столетие, вытеснение купечеством аристократии с экономических и культурных высот.

Становление и подъем промышленности России в Петровское время и в течение всего XVIII столетия, связанные с укреплением дворянского абсолютистского государства, с задачами развития его экономической и военной мощи, особенно ярко проявились в возникновении отечественного горнорудного и металлургического дела. Причем поражает быстрое развитие этих трудоемких отраслей не только в центре, но и в отдаленнейших, еще совсем не освоенных областях государства – на Урале и в Сибири.

Пионерами в деле промышленного освоения этих новых, суровых для жизни местностей, заложившими здесь основы будущих индустриальных районов России, не потерявших своего значения и поныне, стали вместе со Строгановыми, появившимися здесь ранее, и Демидовы. Владея на так называемом посессионном праве заводами, они получали в свое полное распоряжение приписанных к этим заводам на вечные времена крестьян, дешевый крепостной труд которых и составил им колоссальные богатства. Постепенно они становились крупнейшими землевладельцами, собственниками многих тысяч душ крепостных крестьян.

Впоследствии российское дворянство, несмотря на все льготы и привилегии по развитию промышленной деятельности, упустило инициативу в этой жизненно важной для сохранения его позиций области.

Среди крупнейших предпринимательских династий России, внесших весомый вклад в развитие заводского и торгового дела в стране, были многие известные дворянско-купеческие династии, породнившиеся затем с аристократическими фамилиями и вошедшие в их круг. Они имели давние традиции торгово-промышленной деятельности. У одних, как у Строгановых, истоки этой деятельности относятся еще к допетровским временам. У других – к Петровскому и послепетровскому времени. К последним можно отнести и представленную в книге династию стекло- и хрусталезаводчиков Мальцевых, начало заводского дела которых совпадает со

временем петровских преобразований.

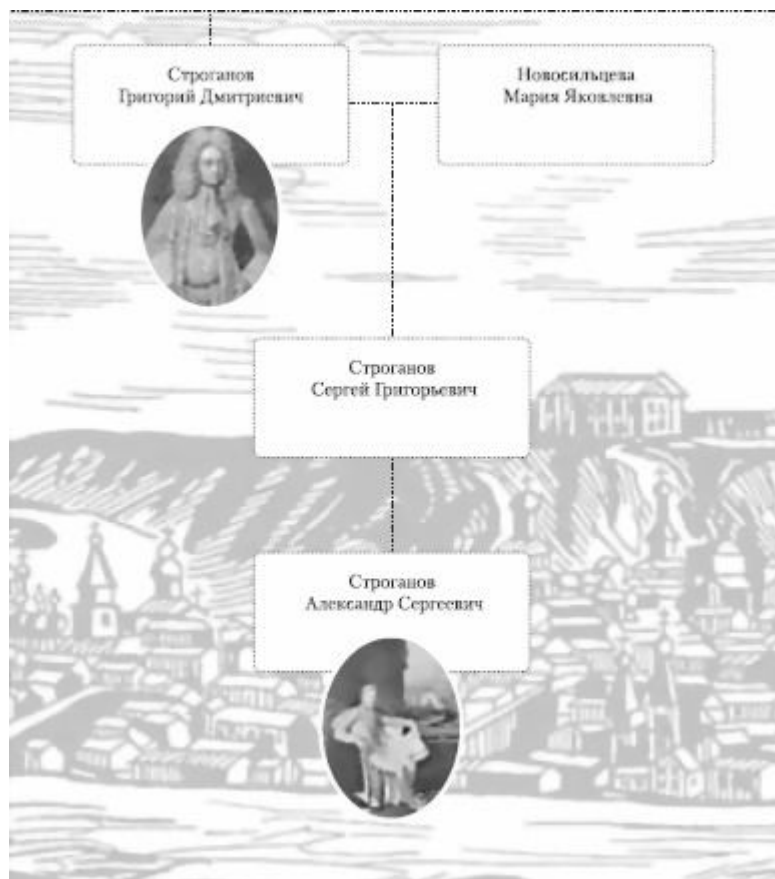
Наряду с дворянским предпринимательством с конца XVIII столетия в России все более набирает силу гильдейское купечество, формирующееся из представителей разбогатевших крестьян – кустарей, ремесленников, мелких торговцев и др. Многие из них уже в этот период становятся крупными фабрикантами, откупщиками, торговцами-оптовиками, осуществлявшими значительную хлебную, чайную, винно-водочную, текстильную торговлю. К этому слою можно отнести и представленную в книге выдающуюся купеческую династию чаеоторговцев и сахарозаводчиков Боткиных, сыгравших значительную роль не только в торгово-промышленной деятельности, но и в общественной и культурной жизни России.

Новый мощный прилив предпринимательской энергии русского народа относится к пореформенным десятилетиям XIX и к началу XX столетия. Наступил «золотой век» в истории предпринимательства в России. После длительного застоя в экономике, покоившейся на патриархально-крепостнических методах хозяйствования, инициатива и предприимчивость человека труда были разбужены отменой крепостного рабства, вызвав бурный рост промышленности и торговли, новые формы их организации, активизацию ранее задавленных нуждой и бесправием низших сословий, перемены в социальных и трудовых отношениях. В это время не только резко расширяется круг фабрикантов и оптовых торговцев, но и появляется совершенно новый тип предпринимателей – учредители акционерных компаний и банков, биржевики, железнодорожные и строительные подрядчики, концессионеры, владельцы угольных шахт и нефтяных вышек. К этому новому типу предпринимателей России, среди которых имелось немало представителей нарождавшейся профессиональной, научной и инженерно-технической интеллигенции, относится и династия «железнодорожных королей» фон Мекков, начало деятельности которой связано с бурным ростом промышленности и строительством железных дорог, развернувшимся в стране после реформ.

В книге раскрываются судьбы представителей замечательных династий российских заводчиков и коммерсантов. На своем долгом пути восхождения к вершинам богатства и власти они не раз оказывали значительное воздействие на экономическую, политическую, общественную и культурную жизнь страны. В их числе не только выдающиеся предприниматели и меценаты, но и государственные и общественные деятели, дипломаты, военные, ученые, деятели культуры. Их яркие личности и драматические судьбы представляют интерес и для сегодняшнего времени.

СТРОГАНОВЫ

История знаменитого рода Строгановых тесно связана с судьбами России на протяжении длительного, многовекового периода. Изменения, которые претерпевало их предпринимательское дело, формы и методы накопления капитала и хозяйствования во многом были характерны для всего Московского государства, а позднее и обширной Российской империи.

Строгановы во многих отношениях исключительная, единственная в своем роде династия. Еще в допетровскую эпоху, благодаря своему неслыханному богатству, не будучи боярской по своему происхождению, она занимала почетное место среди самых влиятельных семей, приближенных к трону. По своему положению владельцев громадных вотчин, военных форпостов на самой окраине Русского государства, Строгановы сравнимы с самыми могущественными феодалами средневековой Европы.

Даже среди дворянских родов династия Строгановых значительно выделялась своими заслугами, которые многократно отмечались в жалованных грамотах и «милостивых рескриптах».

И в пореформенный период значение и вес их хозяйства были огромными. Велик был и авторитет, которым они пользовались не только в дворянской и аристократической, но и в предпринимательской среде, особенно среди горнопромышленников.

Многочисленные потомки первых Строгановых сумели сохранить и донести до нашего времени историческую память о себе, отложившуюся в родовых архивах, в многочисленных документальных свидетельствах, в семейной переписке.

Происхождение Строгановых

Наиболее ранняя версия происхождения рода Строгановых – от мурзы Золотой Орды – принадлежит голландскому бургомистру и ученому человеку Николаю Витзену который повествование о происхождении Строгановых в свою очередь заимствовал из сочинений голландского купца Исаака Массы, писавшего о России еще в 1609 году. Согласно этой легенде, родоначальник Строгановых был близким родственником жившего в XIV веке татарского хана, по иным утверждениям – даже его сыном.

Посланный ханом на службу к великому князю Дмитрию Донскому в Москву, он, «прилежно рассуждая о вере Христа Спасителя, пожелал принять закон христианский, и при крещении был наречен Спиридоном». Крещеный мурза снискал расположение Дмитрия Ивановича. «Крещения же ради великий князь паче его возлюбил и одарил по достоинству многими дары», выдав за него свою близкую родственницу (по одной версии – дочь, по другой – племянницу).

Узнав о крещении мурзы, хан потребовал его возвращения, затем выдачи, но дважды получил отказ, и «сим ответом не быв доволен... послал на границы российские множество вооруженных татар и повелел разорить российские заселения огнем и мечом». Дмитрий Донской выслал против них «знатный отряд» под предводительством Спиридона; произошла стычка, и хотя «россияне и сильное действие имели», тем не менее были разбиты, а Спиридон взят в плен. Сделав безрезультатные попытки склонить его к принятию старой веры, хан велел «привязать его к столбу, тело на нем изстрогать, а потом, всего на части изрубя, разбросать», что и было тотчас исполнено. Такова легендарная история о родоначальнике Строгановых.

Дата мученической кончины Спиридона в составленной при Петре Великом родословной Строгановых отнесена к 1395 (6903) году. Родившийся вскоре после его смерти сын был наречен Козьмою, а по фамилии в память мученической кончины отца прозван Строгановым или Строгановым (от слова «строгать»). Этот рассказ был повторен историками XVIII века Г. Ф. Миллером и М. М. Щербатовым. Н. М. Карамзин первым высказал сомнение в его верности, по крайней мере в некоторых вопросах, хотя и признавал происхождение Строгановых из Орды.

Более определенно высказался по этому поводу историк Н. Г. Устрялов в своей книге по истории строгановской династии, написанной в 1842 году по заказу графини Софьи Владимировны Строгановой. В распоряжение историка были предоставлены документы вотчинного строгановского архива. По его мнению, «гораздо вероятнее другое предание, сохранившееся в одном сборнике Кирилло-Белозерского монастыря», о происхождении Строгановых «из дома Добрыниных от стародавней фамилии новгородской». По мнению Устрялова, несомненно то, что в Устюжском и Сольвычегодском уездах, старинных новгородских областях, Строгановы с незапамятных времен владели обширными оброчными статьями. Называет ошибкой он и другое распространенное среди историков мнение, что Строгановы до пожалования им Петром I баронского титула были купцами. Они «имели особенное звание, исключительно им принадлежащее, звание «именитых людей»; составляли особенное почетное сословие, для других недоступное».

Впоследствии историки окончательно отвергли легенду о мурзе-родоначальнике и приняли версию о том, что Строгановы – выходцы из земель Великого Новгорода; родоначальником же их был некий Спиридон, живший во времена Дмитрия Донского. Внук Спиридона, Лука Кузьмич, уже упоминается в актах как владелец нескольких оброчных статей в Двинской земле. Ему же приписывают выкуп из татарского плена у казанского хана Улу-Махмета великого князя московского Василия Темного.

Но и версия о новгородском происхождении Строгановых позднее вызвала у историков сомнения. Хотя первые Строгановы – Спиридон, Кузьма, Лука и Федор – упоминались в летописях соответственно под 1381, 1395, 1424 и 1461 годами, но документальных сведений об их происхождении почти не сохранилось. И новгородское происхождение строгановской фамилии не имеет достаточных доказательств. Наиболее авторитетной является гипотеза, согласно которой Строгановы происходили из крестьян, с древних времен живших на землях Великого Устюга. С XIII века эти земли практически входили в состав Суздальского, а с XIV века

– Московского княжества, сделавшего Великий Устюг форпостом в борьбе с Новгородом. В состав устюжских земель входил и весь Сольвычегодский уезд – будущая родовая резиденция Строгановых и центр управления их вотчинами.

Некоторые из Строгановых тоже отрицали свое аристократическое, а заодно и новгородское происхождение. Большой знаток истории и археологии граф Сергей Григорьевич Строганов писал историку Колмакову: «С чего это ваш Устрялов вздумал придавать фамилии Строгановых значение феодальных баронов? Ничего подобного не было. Напротив, Строгановы были люди русского происхождения, посвятившие себя промыслам, сначала соляному, а потом железному и вообще рудному... и теперь в Вологодской губернии, откуда собственно и вышли Строгановы, есть люди, носящие также фамилию Строгановых и не менее древнего происхождения, как и я сам, с ними я лично знаком и считаю свое происхождение, а равно и их, от одних и тех же родоначальников».

Великий князь Василий Васильевич

Сведения о богатстве Строгановых относятся к первой половине XV века. «При исчислении некоторых земель, – говорит известный историк С. М. Соловьев, – когда-то принадлежавших малоизвестному князю Константину Владимировичу Ростовскому, истцом последних явился какой-то Лука Строганов». Это был тот самый Лука, который «выкупил на свой счет великого князя Василия Темного из казанского плена». 7 июля 1446 года великий князь был взят в плен под Суздалем татарами. Они требовали 20 тыс. рублей выкупа, а в случае отказа грозили его убить. Государственная казна была пуста. Тогда Строгановы внесли выкуп, и 1 октября великий князь Василий Васильевич был освобожден из плена.

Более полные сведения сохранились о правнуке Спиридона, Федоре Лукиче, около 1488 года переселившемся с детьми (Степаном, Осипом, Владимиром и Аникою) из Новгорода в Сольвычегодск. Вскоре после этого, будучи уже в преклонном возрасте, Федор Лукич принял иночество с именем Феодосии и около 1497 года скончался. Три старших сына умерли бездетными и каких-либо заметных следов своей деятельности не оставили. Наоборот, младший из них, Аника (Иоанникий), предприимчивый, энергичный, своими умелыми действиями заложил прочное основание родовым богатствам, которые еще более увеличились при его сыновьях – Якове, Григории и Семене, ставших родоначальниками трех ветвей рода.

Старшие две ветви вскоре угасли, осталась только младшая, от Семена Аникиевича. Его второй сын, Петр Семенович, имел много детей, из которых только один сын, Федор Петрович, достиг зрелого возраста, но мужского потомства не оставил; остальные же дети Петра Семеновича скончались в молодых годах. Старший

же сын Семена Аникиевича, Андрей Семенович, оставил наследником Дмитрия Андреевича, единственный сын которого Григорий Дмитриевич, современник и сподвижник Петра I, являлся единственным представителем всего рода. Получив имущественные части от угасших двух старших линий, он объединил в своих руках все громадные родовые богатства.

«Рыцари первоначального накопления»

Строгановы появляются в Вычегодском крае не ранее 1472 года в период деятельности Луки Кузьмича Строганова. Их привлекла возможность организовать торгово-промышленное предприятие, не опасаясь сильных конкурентов, без большой затраты капитала. Его сын, Федор Лукич, одним из первых оценил значение растущего города Сольвычегодска и поселился в нем.

Жизнь семьи Строгановых начинает более полно освещаться в старинных документах со времени смерти Федора Лукича и перехода всех дел к его четырем сыновьям. Три старших сына – Степан, Осип и Владимир «в компании с Ромашкой Фроловым» – получают 9 апреля 1517 года от великого князя Василия Ивановича жалованную грамоту на Соль Качаловскую. Эта земля в Вондокурской волости была дана Строгановым в вечное владение с «лесом диким, старым, липовым ramenъем», с правом «призывать крестьян, ставить дворы и заводить пашню, с освобождением крестьян от дани и пошлины на пятнадцать лет, а от суда и дани наместников и волостелей бессрочно».

Допетровская эпоха торгово-промышленной деятельности Строгановых распадается на несколько крупных периодов. Первым, начальным периодом можно считать XV век. Второй, более значительный период в истории их вотчины и торгового дома падает на XVI век. Он связан главным образом с годами жизни и деятельности Аники Федоровича Строганова (1497–1570) – подлинного основателя огромного дела, а также со временем до «строгановского» завоевания Сибири (1581). Конец XVI и почти весь XVII век – это время продвижения Строгановых на восток и за Урал и освоения огромных пожалованных им земель.

Центром гигантского строгановского хозяйства являлось сольвычегодское родовое гнездо. Здесь «батожьем засекались насмерть мастеровые и дворовые люди и на свирепой эксплуатации, каторжным трудом создавались разнообразные производства и поставленные с размахом вотчинные земледельческие хозяйства». Здесь торговлей создавались громадные капиталы и вынашивались планы покорения Сибири. Владельцы имения оказывали услуги и самому Ивану Грозному и его ближайшему окружению, поставляя вооруженные силы и различные «расхожие» товары – соболей, пух, красную рыбу, текстильные и железные изделия. Они знали толк в книге, ценили живопись, икону.

Первое известие о хозяйственной деятельности Строгановых встречается в 1515 году в записи Устюжского летописца о том, что Аникий Строганов завел в Сольвычегодске солеваренный промысел. Это как раз то время, когда восемнадцатилетний Аника продолжил начатые в 1472 году его дедом Лукой «торговые и промысловые предприятия». На впадающей в Вычегду реке Усолке, у озера Солонина, он поставил первую соляную варницу. В дальнейшем Аника расширяет производство соли: его первые купчие на соляные варницы датированы 1526 годом.

К середине XVI века Аника Федорович контролировал большую часть сольвычегодских соляных промыслов, скупив варницы конкурентов. Но он не

останавливается на этом и через некоторое время разворачивает в крупных масштабах добычу пушнины и торговлю «пушным товаром» с жителями Урала, а позднее и с сибирскими «инородцами». Он организует также железодутное и кузнечное производство, получив 12 апреля 1556 года разрешение Ивана Грозного «искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и в других местах». Им осуществлялись поставки своего и купленного хлеба в Астрахань. Ему принадлежала оптовая и розничная торговая сеть, ярмарочная торговля в Поморье и Москве. Склады и дворы Аники были в Москве, Коломне, Калуге (через которую шла строгановская торговля с Литвой), Рязани, Переславле-Залесском, Великом Устюге, Коле.

К середине XVI века Анике Строганову принадлежала почти половина посадской земли Сольвычегодска, главным образом сосредоточенная в западной, Никольской стороне. Строгановские «быстро множившиеся промыслы и дворы повытеснили соседей». Аника разорил их, доведя до положения «убогих», кормящихся «перехожею работой» у него же на промыслах, а иных и «покабалил» и «похолопил». Здесь, на прибрежной Никольской стороне, примыкающей к реке Вычегде, сложился свой особый, «строгановский мирок» и свой поселок. Вместе с посадской Троицкой стороной он получил название Сольвычегодска.

Младший сын Федора Лукича был незаурядной и любопытной фигурой в рядах купечества. Расчетливый делец, по словам его биографа, прикрывающийся благочестием, Аника строит соляные варницы, а рядом с ними – церкви на далекой Коле, Вычегде и Каме. Инстинкты крупного предпринимателя, умело использующего промах конкурента и слабость зависимого от него человека, сочетаются в нем с мудрым и дальновидным расчетом политика, умеющего получить поддержку церкви и центральной власти. Именно Аника Строганов наметил пути промышленной и культурной деятельности всего рода. Флотилии его судов плавали по рекам и морям. Аника закупал хлеб для казны, в Архангельске перекупал «заморские» товары, из Сибири вез меха, но главный доход ему приносила соль. Он проявляет интерес к рукописной и печатной книге и оставляет после себя большую библиотеку. Вечно деятельный, приумножающий свои богатства «образцовый церковник» (а под конец жизни и монах) и вместе с тем жестокий крепостник, притеснитель местного населения Печоры, Сибири и Урала, «изворотливый торговец и смелый предприниматель, умевший идти на риск» – таков облик родоначальника сольвычегодской ветви рода Строгановых.

Став полным хозяином в Сольвычегодске, Аника Федорович вынашивает далеко идущие планы в отношении расширения территории своей хозяйственной деятельности, приобретения новых вотчин. Для этого у него были все возможности и качества энергичного организатора и хозяина: предприимчивость, неустанная жажда барышей, готовность рисковать и в то же время осмотрительность и осторожность в действиях. Имелись также необходимый опыт и умение организовать сложную экспедицию в далекую Сибирь. Способствовало этому и наличие в составе его двора представителей сибирских народностей, владевших туземными и русским языками, и даже иноземцев с Запада. И наконец, были необходимые для налаживания большого торгового предприятия денежные средства. Посланные Аикой экспедиции, перевалив через каменный пояс Урала, добрались до Оби и завязали торговые отношения с местными народностями. Дорога в Сибирь была разведана.

Аника Строганов и его сыновья начинают с хозяйственного освоения более близких к ним территорий. Они давно прослышали, что еще за сто лет до этого купцы Калинниковы находили на берегах Камы очень богатые солью места. Этот редко населенный местными племенами край только недавно отошел к Москве после взятия Казани Иваном IV. У Московского государства было мало военных сил и материальных средств для освоения и обороны обширного края от набегов

кочевников. Строгановы, понимая это, решились на рискованный шаг. Аникиев сын, Григорий, в 1558 году обратился к московскому царю с прошением: «Ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые и всего пустого места здесь на сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили, и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правожных не написаны ни у кого». Строганов просит разрешения поставить в этих местах городки, снабдить их пушками и пищальями; пушкарей, пищальников и воротников «прибрать для бережения» от нагайских людей и иных орд; по речкам до самых вершин и по озерам лес рубить; расчищая места, пашню пахать; дворы ставить, людей зазывать «не письменных и не тяглых»; рассолу искать, а где он найдется, варницы ставить и соль варить.

Солеварни в Соликамске. Из летописи

Такое прошение являлось бы неслыханной дерзостью для рядовых купцов, но не для Строгановых, богатство которых уже тогда было известно при московском дворе. В ход были пущены и подкуп, и сомнительное свидетельство местного жителя о том, что просимые земли не заселены. Ходатайство поддержали чердынский воевода и другие управители пермских земель, которым было на руку, что немалую часть их забот по освоению края возьмут на себя Строгановы. Сыграло свою роль и обещание Строгановых поставлять в Московию крупные партии соли из новых, богатых рассолами пермских скважин. А соль в то время была чрезвычайно редким товаром на Руси, ее ввозили из европейских стран.

Грамотой Ивана Грозного от 4 апреля того же года Григорию Строганову было пожаловано «для всего рода» право владения 3,5 млн десятин пустынных земель на

Северо-Западном Урале по обе стороны Камы от устья Лысьвы до реки Чусовой. Строгановы получили право заселять эти земли людьми «не письменными и не тяглыми», судить их независимо от пермских наместников и тиунов и в течение двадцати лет не платить за них государственных налогов и повинностей, строить города, иметь ратных людей, лить пушки. Никто другой тогда на севере такими правами не пользовался. Не разрешила Москва Строгановым только разработку медных, оловянных и серебряных руд. Но позднее, после 1572 года, они получили и это ревниво оберегаемое государством право.

Довольные царской милостью, деятельные и богатые Строгановы энергично основывают вотчины в Пермском крае. В 1559 году в 15 верстах от Соли Камской, на правом берегу реки Камы, близ устья реки Чусовой, они строят городок Камгород, или Кам-Карра (Камкор), и рядом на мысу Пыскорском основывают монастырь Всемилошного Спаса, а через 5 лет на Орловском волоке возводится крепость Кергедан (Кардаган). За короткое время (1568–1570) по берегам рек Сылвы и Чусовой возникли несколько укрепленных острогов, куда Строгановы принимали многих людей, бродяг и бездомников, обещая «богатые плоды трудолюбию и добычу смелости».

Часто живя в пермских владениях со своими сыновьями Яковом и Григорием, налаживая здесь со свойственным ему широким размахом хозяйство крупной вотчины, Аника заводит ряд соляных и железоделательных промыслов, устраивает пашню, привлекает «новоприбылое» население. На время своих отлучек он оставляет в родовом гнезде третьего сына, Семена.

Получив тогда же разрешение от московского митрополита на строительство церквей в новых вотчинах и на право найма церковнослужителей, а позже – на обращение иноверцев в православие, Аника Строганов в течение 10 лет занимался строительством и украшением церквей. Он покупал церковную утварь, иконы в золотых и серебряных окладах, приглашал иконописцев, жертвовал во вновь открытые храмы иконы и книги из собственных собраний.

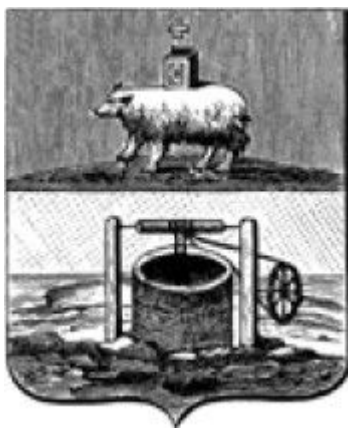
После кончины второй жены в 1567 году безутешный в своем горе Аника вернулся в Сольвычегодск, приняв иночество. Он занялся составлением родового синодика, строительством Благовещенского собора и чтением духовной литературы. К этому времени его дети, Яков, Григорий и Семен, уже вполне могли заменить его. Аника старался привлекать своих сыновей к делам с раннего возраста, заставляя их работать самостоятельно, чтобы они постигали все тонкости ведения торговых и промысловых дел.

Сыновья Аники, будучи уже женатыми, не отделяются от отца, а составляют одну большую семью, которая вместе ведет все дела и в которой если и бывают семейные неурядицы, то все они подавляются властным авторитетом старика отца. Сохранился рассказ о том, как гневный Аника за непослушание бросает свою непокорную дочь в Вычегду и водворяет крутой расправой мир в семье. И даже после смерти отца, когда его сыновья живут уже раздельно, дела, несмотря на формально разделенное имущество, ведутся во многих случаях от лица всех братьев. Для этого они заключают друг с другом специальные, устные или письменные, договоры, согласовывающие их совместные выступления. Это понимание общих интересов предохраняло предприятие от измельчания и распада.

Получив огромные пермские вотчины и деятельно их осваивая, Строгановы быстро богатеют. Они расширяют пушную торговлю, сооружая склады мехов не только в Сольвычегодске, но и во всех городах и «новопоставленных острожках пермских вотчин», становятся поставщиками царя. Когда у Ивана Грозного появлялась надобность в получении партии особо ценных шкурок соболей, то он обращался сразу

к Строгановым. При этом они поставляли царскому двору не только соборей, но и довольно широкий круг других товаров. В грамоте от 23 сентября 1574 года Иван Грозный засчитывает в счет налогов, следуемых со Строгановых, суммы денег за доставленные ими товары.

По «особливой к Аникию милости и знатности ево» грамотой от 8 августа 1570 года ему поручено вместе с сыном Яковом «смотрение» за правильностью выполнения англичанами и другими иноземцами, открывшими торговлю через Белое море и Северную Двину, их торговых обязательств: чтобы они товарами «врознь» не торговали, а «продавали б оптом», «чтоб те англичане пеньку не покупали и из оной канатов не спускали», а земские бы люди «железоделаемых ручных домниц не имели и железо иноземцам не продавали». Кроме того, отец и сын Строгановы должны были о «корабельном лесе, который бран был из тех мест в продажу англичанам, присылать ведомости», а также о том, «какими они, англичане, товарами торгуют по часту в Москву уведомлять». По приказам царя и его двора Аника приобретал у иноземцев «вольною ценою» нужные привозные товары. Торговля с иностранцами приносила большие доходы и самим Строгановым.

Герб Соликамска

Строгановы являлись не только поставщиками товаров, но и банкирами Ивана Грозного, «который довольно бесцеремонно требует себе кредита». Они ежегодно платили царю до 25 тыс. рублей.

Аника Строганов занимает первенствующее положение в местном самоуправлении в своем родовом гнезде в Сольвычегодске и его уезде. Об этом свидетельствует и тот факт, что он «для государственной надобности» по требованию царя платил за весь Сольвычегодский посад и уезд «пошлину и другой казенный сбор» своими деньгами на много лет вперед, общей суммой за всех, а собирал подати себе уже позже. Таким образом, Аника выступал своего рода откупщиком и агентом правительства по сбору казенных пошлин в Сольвычегодске.

В 1566 году Яков Строганов едет в Москву и от имени отца и братьев «бьет челом» Ивану IV с просьбой взять их городки с промыслами в опричнину. Грамотой от 16 августа того же года Строгановы «по челобитью Аники Федоровича и его сыновей» были приняты в опричнину. Своевременное ходатайство Строгановых, доказавшее их верность царю, стало непосредственным поводом к его новой милости. В 1568 году жалованная грамота Ивана IV присоединяет к владениям Строгановых земли «по реке Таболу» в Сибири. Эта грамота была прислана уже на имя старшего Аникиева сына – Якова.

За этой дарственной грамотой стояли важные хозяйственные, политические и

военные расчеты хитроумного царя. Благоволение Ивана Грозного к Строгановым объясняется не только умением последних лучше других купцов поставлять нужные двору товары, но и их важными военными и политическими услугами по укреплению и расширению границ Русского государства. Известно, например, что Строгановы в трудный момент набега крымских татар на Москву послали к границе, к Серпухову, на государеву службу за свой счет отряд в тысячу казаков с пищальми и всем необходимым припасом. На приобретенных сибирских землях Строгановы развивают, как и в пермских своих владениях, соляные, рыбные, рудные промыслы, хлебопашество, заселяют их русскими крестьянами, которые приносят в Сибирь более высокий уровень хозяйственной культуры.

Уже при Анике Строгановы сумели создать крупное торгово-промышленное дело, выражавшееся не столько в деньгах, сколько в товарах. Основу же их богатства составляли, прежде всего, земельные вотчины. Голландские путешественники Масса и Витзен в своих сообщениях постоянно говорят об «Анике, богатом землею», «страшное богатство» которого выражается в факте скупки «многих земель». Его наследникам в одном лишь Сольвычегодске к 1577 году принадлежали, помимо 10 соляных варниц «на полном ходу», почти все земли с деревнями вокруг города, земельные владения в соседнем Устюжском уезде, ряд островов по реке Вычегде, деревни вниз по Вычегде и по обеим сторонам Двины «с лесами и с угодьями по купчим и по порядным, и по крепостям».

Иван IV. Гравюра XVI века

Обширное хозяйство Аники Строганова и его сыновей требовало соответствующего аппарата для организации транспорта, складских помещений и пунктов по обмену и продаже товаров в различных районах страны. Аника уже довольно рано, не ограничиваясь близлежащими поморскими рынками, организовал ряд пунктов для сбыта своих товаров как в столице, так главным образом и в приокских и приволжских посадах. Деловые записи 1577 года о разделе его имущества между сыновьями и внуками дают картину хорошо и давно налаженной сети торговых агентов по транспортировке и распределению строгановских товаров, имеющейся в Вологде, Великом Устюге, Москве, Коломне, Калуге, Переславле-Залесском. Позднее такая сеть была создана в Рязани, Твери, Нижнем Новгороде, Казани и в некоторых других центрах.

Организация этого сложного хозяйства требовала большого числа работников. К моменту смерти Аники у него в Сольвычегодске находилось свыше 600 человек дворовых людей. Многолюдным было и население пермских вотчин. Кроме

Сольвычегодска и пермских вотчин, у Строгановых имелись люди в городах, где находились «торгово-агентурные конторы». По некоторым подсчетам, численность людей, обслуживавших хозяйство Аники Строганова, могла составлять 2500–3000 человек. Столько же насчитывалось сезонных транспортных рабочих, грузчиков, дровосеков и т. п. В целом, в хозяйстве Строгановых было занято не менее 5000–6000 человек, бывших или крепостными, или наемными людьми.

Во время освоения окраинных территорий Приуралья Аника Строганов стремился заручиться поддержкой церкви, ставшей одной из опор строгановского освоения земель, где проживало коренное, нехристианское население. «Устроение» церквей и их украшение стало одной из главных задач Строгановых. Для этого они не жалели ни сил, ни средств. Во времена Аники Федоровича у Строгановых в Сольвычегодске еще не появились свои иконописные мастерские. Их возникновение и развитие относится уже ко времени самостоятельной деятельности сыновей и внуков Аники. Однако уже и сам он в приобретение икон вкладывал значительные средства. Все иконы были в золотых и серебряных окладах, украшенных драгоценными камнями и жемчугом.

Жемчуг добывали на реке Иксе, близ Сольвычегодска, и около хозяйских хором в Сольвычегодске, на «жемчужном» строгановском озере, где искусственно разводили жемчужные раковины. Во главе этого жемчужного промысла, как говорили в народе, стоял «немец, доктор и аптекарь», и очень возможно, что это был кто-то из пленных иностранцев, выкупленных Аникой Федоровичем из московской тюрьмы. Приобретались «от заезжих греков в Москве и дорогие киоты, резные кипарисные, и божницы, частицы мощей». Все это требовало расходов, на которые без разговоров шел обычно прижимистый и не склонный к расточительству хозяин.

Аника Строганов прожил долгую по тем временам жизнь – более 70 лет. От двух жен он имел 13 детей, из которых большинство умерло в младенчестве, а не вышедшие замуж дочери пострижены в монахини. Три его сына – Яков, Григорий, Семен и их потомство составили сольвычегодскую ветвь Строгановых, сохранившую семейное дело и богатство. Рассказывают, что незадолго до смерти Аника благословил своих сыновей, напомнил им о «союзе братском». Похоронен он в своем родовом гнезде – в Сольвычегодске. Смерть основателя сольвычегодской и пермской вотчин была отмечена многочисленными и богатыми вкладами его сыновей в монастыри.

Со смертью Аники в управление обширными сольвычегодскими и пермскими вотчинами вступили его сыновья, которые сразу же произвели раздел. Известно, что при этом происходила борьба из-за богатств Аники Федоровича. «Союза братского», как завещал отец, не получилось. При разделе «своровал» Семен Аникиевич. В чем выразилось это «воровство», неизвестно. Но, видимо, «своровал» так крупно, что обиженные братья – Яков и Григорий – пожаловались правительству, которое в 1573 году «июня 27 прислало царскую грамоту» с распоряжением «выдать им брата их Семена головою со всем его животом и с его людьми». Поэтому семейный раздел был заново произведен «по распоряжению царской грамоты... сольвычегодскими посадскими людьми из местных солепромышленников и богачей – Леонтием Пырским и Семеном Клисовым сыном Просужева».

Вмешательство правительства в семейную ссору братьев объясняется его заинтересованностью в делах строгановских вотчин. Строгановы были не просто рядовыми вотчинниками, но своего рода агентами правительства на восточных рубежах в Приуралье. Поэтому то, что происходило в пермских вотчинах у Строгановых, правительству было далеко не безразлично. Семен Строганов на некоторое время был отстранен от управления вотчинами, но уже к 1577 году вернул доверие правительства и возвратился к делам своего хозяйства.

Яков и Григорий Аникиевичи больше времени проводили в пермских вотчинах, подолгу пребывая в городках Орле и Нижне-Чусовском. Семен Аникиевич после опалы принял на себя управление сольвычегодской вотчиной и безвыездно жил в Сольвычегодске в своих хоромах у Благовещенского собора, в то время еще строившегося. Старшие братья Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы умерли один за другим в 1577 и 1578 году. Еще ранее, в 1575 году, в одной из своих деловых поездок был убит старший сын Якова Аникиевича – Григорий Яковлевич Строганов. Вместе с ним были убиты «разбойниками» (скорее всего, мстившими ему разоренными посадскими) дворовые люди, приказчики, сопровождавшие своего хозяина, а также жена Ананья и сын Яким. Таким образом, с 1578 года в самостоятельное управление вотчинами вступают племянники Семена Аникиевича – Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы. Первому из них был 21 год, а второму – всего 16 лет.

Главным центром управления всеми вотчинами Строгановых после смерти Аники Федоровича остается Сольвычегодск. Он, кроме того, служит основной базой военного снабжения городков пермской вотчины. Яков, Григорий и Семен Аникиевичи, а позже Семен Аникиевич со своими племянниками – Максимом и Никитой строят в городе величественный Благовещенский собор со сложной системой «подпапертных мест» и тайников в толщах стен, с секретными лестничными переходами. Успевают они следить и за постройкой Введенского монастыря, растянувшейся с 1565 года, когда Яков, Григорий и Семен Строгановы «срубили первую в монастыре деревянную церковь, а монастырь обнесли оградой». В 90-х годах XVI века Никита Григорьевич Строганов в ограде Введенского монастыря рубит несколько храмов, строит надвратную церковь «Во имя всех святых», под колокольней ставит Богоявленную церковь и соединяет их переходами.

Хоромы Строгановых в Сольвычегодске. Гравюра XVII века

Но глубокая религиозность Строгановых ничуть не умеряла растущие стяжательские аппетиты этих «рыцарей первоначального накопления», что не раз приводило к кровавым драмам. В ночь на 22 октября 1586 года во время вооруженного восстания посадских и ночного штурма ими дворов, принадлежавших Строгановым, был убит Семен Аникиевич.

Это восстание было направлено против всех Строгановых, их растущего стяжательства и жестокого закабаления ими посадского населения. Засев в своем родовом гнезде на Никольской стороне Сольвычегодска, Строгановы, как свидетельствуют документы, «скупкой, закладами, ростовщическими сделками

подбирали посадские варницы, посадские лавки, амбары, кузницы и дворы», обращая вчерашних мелких собственников в своих рабочих людей, а посадскую бедноту «крепостили и доводили до положения ярыжек и казаков». Сольвычегодские хоромы «знали свирепые расправы хозяев с дворовыми холопами и работными людьми, которых здесь били, увечили и даже заживо замуравывали в тайнички трехсаженной толщины стен строгановского Благовещенского собора». Неудивительно, что разоренные и не желавшие попадать в кабалу свободные посадские люди и доведенные до отчаяния жестокостью хозяев дворовые часто поднимались на борьбу. Не раз от невыясненных причин горели в строгановском кремле хозяйские канцелярии и хранившиеся здесь архивы с кабальными документами.

После смерти Семена Аникиевича остались его малолетние сыновья: шестилетний Андрей Семенович, пятилетний Петр Семенович, а также дочь Марфа. Управление вотчинами их отца перешло к его вдове, матери малолетних наследников Евдокии (Стефаниде) Нестеровне Лачиновой, боярской дочери, сестре Соликамского воеводы. Во главе других строгановских вотчин стояли Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы.

Конкистадоры Урала и Сибири

Молодые Строгановы вступили в управление обширным хозяйством, когда силы московского правительства на огромных, еще не мирных пространствах Прикамья были слабы, их явно не хватало, чтобы справиться с управлением новым краем. Когда, например, в 1552 году ногайские татары напали на Соликамск, а теснимые ими соликамцы попросили прислать войска для защиты, Иван IV, ведя битвы у Казани, только и смог послать им на помощь образ Николая Чудотворца с грамотой о том, что святитель защитит их от врагов.

В это время Сибирское татарское царство «потрясилось изнутри борьбой за власть между династией ногайских князей и династией Шейбанидов-Чингисидов», что выражалось в дворцовых переворотах, убийствах правителей, противостоянии феодальных группировок мурз. От ослабленного междоусобицей Сибирского царства откалывались местные национальные группы. Именно в это время, 4 апреля 1558 года, правительство Ивана IV санкционирует своим пожалованием организацию пермских вотчин Строгановых с целью освоения территорий, лежащих между Чердынью, Соликамском и Казанью и соприкасающихся в верховьях рек Яйвы, Чусовой и Сылвы с землями, подвластными Сибирскому царству.

Это вполне укладывалось в русло восточной политики, проводимой Русским государством в то время. Налицо было совпадение личных корыстных устремлений Строгановых с государственными интересами – охраной восточных рубежей Русского государства, созданием потенциальной базы будущего наступления на Сибирь. Этим объяснялась мощь и сила Строгановых, которые «становятся не только землевладельцами – феодалами, предпринимателями и купцами в девственном и только что колонизируемом крае, но и выходят на роли государственных деятелей, проводников восточной политики московского правительства». Отсюда понятны милости двора Строгановым, постоянно даруемые им льготы и новые пожалования огромных территорий и иммунитетов. Пермские вотчины Строгановых в 60-70-х годах XVI века постоянно находились в поле зрения московского правительства ввиду событий, происходивших в Сибирском царстве. Да и само «дело» Строгановых все более развивалось и крепло, рождало у них стремление перешагнуть через Каменный пояс, через Урал, в земли «страшного Кучума», сулившие новое приращение богатств.

Очередной дворцовый переворот 1563 года в столице Сибирского ханства Искере

привел к трагической гибели прежнего правителя Сибири хана Едигера, зарезанного братьями Шейбанидами – Кучумом и Бекбулатом. Кучум пришел к власти, однако он не мог чувствовать себя прочно: сын Едигера Сейдяк скрывался в Ишимских степях, не все мурзы признали власть нового хана. Против Кучума восстал пелымский князь с подвластными ему манси, не подчинились также князьки племен ханты. Целых семь лет, с 1563 по 1570 год, Кучум борется за укрепление своей власти. Пользуясь родственными связями с ногайской ордой, он создает у себя армию из ногайцев, включает в нее киргиз-кайсаков, становясь независимым в военном отношении от подвластных ему татарских мурз. Со своей армией Кучум подавляет восстания ханты и манси, усмиряет непокорных мурз, укрепляет власть внутри своего государства, проводя активную исламизацию населения.

В 1572 году агрессивными действиями против пермских вотчин Строгановых Кучум дает понять о прекращении своих обязательств перед Москвой. Черемисский бунт обрушился на пермские владения Строгановых. К взбунтовавшимся черемисам, живущим близ русских поселений, присоединились татары и другие местные народности. Восставшие напали на торговых людей, многих из них убили, сожгли несколько деревень, а жителей увели. Царская грамота к Строгановым от 6 августа 1572 года содержит факты избиения 87 торговых людей подвластными Кучуму черемисами. Да лее в грамоте излагается правительственный план военной кампании против отложившихся данников, который Строгановы и уполномочены осуществить. Им предоставляется право выбрать из собственного войска «голову добру» и с ним казаков со всяким оружием и «ходить войною и воевать изменников: черемис, остяков, вотяков и нагайцев».

По усмирении бунта Строгановы известили царя, что виновником восстания черемисов был «салтан Кучум», что он запрещает остякам, вогуличам и югричам платить Москве дань и грозит разрушением городов и острожков по Каме и Чусовой.

Военные набеги ханты, татар, манси, инспирированные властителем Искера, нарушили нормальное развитие пермских вотчин, и московское правительство пришло к выводу о необходимости разрешить Строгановым иметь свою военную дружину в дополнение к тем гарнизонам, которые находились в их городках и у чердынского воеводы. Это право было дано Строгановым царской грамотой от 30 мая 1574 года. Однако реализовали они это право лишь через несколько лет.

Помог благоприятный случай. Донские казаки, «по излишней своей вольности» совершавшие грабежи и разбои на Волге и в Каспийском море и нападавшие на проезжих иностранных купцов и послов, настолько осмелели, что учинили нападение на московского посланника Карамышева, снаряженного царем в Персию с большим посольством. Самого посла казаки убили, а казну его расхитили. Такая дерзость вызвала гнев Ивана Грозного, повелевшего для пресечения разбойных нападений послать в 1578 году против казаков значительное войско. Пойманные казаки были казнены, но многие спаслись бегством на Нижнюю Волгу. Слухи об этом событии дошли до Строгановых, и они решили использовать беглых донских казаков для охраны своих пограничных городков и для продвижения в глубь Сибири. Хотя они и побаивались царевой немилости, но вместе с тем полагались на царские грамоты, разрешавшие им «призывать вольных людей и посылать их в сибирскую сторону» для войны и приведения Сибирского царства под Российскую державу. Однако Строгановы не собирались раньше времени разглашать свой замысел. На Волгу, в Астрахань, были тайно посланы верные люди с заданием вербовать беглых казаков на службу к Строгановым.

К числу известных буйством и разбоями казачьих атаманов принадлежал Ермак Тимофеев. Со своими товарищами он наводил ужас не только на мирных иностранных

путешественников, но и на соседние кочевые улусы. Его опыт военных столкновений с кочевниками мог очень пригодиться Строгановым. В грамоте, присланной ими в апреле 1579 года казакам вместе с дарами, говорилось: «Имеем крепости и земли, но мало дружины: идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край христианства». Был брошен клич, и под знамя атамана вскоре собралась ватага казачьей вольницы, чтобы отправиться в дальнюю дорогу. 21 июня 1579 года (по другим сведениям, в конце года) донской атаман Ермак Тимофеев с большой дружиной казаков, проделав на легких стругах долгий путь от Астрахани до притоков Камы, прибыл в пермские владения Строгановых.

Еще задолго до этого Строгановы обращаются к царю с просьбой о пожаловании им территории за Уралом, по реке Тоболу и ее притокам «от устьев и до вершин» для того, чтобы расширить свои владения за пределы Урала, в Сибирь. Просьба Строгановых была удовлетворена грамотой от 30 мая 1574 года, о которой говорилось выше.

Вся логика событий и политика администрации Ивана Грозного подвели Строгановых к задаче овладения землями сибирского хана Кучума, поэтому поход Ермака в Сибирь трудно считать единоличной инициативой самих Строгановых или казаков во главе с Ермаком. Если Строгановы и проявили инициативу в деле непосредственной отправки дружины Ермака в Сибирь, то этот шаг «соответствовал духу и смыслу общих указаний и инструкций» из Москвы.

Ермак. Скульптор М. М. Антокольский

По прибытии к Строгановым Ермак дважды «ходил воевать» соседние племена вогулов и других народностей, нападавших на русские селения, но перевалить через Каменный пояс Урала и выйти в Сибирь ему не удалось. Из-за неправильно выбранного пути (есть, правда, и другие версии) казакам приходилось зимовать в пустынной, малонаселенной местности и возвращаться обратно. Оба «Ермакова похода» обошлись Строгановым «в 20 тысяч рублей». Третий поход отряда Ермака в Сибирь начался с задержкой. В позднее для тех мест время – 1 сентября 1581 года струги с казаками отплыли вверх по реке Чусовой.

Сибирская экспедиция Ермака не была экспромтом, вызванным исключительно нападениями на вотчины Строгановых. Она подготавливалась ими в течение нескольких лет. На это указывают и призыв с Волги Ермака с отрядом казаков еще за два года до нее, и построение на строгановской верфи на Северной Двине двух мореходных кочей для отправления под руководством строгановского «послужильца голландца Оливера Брюнеля» северным морским путем в устье Оби одновременно с выступлением в поход Ермака Тимофеевича. На предварительную подготовку Строгановыми похода Ермака в Сибирь указывает и то, что в пермских вотчинах для него отливали «затинные пищали».

Одновременная организация Строгановыми в 1581 году сухопутного похода Ермака на Иртыш и Обь и мореходного – под командой Оливера Брюнеля, по мнению историков, была не случайной. «Очевидно, тот или иной выход на эту реку (Обь) казался им желательным в целях их торговли с азиатскими странами – в первую очередь с Мангазеей, а затем со Средней Азией и даже с Китаем».

Основное бремя организации сибирского похода Ермака пало на Семена Аникиевича и Максима Яковлевича Строгановых. По подсчетам исследователей, стоимость снаряжения Ермаковой дружины составляла не менее 10 тыс. рублей.

Отряд Ермака был снабжен «пищалими скорострельными семипядными». Так называемая «сорока» представляла собой связку семи стволов «пищалей ручных», врезанных в общую дубовую доску. Эта комбинация имела в казенной части общий металлический желоб для пороха, поджигание которого обеспечивало эффективный одновременный выстрел всех семи стволов.

Численность дружины Ермака до сих пор окончательно не установлена. Строгановская летопись называет цифру 540 человек. «Новый летописец» оценивает дружину Ермака, пришедшую к Строгановым с Волги, в 600 человек. К казакам дружины Ермака Строгановы прибавили охочих людей из населения чусовской вотчины, число которых не могло быть велико, так как «постоянное мужское население пермских строгановских вотчин составляло не более 400 человек крестьян-ремесленников («деловых людей») и приказных». «Новый летописец» указывает 50 охочих людей, Строгановская летопись – 300. Более поздние авторы также не пришли к единой оценке.

Дружина Ермака, получившая от Строгановых оружие, боеприпасы и провиант, была хорошо организована. Ермак разделил ее на сотни, имевшие свои знамена и сотников – командиров. Имена их сохранены сибирскими летописцами. Самый известный – Иван Кольцо, заочно приговоренный к казни за прошлые разбойные похождения на Дону и Волге, посланный Ермаком к Ивану Грозному с известием о присоединении к Москве сибирских земель и на радостях помилованный и обласканный царем. Имена других сотников – Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк.

Ермаку Тимофеевичу во время похода могло быть 40–50 лет, если основываться на показаниях казака Ильина, который «полевал» с ним 20 лет. Ермак являлся бывалым и опытным атаманом-полководцем, умевшим поддерживать воинскую дисциплину в составлявшей его дружину казацкой вольнице.

Итак, 1 сентября 1581 года отряд Ермака, погрузившись в струги, отплыл вверх по Чусовой. Но буквально в тот же день произошло вторжение в Пермь Великую «войска в 700 человек пельымского князя Кихека, прошедшего старой сибирской дорогой по реке Лозье на Вишеру». Первый удар отряды Кихека обрушили на столицу края

Чердынь. Чердынский воевода князь И. М. Елецкий и второй воевода В. Перепелицын, несмотря на внезапность появления неприятеля, сумели хорошо организовать оборону, и Кихеку не удалось взять город. В это время вогульский князь Бехбелей Ахтанов напал на Сылвенский острожец и другие строгановские поселения, но был настигнут Семеном и Максимом Строгановыми и разбит. В следующем, 1582 году он повторил свое нападение теперь уже на Чердынь, но был отбит, а затем и полностью разбит. Сам князь от полученных ран скончался.

Продвигаясь в течение лета и осени 1582 года в глубь Сибири и покоряя один за другим татарские городки и улусы по рекам Иртышу и Оби, Ермак приблизился к главному городу Кучумова царства. 23 октября произошла решающая битва. Стрелы ничего не могли сделать против ружей и пушек, хотя воины Кучума дрались так отчаянно, что казаки потеряли 107 человек. Татары бежали. 26 октября 1582 года Ермак с казаками вступил в столицу Сибирского царства Искер.

Поход Ермака в Сибирь. *Из летописи*

Это событие стало историческим для Руси. В то время, когда Иван Грозный с 300-тысячным войском терпел поражения на западных границах государства, так и не пробившись к берегам Балтийского моря, горстка храбрецов завоевала для России огромные, неизведанные территории за Уральским хребтом, далеко раздвинув ее восточные пределы.

По словам Н. М. Карамзина, «три купца и беглый атаман волжских разбойников дерзнули без царского повеления именем Иоанна завоевать Сибирь». Этими купцами были Максим Яковлевич, Никита Григорьевич и Семен Аникиевич Строгановы. Ермак дал знать Строгановым, что он «Кучума-салтана одолел, стольный город его взял и царевича Маметкула пленил». И сам Ермак, и Строгановы известили об этом событии Москву, получив благодарность и награды от царя, раньше называвшего их действия «воровскими». Гнев был сменен на милость.

Однако после гибели Ермака 6 августа 1584 года, отступления остатков его войск и отряда князя Волховского, присланного ему на помощь, Сибирь была на короткое время потеряна. Московскому правительству пришлось заново ее завоевывать. Но делать это теперь было легче: Ермак «нанес непоправимый и страшный удар татарской государственности».

Второе завоевание Сибири прошло также при активной помощи пермских вотчин Строгановых, являвшихся основной базой правительственного наступления. Здесь же проходило формирование необходимых военных сил. Самым надежным средством закрепления завоеванных сибирских земель за Москвой было строительство городков, заселение их и окрестных мест русскими людьми. Царские воеводы Сукин и Мясной основали на берегу реки Туры город Тюмень, а воевода Чулков – Тобольск. В царствование Федора Ивановича были построены Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым, Кетский острог. В 1598 году русские воеводы в Сибири «ходили на царя Кучума, оного войска разбили и взяли его 8 жен, 3-х сыновей, которых прислали в Москву». И за то «оним воеводам и служивым даваны были золотые, а Строгановым великие земли в Перми». Царевичам же определили «безскудный корм и честное содержание».

Завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем послужило «началом великому движению русского народа от Уральского хребта на восток». Оно привело к освоению необъятных пространств Сибири русскими людьми, вышедшими позже на берега Великого (Тихого) океана.

Именитые люди

Всеобщая смута, охватившая Русское государство в начале XVII века, и польско-шведская интервенция не поколебали положения Строгановых и не затронули сколько-нибудь серьезно строгановские вотчины в Пермском крае. Наоборот, в обстановке кризиса власти пермские вотчины продолжали хозяйственно крепнуть и территориально расти.

Однако в процессе увеличения территории пермских владений Строгановых были и свои «шероховатости». Так, в 1588 году правительство царя Федора Ивановича провело конфискацию на Каме-реке всей «орловской вотчины» Никиты Григорьевича Строганова, которая была отписана на государя. О причинах гнева правительства на Никиту Григорьевича не известно, но он не был продолжительным. Уже в 1591 году Строганову была вручена царская грамота о пожаловании вновь «вотчиною его Орлом городком с правом несудимости». С возвращением вотчин Никита Григорьевич вернул доверие и расположение к себе правительства. В апреле 1597 года он получает новое «государское жалованье» – земли, лежащие по рекам Каме, Сылве, Нытве, Югу, Очеру и Ошапу. Этим пожалованием вотчина Никиты Григорьевича Строганова увеличивалась, по расчету Ф. А. Волегова, на 586 382 десятины 634 сажени.

В годы царствования Бориса Годунова Строгановы «замкнуты в сфере своих узко вотчинных интересов», в их деятельности не видно «государственной оценки событий». Операции с хлебом Строгановы продолжали и в голодные годы начала XVII века, когда царь Борис Годунов пытался приостановить народное бедствие организацией широких общественных работ, установлением твердой цены на хлеб, энергичной поддержкой дворянских поместных хозяйств. Но Строгановы в эти годы «остаются крупными предпринимателями, стяжателями в сольвычегодской вотчине, а как вотчинники восточных рубежей государства в Приуралье продолжают выполнять функции правительственных агентов по проведению восточной политики».

Даже воцарение Лжедмитрия I не принесло заметных изменений в жизнь строгановских вотчин. Грамота Лжедмитрия I от 6 июня 1605 года с объявлением о его вступлении во власть была доставлена в Сольвычегодск 18 июня устюжским целовальником Пятко Кисельниковым. Из этой грамоты Строгановы официально узнали о том, что «Бог нам великому государю Московское государство поручил» и что уже на Москве новому царю присягнули «Боярская дума, освященный собор и бояре большие, и жильцы, и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и гости московские». Скоро в Сольвычегодск прибыла и грамота от 12 июня 1605 года о приведении к присяге гостей, посадских и черных людей с приложением текста «подкрестной записи». 23–25 июня в Сольвычегодске все население было приведено к присяге. Безропотно присягнули и Строгановы.

Тобольск. Гравюра

Время крестьянского восстания под руководством И. И. Болотникова Строгановы проводят спокойно в Сольвычегодске. Нормальный ход жизни вотчин ничем не нарушался, так как сольвычегодские и пермские вотчины были расположены слишком далеко от районов крестьянской войны. В годы восстания И. И. Болотникова из Сольвычегодска выезжают приказчики для руководства промыслами в пермскую вотчину и города Поволжья и Прикамского края – для принятия нужных мер по торговле. В 1606 году возникло село Новое Усолье, сыгравшее большую роль в истории хозяйства Строгановых.

Появление второго самозванца в 1607 году также вначале не нарушило спокойствия Строгановых. Отсиживаясь в Сольвычегодске и наблюдая за разворачивающимися событиями, они получали информацию из «достоверных источников»: непосредственно от правительства, от ростовского, ярославского и устюжского митрополитов, местного воеводы и от своих приказных людей, возвращавшихся с отчетами из разных городов. В течение двух-трех месяцев Строгановы, как и все поморское население, полностью распознали характер новой власти «тушинцев» как откровенных грабителей и разбойников. Они знали, как настойчиво требовали от гетмана Сапеги польские дворяне, возглавлявшие отряды интервентов и служивших им казаков, занятия Вологды, потому что «на Вологде много куниц и соболей, и лисиц черных, и всякого дорогого товару, и питья красного» и что «государева казна тут на Вологде великая от Корабельной пристани». А все Поморье много раз вплотную сталкивалось с панским грабежом, насилием и разорением.

Но Строгановы выжидали и старались не дать втянуть себя в разлившуюся по стране смуту, в тщетной надежде как-нибудь отсидеться в своих поместьях за крепкими стенами. Лишь приближение вражеских отрядов к границам

сольвычегодской вотчины заставило их наконец подняться на борьбу. Начиная с 1608 года и до избрания на престол новой династии – Романовых – сольвычегодские Строгановы в союзе со старостами самоуправляющихся общин Поморья и местными воеводами под руководством правительства Шуйского ведут борьбу с «тушинцами».

По-прежнему отсиживаясь в своих укрепленных хоромах в Сольвычегодске и в пермских городках, они вместе с тем активно организуют отряды народного ополчения, вооружают и снабжают их провиантом и боеприпасами, финансируют правительство царя В. И. Шуйского. По его просьбе Строгановы послали в январе 1609 года хорошо вооруженный отряд для обороны Москвы от Лжедмитрия П. В том же году царской грамотой Семену Строганову велено в Соли Вычегодской, с посада и Усольского уезда собрать ратных людей с копьями и пищалями, и «со всяким ратным боем, сколько будет пригоже», и послать их в Вологду. Получив грамоту, Семен с «великим успехом» собрал жителей разных чинов и, дав им от себя «помощные деньги», немедленно отправил в назначенное место.

Максим Строганов в это смутное время получил письмо от князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, в котором говорилось: «Ратным людям иноземцам наемным дать нечего и в государевой казне денег мало, а государь от воров на Москве сидит в осаде и чтоб они, господа Строгановы, на наем ратных людей денег к нему в полки послали». Вскоре и от царя в Чусовские городки к Максиму с братьями пришла грамота, в которой содержалось требование займы денег «на дачу ратным людям» и обещалась за то великая царская милость и уговор те деньги возратить после сбора государевых доходов. Максим и Никита Строгановы, получив грамоту, тотчас «с усердием ему, великому государю» послали в мае 1000 рублей. А уже 2 июня правительство берет у Андрея и Петра Семеновичей Строгановых огромную сумму в 1500 рублей. С Максима и Никиты Строгановых, принимая во внимание, что они уже дали 1000 рублей, назначено взять 500 рублей. Эти деньги понадобились правительству Шуйского для экстренной уплаты жалованья пришедшим на службу в Москву «украинских и северских городов дворянам и детям боярска».

Грамотой от 1 декабря 1609 года «воевода и думный дворянин» Прокопий Ляпунов извещает Андрея и Петра Строгановых, что он именем царя взял у их приказчика Офонка Гаврилова «в заем 300 рублей». Из царской грамоты от 24 марта 1610 года видно, что у Андрея и Петра Строгановых правительство заняло 2000 рублей. А вскоре в том же 1610 году послана Семену и Максиму Строгановым еще одна царская грамота, в которой опять содержалось требование, ввиду того, что «казна наша истощила», дать заем денег на жалованье служивым людям. И «после того, как литовских людей и русских воров одолеем, будет милость и великое жалованье, и честь примите, и от всех людей похвалу получите». Строгановы со всем возможным «поспешанием» послали Шуйскому многотысячную денежную сумму в придачу к пожертвованным изделиям из жемчуга, драгоценным сосудам из серебра и подводам с хлебом и фуражом.

Московское правительство, щедрое на обещания, не спешило их выполнять. Строгановым пришлось напомнить в своих челобитьях правительству Шуйского об обещанных наградах. Ответом на это явились царские грамоты 1610 года Максиму, Никите, Андрею и Петру Строгановым. Каждому из них были пожалованы обычные «гостиные» льготы, но с необычным для представителей купечества правом именоваться впредь «с вичем» (т. е. с полным отчеством), наряду с боярами и окольными того времени. Это выделило Строгановых из корпорации гостей в особое положение «именитых людей». Этот титул закрепился за ними более чем на 100 лет, до 1722 года.

Из длительной полосы кровавых междоусобиц, крестьянских восстаний, иноземных

нашествий, голода и разорения государство вышло чрезвычайно ослабленным. В опустошенной государственной казне практически не было денег. И при новой династии Строгановы продолжали широко финансировать правительство, которое при исчислении сумм экстренных налогов на богачей определило финансовую мощь дома Строгановых примерно в одну пятую денежных средств от всех крупных владельцев. В жалованной грамоте именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову было «исчислено», что во время междоусобицы и при Михаиле Федоровиче «взято в казну деньгами, жемчугом, серебром, хлебом и солью в виде добровольных приношений и чрезвычайного налога 423 706 рублей; да у отца его Дмитрия Андреевича при царе Алексее Михайловиче 418 056 рублей, всего 841 762 рубля, что составило в пересчете более 2,5 млн рублей серебром». Славился своими большими взносами в государственную казну и Данило Иванович Строганов.

В XVII веке Строгановы приобретают громадное влияние и исключительное положение не только в торговом мире, но и в высших кругах государства. Значение имело и то обстоятельство, что царица Евдокия Лукьяновна Стрешнева, жена Михаила Федоровича Романова, оказалась дальней родственницей Строгановых. Братья Андрей, Петр, Семен и Иван Максимовичи Строгановы поднесли новорожденному царевичу, будущему царю Алексею Михайловичу, четыре серебряных кубка весом полпуда, ценою в 100 рублей, четыре «сорока» соболей на 225 рублей. Всего же ими было преподнесено даров на крупную по тем временам сумму в 520 рублей и сверх того 100 золотых, о чем говорится в книге дворцовых разрядов.

Строгановы пользовались большим почетом при дворе. Они стали вхожи в хоромы главы правительства патриарха Филарета, который имел прочные связи с торговой средой, «бывали в тесном кругу приближенных и на торжественных обедах у Филарета». При царе Алексее Михайловиче они также пользовались уважением при патриаршем дворе. Запись в Хрониках 1667 года гласит: «Обед у Патриарха был в Крестовой палате, в кривом столе с боярами сидели именитые люди Строгановы – Дмитрий и Данило». О богатстве Строгановых слагались легенды и поговорки: «Богаче Строгановых не будешь», «Не трясси берегом – Строганов соль весит». По донесению Петру I начальника уральских горных заводов Геннина, в начале XVIII века «прежде сего жили они, как Танталус, все в золоте и огорожены золотом».

Породниться с богатейшими уральскими «володетелями» считали за честь многие знатные семейства. Строгановы XVII столетия находились в родстве с виднейшими боярскими и княжескими домами. Дочь Петра Семеновича Строганова, Анна, была замужем за князем Алексеем Юрьевичем Звенигородским, внучка Петра Катерина Федоровна отдана за боярина Алексея Петровича Салтыкова, а сестра ее Марфа – за Михаила Тимофеевича Лихачева. Дмитрий Андреевич Строганов женат был на княжне Анне Васильевне Волхонской, а после ее кончины – на Анне Ивановне Злобиной. Его дочь Пелагея вышла замуж за князя Андрея Ивановича Голицына. Дочь Данилы Строганова, Стефанида, была выдана за князя Петра Семеновича Урусова.

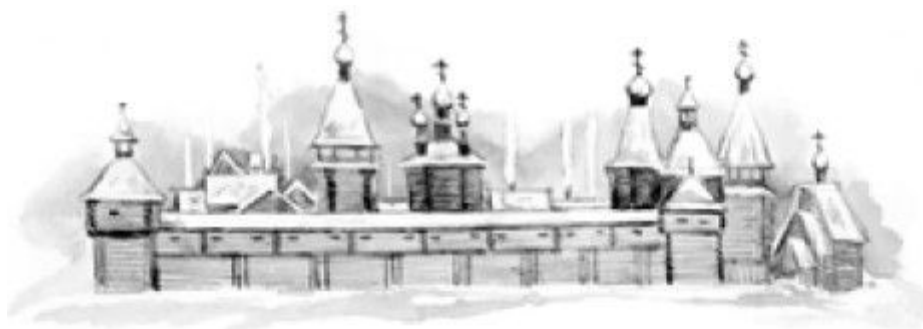
В звании особого почетного сословия, именитых людей, Строгановы были неподсудны обыкновенным властям (подлежали только личному царскому суду), тогда как сами могли вершить суд на своих территориях. Они имели право строить города и крепости, содержать ратных людей для обороны уральских городков и поселений, лить пушки, воевать с владетелями Сибири, вести беспошлинную торговлю с инородцами. С них не брали подати за провоз караванов с солью и другими товарами на ярмарки. Они освобождались от всяких постоев на своих дворах, а сами могли беспрепятственно и безвозмездно останавливаться на любом постоялом дворе.

Исключительное, почетное положение Строгановых было закреплено Уложением

1649 года. В нем было определено «за бесчестие Строгановым» наложение двойного денежного штрафа в 100 рублей против обычного размера за «бесчестие гостей» в 50 рублей. Но самым главным были новые громадные пожалования земель. 30 июня 1614 года царь Михаил Федорович подтвердил Строгановым все ранее выданные жалованные грамоты на земли и привилегии. С началом каждого последующего царствования не только подтверждались все прежде дарованные Строгановым грамоты на владение землями и на разные привилегии, но ко всем прежним пожалованиям прибавлялись новые. Подтвержденные жалованные царские грамоты были выданы Строгановым 31 января 1641 года, 27 июня 1688 года, 25 июля 1692 года. Общая площадь пожалованных Строгановым земель в XVI–XVII веках при царях Иване Грозном, Федоре Ивановиче, Михаиле Федоровиче, Иване и Петре Алексеевичах составляла в Перми Великой, по рекам Каме, Чусовой, Веслянке, Лологе и за Уральским хребтом 10 382 347 десятин.

Сначала земли жаловались Строгановым лишь во временное владение. Сподвижник Петра Великого Григорий Дмитриевич Строганов исходатайствовал у государя грамоту, утверждающую его и его наследников в вечном владении всеми дарованными землями. В результате в конце XVIII – начале XIX века правительство было вынуждено вести со Строгановыми в интересах казны продолжительные и сложные земельные процессы, вследствие которых в разное время у них было отобрано около 3,75 млн десятин.

Жалованные Строгановым земли в большинстве случаев официально считались «пустыми», на деле же они были заселены, хотя и весьма слабо, различными местными народностями, которые по мере усиления притеснений стали защищать свои права с оружием в руках. Но Строгановы оказались «прекрасными колонизаторами». Привлекая разного рода льготами «нетяглых и бесписьменных людей», Строгановы весьма успешно стали населять прибрежные полосы Камы, Чусовой и других рек. Они строили «городки», «острожки» (небольшие крепости), в которых на свой «кошт» держали «пушкарей, пищальников и воротников» для охраны своих владений и удержания в повиновении местное население.

Сибирская крепость. *Начало XVII века*

Вотчины Строгановых, занимавшие добрую половину Перми Великой, представляли как бы самостоятельное неподвластное царским наместникам и воеводам государство со своими законами, установлениями, распорядком и управлением. Именитые владельцы имели исключительное право чуть ли не по всем делам сноситься непосредственно с Москвой, минуя местную администрацию. Они имели практически неограниченную возможность распоряжаться судьбами подчиненных им людей, бесконтрольное право творить над ними суд и расправу.

В челобитной царю за 1636 год от строгановского приказчика Афанасия Русинова сообщается, что у Ивана Максимовича Строганова «людям ево, крепостным и

крестьянам ево чинятся многие напрасные смерти в темнице. Сидячи в колоде в железах тяжких, сидят года по три и по четыре и больше, и умирают от великого кроволитья, от кнутьяных побоев без отцев духовных, морят дымом и голодом. Уморен Семенка Шада, Ждан Оловешников да Офонасей Шещуков в колоде и в железах дымом уморены, знаячи за ними государьское слово, а положены на старом городище, погребал их Андрей поп... да в вотчине их на Усолке уморен в колоде и в железах человек их Ярило без отца духовного». Сам челобитчик – «вольный человек», нанятый на год, был ограблен, на дворе Строганова «раздет донага, бит ослопьем» и посажен «в колоду» на цепи в полтора пуда весом, где и сидел 5 лет.

На рубеже XVI–XVII веков у Строгановых в пермских и сольвычегодских вотчинах находилось около 1200 дворовых людей, не считая промыслового и транспортного наемного людя (ярыжек). В их главной резиденции в Сольвычегодске работных людей разных степеней крепостной зависимости содержалось до 120 человек. Условия подряда вольнонаемных рабочих того времени «были пропитаны кабальными элементами», да и бытовые условия службы во дворе купца-вотчинника, где можно было получить, помимо обусловленной платы за труд, «ссуду денежную или хлебную, кабалившую должника в случае ее не отдачи в срок», также грозили быстрой потерей свободы.

Особенно тяжелым было положение дворовых и работных людей, находившихся в полном подчинении у хозяев. В сольвычегодском замке Строгановых имелся набор различных инструментов для пыток и истязаний – «людских желез», а подпапертные каменные «полатки» в поместном Благовещенском соборе служили и камерами пыток, и тайными тюрьмами для непокорных. Неудивительно, что в землях и вотчинах Строгановых в XVII веке неоднократно (в 1659, 1672, 1700 годах) вспыхивали волнения крестьян и промысловых людей.

Происходили выступления и местных народностей. В 1616 году Строгановым пришлось усмирять бунт казанских татар, черемисов, вотяков и башкир, вспыхнувший под Казанью и Сарапулом. Опасаясь, что восстание перекинется на их вотчины, Строгановы собрали большой отряд из своих и наемных людей, снабдили их оружием, припасами и, не дожидаясь царского приказа, отправились к Сарапулу и Осе. Они освободили эти укрепленные поселения от осады, перебили многих восставших, а затем разорили деревни самих бунтовщиков, жестоко расправляясь не только с мужчинами, но и с женщинами. При царе Алексее Михайловиче Строгановы держали на Кунгуре и в Стефановом городище для защиты от мятежных татар и башкир ратных людей на своем коште.

Хозяйство дома Строгановых в XVII веке

В развитии производительных сил Русского государства дом Строгановых в XVI–XVII веках играл очень заметную роль. Правительство царя Михаила Федоровича при определении суммы экстренных налогов с богатых людей во втором десятилетии XVII века считало, что Строгановы должны дать государству около 15–20 % этих налогов из доходов со своих промыслов и торговли. Таким образом, доля дома Строгановых в доходах Русского государства в это время была очень высокой.

Хозяйство строгановских вотчин имело многопрофильный характер. Основной отраслью производства, которое развивалось Строгановыми в течение пяти столетий, было солеварение. В одном лишь Сольвычегодске в течение XVII века Строгановы произвели своими пятью варницами примерно 3 млн пудов соли. Большая часть ее реализовывалась «по розным городам», в основном в Вологде. Но к концу XVII века в Сольвычегодске строгановские варницы пришли в полный упадок.

Значительно больше была производственная мощь строгановского солеварения в их пермских вотчинах, где большая крепость соляных рассолов обеспечивала выработку на одну варницу до 24–30 тыс. пудов соли в год. В пермских вотчинах на протяжении XVII века Строгановы с успехом вели борьбу со своими конкурентами-солеварями и к 1700 году сумели стать здесь монополистами. Борьба эта полна драматических моментов. Не обходилось и без применения Строгановыми недостойных приемов в этой борьбе.

В солеваренном производстве были заняты работные люди разной квалификации: буровые и трубочные мастера и мастера по выварке соли («повара» и «подварки»), кузнецы-циренщики, плотники-конструкторы подъемных воротов, рассольных насосов, плотники-строители варниц и подсобных помещений, ярыжки, казаки, работавшие соленосами, возчиками дров, грузчиками.

Сельское хозяйство у Строгановых было более развито в пермских вотчинах. Оно имело подсобный характер и лишь в небольшой степени давало товарную продукцию. Так, все солеваренные промыслы имели конные базы для подсобных работ, доставки больших партий дров для солеварения и перевозки грузов на склады, что вызывало необходимость делать заготовки хлеба, овса, сена. Их излишки сбывались на местных и иногородних рынках.

В строгановских вотчинах широко было поставлено кожевенное и железорудное дело, судостроение, производство кирпича, иконопись. Кожевенные мастерские действовали в Сольвычегодске, Вологде, Ярославле, Казани, Перми. Железоделательное производство в поморских вотчинах Строгановых стало угасать в XVII веке, но в их пермских владениях оно продолжало развиваться и в XVII веке, и особенно в XVIII и XIX веках. Основание железоделательного производства в пермских вотчинах относится к началу XVII века. Около 1630 года Строгановы начинают разрабатывать на реке Яйве Кушгурский рудник. Около 1640 года они вводят в эксплуатацию железоделательный завод в устье реки Камгорки, возле Пыскорского монастыря, и передают его вотчинному монастырю. Невдалеке от него Строгановы открыли Григоровский медный рудник и начали плавить медь. Медеплавильный завод Строгановы вскоре также передали Пыскорскому монастырю.

В пермских вотчинах Строгановых с начала XVII века активно производился розыск золотой, серебряной, медной и оловянной руд. Эти работы велись силами работных людей уже не для самих Строгановых, а в пользу государства, у которого усиливается интерес к добыче золота, серебра и меди в связи с оскудением государственной казны после крестьянской войны и польской интервенции.

Фрагмент оклада Евангелия. XVII век

Важную роль в строгановском хозяйстве играло изготовление солевозных и товарных судов силами плотников-крестьян и дворовых людей. Суда, на которых перевозились строгановские товары, назывались лодьями. Они были трех типов: большие, имевшие около 35 сажен в длину (лодья и межеумки); средние – длиной около 25 сажен (в Поморье они назывались дощаниками, или белозерками, в пермских вотчинах – бархотами); малые суда – 10–15 сажен в длину – шитики. Первые два типа судов были недолговечны, строились только на одну навигацию, а затем шли на слом. Шитики делали прочнее, они служили несколько навигационных сезонов и ходили вверх по реке бурлацкой тягой.

Грузоподъемность лодей составляла 60–70 тыс., дощаников – до 30–40 тыс., шитиков – до 10–20 тыс. пудов. Построенную лодью ярыжки загружали солью в рогожных кулях в Сольвычегодске, на пристани возле Благовещенского собора и строгановских дворов. Нанималась судовая команда ярыжек (от 50 до 150 человек) и кормщик, командир лодьи. В наемном договоре оговаривались заработная плата и объем работы во время судового хода. Балтазар Койэт, описавший путешествие голландского посольства Конрада фон Кленка, видел на Вычегде и Двине строгановские суда, шедшие с солью из Сольвычегодска. Эти суда «тащили вверх по 40, 50, 60 и даже по 70 человек, вплоть до Вологды, где груз выгружается», – замечал он. И «каждый человек за каждую поездку получает не более 8 гривен, или 4 гульденов, помимо пищи, которая очень скудна и состоит в хлебе, чесноке, соли и воде».

Наряду с крупными промыслами по соледобыче, выделке железа и кожи, целиком рассчитанными на широкий рынок, у Строгановых имелись производства более скромных размеров, служившие лишь потребностям вотчинного строгановского хозяйства. К ним относятся жемчужный промысел и писание икон в «иконных горницах». Именно в этих «горницах» мастера-художники создали художественный стиль строгановской школы иконописания.

Жемчуг, добываемый Строгановыми, в основном шел на украшение окладов икон, на шитье «златотканых пелен и разнообразных вышивок на женский и мужской

парадный наряд хозяев», использовался в изделиях строгановских «серебряников» – ювелиров. Небольшие партии жемчуга Строгановы направляли в подарок «сильным и нужным людям» в Москве, продавали на рынках, жертвовали в различные монастыри, так как жемчуг в XVI–XVII веках в значительной мере считался ритуальной драгоценностью, им украшали иконы, хоругви, пелены и чаши.

Строгановская икона была и предметом производства и выдающимся художественным произведением, открывшим новую, блестящую страницу в развитии русского искусства. Произведения строгановских иконных мастерских широко использовались для оформления Благовещенского собора, Пыскорского монастыря, Введенского монастыря в Сольвычегодске с приписанным к нему Коряжемским монастырем, для обустройства их вотчинных городских и сельских церквей.

Историки давно пришли к выводу о наличии особого направления в русском искусстве, которое по праву следует называть строгановской школой живописи. Эта школа сумела самостоятельно развиваться в XVI–XVII веках, «когда новгородское искусство отцвело, а московское еще не сложилось в блеске своей зрелости». Известны имена строгановских мастеров, таких крупных художников, как Истома Савин, Никифор, и менее значительных дарований (Фекта Снозин, Сенка Иванов, Пятунка Самсонов, Митка Стрекаловский). Расцвет строгановской школы иконописания приходится на период с 80-х годов XVI века до половины XVII века и связан более всего с именами двух братьев Строгановых: Никиты Григорьевича и Максима Яковлевича. После их смерти иконное дело в их вотчинах угасает.

Еще одна великолепная страница русского искусства – строгановское деревянное зодчество. Шатровая форма храмов была создана именно в Поморье, и это «высочайшее достижение народного творчества было перенесено московскими зодчими с дерева на камень, совершенным результатом чего явилось рождение сказочно-лучезарного храма Василия Блаженного». Отличительная особенность строгановской церковной архитектуры – сочетание «строгих форм Старого Завета» и шатрового искусства народного поморского зодчества.

Строгановы распространили по всей стране «полифонию в церковно-певческих хорах» через своего «служилого человека», композитора и дирижера Дилецкого. Они «пустили на книжный рынок рукописные, каллиграфически оформленные книги, писанные в их мастерских». Распространение строгановской иконописи, церковной музыки, старопечатной книги было тесно связано и с большой миссионерской деятельностью Строгановых в осваиваемых районах. Среди самих членов их семьи было немало монахов и схимников. Строгановы имели тесные связи с представителями церковной иерархии. Можно говорить и о том, что с именем Строгановых связаны истоки возникновения меценатства на Руси в предпринимательской среде.

Строгановы вели крупную торговлю продукцией своих вотчин. Главным центром этой торговли был Сольвычегодск. Со второй половины XV века до 1685 года он оставался основной резиденцией дома Строгановых. В XVII веке здесь, как и в других важных пунктах, располагался укрепленный острог, обнесенный глубоким рвом и недоступным тыном. В стенах, защищавших крепость, имелись выездные ворота с надвратными храмами и часовнями, башни по стенам и на углах. Был тут и «государев двор зеленый» с погребями, заполненными «казной про всякого вора и недоброго человека, с ядрами железными разных размеров, медными пищалями, пульками свинцовыми и прочим снадобьем». Здесь находился центр управления всеми поморскими и пермскими вотчинами Строгановых. Здесь они решали вопросы ведения сельского хозяйства, промышленных заведений и организации разветвленной торговли в Прикамье, Поволжье, Поморье, а также через Колу,

Холмогоры, позже и через Архангельск, с заграничными рынками Англии и Голландии, а через Астрахань – и со Средней Азией и Персией.

Но сольвычегодский торг был тесен для строгановской торговли. И не здесь наживали свои капиталы «многомочные именитые люди» XVII века. Ареной коммерческой деятельности Строгановых были поморские города, Архангельск, и в особенности города Замосковского края. Много товаров шло на продажу на посадских рынках Москвы, Ярославля. Строгановы имели свои хозяйственные дворы для крупной торговли в Вологде. Казань и Нижний Новгород служили «широкими воротами» для выхода на приволжские рынки соли из пермских вотчин. В 1649 году в Нижний Новгород прибыло на 13 лодьях до 400 тыс. пудов соли. Для их проводки Строгановы наняли 1523 человека и уплатили в таможенную пошлину 1523 рубля 26 алтын. Крупным пунктом строгановской торговли была Тверь, где Строгановы держали свою контору.

Широко велась обменная торговля с местным нерусским населением в пермских вотчинах, где Строгановы выменивали драгоценную пушнину для перепродажи ее на отечественных и заграничных рынках.

Для закупки иноземных товаров Строгановы посылали своих приказчиков, а то и сами навещали архангельский торг. Они прокладывали торговые пути в Среднюю Азию, посещали далекую Бухару, обменивая свой товар на чеканные кубки и блюда с восточным орнаментом.

И все же основным источником обогащения Строгановых в этот период была соледобыча и продажа соли на внутреннем рынке страны. Цены на соль все время возрастали. Если в XVI веке рыночные цены на соль в среднем выросли, по подсчетам исследователей, на 33 %, то в первые десятилетия XVII века они поднялись уже на 100 %, а к 1647 году – на 200 % против уровня самых высоких цен XVI века. На увеличении доходов солепромышленников сказывались и падение стоимости производственного оборудования, и быстрота денежного оборота, так удивлявшая англичан-торговцев, знакомых с русским купечеством, но более всего – уменьшение накладных расходов из-за усиления эксплуатации крепостного труда в солеварении, на заготовке и транспортировке дров к варницам и труда транспортных яржеков на солевозных судах.

Крупной статьей доходов Строгановых была также оптовая и полуоптовая продажа хлеба, цена на который только в XVI веке выросла в 4 раза. Наблюдалось у них и характерное для русского купечества соединение оптовой торговли с розничной торговлей мелочными и разнообразными товарами.

В XVI–XVII веках Строгановы не были единственными крупнейшими «гостями» в Московском государстве. Рядом с ними успешно действовали их многочисленные конкуренты, крупные торговцы и промышленники: Филатьевы, Светешниковы, Шорины, Никитниковы, Веневитиновы, Босые и др. Были и настоящие короли розничной торговли, как, например, Юдины, имевшие в одной Москве до 30 каменных лавок. Были «гости», ведшие большую заграничную и внутреннюю торговлю, как, например, Стоянов. Одни предприниматели (Суровцевы, Ростовщиковы) вырастали из мелких промышленников, постепенно расширяя свои промыслы и вкладывая торговые капиталы в производство. Другие (Филатьевы, Никитниковы), так же как и Строгановы, вкладывали полученные доходы в расширение соледобычи. Но Строгановы выделялись мощью своих капиталов в этой торгово-предпринимательской среде. В начале XVII века они имели «от четверти до одной пятой денежных богатств всех гостей Русского государства».

По своему происхождению и по месту расположения их основных промысловых предприятий Строгановы принадлежали к провинциальной среде поморского купечества, но по размаху своей деятельности являлись, по сути, столичными «гостями», не порвавшими связей с Поморьем. Поэтому Строгановы чрезвычайно интересны и как яркие представители столичного купечества, и как предприниматели, длительное время сохранявшие в своем облике своеобразие провинциальных черт. Бывшие одновременно и крупными землевладельцами, успешно развивавшими в своих имениях сельское хозяйство, и крупными оптово-розничными торговцами, действовавшими в различных районах страны, и удачливыми организаторами соляного промысла, Строгановы сочетали в своем семейном предприятии такую разнообразную деятельность, которая вряд ли могла часто встречаться в среде столичных «гостей». В то же время она не была редкостью в купеческой среде Поморья.

В истории династии Строгановых допетровской эпохи обращает внимание их особая близость к верховной власти, которой не было ни у одного из «гостей» Русского государства XVI–XVII веков. Строгановы в этот период – «влиятельные и авторитетные агенты русских царей». В XVI веке, будучи «городовыми приказчиками по правительственному управлению Сольвычегодском и уездом», они имеют неограниченную власть также в пермских вотчинах, где «строят пограничные крепости-городки, содержат свою вотчинную армию, ведут по своему усмотрению пограничную войну с нерусскими народами, подданными сибирского хана Кучума», организуют поход Ермака в Сибирь, контролируют деятельность английской торговой компании. По полномочию митрополита Московского и всея Руси они строят церкви в пермских вотчинах, назначают и смещают священников. В XVII веке Строгановы являются полномочными финансовыми агентами правительства по таможенным и кабацким сборам, заимодавцами, снабжающими правительство безвозвратными и срочными ссудами на большие суммы, советниками правительства при выработке нового торгового устава.

Сподвижник Петра Великого

Время старой, допетровской Руси подходило к концу. Наступала эпоха коренных преобразований и реформ, связанных с именем Петра I. С этого времени начинается новый период в истории династии Строгановых.

С XVIII века меняется образ жизни и место постоянного пребывания Строгановых. Они уже не живут вдали от столиц, в своих вотчинах, непосредственно своим личным участием и властью организуя хозяйственную жизнь необъятных поместий. Теперь богатейшие люди своего времени предпочитают постоянно жить в Москве и Петербурге, служа придворными, дипломатами, военными, высшими чиновниками, а управление поместьями доверяют многочисленным управляющим. Само их имя становится в России, с одной стороны, синонимом богатого российского вельможи – мецената, чудака, подчас самодура, прожигателя жизни, а с другой – символом европейской цивилизованности, просвещения и культуры. Под воздействием европейского образования и роскоши постепенно смягчаются нравы, оттачиваются и приобретают аристократический лоск манеры и поведение, облагораживаются вкусы потомков пермских солепромышленников. Все большую роль в их жизни начинают играть наука и искусство, коллекционирование и меценатство. Во многом меняются направления, формы и методы их предпринимательской деятельности. Все три ветви Строгановых к этому времени уже почти сами не занимались производством и торговлей, давая лишь указания, а иногда и полностью перепоручив все главноуправляющим, управляющим имений и приказчикам.

Деление единой вотчины Строгановых многочисленными потомками этого рода, а впоследствии представителями и других фамилий ослабляло экономическую и финансовую мощь строгановского дома. В связи с этим интерес представляет яркая и противоречивая личность последнего «именитого человека», Григория Дмитриевича Строганова (1656–1715), не только не растерявшего состояние, а, наоборот, значительно увеличившего его. Безжалостно обирая родственников, он к середине 80-х годов XVII века сумел правдами и неправдами сосредоточить у себя в руках все строгановские владения. Григорий Дмитриевич превратился в крупнейшего солеваря не только Пермского края, но и всей страны. К концу своей жизни Строганов поставлял в казну более 60 % годовой добычи соли в стране.

В начале XVIII века Г. Д. Строганову принадлежала территория вдвое большая, чем площадь Голландии того времени. Только в его великопермских владениях на территории более 10 млн гектаров располагалось 20 городков и «острогов» и 200 деревень, в которых насчитывалось более 3 тыс. дворов. И это не считая зауральских, сольвычегодских, устюжских, нижегородских и подмосковных имений. Всего в его владениях было до 45 тыс. душ мужского пола. Можно сказать, что в тот период он был самым состоятельным человеком в государстве. Именно тогда появилась поговорка: «Богаче Строганова не будешь». По некоторым сведениям, царь Петр даже одно время подумывал ограничить не только привилегии, но и само состояние Строганова, однако вторая женитьба того в 1697 году на Марии Яковлевне Новосильцевой, пользовавшейся расположением государя, предотвратила эти намерения.

Громадные средства позволяли Строганову пополнять государственную казну в критические моменты российской истории. В 1686 году царем и «государем всея Руси» стал Петр Алексеевич. Но еще до официального вступления его на царский престол последний «именитый человек» в роду Строгановых помогал расплачиваться со стрельцами жалованием. Григорий Дмитриевич энергично поддерживал реформы, проводимые Петром I, активно участвовал в петровских преобразованиях. В 1700 году, находясь в Воронеже, Григорий Строганов построил на воронежских верфях и подарил Петру I два хорошо оснащенных военных фрегата, отправленных сразу в турецкий поход. Позднее, при посещении вместе с Петром I архангельской корабельной верфи Адмиралтейства, он построил за свой счет еще два военных судна и передал их флоту. Помимо этого он строил корабли на Дону на паях с Л. К. Нарышкиным, дядей царя. Велики были и его денежные пожертвования во время Северной войны. Сохранился рассказ о том, как однажды Григорий Строганов пригласил Петра к себе на обед, поданный на бочке. При этом хозяин заявил, что «не потчует своего господина и благодетеля вполтину, а просит смотреть на бочку как часть угощения». Бочка оказалась наполненной золотом.

В свою очередь, царь высоко ценил деловые качества промышленника. Он пожаловал ему новые громадные земельные наделы на Урале в вечное и потомственное владение. В результате число строгановских крепостных увеличилось более чем на 14 тыс. душ мужского пола. Петр оказывал ему особое внимание, даже крестил его второго сына. Г. Д. Строганов имел украшенный бриллиантами портрет государя, который всегда носил в петлице кафтана. Нагрудного портрета Петра удостоилась позднее и супруга последнего «именитого мужа», Мария Яковлевна Новосильцева. Вообще супруги Строгановы пользовались большим расположением монаршей четы. При рождении сына Екатерина лично уведомила их запиской об этом событии. Григорий Строганов нередко писал Петру I письма, в которых не только высказывал свое мнение, но и давал советы. Есть свидетельства, что Петр I после казни сибирского губернатора князя Гагарина за взятки и лихоимство искал на эту должность лицо, на бескорыстие которого можно было бы положиться, и предложил ее Г. Д. Строганову, громадное богатство которого было, по-видимому, ручательством,

что он не станет наживать на губернаторском месте. Строганов, однако, отклонил это предложение, ссылаясь на свои преклонные годы и на необходимость лично управлять своими собственными обширными землями.

Вместе с тем были в отношениях Строганова с Петром и темные периоды. В 1711 году на Строганова было заведено дознание по «доношению», поступившему на него в царскую канцелярию от «прибыльщика» Г. Юрьева и трех строгановских приказчиков. Они вознамерились раскрыть царю глаза на мошенничества своего хозяина, поставлявшего в казну соль по сильно завышенным ценам. Юрьев в письме приводил следующий подсчет: «Григорий Строганов и прочие соляные промышленники против настоящей цены возьмут в Нижнем передаточных денег из твоей Великого Государя казны тысяч с полтораста и больше». Друзья и покровители Строганова предупредили его об опасности. Жалобщики были схвачены. Но Юрьев сумел в переданной лично Петру челобитной довести до сведения царя о произведенной над ним незаконной расправе: «Его, Григорьев, человек с подсылными ухватили меня на дороге и привели в поместный приказ, и в том приказе не было мне никакого розыска, и без наказа бит я кнутом безо всякая пощады и с ссылкой на каторгу на 10 лет без вины, напрасно, по челобитью Григория Строганова за то, что доносили мы тебе, Великому Государю, на него, Григорья, о соляном подряде правду». Петр повелел Сенату произвести дознание о том, какой должна быть действительная цена на соль в Нижнем, прибавив: «Чаю, что много лишнего платят». Неизвестно, чем закончилось это расследование, но в конечном счете Петр своим указом назначил цену, поставив зарвавшегося солепромышленника на место и значительно умерив его аппетиты.

После 1685 года Сольвычегодск перестает быть главной резиденцией Строганова. Промышленник перебирается в Нижний Новгород. Переселение было вызвано его желанием находиться поближе к центральным районам России, где он все шире развертывал торгово-промышленную деятельность. Отсюда было ближе и к Москве, куда Строганову приходилось наведываться по различным административным и торгово-промышленным делам. Его новой резиденцией вначале становится заречное село Гордеевка, расположенное против Нижнего, на другом берегу Волги. Это вотчинное село Строганова, состоящее из добротных каменных господских домов и каменных надворных построек, имевшее красивую, выстроенную в стиле барокко церковь Смоленской Богоматери, выглядело гораздо внушительнее, чем Нижегородский кремль. Ведь и сам кремль, и административные здания в нем, и даже дворец губернатора были срублены из дерева.

Путешествовавший тогда по России голландец Корнилий де Бруин так описывал открывшуюся перед ним картину кипящей торговой жизни в Нижнем Новгороде: «Река здесь постоянно заставлена множеством судов, приходящих или уже пришедших сюда со всех сторон. На другом берегу этой реки лежит большое село, принадлежащее Григорию Дмитриевичу Строганову, с прекрасной каменною церковью и близ нее с каменным же господским домом, где живет по временам он сам. Сим вечером отсюда отплыло 48 больших 9-весельных барок, на которых в каждой было человек по 40... Все эти барки, находившиеся в сем городе, принадлежали этому купцу, которого считают... самым богатым в России».

Позднее из Гордеевки Строганов перебрался в Нижний. На берегу Волги, рядом с пристанями, он возвел новое «обширное подворье с каменными палатами, службами, амбарами и складами» и начал строить удивительную Рождественскую церковь, возвышавшуюся над городскими улицами и пристанями. В народе ее называли «строгановской». «Всякими красками раскрашена», – рассказывали о ней очевидцы. Украшал ее каменной резьбой из сказочных цветов знаменитый мастер Г. Иванов. На церковной колокольне, под крестом, был установлен флюгер, показывавший

направление ветра. Укрепленные на колокольне куранты с музыкальным боем отмечали фазы Луны и времена года. Сохранилась легенда, будто бы образ Спаса Вседержителя, изображенного на иконе с символами власти, весьма напоминающими царские, сильно походил на самого Григория Строганова. А писал образ, по-видимому, его крепостной художник, обучавшийся живописи в Италии, Стефан (Степан) Нарыков. Однако Строганов не дождался конца постройки храма. Все лучшие мастера были отозваны на начавшееся строительство новой столицы – Санкт-Петербурга. Одновременно Петр запретил по всей стране возведение каменных зданий. Императорский указ был отменен лишь в 1721 году.

Строганов становится полновластным хозяином в Поволжье и прилегающих районах. Однако здесь его торговля, несмотря на впечатление, которое она производила своим размахом на иностранцев, происходила далеко не так безоблачно, как это могло казаться со стороны. Местные власти чинили большие препятствия свободному прохождению товаров. Строганов терпел громадные убытки, и нужны были его авторитет, богатство и связи в местной и приказной администрации, чтобы преодолевать бесчинство воевод, а позднее и губернаторов, не знавших удержу своему стяжательству. В Кашире, на Оке, как только подплывали к заставам нагруженные солью струги его и «купецких всякого чина людей», их останавливали и находившихся на судах кормщиков, подрядчиков и работных людей отводили в город, где сажали в острог и держали до тех пор, пока хозяева не давали за них выкуп. Так же действовали и в других городах. В Белеве воевода просто перегородил реку толстым канатом, не пропуская купеческие караваны без выплаты дани. Челобитные, подаваемые на имя царя, не действовали, так как подобное самоуправство воевод, по мнению царских властей, способствовало пополнению местной казны.

Но и Строганов в своих вотчинах являлся полновластным хозяином, на которого не было управы. Так, в 1693 году в Сольвычегодске по его указу, зачитанному собравшемуся народу, били батогами нещадно, сняв рубаху, на площади перед приказной избой крестьянина Степана Пустынникова. Вся же его вина заключалась в том, что он «по совету с малыми людьми» осмелился послать на царское имя жалобу на Строганова.

Нередко крестьяне бежали из владений Строганова в глубь Сибири целыми общинами, вступая в настоящие сражения с хозяйскими преследователями. Об одном из них рассказывает докладная, посланная в Сибирский приказ: «И в нынешнем 1700 году в январе и в феврале месяце семей с двести и больше из Пермских, Чусовских его вотчин, отбиваясь от людей его боем и стреляя из ружья и из луков, пошли явно в те же сибирские города на вечное житье...»

Вместе с тем Григорий Строганов по-своему заботился о физическом и нравственном здоровье своих крестьян и работных людей. При этом он мог позволить себе не согласиться даже с царскими указами. Когда в 1697 году вышел указ Петра о торговле табаком, Григорий Дмитриевич отказался пускать в свои владения табачных торговцев, заявив, что подобную торговлю велено вести при кабаках, а в его вотчинах кабаков нет. Существуют свидетельства, что сами Строгановы тайно склонялись к старообрядчеству, которое было распространено в их владениях.

В 1703 году Григорий Строганов вновь переселяется, теперь уже в Москву. После второй женитьбы он решил устроить семейное гнездо поближе ко двору. Его молодая супруга пользовалась милостью царской четы, и Строганов подумывал о государственной службе для своих трех сыновей. Да и на Волге становилось все тревожнее. Вскоре после его отъезда в Поволжье уже полыхало начавшееся на Дону восстание казачества и крестьян под руководством Кондратия Булавина, с трудом подавленное регулярными войсками.

В Москве Строганов прославился своим гостеприимством и хлебосольством; дом его был открыт «не токмо друзьям его, но и всякого чина людям»; со всеми он «добр и ласков, а бедным был старатель». Григорий Дмитриевич с успехом занимался собиранием старинных рукописных книг. Из обращенной к нему в 1707 году просьбы митрополита Ростовского Димитрия выслать книгу, «глаголемую Хронограф, еже и Летописец», видно, что Строганову принадлежал один из двух существовавших в то время экземпляров этой рукописи.

Как из Нижнего Новгорода, так и из Москвы Григорий Дмитриевич ежегодно ко времени отправления караванов с солью ездил с женой в свои пермские владения для надзора за ведением хозяйства. Знакомилась с хозяйством и его молодая жена Мария Яковлевна. С годами отношение Строганова к своим крепостным стало более мягким и внимательным, хотя это в большой мере было продиктовано заботой о платежеспособности крестьян. В предписании от 12 июля 1706 года чувовским приказчикам говорится: «А всякие платежи с крестьян наших собирать с великим рассматрительством: на ком мочно все вдруг взять, и на тех всякие платежи иметь что доведется, а кои скудные и заплатит вдруг нечем, и вам бы с них поборы иметь в год и в два, а не вдруг, смотря по их исправе, чтоб крестьянам нашим от того тягости и разорения не было, понеже ныне стали великие государевы подати. Также смотреть накрепко, чтобы им ни от чего обид и тягости не было, и в обиду их и разорение никому не давать и во всем оберегать». В свою очередь, Строганов пользовался популярностью среди населения Пермского края.

Г. Д. Строганов

Один эпизод очень хорошо иллюстрирует эту популярность. Григорий Дмитриевич ежегодно весной отправлял с людьми на Новоусольские промыслы значительные денежные суммы на текущие расходы и оплату наемных рабочих. В 1712 году туда было послано 50 тыс. рублей. У Сольвычегодска к строгановским людям присоединился приказчик московского купца Евреинова с 10 тыс. рублей. Поднимаясь на стругах по реке Келетме, посланные встретились со «славным вором» Коньковым, у которого была «воровская шайка» в 60 человек. Коньков после небольшой перестрелки, жертвой которой пало двое из строгановских людей, забрал остальных в плен и отнял все деньги. Узнав, однако, что люди и деньги принадлежат Строганову, «славный вор» тотчас всех освободил, возвратил деньги, «весь шкарб до малейшей вещи» и заявил: «Нам ли батюшку нашего, Григория Дмитриевича, обидеть?» Деньги же Евреинова оставил у себя. История эта имела продолжение. Купец Евреинов, узнав об ограблении, пожаловался Петру I, прося, чтоб он велел «пограбленные его деньги» взыскать со Строганова, ибо те разбойники ему известны. Петр отказал купцу в просьбе и пожелал, «чтобы он был также до воров добр, как и Строганов».

Г. Д. Строганов коллекционировал иконы, увлекался церковным песнопением. На свои средства он построил за четыре года (1689–1693) каменный собор Введенского монастыря в Сольвычегодске, являющийся образцом строгановского архитектурного стиля, возвел Казанскую церковь в Устюжне (1694) и заложил нарядную г. д. Строганов Богородицкую церковь в Гордеевке под Нижним Новгородом (освящена в 1719 году). Часто по его заказу расписывали храмы, резали иконостасы и писали иконы. В это время под влиянием новых веяний и петровских преобразований стали чаще приглашать иностранных мастеров либо своих художников, обучавшихся в Европе. Приобретали также картины иностранных мастеров. Согласно одному рассказу, Строганов перекупил для своей Рождественской церкви в Нижнем Новгороде два произведения знаменитого итальянского художника Луи Каравакка, предназначавшихся Петром I для Петропавловского собора в Петербурге. Возможно, поэтому царь повелел опечатать уже действующую церковь во время своего посещения Нижнего Новгорода в 1722 году, и она была вновь открыта лишь после его смерти, в 1727 году.

Большой любитель церковного пения, Григорий Дмитриевич, еще будучи в Нижнем Новгороде, завел прекрасный хор, слава о котором дошла до Москвы. В апреле 1689 года цари Иван и Петр и царевна Софья писали Строганову: «Как известно, у тебя есть киевского пения спеваки; то прислал бы из них в Москву двух лучших басистов и двух же самых лучших альтистов, а за сие ожидал бы царской милости». А грамотой от 2 июня того же года цари дали знать Григорию Дмитриевичу, что присланные им «спеваки» приняты в Новгородский приказ, а за присылку они его «жалуют, милостиво похваляют». Для дальнейшего обучения своих знаменитых хоров «басистых и тенористых спеваков» он пригласил с Украины музыкального теоретика и композитора Н. П. Дилецкого, который перевел на русский язык свой трактат «Идея грамматики мусийской» с таким посвящением: «Во благородных благородному, во именитых именитому, господину своему благодетелю Григорию Дмитриевичу Строганову».

Первым браком Строганов был женат на княжне Вассе Ивановне Мещерской, а после ее смерти сочетался вторым браком с 19-летней Марией Яковлевной Новосильцевой. От второй жены он имел сыновей: Александра (1698–1754), Николая (1700–1758) и Сергея (1707–1756).

Умер Строганов 21 или 22 ноября 1715 года в Москве накануне своего 60-летия, погребен при церкви Николая Чудотворца, что в Котельниках.

После смерти мужа Мария Яковлевна практически одна до совершеннолетия старшего сына (1720) управляла имением. Петр I всегда был расположен к ней, отличал за здравый ум и хозяйственность. Он любил приезжать к ней в гости, где его угощали домашней наливкой, приготовленной самой хозяйкой дома. Когда в 1724 году Петр короновал свою жену Екатерину, Мария Яковлевна подала ему прошение: «Пожалованы мы... в комнату государыни царевны. А я, раба ваша, не сведома, каким порядком себя между другими вести; также и сыновья мои чину себе никакого не имеют, а указом Вашего Величества всему гражданству определены различные чины и места по своим рангам, чтоб всяк, между собою, свое достоинство ведал. Просим, дабы я пожалована была местом, а дети мои чинами». В результате император учредил придворное звание статс-дамы и первой его получила Мария Яковлевна. По этому случаю Петр пожаловал ей свой нагрудный портрет, украшенный бриллиантами, который новоиспеченная статс-дама носила на голубой ленте. Но надеть «немецкий наряд» она наотрез отказалась. И ей единственной царь разрешил носить при дворе старинный русский костюм. В нем она и запечатлена в дошедшем до нас портрете кисти художника И. Никитина.

После смерти императора Мария Строганова, проявив немалую сообразительность

и дальновидность, стала посылать богатые дары забытой всеми монастырской затворнице, бывшей царице и первой супруге Петра I – Евдокии Лопухиной. Поэтому, когда на трон взошел Петр II, сын казненного царевича Алексея, подвергший опале всех, кто был близок Петру I, Строгановы ее избежали. В 1728 году Евдокия Лопухина в письме своему внуку, ставшему императором, просила за них: «Поехал к Вам на встречу Александр Строганов, и ты, пожалуй, мой вселюбезнейший внук, будь к нему милостив – того ради, что мать его ко мне и они очень искательны».

Мария Яковлевна Строганова отличалась благочестием, много жертвовала на церковные нужды. Она закончила строительство церкви в Нижнем Новгороде, воспитывала сирот девушек-дворянок и выдавала их замуж с приданым, приобретенным на собственные средства. На ее деньги в Москве у Тверской заставы были выстроены Триумфальные ворота в честь победы России в Северной войне. Умерла она 9 ноября 1734 года на 57-м году жизни. В память о ней Академия наук издала книгу «Умозрительство душевное». Погребена Мария Яковлевна в Москве при церкви Николая Чудотворца, рядом с мужем.

Бароны Российской империи

Трое сыновей Григория Дмитриевича – Александр Григорьевич, Николай Григорьевич и Сергей Григорьевич 6 марта 1722 года были возведены Петром Великим в дворянское баронское достоинство Российской империи «в награду за помощь и труды, и за заслуги предков». По другим сведениям, событие это произошло 30 мая 1722 года по случаю празднования Петром Великим 50-летия своего рождения. До этого баронский титул в России получили лишь А. Остерман и П. Шафиров.

Когда дети Г. Д. Строганова получили звание баронов, они дали обет построить в честь этого события три церкви: Александр – в Великом Устюге, Николай – в Нижнем Новгороде, Сергей – в селе Новое Усолъе. Проекты эти вскоре получили свое воплощение.

Сыновья Григория Дмитриевича первыми из строгановского рода поступают на государственную службу и начинают вести образ жизни, присущий новой российской аристократии. Старший из них на первых порах оставался в московском родовом гнезде, а средний и младший братья отправились в столицу, где у Строгановых имелись под застройку дворов несколько участков.

В 1747 году братья произвели раздел всех оставшихся после отца имений и заводов на три равные части. В дальнейшем ранее нераздельное имение их отца также претерпело дробление.

Строганов Александр Григорьевич, старший сын Григория Дмитриевича, в 1720 году ездил в пермские и сольвычегодские вотчины, где в продолжение полугода ознакомился с состоянием хозяйства вообще и солеварения в частности. Убедившись в убыточности сольвычегодских промыслов, Александр с согласия матери и младших братьев ликвидировал эти промыслы, остальные же значительно улучшил, построив новые и исправив обветшавшие варницы.

По отзывам современников, А. Г. Строганов был большим благотворителем, человеком добрым и для своего времени весьма образованным. Он знал несколько иностранных языков, много читал и перевел несколько книг, в том числе с французского – «О истине благочестия христианского» Гуго Тропля и с английского – «Потерянный рай» (в переводе назван «Погубленный рай») Мильтона.

На побывавшего в 1722 году в московском доме Александра Строганова иностранца Ф. В. Берхгольца, находившегося в составе свиты голштинского герцога Фридерика во время его визита в Россию, произвели немалое впечатление богатство, щедрость и тонкий художественный вкус хозяина. «Он живет здесь, — писал Берхголец, — в большом каменном дворце, стоящем на горе, и оттуда такой чудный вид, какого не имеет ни один дом в Москве», гостей ждал «стол, убранный истинно по-царски и с таким вкусом, какого я здесь и не воображал». Во дворце был устроен и своего рода показ русской моды того времени. В зале вдоль стен выстроилось множество красивых девушек в богатых национальных костюмах. В роли манекенщиц выступали, как пояснили гостям, сами вышивальщицы из знаменитых строгановских мастерских. На празднике, устроенном Строгановым в честь высоких иностранных гостей, присутствовало, как отметил Берхголец, очень мало представителей русской знати. «Войдя в комнату, где должны были танцевать, мы нашли там очень мало дам, и ни одного кавалера». Московское дворянство явно игнорировало купеческого выскочку. «Генерал Ягужинский, которому поручен от императора надзор за ассамблеями, сердился, что общества там мало... сказав молодому Строганову, чтоб тот на другой день доставил ему список всех, кто у него был и кто не был».

В том же 1722 году Строганов и его братья, как уже говорилось, были возведены в баронское достоинство. Произошло это, по-видимому, когда Петр I с армией отправился в Персидский поход или незадолго до этого в Казани. Александр Строганов сопровождал его от Москвы до Симбирска, и в Нижнем Новгороде принимал императора у себя в доме. 26 мая на нижегородской пристани Петра встречали все городские власти и духовенство с архиереем во главе. Едва показался царский корабль, как ударили пушечные залпы, и колокольный звон разнесся по городу. Александр встречал царя, словно негласный хозяин Нижнего. Петр, по сведениям И. И. Голикова, посетив присутственные места города и получив благословение архиерея, «благоволил откусать у барона Строганова» и только «на другой день сделал сию же честь губернатору». 29 мая он слушал всенощную в строгановской церкви. А на следующий день царь вновь пировал в его доме, празднуя день своего тезоименитства. Из Симбирска, несмотря на все просьбы Строганова позволить ему идти дальше, он был «с честью» отправлен обратно в Москву.

В 1723 году Александр женился на дочери князя Василия Петровича Шереметева, Татьяне Васильевне. Петр Великий был посаженным отцом и «довольно на том браке изволил веселиться купно с государынею императрицею, их высочествами принцессами и прочими знатными особами, а особливо с его светлостью голштинским герцогом Фридериком». Татьяна Васильевна в браке прожила всего три года, скончавшись в 1726 году. Спустя восемь лет Строганов женился на дочери контр-адмирала Василия Дмитриевича Мамонова, Елене Васильевне, но и эта супруга прожила недолго. Значительно позже Александр вступил в третий брак, с Марией Артемьевной (Артамоновной) Загряжской.

Александр Григорьевич первым из братьев был зачислен на службу. По просьбе матери императрица Екатерина Алексеевна в 1725 году пожаловала его действительным камергером, хотя звание это было только номинальным, так как он в придворных церемониях никакого участия не принимал и жалованья не брал; позже он был произведен в генерал-поручики и тайные советники.

Умер Александр Григорьевич 7 ноября 1754 года, не оставив наследников мужского пола. От второго брака он имел дочь Анну, от третьего — Варвару. Анна Александровна вышла замуж за князя Михаила Михайловича Голицына (сына генерал-адъютанта, также Михаила Михайловича) и получила половину состояния. Остальная же половина перешла к князю Борису Григорьевичу Шаховскому, за которым была замужем вторая дочь Строганова Варвара.

Деятельность Александра Григорьевича как солепромышленника и собственника громадных родовых владений неразрывно связана с деятельностью Николая и Сергея Григорьевичей. Братья всегда составляли как бы одно юридическое лицо и в своих диктуемых обстоятельствами совместных действиях неизменно выступали с общего согласия. С их именем связан постепенный упадок пермского солеварения, сделавшегося при их отце одной из самых значительных отраслей тогдашней русской промышленности. Однако причины, способствовавшие упадку, не зависели от Строгановых: это были неблагоприятные для них правительственные меры и экономические условия (прежде всего, недостаток в рабочих руках) и, наконец, открытый источник более дешевой добычи соли – Эльтонское озеро.

Строганов Николай Григорьевич родился 2 октября 1700 года в Воронеже, где в это время находились его родители, а также Петр Великий, наблюдавший за постройкой флота. Восприемником мальчика был сам царь, который сделал новорожденному щедрый подарок в виде обширных земель по рекам Обве, Инве и Косве. В 1724 году, правда, вышел указ, согласно которому пришлось уплатить за них немалые деньги.

В 1726 году Николай Григорьевич женился на Прасковье Ивановне Бутурлиной. В следующем году он вместе с нею ездил в пермские вотчины для установления денежных и хлебных оброков с крестьян, урегулирования промысловых работ и вопроса о расположении при селах владельческих пашен и сенных покосов. Все это он исполнил «точию со льготами» для крестьян. При императрице Елизавете Пет с. г. Строганов ровне он был пожалован сначала в «штатские» (статские), а затем в тайные советники, а также награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Анны.

Скончался Н. Г. Строганов в июне 1758 года, оставив трех сыновей: Григория, Сергея и Александра, и трех дочерей: Марию, вышедшую замуж за графа Мартына Карловича Скавронского и тем самым породнившую Строгановых с царствующим домом, Анну, вышедшую замуж за князя Михаила Ивановича Долгорукова, и Софию, обвенчавшуюся с генерал-поручиком Степаном Матвеевичем Ржевским.

С. Г. Строганов

Младший сын Григория Дмитриевича Сергей Григорьевич (генерал-поручик и кавалер ордена Св. Александра Невского) был известен своей добросовестной службой при дворе императрицы Елизаветы Петровны и пользовался ее благосклонностью. Действительный камергер и кавалер ордена Св. Анны I степени, в день рождения великого князя Павла Петровича 20 сентября 1754 года он был пожалован званием генерал-лейтенанта. После кончины в 1737 году жены Софьи Кирилловны (в девичестве Нарышкиной) он целиком посвятил себя единственному

сыну Александру, рожденному от их брака.

Сергей Григорьевич Строганов, как и его братья, был хорошо образован, имел богатую библиотеку, увлекался коллекционированием произведений искусства и сам был не лишен творческих способностей. Рассказывают, что даже свое завещание он умудрился написать русскими и латинскими стихами. Младший из братьев много сил и средств отдавал благотворительности. В некрологе в «Академических ведомостях» по поводу его смерти говорилось, что «он око был слепых, нога хромым и всем был друг».

Младший сын Григория Дмитриевича положил начало созданию знаменитого дворца Строгановых на Невском проспекте, у Полицейского моста через реку Мойку. Здесь в 1738–1743 годах был сооружен первоначальный строгановский дом, как предполагают, по проекту архитектора Михаила Земцова, в 1753–1756 годах значительно расширенный и перестроенный гениальным Франческо Бартоломео Растрелли. В этом дворце просвещенный вельможа разместил картинную галерею, послужившую основой будущих громадных строгановских коллекций. Он вынашивал мысль о постройке в столице большого собора, продолжая родовую традицию храмового строительства, и передал эту мысль как завет своему сыну, Александру Сергеевичу.

Родовая линия, идущая от барона Сергея Григорьевича, известна лучше других ответвлений династии Строгановых, что связано с судьбой двух выдающихся деятелей этого семейства. Но в дальнейшем история Строгановых в большей степени обязана своим продолжением потомкам барона Николая Григорьевича.

Вельможа екатерининского века и меценат

Многие представители строгановского рода являлись известными меценатами, но первым из них был сын Сергея Григорьевича Александр Сергеевич (1733–1811). Его титулы и звания к концу жизни были весьма многочисленны – граф Священной Римской империи, граф Российской империи, действительный тайный советник 1-го класса, обер-камергер, член Государственного совета, сенатор, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира I степени, почетный командор ордена Св. Иоанна Иерусалимского, президент Академии художеств, главный директор императорских библиотек и петербургский губернский предводитель.

Александр Сергеевич был, пожалуй, первым из русских вельмож-меценатов, систематически, с большим художественным чутьем и вкусом собиравшим произведения искусства и сделавшим очень много для русского искусства и как любитель, и как президент Академии художеств. Он составил галерею картин, написанных известнейшими художниками, собрал коллекции эстампов, медалей и камней. Особенное внимание он обращал на составление библиотеки, которую по огромному числу находившихся в ней редких изданий считали одной из первых в Европе.

В доме отца будущий меценат под руководством лучших учителей получил блестящее образование. По обычаю аристократических семейств тех лет Александр Сергеевич с рождения был записан в лейб-гвардии Семеновский полк, куда впоследствии поступил сержантом. Но случай помог ему избавиться от чуждой его характеру военной карьеры. Ведя однажды караул по Невскому проспекту, он споткнулся и упал. Случилось это в присутствии императрицы Елизаветы Петровны. На другой день она сказала его отцу: «Твой сын не годится для военной службы. Я его возьму к себе». Так началась его придворная жизнь.

Для завершения своего образования юный Строганов в мае 1752 года в сопровождении гувернера, двух служителей и целой свиты дворовых людей отправился за границу. Проехав Нарву, Ригу и Данциг, 5 июля он прибыл в Берлин, где радушно был принят генералом Кейтом, англичанином, ранее находившимся на русской службе. Кейт был активным деятелем масонского движения, и, видимо, встреча с ним молодого Строганова состоялась по рекомендации отца, тоже являвшегося членом масонской ложи. В Берлине юный путешественник осмотрел картинную галерею, библиотеку, кунсткамеру, дворец и 26 июля покинул город.

Затем он отправился в Ганновер, где его встретил друг отца граф П. Г. Чернышев, бывший посланником в Пруссии.

А. С. Строганов

2 августа 1752 года граф писал барону Строганову: «В бытность здесь Вашего сына, я его как королю, так и знатнейшим персонам обоего пола представил. Мы ежедневно были вместе. Вам с особым удовольствием могу сказать, что воспитанию его, учтивости и персональным качествам все должную похвалу воздали». Август путешественник провел в Ганау и Франкфурте-на-Майне, а 19 сентября прибыл в Страсбург, повсюду много времени уделяя осмотру произведений живописи и особенно библиотек.

Лишь в конце года Строганов достиг Женевы, продолжая осматривать по дороге все достопримечательности в области искусства, науки и промышленной техники. В Женеве, где были сосредоточены лучшие силы науки того времени, Александр Сергеевич пробыл два года, посвящая время преимущественно слушанию в университете лекций выдающихся профессоров, в частности историка Вернета, с которым остался в дружественных отношениях на всю жизнь.

В сентябре 1754 года Строганов переехал в Италию. Встреча с известным историком живописи Дезальи Д'Аржинвиллем имела решающее значение для зарождения в душе Строганова увлечения коллекционированием. Будущий меценат осмотрел художественные сокровища Турина, Милана, Вероны, Болоньи, Венеции и Рима. Он не обошел своим вниманием ни одного музея, сделав ценные покупки,

послужившие основой собранных им впоследствии богатейших коллекций, познакомился с известными учеными, художниками. Многих из них молодой Строганов покорила своим воспитанием и прекрасной образованностью, остроумием, свободным владением языками. По свидетельству барона К. Е. Сиверса, Александр великолепно знал немецкий, французский и итальянский языки, «на которых он для меня толмачит». «Через него я познакомился со всеми здешними учеными, – писал Сивере из Венеции С. Г. Строганову, – и нельзя не заметить, что он всеми любим». А поверенный в делах в Париже Ф. Д. Бехтерев восклицал, что «желательно было бы, чтобы все россияне в чужих краях приобретали столько славы, сколько он».

Зимой 1756 года 23-летний барон направился в Париж, где пробыл два года, предаваясь светским удовольствиям, и в то же время изучая физику, химию, металлургию, посещая фабрики и заводы. Для молодого человека, располагавшего громадными денежными средствами и прекрасными для блестящей карьеры связями, изучение разных научных отраслей не было ширмой для прикрытия светской жизни, а действительным трудом и даже любимым занятием.

Отовсюду он аккуратно посылал отцу своеобразные письма-отчеты, не забывая просить у него денег на покупку редких «картин и курioзных вещей», а нередко и просто на жизнь. В ответных письмах Сергей Григорьевич описывал жизнь двора и столицы, посещение его дома императрицей. На балу в доме Строгановых, устроенном по случаю обручения двоюродной сестры Александра, Марии, и графа М. К. Скавронского, Елизавета Петровна поздравляла молодых, а в начале сентября 1753 года она чествовала самого хозяина.

1 ноября 1753 года первый дом Строганова на Невском проспекте, где происходили эти празднества, был уничтожен пожаром. И старый Строганов совершает чудо – по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли строит на этом месте новый великолепный дворец всего за полтора месяца. С согласия императрицы, наряду со строгановскими мастерскими, к строительству были привлечены казенные мастера и материалы со складов строящегося Зимнего дворца.

Строгановский дворец в Санкт-Петербурге

Свадьба Марии Николаевны Строгановой с графом Скавронским происходила уже в новом дворце. Здесь же 19 октября 1754 года Сергей Григорьевич устроил грандиозный костюмированный бал по случаю рождения внука императрицы – Павла

Петровича. На званом вечере присутствовало более 500 человек. Сергей Григорьевич прожил в новом доме три года и умер 30 сентября 1756 года, не дождавшись сына, которого звал скорее вернуться в отчий дом. Последние месяцы нетерпение его было так велико, что он прекратил высылку денег в Париж, надеясь ускорить возвращение сына домой. Похоронен он был в Александро-Невской лавре.

Известие о кончине отца застало Александра в Голландии. Через графа И. И. Шувалова он просил императрицу разрешить ему остаться еще за границей «для окончания наук», но получил в ответ приказ немедленно вернуться в Россию. Александр прибыл в Петербург 23 июля 1757 года. В новом, недавно отстроенном дворце он нашел не только бумаги, связанные с получением наследства, но и обращенное к нему рукописное завещание в стихах:

Смотри, чтоб жребий мой душе твоей достался.
Старайся обращать, как сыны, все благие
Учения плоды на пользу всей России,
Священным музам, друг, во всем ты верен будь.

Это была, по существу, программа всей его будущей деятельности, которой он старался следовать всю жизнь.

Исполняя волю отца и желание государыни Елизаветы Петровны, Александр вскоре женился на дочери вице-канцлера графа М. И. Воронцова, Анне Михайловне – 14-летней девочке, крестнице императрицы и великого князя Петра Федоровича. Мать супруги, Анна Карловна (урожденная Скавронская), приходилась родственницей императрице.

Александр браку не противился. «По моему мнению, партия так хороша, что лучше и желать нельзя», – сообщал он дяде. В день венчания 18 февраля 1758 года, на котором присутствовала сама императрица Елизавета Петровна, молодой хозяин пермских земель был пожалован в «действительные камер-юнкеры», получив первый чин на придворной службе. Теперь он должен был постоянно посещать двор вместе со своей юной красавицей супругой.

Желая показать Строганову свое расположение, государыня в октябре 1760 года отправила его в Вену для принесения поздравлений австрийскому двору по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа. Там от вдовствующей императрицы Марии-Терезии он получил «взамен унаследованного баронского титула титул графа Римской империи», данный ему «в ознаменование к нему истинного благоволения». Правда, некоторые современные историки, да и историки прошлого, сомневаются, что графский титул мог быть пожалован А. С. Строганову вдовствующей императрицей. Скорее всего, это было сделано правящим в то время императором Францем I, но с подачи его матери.

Последовавшие в скором времени политические события разрушили семейное счастье Александра Сергеевича Строганова. Вместе с низвержением Петра III пал и граф Воронцов, который в качестве канцлера играл первую роль в государстве. Супруга Строганова вместе со всем семейством (известно, что двоюродная сестра ее, Елизавета Романовна Воронцова, была фавориткой Петра III) являлась безусловной сторонницей свергнутого императора. Сам же Строганов находился в числе приверженцев Екатерины II. Он даже упоминается историками в числе «заговорщиков» – сторонников Екатерины из среды елизаветинской знати. Этот разлад в политических воззрениях сказался и в семейных отношениях. В ноябре 1764 года Анна Михайловна возвратилась в дом отца. Вслед за тем началось дело о

разводе. Екатерина II отказалась решать его, предложив супругам обратиться к духовному суду. Дело о разводе тянулось вплоть до февраля 1769 года, когда Анна Михайловна внезапно скончалась.

А. М. Строганова

В первый же год своего царствования Екатерина II пожаловала Строганова камергером, в 1770 году тайным, а через 5 лет – действительным тайным советником и сенатором. В первое путешествие Екатерины II в Москву в 1762 году он находился безотлучно при ней. В числе немногих Александр Сергеевич был постоянным зрителем театра в Эрмитаже и нередко сам распоряжался и театром и Он был одним из постоянных собеседников императрицы, сопровождал ее в путешествиях по Финляндии, Белоруссии, в Ригу и Крым, плавал с ней по Волге. Особенно ценила государыня Александра Сергеевича за его остроумие, умение вести беседы, непринужденное поведение, равнодушие к служебной карьере, невмешательство в политику и придворные интриги.

А. С. Строганов всегда был готов способствовать мерам по развитию просвещения и более цивилизованных, гуманных форм жизни в стране. В 1767 году именно в его доме собирались депутаты, избранные в комиссию по составлению проекта нового Уложения. Будучи членом комиссии, Строганов особенно настаивал на устройстве школ для крестьян. Когда императрица задумала постройку «Воспитательного дома» для сирот, одним из ее главных помощников в этом деле был Строганов. Она часто прибегала к его советам относительно преобразования России. Как владельцу обширных имений в Перми, она поручила ему составить проект «административных и хозяйственных улучшений» этого богатого края с быстро увеличивающимся населением. Осенью 1787 года он по поручению императрицы с сыном Павлом и двоюродным братом Александром Николаевичем отправился в Пермь открывать там наместничество, которое в торжественной обстановке было провозглашено 18 октября.

Сохранились также отрывочные сведения о том, что в это время Александр Сергеевич принимал участие в масонских ложах, усвоил нравственный кодекс масонов, который пытался применить в отношениях со своими крестьянами. В 1786 году он составил своему главному управляющему пермским имением предписание и правила об управлении: «Во всех твоих предприятиях и расположениях помни, что ты сердцу моему ни спокойствия, ни же сладкого удовольствия принести не можешь, когда хотя б до миллионов распространил мои доходы, но отягчил бы чрез то судьбу моих крестьян; в таком случае приказываю тебе всегда предпочесть моим выгодам выгоды тех людей, коим я должен и хочу быть более отцом, нежели господином».

«Судить беспристрастно, – писал он управляющему в другом письме, – прибегать к чувствам любви родительской... обиды забывать всегда... иметь сердце открытое к бедствиям вдов и сирот, угнетенных бедностью». В соответствии с его распоряжением крестьяне, работающие на соляных варницах и заводах, распускались летом по домам для посева и уборки хлеба и сена. Только 500 человек находились на варницах постоянно.

Заботился он и о распространении образования в своих владениях. 24 июня 1794 года в селе Ильинском, где располагалось главное правление, было открыто первое в строгановском имении приходское училище.

В 1790 году граф Александр Сергеевич Строганов совершил один из самых впечатляющих своих поступков. «Подражая ревностной любви к отечеству своих предков, – писал он в прошении к императрице, в котором отказывался от 10 млн десятин земли, пожалованных его предкам, – по собственной и доброй воле оставляю те места за казенными заводами и государственными селениями».

В начале 1771 года Строганов женился на известной красавице, юной княжне Екатерине Петровне Трубецкой – дочери сенатора и бывшего генерал-прокурора. Сразу после свадьбы молодые уехали в Париж, где поселились в купленном ими доме в парижском предместье Сен-Жермен. Они пробыли во Франции свыше семи лет. О Екатерине Петровне мемуаристы писали в восторженных тонах: «Характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особо заманчивое. Она была одарена многими прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество». Во время путешествия по Европе супруги посетили Вольтера, который встретил их весьма приветливо. Екатерина Петровна уже на старости лет любила вспоминать о комплиментах, которыми ее одарил престарелый мудрец. Однажды после прогулки больной Вольтер, встретив у порога своего дома графиню Строганову, приветствовал ее словами: «Ах, мадам, вы так прекрасны, что подарили мне и солнце и воздух».

Е. П. Строганова

В Париже А. С. Строганов возобновил свои связи, приобретенные еще в первом заграничном путешествии в различных масонских организациях. Он «успевал участвовать в делах сразу нескольких лож вольных каменщиков и добился в них такого авторитета, что в 1773 году участвовал в реформировании французского масонства». Позднее он даже принял в одну из лож под названием «Девять муз», где членами состояли многие выдающиеся художники, музыканты и литераторы, Вольтера.

Вместе с тем Строганов, будучи глубоко верующим человеком, стремился соединить в своей душе просветительские ценности европейского масонства с духовными ценностями православия, и именно в Париже, по-видимому, окончательно сложились его оригинальные, глубоко духовные и гуманные взгляды на свое предназначение. Во Франции Строганов сделал значительные и ценные приобретения картин и разного рода редкостей. В Париже 7 июня 1772 года родился его единственный сын Павел Александрович. За границей родилась также и дочь Строгановых Софья, умершая в 16 лет.

По возвращении в 1779 году в Петербург Строганов во второй раз пережил семейную драму: его жена увлеклась фаворитом Екатерины II И. В. Римским-Корсаковым, ответившим ей взаимностью. Разгневанная императрица повелела Корсакову немедленно удалиться в Москву, куда, к всеобщему удивлению, последовала и Екатерина Петровна.

Так граф в 46 лет снова остался в одиночестве с малолетним сыном на руках. Он предоставил в распоряжение супруги дом в Москве, значительную сумму ежегодно и одно из своих подмосковных имений, село Братцево; сам же посвятил себя воспитанию сына, покровительству талантам и дальнейшему собиранию произведений искусства.

А. С. Строганов славился своим несметным богатством. Екатерина II нередко говаривала, что два человека делают все возможное, чтобы разориться, и не могут. Под такими счастливцами она разумела Льва Александровича Нарышкина и Александра Сергеевича Строганова. Великолепные приемы Строганова во дворце на Невском проспекте или на Каменноостровской даче остались в памяти современников.

Екатерина II, Павел I и Александр I неоднократно посещали вельможу, присутствовали у него на обедах и балах.

На принадлежавшем ему земельном участке около устья Черной речки А. С. Строганов разбил громадный сад и по проекту архитектора А. Н. Воронихина выстроил загородный дом. Сад был открыт для публики и сделался в скором времени любимым местом гулянья жителей Петербурга. По парку можно было кататься в экипажах и верхом, посетители сада развлекались за счет Строганова музыкой, песенниками, фейерверками и иллюминациями. Сам граф, смешавшись с гуляющими, вступал с ними в разговоры, одинаково равный всем – и вельможе, и простому мастеровому.

В саду была открыта доступная каждому библиотека. Но посетители сада стали «растаскивать книги в свою собственность». В первый же день графу донесли, что недостает нескольких томов. Добродушный меценат решил, что многие посетители взяли книги домой для прочтения и затем вернут их. Но в другие дни недочет оказался еще большим. К концу лета недоставало уже многих сотен книг, весьма дорогих в то время. Опыт просветительства оказывался явно убыточным. Это обстоятельство вынудило Строганова библиотеку для публики закрыть.

Была в саду еще одна диковина, о которой говорил весь образованный Петербург. В первую русско-турецкую войну офицер флота Домашнев, командовавший морским десантом, на одном из островов греческого архипелага нашел саркофаг, привез его в Россию и подарил Строганову. При виде саркофага восхищенный граф воскликнул: «Не памятник ли это Гомера?» Это его восклицание переходило из уст в уста, и все решили, что Строганов действительно владеет гробницей Гомера. На деле же фигуры

на саркофаге изображали Ахилла, переодетого в женское платье.

О грандиозных праздниках и приемах А. С. Строганова ходили легенды. Во время пребывания в России в августе 1796 года шведского короля Густава IV и его дяди герцога Зюндерманландского все петербургские вельможи, стараясь угодить Екатерине II, давали роскошные балы в честь высоких гостей. Но размахом устроенных торжеств всех превзошел граф А. С. Строганов, поразив даже своих царственных гостей. Густав IV и императрица провели на даче графа весь день. А вечером была устроена прогулка на лодках. В саду долго хранился камень, на котором граф пил чай с высокими гостями.

А. С. Строганов слыл среди современников большим чудаком и остроумцем. Все европейские путешественники обязательно появлялись в его доме, который был открыт для всех посетителей независимо от знатности, должности и чина. Никто в доме не спрашивал пришедшего, кто он такой. Рассказывают, что один незнакомый человек постоянно являлся к обеду графа и садился на свое привычное место. Но однажды граф не нашел его между гостями и, обеспокоенный, спросил: «Где тот, который всегда садился против меня?»

А. С. Строганов любил пошутить и повеселиться. Так, однажды позвав своих друзей на обед, он неожиданно объявил им, что повар его неизвестно куда исчез. Когда приглашенные собрались уходить, граф незаметно отодвинул широкую зеркальную дверь, и глазам изумленных гостей предстала картина роскошно сервированного стола.

Сохранилось много сведений о поездках графа «в маскарад», о концертах и постановках в его доме. А. С. Строганов писал небольшие пьесы для Эрмитажного театра. Известна, например, его пьеса «Утро любителя драгоценностей». Знали и об актерских способностях мецената: он умело подражал манерам и голосу Екатерины II. Артистическая натура Строганова проявлялась даже в его кулинарных способностях: он придумал рецепт знаменитого мясного блюда бефстроганов.

Вообще Строганов слыл большим гурманом. На обеды и ужины с друзьями он не жалел денег. В столовой гости на античный манер возлежали вокруг стола, облокотясь на подушки. Еда у Строганова была чрезвычайно изысканная. На закуску, для возбуждения аппетита, подавали особое блюдо, готовящееся из селедочных щек. На одну тарелку такого угощения шло более тысячи селедок. Предлагали гостям и такие пикантные блюда, как лосиные губы, разварные лапы медведя, кукушки, зажаренные в масле и меду, жареную рысь.

Александр Сергеевич был своим, домашним человеком во дворце. Он зачастую мог позволить себе в присутствии императрицы вести себя таким образом, что вряд ли сошло бы другим. Однажды, когда Строганов играл с ней в карты и императрица допустила ошибку, она позвала фрейлин и сказала им, указывая на Строганова: «Он кричит на меня. Как бы ему не вздумалось драться». Екатерина звала его кумом, шутя про него говорила: «Я с кумом боюсь одна быть. Он горяч».

Даже сумасбродный император Павел I, перессорившийся, кажется, со всей петербургской знатью, не доверявший ей, удостоивал Строганова всеми знаками дружбы. Он ездил к нему запросто, как к домашнему своему другу, и часто звал к себе обедать. Принц Евгений Вюртембергский писал, что Строганов «казалось, был любимцем монарха: он слыл за остряка и очень умного человека, а низенькая, сухопарая и скорченная фигура придавала ему вид настоящего дипломата».

«Гробница Гомера» в строгановском саду

И впоследствии не проходило дня, чтобы кто-нибудь из августейшей фамилии не был у графа. Император Александр I и его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, великий князь Константин Павлович, великая княжна Мария Павловна очень часто посещали его дом. Вдовствующая императрица Мария Федоровна испытывала к Строганову самую искреннюю дружбу, называла его в своих письмах «*mon bon ami*» («мой дорогой друг»), часто прибегала к его советам и принимала от него пожертвования для разных благотворительных учреждений.

Все мемуаристы сходятся во мнении, что это был тип истинного русского вельможи, которыми так славилось екатерининское время. Вместе с тем некоторые из них писали о Строганове как о человеке, которому нельзя доверить серьезные государственные дела, как о любителе разного рода «курьезностей», который имеет несметные богатства и потому иногда играет роль мецената.

Даже один из друзей Александра Сергеевича, поэт Державин, превозносивший его в одах и стихотворных посланиях, в своих воспоминаниях довольно зло писал: «Граф Строганов... по малодушию своему всегда был угодником двора и в дела почти не входил, а по привычке своей или по умышленной хитрости, при начале чтения оных шутил и хохотал чему-нибудь, а при конце, когда надобно было давать резолюцию, закашливался; то и решали дела другие; а он, не читая их и не зная, почти все то, что ему подложат или принесут, подписывал; но когда он чью брал сторону и пристрастен был к чему-либо по своим, а паче по дворским видам, то кричал из всей силы и нередко превозмогал прочих своею старостию, знатностью и приближенностью ко двору».

Г. Р. Державин

Образ чудака и неудачника в любви использовала и сама императрица Екатерина II в своей комедии «Обольщенный», где Строганов предстает в образе одного из персонажей пьесы – болтуна Радотова (от нем. *radoter* – болтать), вечно забывающего о том, что происходит вокруг него. Не слишком лестная характеристика дана Екатериной и персонажу другой ее комедийной пьесы «Обманщик», направленной против масонов, в которой главный герой Самблин (в нем современники узнавали А. С. Строганова) едва не лишается своих бриллиантов, отданных проходимцу с многозначительной фамилией Калифалжерстон. В этом персонаже были представлены все знаменитые авантюристы того времени, начиная с графа Калиостро. Конечно, эти характеристики, несмотря на верно подмеченные недостатки характера графа, не всегда справедливы. Личность этого незаурядного и талантливого человека была гораздо глубже, и он доказал это своей деятельностью на благо отечества.

Красной нитью через всю жизнь А. С. Строганова проходит его страсть к собиранию произведений живописи и скульптуры. При Екатерине II русское собирательство достигло своего расцвета. Ею были приобретены во Франции и Англии самые ценные собрания Эрмитажа. Примеру императрицы последовали ее вельможи. В те годы в России возникли крупнейшие частные коллекции.

Первые сведения о покупке картин Строгановым относятся ко времени его первого путешествия за границу. Пребывание в Европе позволило А. С. Строганову не только приобрести первоклассные произведения, но и воспитать у себя подлинно художественный вкус, «приобщиться к европейской культуре собирательства». Во время второго путешествия за границу он является уже авторитетным знатоком живописи и, по некоторым свидетельствам, консультантом императрицы в вопросах приобретения ею произведений искусства. Имя Строганова постоянно встречается в каталогах распродаж. Он покупает картины (А. Ван Дейка, Д. Тенирса, Я. Веникса и др.) из самых знаменитых парижских коллекций. Для него пишут известные французские живописцы – Ж. Б. Грёз (портрет маленького сына Павла), Гюбер-Робер (пейзажи). Он посещает мастерскую скульптора Ж. А. Гудона.

В петербургском дворце на Невском проспекте А. С. Строганов разместил свою знаменитую картинную галерею, в которой уже в 1793 году, согласно составленному им каталогу, насчитывалось 87 картин наиболее известных художников различных школ – флорентийской, римской, ломбардской, венецианской, испанской, голландской, фламандской и др. В его коллекции были картины Боттичелли, Джотто, Рембрандта, С. Рейсдаля, П. Рубенса, А. Ван Дейка.

В одном из залов находились портреты членов семьи Строгановых, написанные Д. Г. Левицким, А. Варнеком, Лампи, Э. Виже-Лебрен и др., большое количество фамильных миниатюр, собрание скульптур, изделий прикладного искусства. Тогда же Александр Сергеевич лично составил и издал описание своей коллекции. Его собрания эстампов, камней, медалей и особенно монет, которых у него было свыше 60 тыс. экземпляров, не имели себе равных в России.

Огромная, богатая редкими рукописями библиотека, которой пользовалась сама императрица, располагалась во дворце Строганова. Он разбил все книги на пять разделов, раскрывающих энциклопедический характер интересов владельца собрания. И на строгановской даче меценат хотел «в малом варианте» осуществить свою давнюю идею публичной библиотеки, занимавшую его с 1760-х годов, когда он подал императрице «План публичной российской библиотеки в Санкт-Петербурге».

Владея такими редкостями и в такое время, когда в России еще почти не было ни музеев, ни значительных общественных книгохранилищ, А. С. Строганов любезно предоставлял возможность пользоваться своими сокровищами любому серьезно интересовавшемуся той или другой областью искусства или литературы. Его дом «был в то время средоточием истинного вкуса» и посещался почти всеми известными художниками и писателями. В числе лиц, которые пользовались дружбой, а зачастую и материальной поддержкой А. С. Строганова, были художники А. Е. Егоров, А. И. Иванов, В. К. Шебуев, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский, О. А. Кипренский; писатели Д. И. Фонвизин и Г. Р. Державин, посвятивший ему несколько стихотворных посланий, переводчик «Илиады» Н. И. Гнедич, закончивший и издавший свой грандиозный труд только благодаря щедрому пособию мецената, поэт И. Ф. Богданович, баснописец И. А. Крылов, скульпторы И. П. Мартос, С. И. Гальберг, композитор Д. С. Бортнянский, архитектор А. Н. Воронихин, вышедший из его дворовых людей, и другие.

23 января 1800 года «ввиду исключительной страсти к произведениям искусства, тонкого понимания его разнообразных областей и широкой популярности среди художников» А. С. Строганов был назначен императором Павлом I президентом Академии художеств, почетным членом которой он состоял с самого момента ее основания. При его президентстве Академия достигла наивысшего расцвета. Из ее стен вышли выдающиеся таланты, для поддержки которых и для предоставления им возможности продолжить свое образование за границей А. С. Строганов никогда не жалел собственных средств.

Благотворительной и меценатской деятельности Строганова помогало то, что он был «нейтрален в разного рода политических делах», особенно в конце своей жизни. Поэтому, несмотря на долголетнюю дружбу с Екатериной II, при новом царствовании он не только остался в числе приближенных лиц императора Павла I, но и получил новые награды. Тотчас по восшествии на престол император произвел А. С. Строганова в обер-камергеры и пожаловал орденом Иоанна Иерусалимского. 21 апреля 1798 года Павел возвел его в звание графа Российской империи в дополнение к имевшемуся титулу графа Римской империи. Через два года император назначил его директором Публичной библиотеки, при которой А. С. Строганов организовал общество для печатания книг и переводов.

Павел I поручил ему также сооружение памятника Суворову, который был выполнен под наблюдением мецената скульптором М. И. Козловским, и строительство Казанского собора в Петербурге.

При императоре Александре I Строганов был назначен членом Главного управления училищ. Ему же поручалось управление Петербургским учебным округом во время отсутствия попечителя. В течение 27 лет (с 1784 по 1811 год) он был

петербургским предводителем дворянства. В 1806 году Строганов находился в числе депутатов, поднесших от имени сената Александру I благодарственный адрес по случаю манифеста о предстоящей войне с Наполеоном и пожертвовал 40 тыс. рублей на создание милиции для этой войны. Наконец, при учреждении Государственного совета он был в числе первых его 27 членов.

Последние 10 лет своей жизни Строганов почти всецело посвятил постройке собора Казанской Божией Матери в Санкт-Петербурге. В возрасте 67 лет он возглавил созданную по указанию императора Павла комиссию по строительству собора. Взявшись за это труднейшее дело, граф продолжал вековые традиции Строгановых, выполнял завет предков строить храмы на Руси, что соответствовало духовным стремлениям самого мецената.

При строительстве собора Строганов поставил целью доказать возможность создания выдающегося архитектурного сооружения «из русского камня» одними русскими силами. Патриот своего отечества, он понимал всю важность формирования национальной архитектурной и художественной школы в то время, когда в городском строительстве, особенно в столице, практически безраздельно царили архитекторы-иностранцы. К работам были привлечены исключительно русские силы. Ни один иностранный художник и мастерской не были допущены к строительству собора. Начиная от простого камня, положенного рукою каменщика, до мысли зодчего – все было русское.

А. С. Воронихин, воспитанник графа, «возведенный им на степень высших чинов», был назначен зодчим этого великолепного храма. Художники В. К. Шебуев, О. А. Кипренский, Г. И. Угрюмов и др. писали образа; Ф. Г. Гордеев и Ф. Ф. Щедрин создали барельефы. И. П. Мартос выполнил колоссальные статуи Иоанна Крестителя, Андрея Первозванного и многие барельефы. Несмотря на преклонный возраст, А. С. Строганов не щадил ни сил, ни здоровья, вникая во все детали строительства, взбираясь с больными ногами на леса неоконченного собора.

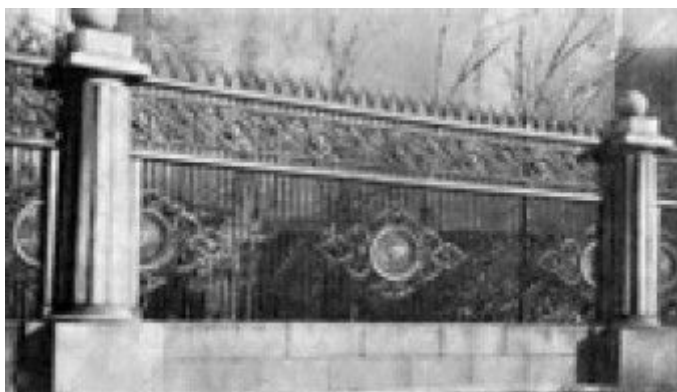
А. Н. Воронихин

15 сентября 1811 года собор был торжественно освящен. После окончания службы граф подошел под благословение к митрополиту и, как бы предчувствуя близкую смерть, сказал: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, с миром». Самое главное дело его жизни было завершено. За постройку Казанского собора Строганов получил чин действительного тайного советника 1-го класса. Вечером, после освящения храма к меценату приехали его многочисленные друзья, чтобы поздравить с окончанием строительства. Он приветствовал гостей, сияя радостью и счастьем, забыв о своих

недугах. Дворец был украшен иллюминацией, окна растворены. Граф сильно простудился. 27 сентября А. С. Строганов скончался.

Гроб с телом покойного, согласно его последнему желанию, был поставлен в Казанском соборе, и митрополит Филарет произнес над ним последнее слово. Все члены августейшей семьи сопровождали гроб до самой могилы в Александро-Невской лавре. Поэт К. П. Батюшков в письме к Н. И. Гнедичу так отозвался о Строганове: «Был русский вельможа, остряк, чудака, но все это было приправлено редкой вещью – добрым сердцем».

Грандиозный храм вскоре стал восприниматься как символ духовного героизма и стойкости русского народа в Отечественной войне 1812 года. После ее окончания в нем были размещены военные трофеи русских войск, ключи от 17 городов и 8 крепостей Европы, 105 знамен и штандартов.

Решетка у Казанского собора

В соборе был захоронен прах фельдмаршала М. И. Кутузова. А в 1837 году перед собором установлены памятники главнокомандующим русской армией в войне с Наполеоном М. И. Кутузову и Барклаю-де-Толли.

«Гражданин Очер»

Традиции коллекционерства, меценатства и благотворительности, развивавшиеся Строгановыми в пределах своих вотчин и поднятые на общероссийский уровень А. С. Строгановым, были продолжены его сыном графом П. А. Строгановым и супругой сына Софьей Владимировной.

Павел Александрович Строганов родился в Париже, по одним сведениям, в 1774 году, а по другим – в 1772 году. В 1779 году его родители возвратились в Россию. Вскоре в Петербург приехал француз-воспитатель Жильбер Ромм, с которым Строганов заключил долгосрочный договор о преподавании наук и воспитании сына до 18 лет. Маленький Павел почти ни слова не говорил по-русски, и его воспитатель решил немедленно вместе с ним заняться изучением русского языка.

Приезд Ромма в Петербург совпал с размолвкой четы Строгановых. Мать Павла уехала в Москву вслед за И. Н. Корсаковым, опальным фаворитом Екатерины II, отец оставался в Петербурге. Надо было по возможности скрыть от мальчика это двойственное положение. И тогда по настоянию Ромма решено было совершить путешествие по России, чтобы ребенок знакомился с различными бытовыми сторонами жизни и на практике изучал русский язык.

В грандиозный вояж мальчик и его гувернер отправились в сопровождении лакеев, егерей, гвардейского унтер-офицера, а также крепостного художника Строгановых Андрея Воронихина. Подобные путешествия с посещением родовых вотчин продолжались с перерывами с 1781 по 1786 год. Ромм вел подробный дневник, записывая путевые впечатления. Одним из приемов обучения своего воспитанника Ромм сделал переписку между ними, что привело к появлению обширного архива. И многие письма сохранились. В 1784 году они посетили Олонецкую губернию, Финляндию, Выборг и Иматру побывали в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Пермской губернии, добрались до Алтая и Байкала. В следующий раз путники отправились на Валдай, побывали в Новгороде, Москве и Туле. В 1786 году Ромм со своим воспитанником надолго задержались в Киеве, осмотрели Украину (Малороссию), Новороссийский край, Крым.

После возвращения в Петербург молодой граф П. А. Строганов, числившийся в списках конной гвардии корнетом, был переведен поручиком в Преображенский полк с зачислением адъютантом к князю Потемкину, что дало ему возможность получить разрешение уехать за границу для завершения своего образования. В путешествие за границу, в Швейцарию и Францию, продолжавшееся более трех лет (1787–1790), Павел и его воспитатель отправились вслед за другим молодым представителем рода Строгановых – бароном Григорием Александровичем (1769 или 1770–1857). Единственный сын барона Александра Николаевича ехал за границу для учебы в Страсбургском университете.

П. А. Строганов

В ноябре 1787 года путешественники прибыли в Женеву, ученый мир которой встретил их весьма радушно. Здесь к ним присоединился Григорий Александрович. Строгановы посещали лекции химика Тенгри, физика Пикте, встречались со знаменитым Лафатером, совершали поездки по горам и к ледникам, осматривали рудники, фабрики и заводы, что было важно для них как будущих уральских заводчиков.

После годового пребывания в Швейцарии в первые месяцы 1789 года Строгановы отправились в Париж. Здесь они собирались упражняться в фехтовании и искусстве верховой езды, посещать лекции в Сорбонне. В приписке к письму Павла отцу от 16 декабря 1788 года Ромм сообщал Александру Сергеевичу: «Ваш сын должен прослушать здесь такие необходимые для его образования курсы, как естественная история и горная химия». В письме от 12 февраля 1789 года воспитатель развертывал перед отцом целую программу обучения во французской столице: «Париж предоставляет нам широкие возможности для всех видов учебы, но и скрывает также в себе немало подводных камней. Дабы обойти последние и не отвлекаться от достижения поставленной цели, я счел нужным изменить имя Вашего сына, избавившись тем самым от необходимости выполнять пустые и бесполезные обязанности, которые налагало бы на нас его родовое имя... Я с удовлетворением замечая, что эта перемена имени, больше не являющаяся тайной, указывает на тот образ жизни, которому мы решили следовать, а потому нас до сих пор еще не беспокоили в нашем уединении. Вы на сей счет не высказали никакого мнения, и я хотел бы знать, одобряете ли Вы нас. Ваш сын не посещает здесь никаких зрелищ, поскольку в Париже они могут быть опаснее для молодого, неопытного человека, чем где-либо еще. Я ему позволяю лишь те удовольствия, которые он имел в детстве. Учится он математике, рисованию, работе с картой, что должно подготовить его к изучению фортификации, осваивает металлургическую химию и механику. Я предлагаю давать ему уроки английского языка и несколько подтянуть его в немецком. Он неизменно занимается историей, которая преподается ему так, чтобы он дополнительно мог получить представление о французской художественной литературе... Что касается юриспруденции, то я нахожу его пока слишком легкомысленным и недостаточно усидчивым для ее изучения. Надеюсь, он смог бы приступить к нему через год или два. Я жду наступления теплого времени для возобновления его занятий плаванием и другими упражнениями, укрепляющими тело... У Вашего сына нет хорошо осознанного стремления к учебе, но он относится к работе добросовестно, проявляя при этом большую сообразительность и точность суждений».

В столице Франции становилось беспокойно, и Ромм решил из предосторожности переменить, как это видно из цитированного письма, фамилию своего воспитанника на Павла Очера (по названию речки, протекавшей около одного из пермских заводов в строгановских владениях). В апреле 1789 года пришло известие о кончине барона и действительного тайного советника Александра Николаевича Строганова, и сын его, Григорий Александрович, немедленно выехал в Россию вместе со своим гувернером. Юный граф Павел и его воспитатель остались в Париже одни.

Всеобщее недовольство, брожение умов, финансовый кризис указывали на скорое падение династии Бурбонов. Уже шли выборы в Национальное собрание, заседания которого совпали с приездом в Париж Жильбера Ромма и его воспитанника. В июне 1789 года Ромм и П. Строганов начали регулярно посещать заседания Генеральных штатов в Версале и активно интересоваться прессой и публицистикой. 26 июня 1789 года Павел писал отцу о ситуации во Франции: «Мы здесь имеем весьма дождливое время, что заставляет опасаться великого голода, который уже причинил во многих городах бунты. Теперь в Париже премножество войск собрано, чтобы от возмущений удерживать народ, который везде ужасно беден».

События 14 июля 1789 года, связанные со взятием парижским людом королевской тюрьмы Бастилии, получили огромный резонанс не только во Франции, но и далеко за ее пределами. 20 июля Павел известил отца о случившемся: «Вы, может быть, уже знаете о бывшем в Париже смятении, и вы, может быть, беспокойны о нас, но ничего не опасайтесь, ибо теперь все весьма мирно».

Но революционные события стремительно нарастали, и Жильбер Ромм вовлек в водоворот политических событий своего юного воспитанника. Он стал посещать народные сходки и митинги с юным Павлом и чуть ли не ежедневно ездил в Версаль на заседания Национального собрания. 10 января 1790 года Ромм основал Клуб друзей закона. И в числе первых членов клуба была фамилия Павла Очера. Клуб стремился влиять на ход голосования в Национальном собрании.

Ромм знакомил Павла со всеми знаменитыми деятелями революции.

Заседания Клуба друзей закона происходили в доме Теруань де Мерикур, получившей известность среди парижской бедноты своими пламенными речами и оригинальностью костюма во время взятия Бастилии и похода парижских женщин на Версаль. Революционные газеты изображали ее в красной амазонке, большой шляпе, украшенной перьями, с мужским поясом, на котором висели сабля и два пистолета. Ромм был увлечен ее патриотизмом, а юный Павел со всей пылкостью и безоглядностью юности влюбился в прекрасную и жестокую «красную амазонку» Французской революции, которая, по свидетельствам современников, едва ли не собственноручно отрубила голову монархисту Сюло. Красавица Теруань заведовала архивом Клуба друзей закона, а юный Строганов отвечал за библиотеку, которую он купил для клуба на деньги отца.

Немудрено, что, вращаясь в таком своеобразном обществе, Павел Очер вскоре вступил и в Клуб якобинцев. 7 августа 1790 года ему был выдан диплом за подписью председателя и трех секретарей. Поощряемый своим воспитателем, Павел переводит на русский язык «Декларацию прав человека и гражданина». Восхищение юного Строганова вызывали речи популярных ораторов революции, и особенно выступления адвоката Мирабо. В то время он записывал: «Лучшим днем моей жизни будет день, когда я увижу Россию, обновленную такой же революцией. Может быть, я буду играть в ней такую же роль, какую здесь играет гениальный Мирабо».

Поведение молодого русского аристократа привлекло внимание королевской полиции и российского посланника в Париже. Хотя Ромм регулярно отправлял А. С. Строганову свои донесения и массу брошюр, едва ли старый граф отдавал себе ясный отчет в том, что «проделывает безупречный гувернер с его сыном». Зато императрица сразу во всем разобралась, и ее ответ на донесение посланника Самойлова из Парижа был весьма категоричен: «Чтобы генералу Брюсу (петербургский губернатор. – М. Г.) поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына Ромм, сего человека молодого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов и Пропанды, учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, и чтобы он, Строганов, сына своего из таковых зловердных рук высвободил... ибо граф Брюс того Ромма в Петербург не впустит».

В конце августа 1790 года Ромм и его воспитанник, подчиняясь настоятельным требованиям графа А. С. Строганова, отправились из Парижа в провинцию, в Овернь. Судя по их письму от 19 августа 1790 года, они покидали столицу с разным настроением. Тон Павла спокоен и жизнерадостен: «Вышедши из Парижа августа второго дня, мы довольно счастливо сделали наш путь пешком и прибыли сюда 16-го дня». Напротив, Ромм почти не скрывает раздражения и пишет едва ли не вызывающе, подчеркнуто демонстрируя, что никоим образом не разделяет негативного отношения старого графа к происходящему во Франции: «Верные своему намерению, о котором мы известили Вас в своем последнем письме, мы покинули Париж. Мы прервали все полезные отношения, которые связывали бы нас в столь сложной ситуации с теми событиями, что стали для истории величайшим чудом, а для правителей – величайшим уроком».

В деревушке Жимо, где они поселились, серьезно заболел и умер преданный слуга молодого графа Клеман. Ромм не допустил к умирающему священника и устроил гражданские похороны. Весть об этом дошла до России и окончательно поколебала доверие старого графа к гувернеру своего сына. Он послал Н. Н. Новосильцева, приходившегося двоюродным братом Павлу Александровичу, с поручением забрать его у Ромма и отвезти в Россию. Расставание Павла со своим воспитателем произошло в Париже 1 декабря 1790 года.

Сам Ж. Ромм закончил свою жизнь трагически. Он стал членом Конвента, находился среди подписавших смертный приговор Людовику XVI. Им был составлен революционный календарь. Когда «Гора» была побеждена, Ромм и пять его товарищей были арестованы, приговорены к казни на гильотине и покончили с собой, чтобы не отдаваться живыми в руки палача. Влияние Ж. Ромма на своего воспитанника не прошло бесследно, что видно из последующей жизни и деятельности Павла Александровича.

По возвращении П. А. Строганова в Россию императрица приказала выслать его подальше от столицы, в Братцево, подмосковное имение его матери, где он оставался до смерти Екатерины II в 1796 году. Еще живя в Братцево, Павел Александрович часто посещал дом княгини Натальи Петровны Голицыной (впоследствии послужившей прообразом «пиковой дамы» А. С. Пушкина) и в 1794 году женился на ее дочери, Софье Владимировне (1774 или 1775–1845). В 1795 году у них родился сын Александр, а впоследствии еще четыре дочери: Наталья, Аделаида, Елизавета и Ольга.

С воцарением Павла I, который был крестным отцом Павла Строганова, молодые супруги переехали в Петербург, где сблизилась с семьей наследника, великого князя Александра. Софья Владимировна становится придворной статс-дамой, близкой подругой супруги наследника, Елизаветы Алексеевны, Павел Александрович – камергером и личным другом Александра. Размышляя в это время о путях преобразования России, П. А. Строганов прочитал книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Интересен его отзыв о ней: «Действительно необходимость была согласиться с началами, господином Радищевым предложенными. Нет сомнения, что он был исполнен рвения к добру, но... мне кажется, он не взял в этом деле истинный путь».

Павел Александрович был «первым из друзей Александра, который удостоился слышать мысли его о предстоящих преобразованиях». По-видимому, Александр, будучи еще наследником, делился с ним своими планами. «Мне думалось, – писал он, – что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу... Это... было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей... Всего-навсего нас только четверо, а именно: Новосильцев, граф Строганов и мой князь Чарторыйский».

В первые годы своего царствования Александр опирался на небольшой круг друзей, который сложился около него еще до восшествия на престол. П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, А. Чарторыйский по-прежнему запросто приходили к Александру в гости, а заодно обсуждали государственные дела.

Именно из этого кружка выходили все реформаторские проекты в начале александровского царствования. Старшее поколение возмущенно называло молодых реформаторов вольтерьянцами и якобинцами. В адрес Строганова также не раз

делались злые выпады. Так, Ф. Ф. Вигель язвительно замечал по его поводу: «Приятное лицо и любезный ум жены его сблизили с ним императора Александра, а его добродетель не могла после разлучить с ним. Ума самого посредственного, он мог только именем и фортуной усилить свою партию».

Именно П. А. Строганов, желая скорее «выйти из сферы неопределенных разговоров» и стремясь «создать почву для обсуждения государственного преобразования», в записке, поданной императору Александру 9 мая 1801 года, предложил учредить «Негласный комитет», работы которого «должны оставаться в тайне, чтобы не возбуждать преждевременных толков в обществе». Александр одобрил записку, и 24 июня 1801 года комитет собрался в первый раз в составе Кочубея, Новосильцева, Чарторыйского и Строганова. Председательствовал в комитете сам император. Заседания комитета проходили регулярно в течение двух лет до конца 1803 года.

Александр I

Характеризуя П. А. Строганова как государственного деятеля, один из современников, граф В. Н. Головин, писал в своих записках, что Строганов был «одним из тех объевропеившихся русских аристократов, которые умели как-то связывать в своем уме теоретические принципы равенства и свободы со стремлениями к политическому преобладанию высшего дворянства». Павел Александрович, по воспоминаниям современников, в это время «принадлежал к числу ревностных почитателей Мирабо и гласно изъявлял заимствованный от запада свободный образ мыслей». Строганову принадлежала ведущая роль не только в организации комитета, но и в подготовке вопросов, ставившихся на его рассмотрение. Стремясь направить императора на путь реформ, он разрабатывает проект конституции, так называемый «Общий кодекс» – план государственного устройства России. Протоколы заседаний «Негласного комитета», сохранившиеся в строгановском архиве, свидетельствуют о том, что наиболее радикальные предложения реформ вносил П. А. Строганов.

Из всех советников Александра I он был единственным, кто высказался «самым решительным образом в пользу улучшения быта крестьян и пришел к заключению, что если во всем этом вопросе есть опасность, то она заключается не в освобождении крестьян, а в удержании крепостного состояния». На заседании 18 ноября 1801 года П. А. Строганов выразился весьма резко о дворянстве: «Это сословие самое невежественное, самое ничтожное и в отношении к своему духу наиболее тупое». Самому принципу преобразований Александр I безусловно верил, но практическое осуществление пугало его. Как писал Строганов Новосильцеву в одном из писем, государь впадал в нерешительность и в результате получалось нечто «вялое и

трусливое».

П. А. Строганов выдвинул предложение все важнейшие государственные дела обсуждать в Совете, состоявшем из всех министров. Он предугадал, таким образом, важную роль Комитета министров, созданного взамен коллегий 8 сентября 1802 года. Мысль об учреждении министерств целиком вышла из недр «Негласного комитета».

Но вскоре после этого реформаторский пыл императора стал быстро угасать. Хотя он продолжал аккуратно посещать заседания Комитета министров, но стало заметным его охлаждение к делам внутренней политики. Александр хотел прослыть спасителем Европы и возглавить готовившуюся коалицию против Наполеона. Следствием такого его настроения стала военная кампания 1805 года.

Время реформ подходило к концу. «Негласный комитет» был расформирован в конце 1803 года, заседания его прекратились. В начале 1804 года заболел канцлер граф А. Р. Воронцов, и император настоял, чтобы его заменил князь А. Чарторыйский, хотя современники отмечали, что «решение назначить поляка-патриота на одну из важнейших должностей в империи возбудило в современном обществе и в придворных сферах сильнейшее неудовольствие». Министром внутренних дел был назначен В. П. Кочубей, а П. А. Строганов получил пост его заместителя (товарища).

Все члены «Негласного комитета» сопровождали императора в кампании 1805 года и были свидетелями аустерлицкого разгрома. Возможно, именно в это время у Строганова зародилась тайная мысль перейти на военную службу. Вскоре после Аустерлица Александр I отправляет Павла Александровича с дипломатическим поручением в Лондон, куда он прибыл в феврале 1806 года. Сначала он был заместителем российского посланника С. Р. Воронцова, а затем сменил его, проявив на этом посту немалые дипломатические способности. Но после отставки А. Чарторыйского с поста министра иностранных дел и назначения вместо него барона Будберга П. А. Строганов начал тяготиться своими обязанностями дипломата, хотел совсем отойти от дел. Из Лондона он писал жене: «Я решился не возвращаться в Россию. Останусь здесь, уеду в Индию или Америку, но не возвращусь в Россию». Однако император Александр требовал скорейшего приезда Строганова в Петербург, намереваясь дать ему новое назначение в дипломатической сфере.

В начале военной кампании 1807 года против Наполеона П. А. Строганов сопровождает императора и принимает неожиданное для многих решение поступить в действующую армию добровольцем. Еще до получения перевода на военную службу он отправляется волонтером в отряд казачьего атамана Платова. И это при том, что П. А. Строганов имел чин тайного советника и был сенатором.

Граф Павел Александрович являлся решительным противником всякого сближения с Наполеоном, а его поездка в Англию еще более укрепила в нем эти чувства. И он не без основания опасался, что его «употребят по дипломатической части в сношениях с врагом Европы и России». Писатель Юрий Тынянов сказал о Строганове, что «ненависть к Наполеону сделала его военным». Кроме того, как отмечали современники, наблюдались перемены в отношениях императора с прежде близкими к нему людьми: «Достойные слуги его были удалены или удалились сами», «доверие императора было обращено к новым лицам».

Первое же боевое крещение принесло Строганову блестящий успех. Атаман Платов, командовавший авангардной группой русской армии, поручил ему один из казачьих полков, который 24 мая 1807 года атаковал обозы корпуса маршала Даву. Главнокомандующий генерал Беннигсен писал в донесении по этому поводу: граф П.

А. Строганов, «перейдя вплавь реку Алле... мгновенно атаковал неприятеля, разбил его, положил на месте, по крайней мере, до 1000 человек и взял в плен 4 штаб-офицеров, 21 офицера и 360 рядовых». Добычей русских сделались канцелярия маршала Даву, его экипаж и вещи. Так началась военная карьера графа Строганова. Наградой за его успехи на новом поприще был орден Св. Георгия III степени и перевод из тайного советника и сенатора в генерал-майоры. Первый военный подвиг сразу же принес ему уважение и признание. Правда, не всех. Ф.Ф. Вигель в своих записках язвительно замечал, что «граф Строганов, отличившийся во фраке с казаками против французов, поступил в военную службу генерал-майором».

После заключения Тильзитского мира П. А. Строганову не пришлось долго бездействовать. 27 января 1808 года он назначается командиром полка лейб-гренадер. Когда началась война со Швецией, Строганов сначала командовал резервом, собранным у Вильманстранда, а позднее поступил под начало Багратиона, корпус которого должен был занять Аландские острова. Четыре колонны князя Багратиона выступили из Або 26 февраля 1809 года и по льду двинулись на Большой Аланд. Граф Строганов с пятой колонной должен был обойти остров по льду с южной стороны и занять пролив, отрезав неприятелю путь отступления. «Я согласен, – писал Багратион Строганову, – что переход этот довольно труден, но я уверен, что Ваше сиятельство не пропустит случая, который принесет Вам большую честь и увенчает начатую экспедицию несомненным успехом». Строганов оправдал надежды Багратиона. «Благодарю Вас весьма за быстрый поход», – писал он 6 марта Строганову. Шведы запросили мира, и уже 8 марта начался обратный поход с Аланда.

Едва окончилась война со Швецией, как началась русско-турецкая война. Багратион был назначен главнокомандующим Южной армией, и Строганов последовал за ним. Он снова действовал в авангарде казачьего генерала Платова. В сражении под Рассеватом Строганов провел с казаками несколько удачных лихих атак и преследовал с ними турок до Силистрии. За это дело он был награжден золотой шапкой с надписью «За храбрость». 23 сентября 1809 года великий визирь двинулся со своими главными силами для освобождения крепости Силистрия, но был встречен авангардом Платова с шестью казачьими полками в первой линии под началом графа П. А. Строганова. Турки не выдержали атаки и обратились в бегство. За эту победу граф был удостоен ордена Св. Анны I степени. Строганов участвовал во всех боях июня и июля 1810 года, особенно отличившись в жаркой схватке с турками под Шумлой, за что получил алмазные знаки на орден Св. Анны.

После ухода Багратиона из Дунайской армии Строганов выехал в Петербург. В столице он был встречен с почетом.

Император пожаловал его званием генерал-адъютанта. В сентябре 1811 года скончался старый граф Александр Сергеевич Строганов, дела которого оказались очень расстроеными. Роскошный образ жизни этого блестящего екатерининского вельможи, широкое гостеприимство, устройство одной из лучших в России картинных галерей, стоившей нескольких миллионов, собирание ценных редкостей, постройка собора, благотворительные дела, меценатство – все это значительно уменьшило его громадные богатства, состоявшие в землях, лесах, крепостных, соляных варницах, заводах. Сыну, помимо имущества, достался долг на сумму около 3 млн рублей. Павел Александрович думал даже прибегнуть к займу в Англии под залог пермских заводов, но, к счастью, отказался от этого намерения. Государственный заемный банк нашел возможность ссудить графу несколько миллионов рублей, что быстро поправило его дела.

С. В. Строганова

В личной жизни граф Павел Александрович был вполне счастлив. Дети подрастали. Жена его, Софья Владимировна, обращала на себя внимание красотой, разносторонностью образования и умом. В молодые годы сам Александр I был не на шутку увлечен Софьей Владимировной. Но графиня вела себя с большим тактом и достоинством и сумела сохранить дружеские отношения с царской четой.

Военная карьера оставляла мало времени ее мужу для управления своими имениями. В Петербурге он бывал наездами, и всеми делами по управлению обширным вотчинным хозяйством и содержанию строгановского дворца фактически ведала Софья Владимировна. Она обладала врожденной способностью ко всякого рода деятельности – от административно-хозяйственной до художественной.

В память о своем тесте, графе А. С. Строганове, президенте Академии художеств, Софья Владимировна предложила увеличить число стипендий воспитанникам академии из своих средств. Художественное творчество относилось к числу ее сильных увлечений. Она была прекрасным рисовальщиком и живописцем. Ее тонкие лирические пейзажи, выполненные акварелью, хранились во дворце на Невском еще в начале XX века. Французская художница Виже-Лебрен, работавшая у графа Александра Сергеевича, вспоминала, что он «приставил к ней слугу, умевшего мыть кисти, ибо ту же обязанность нес он при невестке графа». Свою любовь к живописи графиня передала и дочерям, неплохим художницам. Софья Владимировна и ее старшая дочь Наталья владели искусством гравирования. В 1819 году на ее средства было выпущено написанное Семеном Кирилловым «Руководство к познанию живописи, изданное для юношества обучающегося». А пять лет спустя графиня стала одним из учредителей «Общества поощрения художеств», сыгравшего немалую роль в распространении культуры в России.

Строгановы традиционно держали двери дворца открытыми для представителей литературного и художественного мира. Меценатка была прекрасно знакома с современной ей русской литературой, постоянно принимала у себя поэтов и писателей. В ее никогда не пустовавшем салоне строгановского дворца завсегдатаями были баснописец И. А. Крылов, поэт и царедворец В. А. Жуковский, с восторгом отзывавшийся о ней. Г. Р. Державин посвящал ей стихи.

Сам Павел Александрович иногда позволял себе дома в Петербурге некоторые причуды. Его зять С. Г. Строганов вспоминал про тестя, что иногда «под влиянием воспоминаний молодости, тот чудил и вдруг, ни с того ни с сего, уходил в комнаты слуг, садился с ними запросто обедать и наслаждался равенством».

Однако в наступавшее бурное время П. А. Строганову уже некогда было заниматься личными, семейными делами. В битвах России с наполеоновской Францией он командовал дивизией и корпусом, был несколько раз ранен, стал Георгиевским кавалером двух степеней.

Весной 1812 года Строганов принял на западной границе сводную дивизию, входившую в состав 3-го корпуса генерала П. Н. Тучкова. После вторжения Наполеона в пределы России дивизии пришлось участвовать в тяжелых боях под Смоленском. В Бородинском сражении был момент, когда весь натиск французов сосредоточился на дивизии графа Строганова, однако дружным штыковым ударом неприятель был оттеснен. За Бородино П. А. Строганова произвели в генерал-лейтенанты.

В лагере под Тарутиным Строганов принял начальство над 3-м корпусом генерала П. Н. Тучкова, смертельно раненного в Бородинской битве. 11 октября армия двинулась из Тарутина к Малоярославцу, где произошла кровопролитная битва, в которой активную роль сыграли и части корпуса Строганова. 5 ноября под Красным Строганов при содействии отряда князя Д. В. Голицына (родного брата его жены и будущего московского генерал-губернатора) помог генералу М. А. Милорадовичу разбить корпус маршала Нея.

После сражения под Красным П. А. Строганову было разрешено уехать в Петербург для лечения, но пробыл дома он недолго. Тщетно семья уговаривала графа побережь себя – его тянуло на поля сражений, которые к тому времени уже переместились на территорию Германии. В начале 1813 года он возвратился в армию, взяв с собой единственного сына Александра – 18-летнего юношу. Они успели к началу решающих сражений, завершавших военную кампанию в Европе против Наполеона. Самым крупным событием этого периода войны стала «битва народов» под Лейпцигом. В этом сражении граф Строганов, находясь в войсках генерала Беннигсена, вновь проявил свою доблесть, за что был награжден орденом Св. Александра Невского.

В ходе дальнейшей кампании Строганов успешно дрался под Шампобером и Вошаном. 23 февраля 1814 года в битве под Краоном во Франции он командовал резервным отрядом. В разгар сражения Строганову донесли о гибели единственного сына. Известие настолько потрясло отца, что он, будучи не в состоянии лично завершить блестяще разработанную им операцию, передал командование М. С. Воронцову. В рапорте генерала Сакена Барклаю-де-Толли 27 февраля 1814 года сказано: «Юноша храбрый и милый граф Строганов тут же жизнь свою положил и многие другие офицеры». Несмотря на глубокое потрясение, отец участвовал в Лаонском сражении, находясь все время под сильным огнем неприятеля, как бы ища смерти на поле битвы.

Эта трагедия потрясла юного А. С. Пушкина, еще учившегося в лицее, когда хоронили в Петербурге сына, а через два года и отца Строгановых. Позднее он написал такие строки:

О страх, о горькое мгновенье,
О Строганов, когда твой сын
Упал сражен, и ты один
Забыл и славу, и сраженье.
И предал славе ты чужой
Успех, достигнутый тобой.

Старые друзья Строганова глубоко сочувствовали его семье. Князь А. Чарторыйский писал Н. Н. Новосильцеву:

«Слыхали ли вы уже, милый друг, о случившемся несчастье? Бедный Александр Строганов убит почти на глазах своего отца, который в полном отчаянии. Что будет с бедной графиней Софьей Владимировной? Выдержит ли она этот ужасный удар? Редко что-либо меня так огорчало... Несчастье этого семейства ужасно; несчастье, которое постигло таких друзей, как эти, надрывает сердце».

П. А. Строганову так и не довелось вновь увидеть Париж – город своей юности. С разрешения императора он покинул армию, получив свою последнюю боевую награду – Георгия II степени, и через всю Германию отправился с прахом сына в Петербург. Вскоре Павел Александрович заболел. Симптомы болезни ясно указывали на чахотку, поэтому решено было увезти его в теплые края, в Лиссабон.

Но заграничная поездка запоздала. 10 июня 1817 года П. А. Строганов скончался на борту фрегата «Святой Патрикий» вблизи Копенгагена. По странному совпадению за два дня до этого в датской столице умерла Териан де Мерикур – его парижская любовь. Тело Строганова было доставлено в Петербург и погребено рядом с сыном на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в фамильной усыпальнице в присутствии императорской семьи. Со смертью графа Павла Александровича пресеклась младшая линия Строгановых.

Судьба этой героической личности является символом гражданского мужества, служения отечеству. Осознав невозможность проведения преобразований в России, граф Павел предпочел придворной и дипломатической карьере военную службу. Возможно, военное дело не было той сферой, где он смог наиболее полно раскрыть свои способности. Вместе с тем действующая армия – а это было время непрерывных сражений и походов – более всего соответствовала романтическим идеалам мятежной юности Павла Строганова, отвечала его стремлению к действию, к проявлению личного мужества, желанию приносить конкретную пользу родине, его нравственным понятиям о чести и достоинстве.

Просвещенная графиня

За несколько месяцев до смерти Павел Александрович подготовил завещание и майоратный акт, по которому все его имущество (имения и заводы) вошло, во избежание дробления, «в общий состав под именем нераздельного имения». По этому акту его супруга, Софья Владимировна, вступала в пожизненное владение майоратным имением, а затем наследницей майората становилась старшая дочь, Наталья Павловна. Майоратный акт был утвержден 11 августа 1817 года, уже после смерти Строганова, императором Александром I. В указе о строгановском майорате сказано, что он утверждается «в знак уважения, отличного усердия и преданности» графа Павла к особе государя, а «равно в награду услуг и ревности, оказанной им и его предками российскому престолу». Имения, поступавшие в майорат, находились в 5 уездах Пермской губернии: Пермском, Оханском, Соликамском, Кунгурском и Екатеринбургском – и включали 45 875 крестьян мужского пола. Кроме того, в майорат вошли 119 душ в Нижегородской губернии, с землей и усадьбой в Нижнем Новгороде, два дома в Санкт-Петербурге, дом у Полицейского моста и земля со строгановскими дачами на Выборгской стороне.

Софья Владимировна сумела укрепить пошатнувшееся после долгов тестя и бедствий 1812 года семейное состояние. Жила она то в Петербурге, то в имении Марьино под городом Тосно Новгородской губернии, пользуясь всеобщим уважением. Вступив во владение майоратом, она обязала управляющего Ф. А. Волегова «больше всего заботиться о благосостоянии своих крепостных людей и уже потом о доходах с имения». Чтобы иметь грамотных управляющих и приказчиков, графиня задумала

создать в Петербурге Школу земледелия, горных и лесных наук. Свой проект она представила в 1824 году в Вольное экономическое общество, членом которого состояла. Школа, куда, кроме способных крестьянских детей из ее имений, принимались сыновья других крепостных и вольных людей, вскоре была открыта. Она просуществовала до 1844 года. Из ее стен вышли сотни образованных специалистов, которые впоследствии стали управляющими и администраторами, смотрителями промыслов, приказчиками и бухгалтерами, горными мастерами, лесничими, агрономами, преподавателями. Теоретическое отделение школы находилось в Петербурге, на Васильевском острове. Практические занятия проводились в Марьино, где были построены школа, мельница, рига и птичий двор. Заботясь об улучшении земледельческой культуры среди крестьян, Софья Владимировна в 1825 году основала земледельческую школу для мальчиков-сирот. Окончивший школу крестьянин после женитьбы получал участок земли до 30 десятин, под хлебопашество, сенокос и лес.

Управлять огромными имениями было нелегко. Большие убытки приносили различные стихийные бедствия и пожары. Знаменитое своими соляными промыслами владение Строгановых Новое Усолъе, к примеру, горело с 1737 по 1842 год семь раз. 24 июля 1842 года пожар опустошил село Ильинское, где располагалась центральная контора Строгановых по управлению имением. Сгорело 120 домов, до 40 лавок и амбаров. Управляющий Волегов доносил графине, что, вместо того чтобы тушить пожар, «мужики напали на кабаки» и занялись не пожаром, а пьянством.

Но были в имениях Строгановых и праздничные дни. О том, как они проходили, рассказывает очевидец: «В Прокопьев день, 8 июля, в селе Новое Усолъе бывает самый большой и веселый праздник для простого народа. За столы у одного графа Григория Александровича садится от 500 до 600 человек, а у всех пяти владельцев более 2000. Кушанья состояли из калачей, пирогов с рыбой, холодного, щей, каши и жаркого. Все сопровождалось тремя большими стаканами вина и хорошего пива – без меры, а сколько душе угодно». Отмечалось, что в этот день не случалось драк, хотя почти все были пьяны. Дела управления огромной вотчиной требовали множества инструкций, которые составляла сама Софья Владимировна. В 1819 году ею было написано «Положение для учреждения третейского суда» в ее поместьях, в 1827 году – «Положение об управлении Пермским нераздельным имением». Согласно Положению, имение было разделено на пять административных округов. В каждом округе были открыты новые школы, библиотеки, госпитали. Позднее она утвердила правила о пенсиях служащим, мастеровым (1841) и лоцманам соляных караванов (1844). В эти же годы ею была выпущена книга «Беседы сельские. Чтение для учеников в Марьинской школе графини Строгановой – Свод наставлений по всем вопросам крестьянской жизни».

Н. П. Строганова

Графиня также деятельно занималась своим петербургским хозяйством. В начале 1830-х годов она купила соседний с ее дворцом дом на Невском проспекте, состоящий из двух разноэтажных жилых корпусов. Они были перестроены по проекту архитектора Садовникова в обычный 3-этажный жилой дом. Часть помещений Строганова сдавала в аренду под ресторан и портновскую мастерскую. Здесь же располагался трактир «Строгонов», рекламировавшийся в указателе «Невский проспект» как лучший трактир столицы в середине XIX века.

Умерла Софья Владимировна в 1845 году от паралича сердца, оплакиваемая всеми, кто ее знал. Погребена она, как и ее муж, в Александро-Невской лавре. Император Николай I приезжал поклониться ее праху.

После смерти графини владелицей майората стала ее старшая дочь Наталья Павловна (1796–1872). Согласно завещанию Павла Александровича, распорядителем майоратного имения после смерти матери и наследником графского титула становился муж его старшей дочери. Решением семейного совета женихом Натальи Павловны стал барон Сергей Григорьевич Строганов, сын Григория Александровича – троюродного брата ее отца. Свадьба состоялась в январе 1818 года. Для вступления родственников в брак было получено особое разрешение императора Александра I. Женившись на графине Наталье, Сергей Григорьевич приобрел и графский титул. Тем самым соединились две линии династии Строгановых, ведущие свое происхождение от младших братьев, баронов Николая и Сергея Григорьевичей – сыновей последнего «именитого человека» в роде, Григория Дмитриевича Строганова.

Три другие дочери Павла и Софьи Строгановых вышли замуж за представителей известных аристократических фамилий Российской империи. Бракосочетание их любимой дочери Адели (Аделаиды) с князем Василием Сергеевичем Голицыным состоялось в феврале 1821 года. Молодой князь Голицын был сверстником единственного погибшего сына Строгановых, Александра. Он также в юном возрасте принял участие в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии. В 1819 году Голицын посетил Англию, и несколько недель знакомства с Лондоном и его окрестностями произвели на него неизгладимое впечатление, сделав убежденным англоманом. Как и многие представители русской знати той поры, он увлекся масонством, став мастером ложи «Святой Георгий», основанной при российском оккупационном корпусе в Лидсе, во Франции. Назначенный в год свадьбы флигель-адъютантом императора, князь Голицын совершил затем по просьбе Софьи Владимировны инспекционную поездку в пермское имение с целью реорганизации управления, где у него возникла мысль о создании школы для крестьян, реализованная затем его тещей, графиней Софьей.

Мужем другой дочери Строгановых, Елизаветы, в 1827 году стал светлейший князь Иван Дмитриевич Салтыков, внук фельдмаршала Николая Салтыкова, победителя прусского короля Фридриха Великого.

Младшая дочь, Ольга Павловна, в 1829 году стала женой гвардейского кавалергарда графа Ферзена, причем весьма романтичным способом, обвенчавшись тайно от родных. Почт-директор Петербурга К. Я. Булгаков писал в те дни брату в Москву: «Вчера было происшествие в строгановской семье. Графиню Ольгу увезли в ночи. Все спали. Князя Василья (мужа Аделаиды. – М. Г.) разбудили, но что было делать, где искать? Догадывались, что увез ее кавалергард граф Ферзен, и не ошиблись. Когда графиня Софья Владимировна встала и о сем узнала, несмотря на горе, удивление и скорбь свою, поступила как умная женщина и добрая мать. Написала к дочери: прощаю, благословляю и ожидаю. Тем дело и кончилось. Они уже

были обвенчаны».

Строптивый дипломат

До сих пор речь шла в основном о представителях младшей линии Строгановых, которая дала ряд известных деятелей российской истории. Но и средняя линия Строгановых, ведущая свое начало от барона Николая Григорьевича, также явила несколько одаренных, блестящих личностей.

Его третий сын, действительный тайный советник Александр Николаевич, был страстным путешественником и «европейцем», подолгу жил за границей. Любопытную характеристику Александру Николаевичу дает его племянник, известный писатель XVIII века И. М. Долгоруков: «Барон Строганов одарен был от природы наружностью самой привлекательной. Он имел сердце чувствительное и разум основательный. Будучи богат и уже смолоду в значительных чинах, он ни мало сими преимуществами не гордился, жил хорошо, без роскоши и скупого расчета. Слабое здоровье подвергало его частым болезням, а сие положение тяготило добрую его душу. Елизавета Александровна (Загряжская, его жена. – М. Г.), быв с ним в Париже, занемогла и повредила, никакие средства не могли изменить ее безумства. Оно год от году усиливалось и дошло, наконец, до того, что надобно было ее запирасть. Столь жалкое ее положение расстраивало природную веселость духа барона... Многие пенсии людям бедным свидетельствовали, сколь он охотно помогал ближним...» Но вместе с тем «и он имел свои пороки. Насмешливый нрав и язвительные шутки делали его несносным и многих приближенных к нему так едко оскорбляли, что самые благодеяния его теряли всякую цену, и даже обращались в тягость. В шутках своих он часто не щадил ничего святого, хотя после бурных дней своей молодости он сделался настоящим христианином. Много способствовало к исправлению его мыслей насчет религии то, что он попал в секту мартинистов».

Его дочь Елизавета Александровна в 1797 году вышла замуж за богатейшего уральского заводчика из знаменитого рода Демидовых, впервые соединив родственными связями две известные горнозаводские династии.

Большую известность на дипломатическом поприще приобрел сын Александра Николаевича Григорий Александрович. Он родился в 1770 году (по другим сведениям, в 1769 году) и после обучения под руководством домашних учителей отправился в 1786 году с французом-гувернером за границу для завершения своего образования, как и его двоюродный брат Павел.

Любопытное сравнение характеров двух братьев Строгановых этих лет оставил воспитатель Павла Жильбер Ромм: «Один посовещается, выслушает и послушается; другой более горд и независим – он советуется и выслушивает, когда ему захочется, сам обсуживает и разбирает поданный ему совет без всякого уважения к советнику и без доверия к его здоровым доводам, он принимает или отвергает советы, как ему вздумается». Первый портрет – Григория, второй – Павла. Ромм отмечал большие успехи Григория в учении и ставил его в пример своему воспитаннику.

Кончина отца в марте 1789 года заставила Григория срочно возвратиться на родину. Вступив в права наследства, молодой барон женится на представительнице знатного рода Трубецких, княжне Анне Сергеевне. В 1794 году у супругов родился сын, названный Сергеем, а в следующем – второй сын, Александр. Еще через год барон Григорий Александрович был пожалован в действительные камергеры и поступил на службу в Берг-коллегию, ведающую горнозаводскими делами. Однако его больше привлекала карьера дипломата, и в начале XIX века он перешел на дипломатическую

службу.

В 1805 году Григорий Александрович был направлен полномочным посланником в Мадрид, с тем чтобы содействовать перемирию между Испанией и Англией. Но события в Европе внесли коррективы в намеченную программу действий. В марте 1808 года испанский король Карл IV отрекся от престола. Новым королем был провозглашен брат Наполеона Жозеф Бонапарт. В июле 1808 года Г. А. Строганов получил письмо от канцлера Н. П. Румянцева, в котором сообщалось, что Александр I намерен признать нового короля и поручает посланнику поздравить Жозефа Бонапарта. Однако Григорий Александрович уклонился от выполнения этого предписания. Вместе с испанскими патриотами Строганов признал законным наследником Карла IV принца Астурийского Фердинанда VII. Вокруг принца группировались противники Наполеона, которые, как считал посланник, пойдут на «великие жертвы» ради национальной свободы. Строганов вступил в переписку с главой Центральной верховной хунты, принявшей на себя функции правительства.

Вместе с тем был момент, когда ему как русскому послу в Испании угрожала опасность. Наполеон продвигался к Мадриду. Строганов искал предлог для отъезда из страны. «Мое пребывание здесь и характер отношений, которые я здесь использовал, несовместимы с пустующим тронem Испании. Я собираюсь уехать отсюда, как только позволят обстоятельства», – писал он в Россию. Предлог вскоре нашелся. В здание российской миссии в Мадриде ворвалась толпа и потребовала выдать ей французов, находившихся на русской службе. Послу с трудом удалось вырваться на улицу и отправиться за помощью. Порядок вскоре был восстановлен, виновные наказаны. Однако Строганов объявил о своем отъезде из страны, мотивируя это тем, что «в нынешних условиях, когда правительство не может обеспечить безопасность иностранных представителей, его дальнейшее пребывание в Испании невозможно».

Г. А. Строганов

В октябре 1808 года Г. А. Строганов по собственной инициативе покинул Мадрид. Этот поступок не был одобрен в Петербурге. Румянцева сообщал посланнику о желании императора снова видеть Строганова в Мадриде. Образ мыслей и поведение посланника признавались «с обязанностями службы несовместимыми». Тем не менее Строганов сумел привести веские доводы, чтобы убедить Александра I в необходимости предпринимаемых им действий. Будучи посланником России при Карле IV, объяснял Строганов, он уже не мог представлять интересы российского императора при Жозефе Бонапарте. «Из всех жертв, – писал он Александру I, – на которые я готов пойти ради славы Вашего Императорского Величества, потеря чести является единственной жертвой, которую я не могу по своей воле принести». Признав

эти доводы убедительными, Александр I вынужден был назначить посланником в Мадрид Н. Г. Репнина, который из-за военных действий так и не смог добраться до места назначения.

Во время дипломатической службы Г. А. Строганова в Испании ярко проявились его политические симпатии, самостоятельный образ мыслей, решительность в действиях. В одной из записок о положении дел в Испании, составленной в 1810 году, он писал, как бы предвидя события Отечественной войны 1812 года в России: «Когда речь идет о защите своих домов, церквей и могил предков и свободы... тогда все – женщины, подростки – принимают участие в войне... Это война одновременно и религиозная, и политическая, и индивидуальная, поскольку речь идет о том, потерять ли все и склониться перед врагом, или защитить своего Бога, страну, семью и свободу».

Казалось бы, строптивый дипломат не мог рассчитывать на новое назначение. Тем не менее в 1813 году Григорий Александрович отправляется на новое место службы – в Швецию. На этом посту ему сопутствовал успех, predetermined дружескими и союзническими отношениями России и Швеции. Российское правительство положительно отнеслось к выбору наследника шведского престола – Бернадотта, бывшего наполеоновского маршала – и к присоединению Норвегии к Швеции, в чем последняя искала поддержки. Совместные военные действия против наполеоновских армий укрепили русско-шведский союз. В своих депешах из Стокгольма Строганов подчеркивает дружеское расположение шведского правительства к России, о котором ему многократно приходилось выслушивать от членов королевской фамилии.

В 1816 году Г. А. Строганов получил новое назначение – возглавить миссию в Константинополе. Он оказался в центре национальных движений за освобождение народов Сербии, Молдавии, Валахии и Греции от османского ига. Оказывая поддержку христианским подданным Турции, посланник вызывал нарекания со стороны османского и российского правительств, хотя и стремился действовать в рамках полученных предписаний.

После заключенного в 1812 году русско-турецкого Бухарестского мирного договора оставался ряд вопросов (разграничение на Кавказе, статус Дунайских княжеств и Сербии, режим судоходства через проливы), решить которые вменялось в обязанность новому посланнику. Наиболее деликатной была проблема предоставления Сербии статуса самоуправляющейся провинции Османской империи, что предусматривалось статьей VIII Бухарестского мира.

По прибытии Строганов получил инструкции, в которых подчеркивалось неоспоримое право России на покровительство христианским подданным Порты и намечались задачи, которые должны быть решены в результате его миссии. Прежде всего это была выработка основ для мирных русско-турецких отношений. Г. А. Строганов являлся сторонником решительных действий в отношении Османской империи и имел твердое убеждение в бесполезности дипломатических дискуссий с ней. Его взгляды на балканскую политику России строились на распространенной в то время идее мессианской роли России среди православного населения Османской империи.

В Константинополе Строганов установил связь с лидерами освободительного сербского движения, с сербскими депутатами, прибывшими в турецкую столицу для передачи Порте требований своего народа. Он вступил в переписку с вождем сербов Милошем Обреновичем. В 1815 году Милош возглавил второе сербское восстание. Оно не принесло решительного успеха сербам, однако в результате переговоров с османскими властями Милошу удалось добиться устного соглашения о предоставлении Сербии ряда политических свобод. Этот договор не был подтвержден

турецкими документами и, следовательно, не являлся юридически правомочным актом. Турки в любой момент могли отказаться от выполнения его условий. Поэтому ближайшей задачей Ми-лоша стало получение от Порты документа, подтверждающего внутреннюю самостоятельность северной провинции Османской империи. Достигнуть этой цели Милош рассчитывал с помощью России.

На сербско-турецких переговорах в 1816–1821 годах Строганов пытался отстоять права сербов, зафиксированные в русско-турецком договоре 1812 года. Он явился автором требований сербского народа к Порте, ставших фактически планом конституционного устройства страны. На этом пути Г. А. Строганов встретил препятствия не только со стороны османского, но и российского правительства. С самого начала он повел переговоры с османскими министрами в резкой, наступательной манере. Это вызвало тревогу со стороны Порты и недовольство российского императора. Александру I было весьма нежелательно какое-либо обострение отношений с западноевропейскими державами. Строганову предписывалось «впредь тщательно избегать в ходе переговоров всяких угроз войной».

Неожиданные препятствия возникли и со стороны сербского руководства. Строганов подчас не мог получить нужных сведений для компетентного представления Порте сербских требований. Это прежде всего касалось текстов договоров, заключенных сербами с османскими властями с 1813 года. Посланник фактически ничего не знал о сложившихся взаимоотношениях султанской власти с сербскими подданными, и получить эти сведения он рассчитывал от самих сербов. Однако сделать это оказалось непросто. Несмотря на продолжительную переписку с Обреновичем, Строганов так и не получил всех требуемых документов. Присланные летом 1818 года «ферманы» свидетельствовали, что сербский вождь не был заинтересован в их исполнении, поскольку в них ничего не говорилось о предоставлении ему титула наследственного князя. Непоследовательная, колеблющаяся позиция Милоша сказалась и в том, что в 1817 году он послал Порте благодарственное письмо, в котором выражал султану признательность за дарованные милости, утверждая, что «сербь спокойны и счастливы, как и предки их не бывали».

Подобные действия помешали посланнику в его переговорах с османским правительством. В последовавшем ряде встреч Строганова с турецкими министрами постоянные ссылки на благодарственное письмо Милоша служили основным аргументом Порты для прекращения обсуждения сербского вопроса как полностью урегулированного.

Тогда Строганов занялся выработкой программы автономного устройства будущего сербского государства. Милош обратился к нему за помощью, признавая несовершенство сербских проектов подобного рода. Представлять Порте условия, изложенные в строгановском проекте, сербы должны были самостоятельно. Разработанный Строгановым в 1820 году проект прошения Порте, явившийся, по существу, планом государственного устройства автономного княжества и прообразом конституции, лег в основу всех дальнейших требований сербского народа к османскому правительству. Он был составлен на основе народных прошений. Опасения Петербурга вызвали, однако, планы установления авторитарной власти Обреновича, который был готов любыми средствами добиться от Порты признания за собой титула наследственного князя. Ради достижения этой цели сербский вождь намеревался пожертвовать насущными интересами всего сербского народа, использовать любую поддержку западноевропейских держав. Поэтому российское правительство было сторонником установления в Сербии власти, ограниченной Сенатом. В данном случае пожелания, исходившие из российской столицы, были созвучны позиции посланника.

В одном из личных писем сербскому князю Г. А. Строганов писал: «Порта видит сильное желание Ваше получить наследственный сан княжеский; она решилась воспользоваться сим благоприятным для нее обстоятельством, дабы, лаская видам Вашим, посредством Вас совершенно поработить Сербию и лишить всех способов к улучшению жребия угнетенных. Ужели мыслите Вы, что она сдержит все обещаемое Вам, когда примет от Вас требуемую присягу? Ужели Вы сами согласитесь купить княжество ценою счастья своих соотечественников?.. Должно, прежде всего, устроить дела общественные, а потом уже ласкаться успехом своих собственных; без того последуют одни неудачи и позднее раскаяние».

Поддерживая требование об ограничении власти князя в Сербии, Строганов выражал и собственное желание видеть в стране конституционную монархию. Парадокс ситуации заключался в том, что предложение это исходило от самодержавной России. Конституционный проект государственной власти в Сербии, воплощения которого добивались как сербские депутаты, так и российские дипломаты, был составлен Г. А. Строгановым в 1820 году.

19 января 1821 года А. Ипсиланти поднял восстание в Молдавии, позднее оно распространилось на Грецию. Опасаясь поддержки восстания со стороны сербов, Порта прекратила с ними всякие переговоры, их делегаты в Константинополе были арестованы. Объявив поход против «неверных», османские власти устроили массовую резню христианского населения турецкой столицы. Протесты Строганова остались без внимания.

Получив известие о восстании в Греции, царское правительство осудило действия повстанцев, о чем Строганов был уполномочен известить Порту. Однако позиция русского посланника резко расходилась с официальной позицией правительства по этому вопросу: он считал, что отказ от поддержки освободительного движения балканских народов противоречит политическим интересам России, и требовал полномочий для оказания помощи греческим патриотам.

Летом 1821 года Турция наложила эмбарго на товары, провозимые кораблями под русским флагом, и запретила греческое судоходство в проливах, что нанесло ощутимый вред русской торговле.

6 июля Строганов направил Порте ноту с требованием прекратить преследование христианских подданных и восстановить свободное судоходство в проливах. В установленный срок Порта ответа на ноту не дала. Считая бесполезным продолжать переговоры и имея полномочия принимать самостоятельные решения, посланник и вся российская миссия в Константинополе покинули турецкую столицу. Этот шаг означал разрыв дипломатических отношений с Турцией.

Правительства великих держав опасались новой русско-турецкой войны и последующего господства России в проливах и в Турции. Александра I упрекали в том, что поведение его посланника поощряет революционные выступления в Европе, и в частности в Греции.

Османское правительство ожидало от России решительных действий. В скорой войне были уверены и на западе. Однако в правящих кругах России мнения на этот счет разделились. Руководители Министерства иностранных дел К. В. Нессельроде и И. Каподистрия возглавили две противоборствующие партии. Каподистрия выдвигал планы вооруженного решения русско-турецких противоречий. Его поддерживали влиятельные русские дипломаты: вернувшийся из Турции Г. А. Строганов, Ю. А. Головкин – в Вене, Х. А. Ливен – в Лондоне, К. О. Поццо-ди-Борго – в Париже.

Группировка К. В. Нессельроде считала необходимым сохранение верности принципам Священного союза и находила несовместимой с ними военную поддержку революции в Греции.

К. В. Нессельроде

То, что Александр I склонился к мнению этой партии, серьезно повлияло на дальнейшую политику России на востоке и повлекло за собой отставку сторонников войны.

Руководители Министерства иностранных дел, да и сам император, не всегда одобряли точку зрения Г. А. Строганова на ту или иную проблему, однако, как правило, вынуждены были соглашаться с оценками событий и действиями К. В. Нессельроде посланника как наиболее приемлемыми в сложных ситуациях. Вместе с тем и Строганов во время своей дипломатической службы принужден был действовать согласно инструкциям и тем внешнеполитическим принципам, которых придерживалось российское правительство в тот или иной период. Но нежелание изменять своим взглядам и корректировать поведение в зависимости от получаемых указаний привело к тому, что после 1821 года Строганов навсегда покинул дипломатическую службу. Миссией в Константинополе завершилась дипломатическая карьера Г. А. Строганова. Несколько лет он провел за границей, в 1826 году вернулся в Петербург, где был определен в департамент экономии. Во время коронации Николая I Г. А. Строганов получил графский титул со всем своим нисходящим потомством. В 1838 году Григорий Александрович официально представлял Россию на коронационных торжествах английской королевы Виктории. В конце жизни граф Г. А. Строганов – Андреевский кавалер, обер-камергер, член Государственного совета. Скончался он в 1857 году в возрасте 87 лет.

Григорий Александрович был дважды женат. После кончины первой супруги, княгини Анны Сергеевны Трубецкой, он женился на графине Юлии Петровне (Жулиане) Д'Эга, урожденной Д'Алмейда, с которой познакомился еще в Мадриде. Супруги, графиня Юлия и Григорий Александрович, были очень дружны с А. С. Пушкиным, которому Строганов приходился свойственником через Наталью Гончарову. Юлия Петровна дежурила у постели умирающего поэта; граф Строганов взял на себя материальные расходы, связанные с его похоронами, а затем был опекуном осиротевшей семьи.

Ю. П. Строганова

У Г. А. Строганова от двух браков родилось пять сыновей. Второй по старшинству сын, Александр (1795–1891), – граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, пользовался немалой известностью. Воспитание он получил в корпусе инженеров путей сообщения, по окончании курса которого поступил в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду. А. Г. Строганов находился в рядах войск, преследовавших отступавшего из России Наполеона, участвовал в сражениях под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом. В 1831 году Строганов участвовал в подавлении польского восстания, в 1834 году был назначен товарищем министра внутренних дел, каковым пробыл до 1836 года, когда получил пост генерал-губернатора черниговского, полтавского и харьковского. В 1839–1841 годах он вновь в Министерстве внутренних дел, теперь уже в качестве управляющего министерством. С 1849 года А. Г. Строганов являлся членом Государственного совета. Пробыв год (1854) военным губернатором Петербурга, он около девяти лет состоял новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Таков внушительный послужной список этого государственного деятеля.

Александр Григорьевич, как и многие другие Строгановы, начиная со второй половины 1850-х годов, принимал активное участие в крупных коммерческих предприятиях. Длительное время он являлся председателем образованного в 1856 году Главного общества российских железных дорог – первого акционерного железнодорожного общества в России, на которое была возложена грандиозная задача постройки трех тысяч верст железнодорожного полотна, по существу, создания сети железных дорог в стране.

Известен он был и как меценат. В бытность свою в Одессе Строганов состоял президентом тамошнего «Общества истории и древностей российских», сделал много ценных пожертвований в его музей. В 1857 году он представил государю свой проект преобразования Ришельевского лицея в Новороссийский университет с юридическим и агрономическим факультетами, но по финансовым соображениям осуществление проекта было тогда отложено. После отставки от должности новороссийского генерал-губернатора Строганов был избран почетным гражданином Одессы, в которой провел последние годы жизни. Скончался он в возрасте 96 лет. Его громадная библиотека, согласно завещанию, досталась Томскому университету.

Государственный деятель и меценат

Наибольшей известностью из нового поколения Строгановых пользовался старший

сын «строптивного» дипломата Сергей Григорьевич (1794–1882) – выдающийся государственный деятель и меценат, с именем которого связан новый этап в истории старинной русской династии, ее возрождение и продолжение. Когда грянула Отечественная война 1812 года, Сергей Григорьевич заканчивал курс в Институте инженеров путей сообщения, куда поступил в 15 лет. Зачисленный на военную службу, он участвовал в войне с Наполеоном, отличился в Бородинском сражении. С. Г. Строганов прошел всю войну, находился в рядах русских войск, триумфально вступивших в 1814 году в Париж.

После возвращения войск в Россию С. Г. Строганов с января 1816 года служит штаб-ротмистром в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе, где в то же время заканчивал учебу молодой лицеист Александр Пушкин. В лицейские годы Пушкин был влюблен в Наталью Кочубей, жившую с родителями в летние месяцы на царскосельской даче. Среди знакомых юной красавицы, несомненно, был и молодой гвардейский ротмистр. В сентябре 1820 года она стала женой барона Александра Григорьевича Строганова, родного брата Сергея Григорьевича.

Н. В. Кочубей

Продолжая военную службу С. Г. Строганов (с сентября 1828 года – генерал-майор) участвует в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. В это же время он привлекается к работе различных государственных комитетов. Еще в чине полковника граф стал членом Комитета устройства учебных заведений (1826–1835). Первым опытом работы комитета стал новый устав гимназий, изданный 8 декабря 1828 года. Строганов принимал участие и в подготовке нового университетского устава, вступившего в силу в 1835 году.

Служебная карьера С. Г. Строганова складывалась удачно. В 1831 году, будучи губернатором в Риге, граф заслужил доверие жителей благоразумными мерами во время холеры. В 1832–1834 годах Строганов – военный губернатор в Минской губернии, где также оставил по себе добрую память. Он имел звания генерала от кавалерии, генерал-адъютанта, участвовал в Крымской войне 1853–1856 годов, был сенатором, кавалером ордена Св. Александра Невского.

Сергей Григорьевич не забывал о своих научных и художественных увлечениях. Он – основатель и председатель (пожизненно) Императорской Археологической комиссии, располагавшейся в его петербургском дворце в течение 23 лет. Строганов состоял членом высочайше утвержденной комиссии для построения храма Христа Спасителя в Москве.

Москве он отдал лучшие годы. Высочайшим указом от 1 июля 1835 года Строганов был назначен попечителем Московского учебного округа и Московского университета. Его 12-летнее управление связано с блестящей эпохой процветания различных учебных заведений Москвы, и прежде всего Московского университета. Это было «самое счастливое время для университета по отсутствию всяких стеснений и формализма». «При нем, – вспоминал о Строганове профессор Б. Н. Чичерин, – университет весь обновился свежими силами. Все старое, запоздалое, рутинное устранялось. Главное внимание просвещенного попечителя было устремлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми со знанием и талантом. Он отыскивал их всюду...» В эти годы С. Г. Строганов оказал поддержку плеяде молодых профессоров университета во главе с Т. Н. Грановским. Он многое сделал и для нужд студентов, для улучшения положения гимназий, расширил возможности образования для мещан и ремесленников.

Т. Н. Грановский

Являясь известным государственным и общественным деятелем, граф Сергей Григорьевич Строганов был вместе с тем крупным меценатом и коллекционером, продолжая давние традиции Строгановых в этой области. В 1847 году конфликт Строганова с министром народного просвещения графом С. С. Уваровым побудил его подать в отставку с поста попечителя Московского учебного округа. Оставив временно государственную службу, он занялся коллекционированием предметов археологии, нумизматики и пополнением своей картинной галереи. Надо сказать, что у Сергея Григорьевича была своя эстетическая программа, во многом отличавшаяся от художественных привязанностей Строгановых Екатерининской эпохи. Он почитал древнее русское искусство, отрицательно относился к тому новому, что появилось в России с эпохой Петра Великого. Также отрицательно граф относился и к самому Петербургу, его архитектуре и потому, видимо, предпочитал жить в Москве. В доме на Мясницкой он разместил коллекцию икон строгановской школы XVI–XVII веков, о которой мечтал после первого знакомства с иконами старого письма, вывезенными из фамильных усадеб Сольвычегодской земли. Равнодушен Сергей Григорьевич был и к строительству, делая исключение лишь для возведения храмов.

Как бессменный (в течение почти 30 лет) председатель «Общества истории и древностей российских», Строганов много сделал для издания трудов общества. Ему удалось добиться постоянной государственной субсидии для этих целей. По высочайшему поручению он руководил многотомным изданием «Древностей Российского государства», выходящим в свет в 1837–1874 годах под его непосредственным наблюдением и часто на его средства. Граф сам писал статьи по археологии. С его именем связаны археологические раскопки в Крыму и на юге России, создание скифской коллекции Эрмитажа. Он составил и издал в 1849 году

книгу «Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, строенный с 1194 по 1197 год». Сам храм реставрировался также на его средства. Им написаны книги: «Русское искусство и Е. Виолле-де-Дюк» и «Архитектура в России от X до XVIII столетия» (1878). Строганов – автор статьи «О серебряных вещах, найденных во Владимире и Ярославской губернии в 1837 году». Как вспоминает Б. Н. Чичерин, «уже восьмидесятилетним стариком он вдруг с любовью занялся собиранием мексиканских древностей».

Собирал С. Г. Строганов и старинные монеты. Вместе с коллекционером А. Д. Чертковым он значительно поднял научный интерес к русской нумизматике. Собрание графа (свыше 44 тыс. монет) по своей ценности считалось третьим в мире. Интересовался он, хотя и не в той мере, как Строгановы XVIII столетия, голландской и итальянской живописью. Сергей Григорьевич, продолжая старую семейную традицию, имел и домашнего художника, А. Колючи.

Большую роль Строганов сыграл и в деле поддержки русской национальной школы живописи. Вместе с секретарем Общества поощрения художников писателем Д. В. Григоровичем он всячески помогал начинающим талантливым художникам. Многие из знаменитых художников «обязаны ему как своим воспитанием, так равно и первыми шагами на поприще самостоятельной деятельности».

Меценату обязана своим появлением и знаменитая «Строгановка», существующая и поныне. В 1825 году он основал на свои средства в Москве на Мясницкой «бесплатную рисовальную школу, приспособленную к искусствам и ремеслам», которую содержал на своем иждивении почти 20 лет. В ней могли учиться и крепостные. В 1860 году школу преобразовали вначале в Строгановское училище технического рисования, а затем – в Императорское Строгановское художественно-промышленное училище. Семья Строгановых продолжала финансировать его до 1917 года.

Сергей Григорьевич, как крупный промышленник, владелец замосковных и уральских горных заводов, занимал одно время должность председателя Московского отделения Мануфактурного совета, способствуя на этом посту развитию промышленности московского заводского района. А. И. Герцен в своем «Дневнике» неоднократно отмечал «личное благородство» С. Г. Строганова. «Я уважаю и люблю его, – писал он. – Доселе из всех аристократов, известных мне, я в нем одном встретил много человеческого». Однако не стоит чрезмерно идеализировать личность графа С. Г. Строганова. По своим взглядам, сформировавшимся в Николаевскую эпоху, это был весьма консервативный деятель, убежденный сторонник самодержавия. В 1848 году под влиянием революционных событий в Европе он подал Николаю I записку с предложением чрезвычайных мер по усилению цензуры и вошел в состав секретного комитета Д. П. Бутурлина, созданного для рассмотрения этого вопроса. Строганов выступал против крестьянской реформы и особенно противился, как крупный землевладелец, освобождению крестьян с землей. Во время знаменитого обсуждения в Государственном совете законопроекта об освобождении крестьян, происходившего в присутствии императора Александра II в начале 1861 года, С. Г. Строганов был одним из самых резких критиков законопроекта, выступая против «нарушения прав собственности дворянства». И впоследствии, уже при Александре III, в начале 1880-х годов, С. Ю. Витте называл его главой консервативной партии в «петербургских сферах».

В его противоречивой натуре легко уживались любовь к культуре и великодушие с самодурством николаевского крепостника. Современник вспоминал о нем: «Если кто ему не нравился или если что-нибудь не по нем, он обрывал с резкостью старого вельможи, иногда даже совершенно незаслуженно и некстати, ибо он в чужие

обстоятельства никогда не входил и вообще мало что делал для людей, имея всегда в виду только пользу дела. Вследствие этого многие, имевшие с ним сношения, его не любили. В особенности не жаловали его славянофилы, которых он со своей стороны весьма недолго любил, видя в них только праздных болтунов. Погодин и Шевырев жаловались иногда на притеснения».

Служебная карьера С. Г. Строганова тем временем развивалась по нарастающей линии. 8 сентября 1859 года граф по высочайшему повелению назначается «Попечителем Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича». В 1860-е годы он – главный воспитатель великих князей, с 1859 года – член Государственного совета, в 1859–1860 годах – московский генерал-губернатор, в 1863–1865 годах – председатель Комитета железных дорог. С. Г. Строганов имел звание генерал-адъютанта. Генерал-адъютантский мундир у него был с вензелем Александра I, в память о том, что Строганов сопровождал тело императора из Таганрога.

Личная жизнь С. Г. Строганова была также счастливой. От брака со старшей дочерью Павла Александровича Строганова, Натальей, он имел четырех сыновей – Александра, Павла, Григория и Николая и двух дочерей – Софью и Елизавету. Наталья Павловна, обремененная большой семьей и хозяйством, давно забросила увлечения юности – рисование и гравирование, хотя когда-то подавала большие надежды.

После женитьбы к Сергею Григорьевичу впоследствии перешел и майорат семьи Строгановых. В 1845 году жена его исходатайствовала у Николая I право перехода майората, находившегося после смерти матери в ее собственности, в пожизненное владение мужа. Указ об этом от 3 апреля 1847 года присоединял к майорату имения, доставшиеся ей от отца и брата Александра с 13 тыс. душ.

В этот период Сергей Григорьевич неоднократно приезжал в пермские имения для проверки состояния дел и решения вопросов управления огромным хозяйством. В 1846 году он пробыл там весну и лето, «обозревая все части управления». С 25 июля по 2 октября 1850 года граф подробно осматривал Очерский, Добрянский, Билимбаевский заводы, побывал в Инвенских селениях, в Ильинском, в Перми, в Усолье, после чего отправился в Москву. Во время этой поездки Строганов не только принимал меры в связи с различными нарушениями, но и оказывал милости с целью поощрения подчиненных ему людей. Так, крестьянам и мастерам были прощены недоимки и долги на сумму более 280 тыс. рублей серебром, служители получили прибавки к жалованью и в качестве подарка до 20 серебряных часов. На разного рода поощрения было истрчено более миллиона рублей. Такого рода отеческий патронаж и благотворительность были характерны для управления Строгановых в крепостное время. Они делали налоговые послабления для крестьян, открывали школы и училища, строили церкви.

В первые пореформенные десятилетия С. Г. Строганов значительно укрепил майорат. После освобождения крестьян в нераздельном имении насчитывалось вместе с собственной частью Сергея Григорьевича 94 тыс. душ. После наделения крестьян землей у Строгановых осталось 1,3 млн десятин. Выкупных денег им полагалось 7,57 млн рублей. Из них Сергей Григорьевич уступил крестьянам 2,3 млн рублей. Тем не менее даже за вычетом этой суммы в распоряжении Строганова оставался внушительный капитал.

Вынужденный отдать часть земли крестьянам, С. Г. Строганов, используя возможности майората, обеспечил закрепление за ним оставшейся части земель и крупной суммы денег. В балансе хозяйства появилась статья «неприкосновенный капитал». Он был образован из выкупных сумм, обращен в облигации и хранился в

качестве нераздельного капитала пермского имения (3 736 000 рублей серебром) в Государственном банке. Неприкосновенный капитал придавал определенную прочность хозяйству и мог быть использован в критический момент для проведения любой крупной операции, связанной с его развитием.

Разумно управляя громадными вотчинами, С. Г. Строганов сумел погасить все долги, оставшиеся от прошлых владельцев, и завещал своему наследнику, внуку графу Сергею Александровичу, имение в прекрасном состоянии. Скончался Сергей Григорьевич в пасхальную ночь в Петербурге 28 марта 1882 года и похоронен, как и другие Строгановы, в Александро-Невской лавре.

Наследником С. Г. Строганова по владению майоратом должен был стать его старший сын – граф Александр Сергеевич. Он родился 7 декабря 1818 года, учился в Дрездене, закончил курс Московского университета. Был назначен флигель-адъютантом императора Николая I, служил также егермейстером двора. А. С. Строганов был женат на дочери обер-егермейстера двора князя В. Васильчикова. Граф много путешествовал, а затем поступил на военную службу. Был полковником лейб-гвардии Преображенского полка и первым командиром вновь учрежденного 1-го гвардейского стрелкового батальона. Александр Строганов участвовал в венгерском походе российской армии 1848 года, а затем в Крымской войне 1853–1856 годов. С воцарением Александра II он уволился со службы и посвятил себя воспитанию детей – сына Сергея и четырех дочерей и коллекционированию медалей и монет. Граф, в отличие от других Строгановых, не интересовался живописью, предпочтя ей нумизматику, и собирал преимущественно римские монеты. Он являлся одним из основателей в 1846 году Петербургского археологического общества истории и древностей российских и действительным членом Одесского исторического общества. Был известен в ученом мире также как собиратель средневековых и новоевропейских монет и часто ездил за границу, где пополнял свою коллекцию. Александр Сергеевич предпочитал жить в доставшемся от жены имении Воышово, расположенном в 40 км от города Порхова Псковской губернии. Умер он в 1864 году, так и не вступив в права наследства, перешедшие к его сыну.

Второй сын С. Г. Строганова, Павел Сергеевич (1823–1912), окончил юридический факультет Московского университета, после чего поступил в Министерство иностранных дел и был послан в Рим третьим секретарем посольства. С 1847 по 1862 год он находился в вечном городе, где увлекся коллекционированием картин, для приобретения которых часто посещал Париж и Голландию. Получив в наследство от деда дом в Петербурге, расположенный недалеко от Летнего сада, на Сергиевской улице, П. С. Строганов в 1857 году начал его перестройку по проекту архитектора Ипполита Монигетти, «повторив жизненный путь своего предка, президента Академии художеств». Продолжая традицию екатерининского мецената, превратившего свой дворец в музей, Павел Сергеевич придавал внешнему виду своего дома-дворца «подобие Академии художеств». В Петербурге появился еще один строгановский дворец, соперничавший красотой залов со старым дворцом на Невском проспекте. Великолепные внутренние интерьеры дворца «были немислимы без наполняющих их произведений искусства самого высокого достоинства». Меценат перевез в Россию из Рима 83 картины крупнейших европейских мастеров, в основном XVII столетия. Эти художественные полотна и составили основу коллекции нового дворца, насчитывавшую до 100 картин лучших мастеров итальянской, испанской, фламандской и голландской школ. Позднее они были перенесены в старый строгановский дворец на Невском проспекте (у Павла Сергеевича не было детей). Восемь из них (Ф. Липпи, Корреджо и др.) по его завещанию поступили в Эрмитаж. Во дворце на Сергиевской улице находилось большое количество старинной мебели, скульптур, изделий из китайского фарфора. Как считают исследователи, «атмосфера поклонения Версалью», царившая в этом строгановском дворце, «подготовила почву»

для создания художественного объединения «Мир искусства» на рубеже XIX и XX веков.

Третий сын Сергея Григорьевича Строганова, Григорий (1829–1912), уже не жил в России, постоянно пребывая за границей. Он в еще большей степени развил усиленно проводившуюся в жизнь его братом Павлом идею «приобретения западноевропейских картин в качестве элемента светской жизни». Его собрание, насчитывавшее не менее 150 картин, было самым крупным и последним собранием семьи Строгановых. Картины находились в его палаццо в Риме. Он так же, как и Павел, не имел детей. По его завещанию в Эрмитаж были переданы картины Фра Анжелико, С. Мартини и др.

Последний владелец «нераздельного имения»

Последним владельцем пермского нераздельного имения Строгановых, наследником С. Г. Строганова стал его внук граф Сергей Александрович Строганов (1852–1923 или 1931). Он родился в Главном придворном госпитале, при его крещении восприемниками были император Николай I и великая княгиня Екатерина Михайловна. Рано потеряв отца, Сергей Александрович находился под влиянием деда, с которым до последних дней его жизни состоял в переписке. С. А. Строганов интересовался морским делом и по окончании Петербургского университета стал одним из наиболее деятельных членов Императорского яхт-клуба в Петербурге. В 1876 году он совершил кругосветное путешествие (по другим сведениям, трансатлантический переход) на своей яхте «Заря», участвовал в боевых действиях Черноморского флота во время русско-турецкой войны, с июня 1878 года служил на коммерческих судах, являлся членом Комитета по созданию Добровольного флота.

В 1882 году лейтенант С. А. Строганов женился на 19-летней фрейлине княжне Евгении Александровне Васильчиковой, но вскоре (1884) овдовел. Последний владелец майората не имел прямого наследника. Потрясенный смертью жены, он в марте 1885 года вышел в отставку и уединился в своем псковском имении Воышово, занимаясь коннозаводством. В 1889 году им был основан конный завод «Графский хутор» на Кавказе, в 6 милях от Пятигорска. Во время русско-японской войны 1904–1905 годов граф пожертвовал миллион рублей на нужды русского флота, а в Ильинской больнице было все подготовлено, чтобы принять двадцать человек раненых воинов. Кроме того, семействам служащих и лесной стражи, участвовавших в войне, выдавалось пособие. В начале войны С. А. Строганов выделил большую сумму на приобретение в Германии парохода, который, однако, пришлось продать. Вырученная сумма (125 216 рублей) была передана Морскому министерству и положена в банк, составив «капитал имени графа С. А. Строганова», проценты от которого расходовались на выдачу премий за лучшие сочинения для матросов и на их издание. Во время революционных событий 1905 года Сергей Александрович надолго уезжает в Париж.

С. А. Строганов был весьма образованным человеком, много писал. В 80-90-е годы XIX века он серьезно изучал богословские вопросы и западноевропейских моралистов. К этому времени относятся его сочинения религиозно-нравственного содержания, образцы проповедей и назидательного чтения для народа.

Сергей Александрович много путешествовал, в том числе в дальние экзотические страны Востока, Южной Америки и Африки, увлекался, кроме яхт, лошадьми и охотой. В 1888 году вместе с сестрой Ольгой Александровной и ее мужем князем А. Г. Щербатовым Строганов совершил путешествие по Ближнему Востоку (Египет – Ливан – Сирия). В 1892 году вместе с четой Голицыных он отправился на яхте «Заря» к Антильским островам, подарив по возвращении столичному зоопарку редчайшего

грызуна с острова Тринидад. В 1900 году, опять в компании с сестрой Ольгой и ее мужем, С. А. Строганов путешествовал по Верхней Месопотамии, в результате чего появилась их совместная работа «Книга об арабской лошади». Позднее Ольга уже самостоятельно написала книги об их совместных путешествиях: «Верхом на родину бедуинов в погоне за кровными арабскими лошадьми», «По Индии и Цейлону», «В стране вулканов».

Не оставался С. А. Строганов в стороне и от художественной жизни. В 1897 году на выставке историко-художественных предметов и картин, посвященной коронации императора Николая II, были представлены европейские коллекции рода Строгановых. В 1908 году во дворце С. А. Строганова на Невском проспекте с успехом проходила выставка художественной группы «Венок Стефанос». В 1914 году граф, продолжая традиции строгановского меценатства, организовал в своем дворце общедоступный художественно-исторический музей. Но вскоре началась Первая мировая война, и во дворце расположились учреждения Красного Креста.

Однако главной заботой последнего владельца майората оставались уральские промышленные предприятия. При своем вступлении во владение ими он заявил: «Глубоко чтя покойного деда, я могу только уважать сделанное им в имении и для имения, и оставляю в имении Пенсионный устав в полной его силе и неприкосновенности. Равным образом система управления и состав всех служащих остаются... без всякой перемены». Тысячи рабочих-сталелитейщиков на уральских заводах Строгановых с 1900 года были заняты на основе участия в прибылях. В 1896 году пермское нераздельное имение экспонировало продукцию железоделательных заводов и лесного хозяйства на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и получило право изображать герб России на железных изделиях и золотую медаль за образцовое ведение лесного хозяйства.

Пермский завод Строгановых

Однако далеко не все было благополучно в строгановской промышленной империи. Горнозаводское хозяйство с наступлением нового столетия постепенно приходило в упадок. С. А. Строганов унаследовал семейный майорат в 1882 году. К этому времени в нераздельное имение входили 8 заводов (Кувинский, Кыновский, Уткинский, Билимбаевский, Добрянский, Софийский, Павловский, Очерский) с приписанными к ним около 925 тыс. десятин земли горнозаводских лесных дач. К 1915 году общая площадь заводских земель уменьшилась до 772 тыс. десятин.

В годы кризиса начала 1900-х годов заводы Строганова не сумели обновить свое оборудование. Не соответствовала новым условиям схема их расположения, сложившаяся в XVIII веке. В 1909–1911 годах были закрыты Софийский, Павловский, Очерский, Кыновский заводы в силу их бесперспективности и нерентабельности. Причинами этого послужили истощение вблизи заводов лесов и рудных

месторождений, высокая стоимость труда и отсутствие подъездных путей к железнодорожным магистралям и судоходным рекам.

И лишь оставшиеся Билимбаевский, Уткинский и Добрянский заводы за период 1908–1912 годов увеличили производительность. Однако в дальнейшем и на них выпуск продукции стал сокращаться. Происходило свертывание крупного производства.

С. А. Строганов попал в трудное положение. Серьезная техническая реконструкция уральских горнозаводских предприятий требовала крупных капитальных затрат. Но обращение к банковскому кредитованию таило угрозу акционирования предприятий и в конечном счете потерю над ними семейного контроля. Тем не менее исследователи считают, что заводчик был в состоянии осуществить модернизацию предприятий, если бы захотел, опираясь на вполне прочное общее финансовое положение своего майоратного хозяйства.

Оно резко отличалось по своей устойчивости от всех крупных горнозаводских хозяйств Урала.

Перед войной главная контора С. А. Строганова, помещавшаяся в его дворце на Невском, располагала совокупным капиталом около 5 млн рублей. Остатки текущих счетов конторы в банках в период Первой мировой войны составляли еще около 900 тыс. рублей. Стоимость одного лишь заповедного имения (майората) оценивалась в 11 млн рублей, а помимо этого С. А. Строганов владел землями (около 33 тыс. десятин), унаследованными от матери, жены и приобретенными им самим. Недвижимость графа в Петербурге уже в 1894 году включала 60 домов. Кроме того, ему принадлежала мыза в Санкт-Петербургском уезде, 2 каменных дома в Нижнем Новгороде, соляные варницы, золотые прииски, заводы. За границей он был хозяином дворца и поместья в Риме, квартиры в Париже, виллы под Ниццей и коллекции картин старых мастеров. По оценке одной английской газеты, все имущество С. А. Строганова перед Октябрьской революцией оценивалось более чем в 100 млн рублей.

Однако заводчик, боясь повторения судьбы других крупных промышленников Урала (князей Гендриковых, Гудовичей, Львова), обратившихся к коммерческим банкам за кредитом на условиях акционирования своих предприятий и в конце концов разорившихся, не стал реконструировать свои заводы. Он избрал иной путь развития хозяйства: широкое развертывание продажи товарного леса с заводских земель и подготовку горнозаводского сектора для передачи в аренду. На 1917 год было запланировано продать товарного леса на сумму свыше 4 млн рублей. В октябре того же 1917 года С. А. Строганов подготовил договор о передаче самого крупного Добрянского металлургического завода без лесных площадей в аренду франко-русскому обществу на 15 лет по 300 тыс. рублей в год и с отчислениями от чистой прибыли предприятия. И лишь революция остановила совершение этой сделки.

Революция определила и дальнейшую судьбу последнего владельца нераздельного имения. Не имея наследников, С. А. Строганов еще ранее назначил своим преемником во владении майоратом сына своей сестры Ольги, Олега (1881–1915), и передал управление всеми другими поместьями своему зятю (мужу Ольги) князю Александру Щербатову, сельскохозяйственному деятелю, возглавлявшему ежегодные ярмарки в Ростове-на-Дону. После Октябрьской революции С. А. Строганов сдал ключи от дворца и картинной галереи в Петербурге наркому просвещения А. В. Луначарскому и навсегда уехал за границу.

Сергеем Александровичем – последним хозяином майората завершается

многовековая история основной ветви знаменитой российской династии промышленников и предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховская-Кузнецова А. А. А. С. Строганов как тип русского коллекционера // Панорама искусств. – М., 1988. – Вып. 11.

Божерянов И. Граф Александр Сергеевич Строганов // Художественные сокровища России. – СПб., 1901. – № 9.

Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков. – М., 1977.

Буранов Ю. А. Финансовое положение хозяйства Строгановых в начале XX века // Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. – Свердловск, 1980.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. – М., 1962.

Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. – М., 1908.

Вигель Ф. Ф. Воспоминания. – М., 1965. – Т. 2.

Волегов Ф. А. Родословная гг. Строгановых// Пермский край: Сборник сведений о Пермской губернии. – Пермь, 1895. – Т. 3.

Головачев П. М. Покорение Сибирского царства и личность Ермака // Сибирский сборник. – Иркутск, 1891. – Т. 1.

Горный журнал. – 1826. – Кн. 5.

Дмитриев А. А. Усольская летопись Ф. А. Волегова. – Пермь, 1882.

Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. – М., 1860. – Ч. 2.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. – М., 1997.

Егорова Е. И. 500 лет рода Строгановых, меценатов искусств // Строгановы и Пермский край: Материалы научной конференции 4–6 февраля 1992 г. – Пермь, 1992.

Икосов П. С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 году. – Пермь, 1881.

Именитые люди бароны и графы Строгановы. – Пермь, 1996.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. – М., 1994. – Т. 9.

Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование. – СПб., 1885.

Колмаков Н. М. Дом и фамилия Строгановых // Русская старина. – 1887. – Т. 54. – № 4.

Колмаков Н. М. Памяти графа Александра Сергеевича Строганова. – СПб., 1844.

Коровин В. К. Краткий исторический очерк дома Строгановых // Горный журнал. – 1862. – № 8.

Косточкин В. В. Чердынь, Соликамск, Усольск. – М., 1988.

Кудрявцева Е. П. Российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов // Портреты российских дипломатов: Сб. научных трудов. – М., 1991.

Кузнецов С. О. Дворцы Строгановых. – СПб., 1998.

Кузнецов С. О. Собрания живописи дома Строгановых у Полицейского моста // Строгановы и Пермский край: Материалы научной конференции 4–6 февраля 1992 г. – Пермь, 1992.

Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. – СПб., 1903. – Т. 1.

Островская М. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII веках. – СПб., 1913.

Платонов С. Строгановы, Ермак и Мангазея // Русское прошлое: Исторические сборники. – М.; Пг., 1923. – № 3.

Попов Н. А. Переписка барона Григория Александровича Строганова с Милошем Обреновичем в 1817–1826 годах. – М., 1867.

Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997.

Провинциальная хроника // Дела и дни. – 1920. – Кн. 1.

Русский биографический словарь. – СПб., 1909. – Т. 19.

Род Строгановых: Практическое пособие для историков, краеведов и генеалогов // Сост. А. Н. Онучин. – Пермь, 1990.

Саплин А. И. Российский посол в Испании. 1805–1809 // Вопросы истории. – М., 1987. – № 3.

С. Г. Строганов. Некролог // Художественный журнал. – 1882. – № 4.

Тихонравов Н. С. Синодик и родительский летописец Строгановых. – М., 1884.

Трубинов Ю. В. Строгановский дворец. – СПб., 1996.

Тынянов Ю. Гражданин Очер // Прометей. – М., 1966. – Т. 1.

Успенский В. С. Павел Александрович Строганов // Вопросы истории. – М., 2000. – № 7.

Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. – СПб., 1842.

Чичерин Б. Н. Студенческие годы // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989.

Чудинов А. В. Ж. Ромм и П.Строганов в революционном Париже (1789–1790)// Россия и Франция: XVIII–XX века. – М., 1998. – Вып. 2.

Чупина П. О. Материалы к истории пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губернии. – Пермь, 1893. – Т. 2.

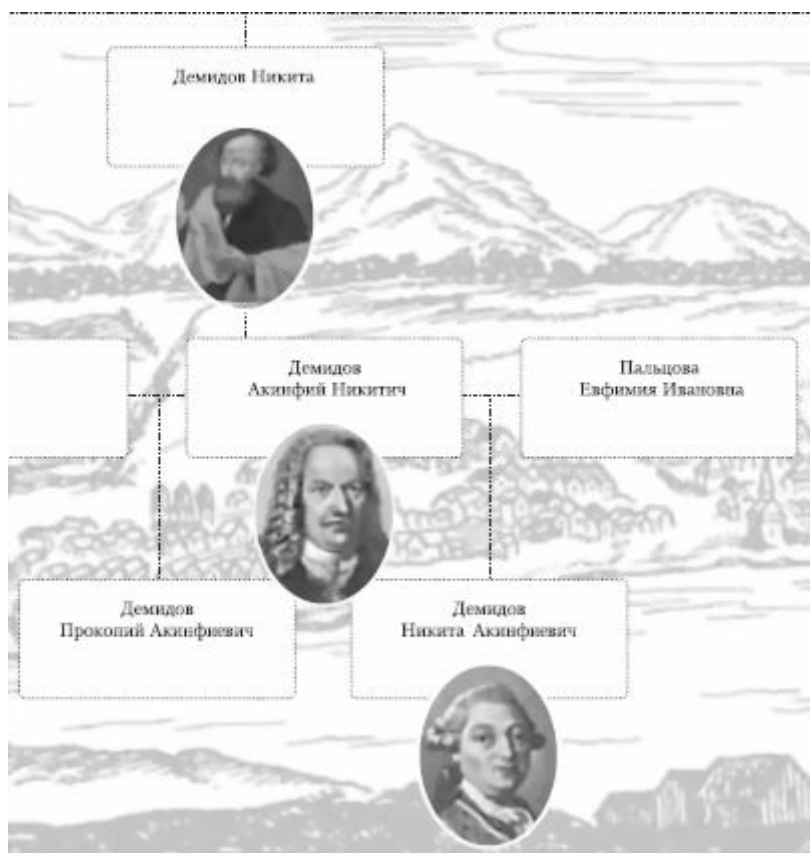
Шилов В. В. Строгановы: из истории рода // Страницы истории Урала. – Пермь, 1995. – Вып. 2.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. – СПб., 1898. – Т. 4.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. – СПб., 1908.

ДЕМИДОВЫ

Первые Демидовы – искусные мастера и энергичные заводчики, замеченные и вознесенные вверх повелением царя-работника, остались по какому-то трудно объяснимому закону в самых глубинах народной исторической памяти. Их реальные образы и дела с течением времени переплелись с народными сказаниями, былями и легендами, обросли вымыслами.

В уральском фольклоре тема заводчиков Демидовых звучит особо. Многие предания о них связаны с Невьянской башней, символом жестокого произвола Демидовых. Образы реальных, исторических Демидовых предстают в некоем

мифическом ореоле, а их действительные судьбы едва проступают сквозь призрак дымки легенд. Вокруг истории этой династии наросло столько вымыслов, сенсационных гипотез, полуанекдотических повествований, что, несмотря на большую литературу о Демидовых, рассказывая о них, трудно встать на твердую почву строгих исторических фактов, отделить зерна от плевел. Вот почему так важно использование точных деталей, черт, характеристик, рисующих во всей сложности и противоречивости облик этих крупных, оригинальных личностей.

Несмотря на «тяжкую руку» Демидовых в управлении подданными своей заводской империи (мастеровыми, работными людьми, приписными крестьянами), в памяти народа они сами долго еще оставались как бы неотъемлемой частью этой коренной, трудной народной жизни. Первые Демидовы были, в сущности, плоть от плоти ее – такие же корявые, кряжистые и грубоватые, как и те простые русские мужики, умельцы и мастера, которыми они управляли. «Это было, – по словам Д. Н. Мамина-Сибиряка, – кипучее время – время сильных людей, как на добро, так и особенно на зло, время, носившее на себе печать какого-то стихийного разгула сил, когда на каждом шагу проявлялась почти нечеловеческая энергия». И еще долго, весь XVIII век, да и в XIX веке тоже, целые поколения Демидовых сохраняли это свое «мужицкое» обличье, но уже с большой примесью барского крепостнического самодурства да еще извечного жадного интереса новой русской знати к заманчивой европейской цивилизации – т. е. к тому, о чем они, по странному парадоксу, и слышать не желали у себя в отечестве.

Петровское племя «работников» у трона, «могутных людей», к которому принадлежали и Демидовы, укрепляло своей жизненной энергией первенствующее сословие, прививало ему вкус к предпринимательской деятельности. Но впоследствии преемники основателей династии все чаще отказывались от того, чем занимались их деды и прадеды, и только проживали доставшиеся им богатства. Это можно видеть и на примере семьи Демидовых, хотя они дольше других крупных дворянских родов держались своего прибыльного заводского дела, и целые поколения Демидовых-«расточителей» не смогли исчерпать этот сказочный источник обогащения. Вместе с тем необходимо отметить, что и Демидовы-«расточители» в значительной степени реабилитировали себя своей беспрецедентной по масштабам, целенаправленной благотворительной, меценатской, культурно-просветительской деятельностью.

Первые Демидовы были выходцами из городских ремесленников, мастеровых. Это явление характерно для начала XVIII века. В это время еще существовал значительный слой свободного, зажиточного ремесленничества, мастерового люда в целом ряде промышленно развитых центров старой Московской Руси. Еще крепостническое дворянское государство не наложило свою тяжелую десницу на их деятельность, не закабалило их труд. Позднее городское ремесленничество, цеховые уже не выдвигали из своей среды промышленных деятелей, строителей частных заводов и фабрик такого масштаба. И никто больше не составил себе такого громадного состояния, как Демидовы, возведенные уже Петром I в потомственные дворяне и вошедшие позднее в избранные круги российской, а затем и европейской аристократии.

Дело тульского оружейника

Родоначальником рода Демидовых считается Демид Григорьевич Антуфьев (Антуфеев), родившийся в крестьянской семье в деревне Павшино в 20 верстах от Тулы. Сведений о нем немного. Известно, что в 1662 году он переехал в Тулу, где работал кузнецом на Тульском оружейном заводе. Демид Григорьевич был женат и имел трех сыновей: Никиту, Семена и Григория. Начало громадному богатству

Демидовых положил старший сын Демида – Никита, родившийся 26 марта 1656 года. По одним сведениям, отец умер, когда дети были еще малолетними, и старший сын, который, как и отец, начал работать кузнецом-оружейником в Туле, приносил свои первые деньги матери на воспитание младших братьев. Есть, однако, и другая версия, согласно которой павшинский крестьянин Никита Демидович пришел в Тулу один, избегая рекрутчины, и нанялся там на работу к местному кузнецу.

Это был человек веселого нрава, любивший забавлять своих собеседников остроумными шутками. Он отличался «деятельностью и искусством от прочих своих товарищей, ставивших в исходе XVII столетия в Московскую оружейную палату готовые ружья, а также ружейные стволы и замки». Именно мастерство Никиты Демидова (Антуфьева) в своем деле позволило ему выбиться в зажиточные ремесленники. Ко времени своего знакомства с царем Петром I он уже владел собственной мастерской.

Поразительный взлет к успеху и богатству первого Демидова обычно объясняют знакомством Петра I с тульским кузнецом. Однако имеющиеся факты во многом разрушают эту легенду. Они заставляют усомниться в прочно укоренившемся предании, выставляющем Никиту Демидова простым тружеником-кузнецом ко времени встречи с Петром I. Никита Демидов принадлежал к богатой верхушке тульских оружейников, выполнявших крупные казенные заказы, и заслужил благоволение царя поставками оружия по низким ценам.

Тем не менее нельзя отрицать того, что Петр I, искавший повсюду талантливых и энергичных людей, сыграл решающую роль в судьбе Никиты Демидова и в восхождении к будущему экономическому могуществу рода Демидовых. Скорее всего, Демидовы так бы и остались промышленниками средней руки, если бы не личное знакомство с царем-преобразователем. Конечно, внимание царя открывало перед предприимчивым Никитой неизмеримо большие возможности в развертывании его заводского дела, позволяло осуществить планы, о которых он без поддержки государства не мог и мечтать. И он не упустил своего «звездного часа».

Петр I

Об обстоятельствах знакомства Никиты с царем версий и легенд бытует множество. И трудно сказать, где кончается правда и начинается вымысел. По одной из них, приближенный к царю боярин Шафиров, проезжая через Тулу, отдал Никите в починку пистолет работы знаменитого немецкого мастера Кухенрейтера, и тот не только сумел исправить его, но и сделал по образцу его другой, ни в чем не уступавший первому. Шафиров был так восхищен искусством Никиты, что обратил внимание царя на умелого мастера.

Согласно другому преданию, имевшему хождение на Невьянских заводах, Шафиров привез пистолет из-за границы в подарок Петру I. Царь очень дорожил им, но в конце концов сломал курок. В Москве нужного мастера не нашли и ему посоветовали обратиться в Туле к известному своим умением оружейнику Никите. Будучи проездом в Туле, царь призвал Антуфьева и наказал ему исправить курок. На обратном пути, месяца через два, Петр призвал Никиту и остался доволен работой. Он похвалил его, прибавив при этом, показывая на пистолет: «Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать». «Что ж, авось и моя работа супротив немца постоит», – отозвался кузнец. Бывший под хмелем Петр, ударив его по щеке, крикнул: «Сперва сделай, мошенник, потом хвались». «А ты, царь, сперва узнай, потом дерись», – возразил Никита и, вынув из кармана пистолет, продолжал: – Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой заморский-то». Изумленный Петр обнял Никиту и сказал: «Винovat я перед тобой; ты, я вижу, парень дельный». Затем Петр спросил, не возьмется ли Никита устроить в Туле ружейный завод и много ли на то потребуется денег. Тот попросил 5 тыс. рублей, которые и были выданы ему из казны. Это предание очень характерно для народных сказов с их верой в удачу простого мастерового человека и милость сурового, но справедливого царя.

Более правдоподобным выглядит рассказ, изложенный И. Гамелем. В 1696 году Петр по пути в Воронеж остановился в Туле и приказал позвать к себе кузнецов, знавших ковку холодного оружия. Явился один только Никита, который, к удовольствию Петра, выполнил заказ. Петр похвалил Никиту и на обратном пути, как обещал, заехал к нему в гости и осмотрел тогда небольшую оружейную фабрику, похвалив Демидыча за предприимчивость и ум.

Несмотря на всю противоречивость в описаниях обстоятельств знакомства Никиты Демидова (Антуфьева) с царем, сам факт этого знакомства можно считать установленным. Достоверно известно также, что вскоре после первой встречи с Петром Никита, узнав, с каким трудом царь доставал солдатские ружья, платя за каждое по 10–12 рублей, представил в 1700 году в качестве образца шесть отлично сделанных ружей по 180 копеек за каждое. Искусно выполненные образцы понравились Петру I и были как нельзя кстати, так как началась война со Швецией. Царь назначает Никиту Демидова поставщиком оружия для армии во время Северной войны.

Началось стремительное восхождение тульского оружейника к вершинам богатства. Ему было дозволено построить более крупный доменный и пушечный вододействующий завод «о многих молотах» при устье реки Тулицы. Никита построил его на свои деньги без помощи казны, без приписных или крепостных крестьян, с одними наемными работниками. Новый завод поставлял в Пушкарский приказ снаряды и пушки по низким ценам, гораздо дешевле других заводчиков: по 12 копеек с пуда против 25 копеек у других. В награду за это правительство позволило Никите расширить завод и превратило 20-летний срок владения предприятием в бессрочное владение. А указом от 2 января 1701 года за Демидовым было признано полное право собственности на его Тульский завод. Ему было разрешено покупать крестьян и земли. Петр приказал, в частности, отмежевать в собственность заводчика лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добывания угля дать ему участок в Щегловской засеке. Были даны Демидовым и другие привилегии, например исключительное право копать руду в «малиновой засеке».

Но, вероятно, если бы Демидовы ограничились только своей деятельностью в Туле, вряд ли они вошли бы в историю России как создатели целой отрасли государственного хозяйства. Еще в 1696 году воевода Протасьев представил царю образцы магнита с речки Тагила и железной руды с реки Невьи. Петр передал руду для испытаний Демидову, который изготовил из нее несколько ружей, замков, копий и

донес государю, что невьянское железо нисколько не хуже «свейского» (т. е. шведского), славившегося тогда во всей Европе. Демидов сразу же понял, какую громадную выгоду можно извлечь из разработки Невьянских рудников. Он отваживается на совершенно новое, исключительное по своему значению предприятие. Непосредственным толчком к его решению послужило лишение Тульского завода топлива, когда у Демидовых отобрали право рубки леса в Щегловской засеке, так как в ней росло много деревьев, пригодных для кораблестроения. По одному из рассказов, царь был в Москве и садился за обед со своими приближенными, когда ему доложили о приходе Демидовых – Никиты и сына его Акинфия. Кузнецы пришли в простых «кожанах», но царь-работник посадил «Демидыча» с сыном за свой стол. Никита стал просить отдать ему Невьянские заводы, и царь согласился на его просьбу.

Возможно, рассказ передает действительное событие, и Демидов использовал благосклонность царя, чтобы быстрее решить дело в свою пользу. Но все равно необходимо было действовать по установленному порядку. В 1702 году Демидов входит в Сибирский приказ с представлением о позволении, по случаю запрещения рубить лес на уголь в пожалованной ему под Тулой засеке и невозможности литья пушек и снарядов в Туле, производить их и разрабатывать руду на принадлежащем тогда казне Невьянском (Верхо-Турском) заводе на Урале. Просьба его была удовлетворена, чему немало содействовал глава Сибирского приказа Андрей Виниус, давний покровитель Никиты. Без его понимания и помощи Демидовы едва ли так скоро и основательно прижились бы на Урале.

По указу от 4 марта 1702 года Никите были отданы Верхотурские (Невьянские и Невьянские) железные заводы, устроенные по реке Невее еще при царе Алексее Михайловиче «для снабжения артиллерии военными припасами», с обязательством платить казне за устройство заводов железом в течение пяти лет и с правом покупать для заводов крепостных людей. Ему было также предоставлено право разрабатывать руду по реке Невее, реке Тагиле и другим рекам и у горы Магнитной, кроме того, по мере надобности занимать новые земли. Никита мог свободно продавать излишки своей продукции. Его деятельность не подпадала под надзор местного воеводы и была подсудна лишь Сибирскому приказу. Основные положения указа были выработаны, по-видимому, Демидовым и Виниусом в ходе обсуждения, и результаты его доложены Петру I, о чем есть запись в делах Сибирского приказа. «1702-го марта в 4 день Великий Государь сей выписки слушав и доношения тулянина Никиты Демидова, по именному своему Великому Государю указу указал Верхотурские железные заводы на Нейве-реке, и буде приищет по той и иных реках и Тагиле у магнитной руды, Верхотурскому уезду заводы отдать во владение ему, Никите, и ставить ему с тех заводов в его Великого Государя казну на всякие обиходы воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты... по именованным его Никитиным ценам перед иноземческим с убавкою, опричь пушек и мортир, которые ставить по тем ценам, как он уговаривал». Так было положено начало созданию важнейшего в судьбе России Уральского горнозаводского района – одной из основных металлургических баз нашей страны.

А. Д. Виниус

Получив во владение Невьянские заводы, Никита Демидов спешно посылает на место своего поверенного, который в мае 1702 года принимает новые заводы. А затем туда же отправляется в сопровождении 12 лучших тульских мастеров и старший 24-летний его сын Акинфий, ставший потом единственным полномочным распорядителем заводов на Урале. Сам Никита должен был остаться при тульских заводах в связи с крупными поставками оружия (до 20 тыс. ружей) для русской армии, воевавшей со Швецией. Кроме того, необходимо было организовать отправку опытных рабочих на Урал и обеспечить подготовку новых квалифицированных кадров взамен отправляемых.

Шла Северная война. Россия напрягала силы. И вслед за указом о переходе Невьянских заводов к Демидову из Сибирского приказа идут предписания об отливке сотен пушек и поставке нескольких тысяч ружей и снарядов. Поощряя «тулянина» Демидова, Петр I жалует Никите 6 декабря 1702 года новую грамоту на Невьянские заводы, которая давала право наказывать рабочих «с тем, однако же, чтобы не навести на себя правых слез и обидного в том воздыхания, что пред Господом – грех непростительный». Однако это гуманное пожелание не осуществилось: много тяжелых страниц включает в себе история заводского дела Демидовых.

В одной из грамот того же 1702 года Никита впервые поименован Демидовым вместо прежнего прозвища Антуфьев, и с этого времени начинается собственно родословная Демидовых. В течение всей своей жизни этот предприимчивый заводчик энергично развивал свое горнозаводское дело. Уже при его жизни география и масштабы горнозаводского промысла Демидовых производят большое впечатление на современников. В 1703 году Петр приказал приписать к разрастающимся Невьянским заводам еще две волости в Верхотурском уезде. А в декабре 1713 года Демидовым были отданы во владение остальные имеющиеся в Верхотурском уезде казенные железоделательные заводы с близлежащими волостями. Постепенно технический опыт центра переносится из Тулы на Урал, там стремятся работать по-московски, при помощи московских же мастеров. Работали на Урале и опытные в горном деле пленные шведы. Демидов получает исключительное право на поставку артиллерийских снарядов и проведение геологических изысканий, на строительство – на собственные средства – новых заводов и добычу меди, которую его обязали поставлять на Денежный двор для чеканки медных монет.

В это время царь для проверки поступавших доносов на заводчика поручил князю В. В. Долгорукову, управлявшему в то время Сибирским приказом, сравнить цены других подрядчиков с демидовскими. Оказалось, что многие изделия Демидова поставлялись

вдвое дешевле и не нашлось ни одного, которое стоило бы дороже. До Демидова подрядчики поставляли железо в казну по 60–75 копеек за пуд, шведское стоило 90 копеек, а по объявлении войны дошло до 3 рублей, но и по этой цене нельзя было его достать; Никита же поставлял разные сорта железа по средней цене 50 копеек за пуд.

Медеплавильные печи на Урале

Бомбы, пушки и ядра поставлялись им в казну по 20–25 копеек за пуд. Торжествующий заводчик в челобитной требовал, чтобы с казенных заказов пошлин с него не брали, деньги выдавали без промедления, и просил снова подтвердить за ним право владения Невьянскими заводами. Петр согласился и в апреле 1715 года вновь подтвердил права Демидова на владение заводами со всеми угодьями и крестьянами.

Начался новый всплеск предпринимательской активности «тулянина» на Урале и в Сибири. Последнее десятилетие его жизни было очень плодотворным. Он построил четыре новых железных и медных завода на Урале: Быньговский (1718), Выйский (1721), Нижне-Тагильский (1725) и Нижне-Лайский (1726). Один завод был построен им на реке Оке. Еще при жизни Никиты его сыном Акинфием были устроены на Урале Шуралинский (1716) и Верхне-Тагильский железоделательные заводы. Получив от Петра земли в Сибири с правом расширять их покупкой новых участков, Никита Демидов и его сыновья построили и здесь несколько железных и медных заводов и положили начало заселению заводскими людьми отдаленных районов Сибири вплоть до глухих Колыванских мест.

Н. Д. Демидов

К концу царствования Петра I из 22 металлургических заводов России Демидовым принадлежало 8. Эти заводы не уступали государственным ни по размерам, ни по объемам выпускаемой продукции. Большая часть производимого в России металла приходилась на долю «казенных» предпринимателей, среди которых Демидовы занимали особое место.

В 1720 году близ Невьянского завода было открыто месторождение асбеста. В 1722 году заводчиком был представлен Петру Великому образец «несгораемого» полотна из асбеста. По свидетельству очевидцев, производство изделий из него (кошельки, шапки, перчатки, шнурки) еще долго сохранялось в народной среде на Урале и в Сибири.

Никита Демидов вместе с сыном Акинфием положил начало добыче и обработке магнитов. В архиве Нижне-Тагильского завода найдена даже собственноручная записка Демидова по этому вопросу к одному из его приказчиков.

Еще при жизни Никиты начался поиск серебряных и золотоносных руд. Переселяющимся в отдаленные места Сибири и Алтая он выдавал пособия, не забывая, впрочем, кроме «удобного и пристойного пайка» выторговать у правительства право наказывать «ленивых», хотя и с определенными пока ограничениями: «чтоб чрезмерной жестокостью их врознь не разогнать».

Петр был очень доволен деятельностью Демидова. Когда генерал-адмирал граф Апраксин сказал однажды Петру: «Хорошо, если бы у тебя было человек десятка два таких, каков Демидов», Петр отвечал: «Я счастливым бы себя почел, если б имел таких пять, шесть или и меньше». В 1709 году именным указом Демидов был пожалован в правительственные комиссары на Уральских заводах и состоял в том чине до самой своей смерти. В указе говорилось: «Велено тулянину Никите Демидову на Невьянских железных заводах за литье и за поставку к нынешнему воинскому случаю военных припасов быть комиссаром и ведать ему на тех заводах мастеровых и работных людей и крестьян всякою расправою и управлять всякое заводское дело и воинские припасы готовить и ставить с кованым железом по-прежнему с великим радением и правдою».

До получения чина комиссара Никита Демидов числился как тульский «кузнец оружейного дела, мастер». Лишь в последние годы жизни его уговорили принять пожалованное ему 21 сентября 1720 года Петром I дворянское достоинство под фамилией «Демидов». Бывший тульский кузнец становится потомственным нижегородским дворянином. Однако указ об этом не сохранился, имелись лишь ссылки на него более позднего времени. Диплом о дворянстве был возобновлен 24 марта 1726 года императрицей Екатериной I уже после смерти основателя рода. Причем в этом дипломе было оговорено: «...чтобы их, и детей их, и потомков, против других дворян, ни в какие службы не выбирать и не употреблять». Несомненно, это было сделано для того, чтобы не отвлекать Демидовых от заводских дел.

Заводы, устроенные Никитой Демидовым в Туле и на Урале, во время длительной Северной войны сыграли важную роль в снабжении русской армии огнестрельным оружием и артиллерийскими припасами, за которые заводчик брал половинную цену по сравнению с другими заводовладельцами. В 1718 году он стал единственным поставщиком пушек, корабельного леса, якорей и железа для кораблей и укреплений на острове Котлин. Изъявляя заводчику свое монаршее благоволение, Петр I во время Персидского похода прислал ему из Кизляра свой портрет с письмом, заканчивающимся словами: «...лей больше пушкарских снарядов и отыскивай, по обещанию, серебряную руду».

Но заслуги Демидова не ограничивались военными поставками. Он был одним из главных помощников Петра I при основании Петербурга, жертвуя на его строительство деньги, железо и т. д. В 1718 году Демидов получает заказы на поставку фонтанных труб для строившихся дворцов в Петербурге и Ревеле. Поставки для государственных ведомств он осуществлял по сниженной стоимости. Так, в 1721 году, значительно понизив по сравнению с другими подрядчиками цены, он взялся за поставку Адмиралтейству корабельного леса из Казанской губернии.

К концу своей жизни Никита Демидов являлся одним из крупнейших промышленников России, не уступавшим по богатству иным знатым вельможам. По некоторым оценкам, ежегодный доход его составлял до 100 тыс. рублей – по тем временам весьма значительный.

Основатель рода Демидовых умер 17 ноября 1725 года, лишь на несколько месяцев пережив своего царственного благодетеля. Он был погребен в родной Туле, под папертью церкви Рождества Христова, называемой Демидовской.

В «Русском архиве» за 1878 год дается очень живое описание портрета Никиты Демидова, сохранившегося к тому времени на Невьянском заводе: «Одною из жилистых рук бывший кузнец придерживает кожану (шубу), наброшенную на кафтан, другою опирается на костыль. Худощавостью и желтоватым цветом лица он напоминает аскета. Черные глаза впали, губы сжаты, небольшая черная борода опускается на грудь, череп обнажен, вся физиономия носит отпечаток ума и силы. Таким выражением природа одаряет именно тех людей, которые завещают свое имя потомкам».

Невьянский владыка

Никита Демидов имел от своей супруги, Евдокии (Авдотьи) Федоровны, трех сыновей: Акинфия, Григория и Никиту. Особое доверие он питал к старшему сыну, который, по его мнению, намного превосходил по своим деловым качествам младших братьев. Ему он и передал большую часть своих заводов. Берг-коллегия утвердила это завещание, опираясь на Указ о единонаследии от 23 марта 1714 года, согласно

которому недвижимость оставлялась только одному из сыновей. Если отец заложил основы родового богатства Демидовых, то сын превратил его в одно из крупнейших состояний России. По оценке современного автора, Акинфий – «самый одаренный представитель династии Демидовых за всю двухвековую ее историю. Отца он превзошел и организаторскими способностями, и достигнутыми результатами в промышленном строительстве».

Акинфий Никитович Демидов родился в Туле в 1678 году. С детства помогал отцу в кузнечном и оружейном деле. Впоследствии для усовершенствования своих знаний в горном деле он побывал за границей и даже приобрел во Фрейбурге, в Саксонии, минералогический кабинет, перевезенный им на Урал и положивший начало ценной коллекции минералов, которая постоянно пополнялась уральскими и сибирскими находками. С 1702 года по поручению отца он управляет Невьянскими заводами, которые становятся центром его обширных владений и постоянной резиденцией.

Акинфий расширил географию и масштабы промышленного дела Демидовых, постепенно продвигаясь на юг Урала, Алтай, в Заволжье и Сибирь, где он усиленно разыскивал медную руду. Еще при жизни отца на Иртыш были посланы доверенные люди, которые открыли там во многих местах следы древних горных работ, или так называемых «чудских копей». Поиски, произведенные в одной из таких копей, близ Колыванского озера, в глухих таежных местах, увенчались в 1725 году открытием богатого месторождения медной руды. Открытие было сделано в воскресный день. В ознаменование этого дня и места, где была добыта первая руда, все горные промыслы получили название Колывано-Воскресенские. Это были дикие, нетронутые, нехоженные места, которые заселялись собственными людьми Демидова, по преимуществу беглыми и раскольниками. Об этом крае писал поэт:

В густых лесах, где зреет земляника,
Раскольный скит укрылся. Глухомань.
На сотни верст ни топора, ни вскрика.
Дремучий край. Седая Колывань.

Убедившись в богатстве открытых месторождений, Акинфий направил в Берг-коллегию ходатайство о разрешении на постройку завода, которое было дано в том же году. Посланные три приказчика с рабочими построили на речке Локтевке небольшой завод с двумя плавильными печами и начали доставлять медную руду по реке Иртыш на Невьянский завод. В 1728 году по разрешению казны в трех верстах от Локтевского завода на реке Белой, вытекающей из Белого озера, построен Колыванский завод, уже с четырьмя плавильными печами. Впоследствии, после смерти Акинфия, завод будет взят в казну, а в 1766 году на его месте устроена гранильная фабрика, поставлявшая «колоссальные изделия из алтайских яшм и порфиоров к Высочайшему двору». Третий, Шульбинский, завод был построен вблизи прежних старинных месторождений в 1744 году.

В 1739 году на Алтае заложен Барнаульский завод. В 30–40-е годы Акинфием устроены, кроме того, в разных местах Урала, Алтая и Сибири и другие железоделательные, медные и серебряные заводы: Ревдинский, Бымовский, Шакоинский и Висимо-Шайтанский, Верхне-Лайский, Ашабский, Висимо-Уткинский и Рождественский. Акинфий построил завод и на Волге, в селе Фокино. По мнению историков, Акинфием Демидовым была достигнута исключительная для мануфактурного периода концентрация производства. У него было 22 завода железных и медных, сверх того три медных завода на Алтае, взятые затем в казну. В его вотчинах, расположенных в 10 уездах, и на заводах насчитывалось 32,6 тыс. крепостных и приписных людей мужского пола и сверх того 5,6 тыс. душ на алтайских заводах.

Устройство заводов требовало громадных усилий по освоению бескрайних, не тронутых человеком пространств, и Акинфий Никитич основывает поселения в глухих местах вплоть до Колывани, проводит дороги между заводами. По свидетельству современников, посещавших демидовские заводы, «нигде в России не было лучше тамошних дорог, невзирая на то, что они большей частью были проложены по мокрым лесистым местам». Дороги эти были обсажены деревьями, низкие места засыпаны, болота вымощены, через ручьи и овраги сделаны прочные мосты. В 70-х годах XVIII века, после смерти Акинфия, другой путешественник только при Нижне-Тагильском заводе нашел еще «таковые учреждения в прежнем виде».

А. Н. Демидов

При устройстве горных заводов Демидовы не забывали и о принятой на себя обязанности доставлять водою «чугунных и железных припасов» куда указано будет. Акинфию принадлежит заслуга восстановления старинного судоходного пути по реке Чусовой, открытого почти за 120 лет до того Ермаком и потом забытого. Однако устройство водного пути, очень длительного и опасного, складывалось трудно и вначале терпело неудачи. В 1703 году демидовские пушки и ядра не дошли по назначению, хотя воинских припасов приготовили на Невьянском заводе гораздо больше, чем на казенном Каменском. Сплавить удалось лишь малую часть продукции, приготовленной к навигации. Видимо, и два последующих года оказались для Демидовых не слишком удачными, так как немало грузов оказалось на речном дне. Но уже в 1706 году «только на Пушечном дворе в Москве приняли от демидовских работников 19 пушек и 21 817 пудов железа». За четверть века было создано «грандиозное дело». Караваны судов с железом отправлялись с пристаней на реке Чусовой, спускались по Каме, далее шли Волгой до Твери, где зимовали, чтобы весной вновь двинуться по рекам и каналам до Петербурга. Весь путь занимал полтора года. Использовались целые флотилии стругов, коломенок, дощаников и иных судов, сотни пристаней, складов, сложная система шлюзов, каналов, водохранилищ и других гидротехнических сооружений, тысячи лоцманов, сплавщиков, бурлаков и иной obsługi этого «грандиозного дела». Транспортные расходы, по подсчетам историков, составляли около 15–20 % стоимости демидовского железа.

Чувствуя себя хозяином положения в этих отдаленных краях, Акинфий Демидов не стеснялся в выборе средств при расширении своих горнозаводских владений, о чем свидетельствует эпизод с открытием железной руды на горе Благодать, на Урале. Нашедший ее в 1735 году вогул Чумпин еле успел сообщить горному офицеру Ярцеву об открытии, так как его брат эту же руду пошел объявлять к Акинфию. Офицер, осмотрев гору и убедившись в чрезвычайной ценности месторождения, «из особого к государевой казне усердия» сам со взятой рудой поскакал в главную канцелярию, в Екатеринбург. Во время его проезда через территорию Невьянского завода за ним

была выслана погоня, от которой он едва сумел скрыться. Через два часа после того, как напуганный и измученный тяжелой дорогой Ярцев объявил о руде, которую и записали «на государя», прискакал доверенный Акинфия с просьбой записать гору на имя его господина. На этот раз гора Благодать – этот лакомый кусок – ускользнула из его рук, но и тогда Акинфий не успокоился. Вначале руда из этой горы была предоставлена всем промышленникам, и Демидов, как ловкий и предприимчивый делец, сумел оттеснить опасного конкурента – заводчика Осокина. Сыном Акинфия Никитой очень скоро рядом с горой были построены два завода: Верхне- и Нижне-Салдинский. Впоследствии по проискам Бирона и не без помощи Акинфия, желавшего угодить временщику, гора Благодать была отдана за бесценок ставленнику всесильного фаворита, саксонскому авантюристу Шембергу, «выписанному для управления всей горной частью России». Участие Акинфия в этой сделке историки не без основания считают «предательской выдачей на разграбление железной горы Благодать» и «торговлей интересами России для личной выгоды».

В борьбе с конкурентами Акинфий зачастую использовал недозволенные методы. Он вел самую настоящую разбойничью борьбу с братьями Осокиными, по-бандитски захватывал земли рядом с их заводами, оставляя «без руд, осокинскими же людьми сысканных». Не церемонился Акинфий Демидов со своими братьями и их детьми. Его брат Григорий Никитич, женатый два раза, имел от первого брака дочь Акулину, а от второго – сына Ивана и дочь Анну. В ночь на 14 мая 1728 года Г. Н. Демидов по дороге с Верхо-Тулецкого завода был убит выстрелом в затылок. Следствие установило, что убийцей был его собственный сын Иван, совершивший преступление, как доносила Акулина, «с умыслу за то, что отец наш, как был жив, за непотребства и противности хотел ево, брата моего, лишить наследства, а учинить наследницею меня».

Гороблагодатский рудник

Акинфий решил воспользоваться обстоятельствами семейной драмы и присоединить Верхо-Тулецкий завод брата к своему и без того уже обширному хозяйству, несмотря на то, что наследниками являлись вдова убитого и ее дочь Анна. (Старшая дочь, Акулина, была замужем и не могла претендовать на наследство, а Иван, как отцеубийца, по положению 1649 года подлежал смертной казни.) Не дожидаясь решения спорного дела, Акинфий явочным порядком захватил завод. И лишь вмешательство другого брата, Никиты, решившего заступиться за племянницу и вдову, привело к компромиссному решению. Была достигнута «полюбовная»

договоренность: вдова и ее дочь отказывались от наследства в обмен на компенсацию в 5 тыс. рублей. Другой родственник, племянник Василий Никитич Демидов, также слал жалобы на Акинфия, в которых доказывал, что тот расширяет свои владения в Сибири, стараясь «забрать как можно больше даже и не им принадлежащее».

Оборотистый Акинфий использовал любую возможность для увеличения своих земель. Он, как никто другой, умел, зачастую почти за бесценок, приобретать земли и разные угодья на Урале, впоследствии стоившие миллионы. Например, Акинфий купил у башкир Енисейской волости всего за 120 рублей Камбарскую лесную дачу площадью до 40 тыс. десятин. Его усиливавшиеся с годами алчность, склонность отождествлять свои интересы с государственными, неразборчивость в средствах достижения целей привели к крупнейшей афере, связанной с разработкой потайных серебряных приисков и стоившей жизни не одному десятку демидовских крепостных и работных людей.

С этой страницей истории династии Демидовых связано немало мрачных легенд и загадок. Фантастические «золотые звери» из древних захоронений вывели Демидовых на алтайские месторождения серебряных и золотых руд. Именно Никита и Акинфий первыми в России стали разрабатывать древние рудники, в которых когда-то добывали золото и серебро, но делали они это тайно. Крупные залежи серебряной руды были найдены на Алтае на реке Карбалихе еще в 1736 году. При плавке добытой там руды служащие Демидова получили серебро, но сочли это хитростью пробирщика, якобы подмешавшего в плавку ради получения награды этот металл из «чудских» могил. Рудник был заброшен. И лишь позднее, в 1742 году, живущими на реке Карбалихе промышленниками был открыт богатейший Змеиногорский рудник. Его руды в самом начале разработок представляли собой драгоценные металлы в самородном виде. Все это побудило Акинфия позаботиться о переходе к промышленной технологии выплавки металла из руды. Он прислал по контракту на Колыванский завод двух иностранцев: Иоганна Христиани и Юнг-Ганса, которые в 1743–1744 годах построили несколько плавильных печей и разделительных горнов. Юнг-Ганс выплавил даже слиток золотистого серебра весом более 2,5 пуда.

Многие предания указывают, что Акинфий перерабатывал, главным образом на Невьянском заводе, серебро и чеканил в подземельях Невьянской башни собственную монету. На этой отдаленной окраине империи при взяточничестве чиновников, праве сильного власть хозяина, особенно такого жестокого, как Акинфий, была почти абсолютной, болтуны навек умолкали, а преступления всемогущего заводчика оставались безнаказанными. Рассказывают в связи с этим про любопытный эпизод из жизни Акинфия. Однажды во дворце Акинфий, допущенный туда благодаря своим связям, играл за одним столом с императрицей Анной Иоанновной в карты, рассчитываясь за проигрыш новенькими монетами. «Моей или твоей работы, Никитич?» – спросила партнера с намеком императрица. «Мы все твои, матушка-государыня, – уклончиво ответил Демидов, – и я твой, и все мое – твое!» Государыня и придворные рассмеялись.

Но в начале 1745 года иностранец Филипп Трегер, служивший у Акинфия штейгером, внезапно сбежал. Опасаясь доноса о сокрытии найденных в Колыванских рудниках золота и серебра, Демидов поспешил сообщить императрице Елизавете Петровне об открытых им рудных богатствах, прося ее об освидетельствовании его приисков. При этом было секретно доставлено в Петербург 27 фунтов серебра из Змеиногорского рудника. Для освидетельствования приисков были посланы бригадир Андрей Бер (Беер) и специалист поручик Улих. В декабре 1745 года Бер возвратился в Петербург с планами и описаниями Змеиногорского рудника и привез с собой в казну 44 пуда, 6 фунтов, 21 золотник серебра. Серебро по повелению императрицы было

употреблено на сооружение раки для мощей св. Александра Невского в Большой соборной церкви Александро-Невской лавры.

Анна Иоанновна

В 1747 году, уже после смерти Акинфия, Колывано-Воскресенские заводы по выплавке серебра и меди, так же как Барнаульский и Шульбинский на Алтае, были взяты в казну и наследникам Акинфия уплачена за них крупная сумма.

В начале царствования Екатерины II генерал Веймарн по ее поручению тщательно изучил состояние Колывано-Воскресенских рудников и заводов. Он восторженно сообщил императрице, что не только в Российской империи, но и во всей Европе «в рассуждении изобилия и богатств оных руд» алтайские рудники «бесспорно из всех рудокопных мест богатейшими почтены быть». Современники говорили, что для России наступил «серебряный век». В екатерининские и позднейшие времена вместо первоначальных 200–300 пудов выплавка серебра достигла тысячи и более пудов в год, а золота – несколько десятков пудов. Караваны судов доставляли их с бывших демидовских Колыванских рудников в Москву и Петербург. Теперь Екатерина II могла быть очень щедрой к своим фаворитам. В бумагах кабинета императрицы сохранился высочайший рескрипт от 6 октября 1767 года о выдаче Григорию Орлову «пожалованных ему на именины из колыванского серебра или золота 100 тыс. рублей».

Акинфий Демидов был, по-видимому, большим мастером по части проведения различных хитроумных деловых комбинаций. По свидетельству секретаря саксонского посольства в Петербурге Пецольта, уральский магнат сделал попытку пуститься в гигантское финансовое предприятие: он предложил уплачивать казне всю подушную подать в обмен на уступку ему всех солеварен и повышение продажных цен на соль. Предложение его, однако, было отвергнуто, несмотря на посредничество Бирона, делавшего у него громадные займы. Вообще, разнообразие и масштаб предпринимательской деятельности Акинфия поражают воображение. Историки оценивали демидовские заводы, технику и металл как лучшие в мире. При умеренной

цене железо, получаемое с заводов Демидова, отличалось лучшим качеством и лучшей обработкой. Иностранные купцы Шафнер и Вульф доносили Коммерц-коллегии 16 марта 1733 года, «что казенное железо делают на заводах не гладко, в иных местах горбовато... весьма неровно и не так мягко, как демидовское, которое делается гладко, подобно как бы писано было, и как в толстоте, так и в широте, весьма ровною препорциею и в доброте и отделке состоит лучше».

Основным принципом Акинфия, его девизом было: «Дело превыше всего». Он стремился любой ценой и любыми средствами, даже ценой человеческих жизней, всегда и во всем быть первым. Он первым в России в промышленных масштабах начал плавить медь. У Акинфия отлили первые в Сибири колокола, появилась первая в России латунная фабрика, изготовлены первые в России косы, лучшая в стране медная посуда, железные лаковые подносы не хуже китайских, на Невьянской башне установили первый в мире громоотвод.

Первые Демидовы, «при всех своих грехах», собрали или выучили у себя лучших мастеров России. Их заводы считались образцовыми, на них производилась самая разнообразная продукция: отливались пушки, воинские снаряды, изготавливались ружья, очищалась медь, привозившаяся с колыванских заводов, делались листовое железо, жесты, якоря, железная и медная посуда, отливались колокола. В рудниках добывались всевозможные руды и редкие минералы.

Заводы дали импульс широкому развитию кустарных промыслов, которые впоследствии «вобрали» в себя десятки тысяч людей. Демидовские мастерские положили начало многим кустарным работам по производству изделий из металла. Сундуки, окованные железом, лакированные, расписанные рисунками подносы, шкатулки, выполненные кустарями, были известны всей России и сбывались крупными партиями на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. На уральских заводах сохранялся секрет приготовления особого лака, которым покрывались многие железные изделия. С этими старинными промыслами, часть которых была занесена на Урал беглыми раскольниками из коренной России, связаны изделия «потаенных» невянских ювелиров, малахитовых дел мастеров, которые приобретал Эрмитаж, и знаменитые невянские иконы раскольниковых живописцев.

Екатерина II

Акинфий Демидов расширил начатые еще при отце добычу и обработку малахита и магнита. Ему принадлежал магнит весом 13 фунтов, который держал прицепленную к нему пушку весом в пуд. В одной из церквей Нижне-Тагильского завода престолы в двух алтарях были сделаны из огромных кубических магнитов, которым не было

равных в мире. Акинфий положил начало разведению крупной, так называемой тагильской, породы рогатого скота, происходящей от нескольких экземпляров холмогорских быков, присланных его отцу Петром Великим.

Акинфий в неумном стремлении первенствовать во всем, создать свою горнозаводскую империю не щадил ни себя самого, ни своих приказчиков. В сохранившихся к ним письмах он выступает жестоким и энергичным дельцом, державшим в своих руках руководство огромным предприятием и входившим во все подробности каждого дела. Он не доверял своим приказчикам, ругал их за «обманство и озорничество». Беспощадным было его отношение к «работным» людям и приписным крестьянам, сделавшее впоследствии имя Демидовых символом особой жестокости, а их предприятия – олицетворением заводской каторги. В документах, исходивших лично от Акинфия (инструкциях, деловых письмах и распоряжениях), он требовал, чтобы провинившиеся мастеровые были наказаны «без всякого к ним послабления» и «без упущения, цепью и кучною ломкою». Впрочем, нередко и спины приказчиков, надсмотрщиков и прочих управителей тоже не избегали наказания плетью.

Тяжелая доля демидовских рабочих нашла свое отражение в уральском фольклоре. Образцы его дошли до нашего времени:

У Демидова в заводе
Работушка тяжела,
Ах, работушка тяжела.
Ах, спинушки болят.
В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают.
Там нас голодом морят,
Ах, студенцою поят.

Очень тяжелым было положение приписных крестьян. Это было особенно несправедливо, так как они являлись не крепостными, а государственными крестьянами, отработывавшими на заводах подати, которые вносились за них заводчиком в казну. Этих несчастных заставляли работать за грошовую плату и сверх отработанных податей; вопреки закону их отдавали в рекруты и переселяли на заводы, подвергали жестоким наказаниям.

Акинфий широко открывал двери своих уральских и сибирских заводов для беглых крестьян, ссыльных и каторжников, становясь буквально полным распорядителем их жизни и смерти. Это была наиболее дешевая и безгласная часть заводских рабочих, приносившая горному властелину огромные прибыли. Страшные рассказы о подземельях Невьянской башни связаны главным образом с судьбой этих несчастных.

Вопрос о «беглых людях» тянулся около 20 лет, и за все это время владелец не платил за большую их часть податей. Он был решен в пользу заводчика указом императрицы Анны Иоанновны в 1738 году, и тогда все «пришлые» были записаны за Демидовым навечно с освобождением от рекрутчины.

На заводах первых Демидовых, кроме беглых и бродяг, работало немало раскольников. Укрывательство беглых старообрядцев было во многих отношениях выгодно заводчику из чисто практических соображений. Но по-видимому, многие стороны вероучения и уклада жизни старообрядцев были по душе Акинфию. Во всяком случае, его отношение к делу как суровому труду и подвижничеству было во многом сродни строгим правилам и нормам жизнедеятельности старообрядческих

общин. Существуют свидетельства о связях Акинфия со старообрядческими общинами и укрывательстве раскольниковых вожаков. Невьянский завод еще при первых Демидовых стал «раскольниковым гнездом». А в 1735 году Акинфий пошел на клятвопреступление, присягнув на Библии в Синоде, что не скрывает в Невьянске раскольниковых вожаков. И только после его смерти Синод выяснил, что заводчик дал ложную клятву.

К концу своей жизни Акинфий Демидов вошел в силу. Ему принадлежали десятки железных, медных и других заводов, миллионы десятин лесов и земель, бесчисленные угодья и десятки тысяч душ крестьян. Насколько велики были его богатства, видно из того, что одних пошлин в казну он ежегодно уплачивал около 20 тыс. рублей. В 1738 году из-за опасности набегов башкир Акинфию дали право построить на заводах крепости с бастионами и вооружить их пушками. В каждой крепости ему разрешалось содержать за свой счет 60 солдат. Невьянский завод – главная резиденция Акинфия – стал одним из многолюднейших поселений на Урале – 15 тыс. жителей. Во времена Акинфия посреди Невьянска стояла четырехугольная крепость. За ее стенами находился большой каменный дом с высокой Невьянской башней, на которой имелись часы с музыкой. Под башней, пользовавшейся дурной славой в народе, находились кладовые и подземелья со многими ходами.

Первый на Урале Невьянский завод Демидовых. *Гравюра*

В 1733 году из-за доносов, обвинявших Акинфия в изготовлении оружия для башкир, укрывательстве беглых людей и утаивании металлов от платежа пошлин, положение его ухудшилось. Оно усугублялось тем обстоятельством, что с 1731 года Берг-коллегия, где сидели приятели Демидова, была упразднена и горные дела стали подведомственны Коммерц- и Камер-коллегии. Прежние доброжелатели или умерли, или попали в опалу, или отсутствовали, а новыми покровителями Акинфий еще не успел обзавестись. Самого его задержали в Москве без права выезда ввиду возведенных на него тяжких обвинений. Это был момент, замечает его биограф, «когда могли сразу рухнуть вся его сила, богатство и значение, добытые ценой редкой энергии и, может быть, тяжелых преступлений, а также и долгими годами заводской каторги его крепостных». В это же время, в 1734 году, главным начальником заводов в Сибири и Перми был назначен давний противник Демидовых Василий Никитич Татищев. Он получил большие полномочия, дававшие право налагать «стеснительные» для Демидовых и других заводчиков меры в отношении уплаты в казну налогов и положения их рабочих. Используя свои полномочия, Татищев во время отсутствия Акинфия распорядился забрать у него лучшие медные заводы в казну, перевел многих его мастеров на казенные заводы, стал платить за медь дешевле ее себестоимости и провел ряд других мер, вызвавших жалобы на Татищева со стороны главных заводчиков: Демидовых, Строгановых и др. Все это за короткое время привело в расстройство некоторые из заводов Акинфия Демидова.

Но опытный и ловкий борец Акинфий не сдался. Он вскоре сумел завоевать расположение всесильного временщика Бирона, ссужая его деньгами, построил его ставленнику, барону Шембергу, нажившемуся на горных богатствах России, великолепные палаты на Васильевском острове. Вероятно, во многом благодаря всемогуществу Бирона все доносы на Акинфия не имели последствий. По поручению императрицы Анны Иоанновны П. П. Шафиров, давний знакомец Демидовых, расследовал все дела и признал Акинфия невиновным (видимо, опять-таки не безвозмездно). В 1735 году высочайшим указом задержанный заводчик был отпущен в свои владения, а доносчики понесли жестокие наказания. Более того, Акинфий сумел выиграть споры с Татищевым и о беглых людях, и о пошлинах с металлов. По одному справедливому наблюдению, «он сумел так поставить себя, занять такое особое место в самодержавном государстве, подобного которому больше никто в России не занимал. Всю свою жизнь он стремился к свободе предпринимательства и старался отринуть любой контроль и вмешательство любых властей в его внутривзаводские дела». Но достигалась эта видимая свобода, свобода произвола, с помощью привычных ему методов далеко не нравственного порядка.

Один из исследователей хозяйственной деятельности Демидовых Б. Б. Кафенгауз отмечал: «Акинфий отлично умел при помощи подкупов ладить с властями, и широкое строительство новых заводов сопровождалось новыми пожалованиями и привилегиями. События эпохи дворцовых переворотов с их быстрой сменой правительств не помешали дальнейшему обогащению Демидова. Он сумел приблизиться к всесильным временщикам и использовать к своей выгоде возвышение Миниха, Бирона и его креатуры саксонца барона Шемберга. Они помогали ему замести следы в хищениях, нарушениях указов и в неуплате податей. Императрицы Екатерина I, Анна и Елизавета подписывали милостивые указы или ставили на его прошениях многозначительное «быть по сему».

В 1740 году Акинфию был пожалован чин статского советника «за размножение рудокопных заводов», а в 1742 году – чин действительного статского советника с рангом генерал-майора. Он был в «великом фаворе» у императрицы Елизаветы Петровны, вписавшись в ближайшее окружение дочери Петра. Его портрет был выполнен самым модным портретистом российского двора Г. Х. Гроотом, который писал портреты императорской семьи и кисти которого добивались самые знатные вельможи. Акинфий – единственный из гроотовской галереи, кто не имел титула, и появление портрета – своего рода знак его высокого престижа и высочайшей милости. На портрете Акинфий изображен в богатом бархатном камзоле с тончайшими кружевами, в парике. Все свидетельствует о том, что Акинфий олицетворял переход от строгой простоты отца к роскоши и барству елизаветинских и екатерининских вельмож. Отец жил в избе, с кузницей во дворе, сын – в больших каменных палатах, родитель не брал в рот хмельного, сын задавал «лукулловы пиры».

В доме Акинфия Демидова, наряду с иконами, имелись книги, картины, стенные часы, зеркала, даже орган, упоминавшаяся уже коллекция минералов, которую его наследники передали Московскому университету. В его имениях и при домах имелось большое количество разнообразных дорожных средств как для торжественных выездов, так и для дальних и близких деловых поездок, путешествий: четыре кареты «под золотом», четыре «берлина» и «полуберлина», 52 коляски «градские» и «дорожные», одноколки, сани и т. п. В донесении императрице Елизавете о наследстве заводчика, оставшемся после его смерти, указано на 26 фунтов золотых вещей и 43 пуда 20 фунтов серебра, а также алмазных вещей и жемчуга на 10 тыс. рублей. Но обращение Акинфия к роскоши было незначительным по сравнению с его громадным богатством, и вызвано скорее не его личной привычкой, а деловыми соображениями. Он, как и его отец, был приобретателем, «расточители» и «прожигатели» явились позднее – уже в ближайшем потомстве.

Вместе с тем именно интересы дела, которому Акинфий Демидов служил всю свою жизнь, обусловили и внутреннюю противоречивость, и трагизм его личности. Нельзя во многом не согласиться со следующей оценкой личности и деятельности этого выдающегося промышленника России: «До конца жизни Акинфий Демидов оставался победителем. И эти победы развратили его, разрушили его человеческую сущность, растлили его душу... В последние годы он проявлял особую жестокость к мастеровым и работным людям. Что-то безобразное произошло с Акинфием Демидовым к концу жизни. Этот талантливый человек, гений своего горного дела, творец, созидатель явно душевно деградировал». Что же вызвало такую метаморфозу духовного облика уральского заводчика? Биограф особо выделяет одну из причин, возможно, самую главную: «Из всех «птенцов гнезда Петрова» Акинфий внешне самый удачливый. Он уцелел во всех передерягах, которые сотрясали Россию первой половины XVIII века. Сумел не только выжить, но и преуспеть. Помогали ему в этом «высокие персоны», которые постоянно менялись, но по сути своей были похожи друг на друга: Меншиков, Девиер, Шафиров, Бирон, Шемберг, Черкасов. Чтобы осуществлять через них свои замыслы, Акинфию Никитичу приходилось участвовать в самых разных темных аферах этих высоких персон. Он участвовал или способствовал самым грязным их деяниям. Разлагалась верхушка российской власти и разлагала всех, кто с нею соприкасался».

Всю свою жизнь этот деятельный, энергичный человек, подвижник горнозаводского дела провел в дороге, занимаясь устройством новых заводов, зорко следя за своим обширным хозяйством, лично решая на местах многочисленные вопросы управления. Он и скончался в дороге, возвращаясь из Петербурга в Сибирь. По пути Акинфий заехал в Тулу, чувствуя себя «усталым от жизненной битвы» и желая посмотреть места детства и юности. Затем он повелел, несмотря на недомогание, продолжить путь водой. Он достиг уже Камы, но, чувствуя себя нездоровым, велел пристать к берегу. Здесь 5 августа 1745 года Акинфий Демидов скончался в возрасте 67 лет. Похоронили его с почестями на родине, в Туле.

Личность Акинфия Демидова – одной из самых крупных фигур среди предпринимателей послепетровского времени – вызывает разноречивые чувства. Петровский деятель Геннин, знавший Акинфия лично, в письме к Петру говорил о нем: «Здесь, на Урале, никто не смел ему, боясь его, слова выговорить, и он здесь поворачивал как хотел». Более поздние биографы первых Демидовых писали о «железном сердце» и «могучей воле», которыми был наделен Акинфий. Вместе с тем они отмечали его преданность горнозаводскому делу, заслуги в развитии народных промыслов, известную широту культурных интересов. Писатель Д. И. Мамин-Сибиряк, помещавший Акинфия среди «сильных людей», на которых было так богато XVIII столетие, вместе с тем говорил о нем как об «истинном сыне» своего жестокого века: «Под его железной рукой стонали не только приписанные к заводам крестьяне, но и сами подьячие, разные приставники, приказчики и прочий служилый люд. Кнут, плети, батоги, цепи, застенки – все шло в ход». Подобные Акинфию Демидову, «слишком энергичные» люди «не стеснялись себя в выборе средств при преследовании своих целей».

Приобретатели и расточители, чудакии самодуры

От Акинфия Никитича происходит та династическая ветвь, с которой главным образом и связано основное богатство рода Демидовых. О жизни его братьев Григория и Никиты известно немного. Григорий Никитич, кроме заводов, находившихся в общем пользовании братьев, имел Верхо-Тулеский завод, Алексинский железный завод в Тульской губернии, а также солеварни на Каме в Пермской губернии. После его гибели и смерти единственного сына Ивана, казненного за убийство отца, его род

по мужской линии пресекся.

Никита Никитич, как и Акинфий, в 1742 году за активное устройство заводов был пожалован чином статского советника. Им основаны Нижне-Шайтанский, Буйский (на реке Буге, в 50 верстах от Невьянского завода), Давыдовский (при впадении реки Давыдовки в Каму), Кыштымский (в Оренбургской губернии) и Лайский (в Екатеринбургском уезде) заводы. Он имел пятерых сыновей: Василия, Евдокима, Ивана, Никиту и Алексея. Двое последних умерли, не оставив потомства. Никита Никитич получил особую известность жестоким обращением со своими крепостными, приписными и заводскими (посессионными) крестьянами. Не меньшей жестокостью отличались и его сыновья. Так, в 1759 году на Дугненском заводе Евдокима Демидова высекли кнутом крестьянина Филиппова на горячей чугунной доске, лежавшей близ самого устья доменной печи. Вследствие такой жестокости на заводах Евдокима – Авзяно-Петровском, Выровском, Людиновском и др. – произошло множество возмущений рабочих и приписных крестьян, принимавших иногда характер вооруженных восстаний. «Слава» этих Демидовых была так страшна, что крестьяне покупаемых ими вотчин ни за что не хотели становиться их крепостными. В 1752 году в вотчине Евдокима, селе Ромодановском Калужской губернии, вспыхнул бунт, отличавшийся длительностью и упорством. Крестьяне обвиняли Демидова в том, что он мучил «без упокою» взрослых и детей, заставляя их работать скованными в кандалах, «запытал» 20 человек и даже повесил двух крестьян.

Из других сыновей Никиты Никитича более других известен Василий, служивший при дворе Елизаветы в качестве кабинет-секретаря. Сохранилась его переписка с императрицей, свидетельствующая о «близких ее отношениях к Демидову». Умер он в чине действительного статского советника. Его брат Иван Никитич, надворный советник, продолжил традицию Демидовых – строителей заводов. Он построил Нижне-Сергинский и Верхне-Сергинский заводы в 1742–1743 годах.

Его сыну Ивану, бригадиру, принадлежали Узьянский, Каганский, Сенетско-Ивановский заводы и шелковая фабрика. Он известен также как владелец знаменитого дома в Москве, построенного архитектором М. Ф. Казаковым в 1780 году и ставшего образцом богатой городской усадьбы Екатерининской эпохи. Владение в то время находилось на окраине Москвы, в Басманной части. Особую известность получили так называемые «золотые комнаты» дворца, в архитектурном убранстве которых большое место занимали лепной орнамент, деревянная резьба, живопись. Архитектурный ансамбль дома включал главное трехэтажное здание с шестиколонным коринфским портиком в центре фасада и два двухэтажных флигеля. На территории усадьбы располагались различные хозяйственные и служебные постройки, конюшни, кладовые, погреба, жилые помещения для многочисленных слуг. Огромная площадь была занята садом и регулярным парком с прудами, павильонами и цветниками. Заводским делом Иван Демидов интересовался мало, о чем свидетельствует и тот факт, что им были проданы основанные его отцом два Сергинских завода.

«Золотая комната» в доме Демидова

В отличие от первых Демидовых – созидателей и приобретателей, их потомкам богатство досталось уже без упорного труда и подвижничества, которые были присущи основателям рода. История последующих поколений Демидовых – это уже история не только накопления богатства, но и его расточительства и дробления, приведших к оскудению и угасанию целых ветвей династии. Однако наряду с примерами расточительства, дикого, безрассудного, бессмысленного, она дает примеры «расточительства» совсем иного рода, обращенного к общественному благу, к милосердию, к покровительству просвещению, наукам и искусствам.

Нагляднее всего проявился этот путь эволюции демидовской династии в линии потомков Акинфия Демидова, давшей более всего ярких имен. Акинфий Никитич был женат дважды. Первый раз – на дочери купца Коробкова, Евдокии Тарасовне, с которой вступил в брак, видимо, еще до отъезда из Тулы на Урал в 1702 году. От нее он имел двоих сыновей – Прокофия (Прокопия) и Григория. Во второй раз он вступил в брак в 1723 году с купеческой дочерью Евфимией Ивановной Пальцовой. От этого брака родились сын Никита и дочь Евфимия, вышедшая впоследствии замуж за сына известного строителя Вышневолоцких шлюзов Ивана Михайловича Сердюкова. Шлюзы эти входили в систему водного транспортного пути, по которому в столицу шли и грузы с демидовских заводов. Акинфий оставил после себя громадное – вчетверо большее, чем его отец, – наследство. Оно исчислялось общей суммой в 2,8 млн рублей (или около 25 млн рублей в ценах конца XIX века). В собственности Акинфия Никитича, кроме заводов, после его смерти числилось 12 750 человек крепостных в купленных им вотчинах Нижегородской, Тверской, Ярославской, Тульской и Казанской губерний. За все это колоссальное наследство развернулась напряженная борьба.

Завещание составлялось Акинфием в 1743 году, но впоследствии было им изменено под влиянием его второй супруги в пользу младшего сына, Никиты, постоянно находившегося при отце. По первому варианту завещания все имущество было разделено между сыновьями Акинфия приблизительно поровну. Последовавшее затем его изменение объяснялось, видимо, не только происками, вполне понятными, его второй жены, но и опасениями самого Акинфия по поводу старших сыновей. По

его словам, Прокофий и Григорий не имеют охоты к «размножению и содержанию заводов», несмотря на его увещания они «и поныне в правление оных заводов не вступают», зато третий сын, Никита, вместе с ним участвует в руководстве заводами. Наибольшее недовольство отца вызывал Прокофий. Письмо Акинфия кабинет-секретарю барону И. А. Черкасову, написанное за несколько месяцев до кончины, полно жалоб на действия Прокофия, его непослушание и заканчивается просьбой принять к ослушнику меры принуждения. Особенно огорчил Прокофий отца тем, что не поехал на Урал «в той надежде, чтобы он до приезда моего правил заводскую экономию». Акинфий «слезно» просил барона Черкасова «оного моего сына и з женою ево выслать в сибирские мои заводы». Поэтому, опасаясь за судьбу своего заводского дела, Акинфий в конце жизни решил большую часть заводов завещать младшему сыну, Никите.

Старшие братья, однако, не захотели мириться с этим и уже через два месяца после смерти отца «возбудили процесс». 30 сентября 1745 года последовал указ императрицы Елизаветы, в котором объявлялось ее намерение, ввиду государственной значимости демидовских предприятий и для того, чтобы избежать ссор и тяжб между наследниками, «о том их разделе» рассмотреть дело «собственно своею персоною». Однако даже и тогда избежать ссор и тяжб не удалось. Любопытно своей непосредственной реакцией на «несправедливость отцовскую» письмо Прокофия графу М. И. Воронцову в 1748 году, где он жаловался: «Учинил мой родитель между братьями разделение, которого от света не слыхано и во всех государствах того не имеется и что натуре противно. А именно пожаловал мне только из движимого и недвижимого 5 тыс. рублей и более ничего, не только чем пожаловать, но и посуду всю обобрал и в одних рубахах спустил... Имею пропитание довольное, однако своего жаль». Кроме жалоб, были пущены слухи о приверженности некоторых Демидовых к расколу. Предпринимались попытки вообще лишить младшего сына Никиту и его мать наследства. Они получили предупреждение, что будут лишены своей части имущества, если подтвердится их причастность к расколу. В конечном итоге по высочайшему повелению генерал-фельдмаршал Бутурлин произвел между братьями раздел, утвержденный императрицей Елизаветой в 1748 году. Имущество было поделено примерно поровну. Только вдове ее часть была выделена из деревень и дворов, без заводов и приписанных к ним деревень. На первое время были установлены общее управление заводами и общая контора. Но конфликты продолжались до 1762 года.

В новом поколении Демидовых ярко проявились два характерных для второй половины XVIII века типа предпринимателей. Среди представителей знаменитой династии заводчиков остается традиционным тип предпринимателя-крепостника, «продолжающего строить заводы, покупать вотчины и угнетать крепостных». Вместе с тем заводчики входят в состав знати, и по мере «одворянивания» появляются «типичные для той эпохи расточители, тратившие огромные средства на празднества, сады и великолепную обстановку».

Н. А. Демидов. Скульптор Ф. И. Шубин

Традиции первых Демидовых – строителей заводов и приобретателей, наиболее успешно развивал самый младший, но наиболее деятельный из братьев, Никита Акинфиевич. Он родился 8 сентября 1724 года на берегу реки Чусовой, на пути из Тулы в Сибирь. При жизни отца Никита безотлучно находился при нем и был его любимцем. Образование он получил домашнее, но с детства отличался любовью к наукам и считался любителем и знатоком художественных предметов. Вместе с тем это был заводчик-делец. Он значительно расширил свое «дело», хотя его доля наследства была даже меньше, чем у братьев. К доставшимся ему шести заводам он прибавил Нижне-Салдинский, Висимо-Уткинский и Верхне-Салдинский заводы. Впоследствии выпуск чугуна и железа на его заводах превысил объем продукции всех заводов его отца до раздела наследства. Большую известность получила продукция Каслинского завода, а также Кыштымского завода в Оренбургской губернии.

Никита Акинфиевич не выделялся из общего ряда предпринимателей-крепостников того времени, и эта ординарность делала его в своем роде типичным представителем эпохи. Заводчик отличался крутым нравом, суровым обращением со своими крепостными. Он держал в страхе заводских и приписных крестьян. Когда В. Н. Татищев донес в Петербург о том, что Демидов в нарушение закона принимает на заводы бродяг, было начато следствие. Но когда ревизор (для которого, кстати, в Невьянске был наскоро построен отлично меблированный дом) прибыл на заводы, то все оказалось в порядке: на людей имелись крепостные акты и ревизские сказки, дезертиров не обнаружили. Только некоторые из наиболее опасных бродяг, запертые в подземелье, больше уже не вышли на свет божий. Печальная слава жестокого владельца была так велика, что купленные Никитой в 1756 году у жены князя П. И. Репнина крестьяне села Русанова Алексинского уезда Тульской губернии, узнав, кто будет их новым владельцем, наотрез отказались переходить к нему, взбунтовались и, вооружившись, напали на присланный воинский отряд.

К концу XVIII века жизнь Демидовых «вошла в берега». Не надо было «беспрестанно колесить из Тулы или Москвы на Урал и обратно; не надо сидеть в заводском горном гнезде и самому рыскать по уральским деревням, хватая непокорных крестьян, бить их нещадно и гнать на работы или понукать и бранить приказчиков и руководить каждым их шагом, как это делали первые владельцы». Никита Акинфиевич управлял своими заводами, в отличие от отца, «издалека, из Москвы, без тревог и шума». Это свидетельствовало об укреплении позиций Демидовых в качестве собственников своих заводов и имущества. Они уже меньше

боялись, что заводы отберут в казну, если владельцы не справятся с поставками продукции на государственные нужды, как это было при Петре I и его преемниках.

Содействовало укреплению чувства уверенности и окончательное «одворянивание» Демидовых, вхождение их в круги российской знати, неприкосновенность собственности которой была освящена традицией и неоднократно подтверждалась царскими указами. Внук основателя рода жил уже большим баринком в Москве, где у него имелся дом на Мясницкой, или в своих подмосковных усадьбах. Часто наезжал он и в Петербург, где у него был дом на Мойке. Младший Демидов имел, как и отец, обширные связи при дворе, что помогало ему расширять свое дело. Еще в молодости Никита Акинфиевич был особенно близок к великому князю Петру Федоровичу (будущему императору Петру III), который неоднократно занимал у Демидова деньги. Великий князь пожаловал ему Анненскую ленту с тем, чтобы он «возложил оную на себя по кончине императрицы Елизаветы Петровны». Однако вскоре Демидов был лишен этого знака отличия, потеряв расположение сумасбродного императора, перед которым был очернен завистниками. Лишь в царствование Екатерины II ему был возвращен орден Св. Анны и пожалован чин статского советника. При этом императрица, как когда-то его отца и деда, запретила назначать Демидова на службу «без имянного указа», чтобы он мог целиком посвящать свое время важному для государственной пользы заводскому делу.

Но предпринимательская деятельность уже не заполняла все время этого представителя нового поколения Демидовых. Он больше времени уделял светской жизни, путешествиям за границу, покровительству наукам и искусствам. Пожалуй, именно с Никиты Акинфиевича начинается проявляться пристальный интерес уральских горнозаводчиков к европейской культуре, просвещению, науке. У него формируются уже и черты расточителя. Демидов во множестве покупает картины и статуи, дорогую мебель, редкие растения. Из Петербурга его приказчик посылает ему драгоценности, заморских птиц, иностранные вина, фрукты, устрицы, голландские сельди и пр. У него даже был комиссионер по доставке всяких редкостей.

Вместе с тем Никита Акинфиевич, как человек по тому времени образованный, был не равнодушен к науке, культуре, «новинкам просвещения». Он переписывался, видимо, подражая императрице Екатерине II, с Вольтером и даже приобрел знаменитую Французскую энциклопедию XVIII века, которая и ныне хранится в библиотеке Нижне-Тагильского музея. Он регулярно получал из Петербурга все книжные новинки. Так, в феврале 1766 года Петербургская контора выслала ему в Москву 20 книг, список которых характеризует вкусы людей XVIII века. В их числе названы «Невинные упражнения», комедия «Недоверчивый», «Повесть о княжне Жеванке, королеве Мексиканской», «Побочный сын короля Наваррского», «Нравоучительные басни Федора Эмина», «Горестная любовь маркиза де Толедо». Наряду с подобными произведениями присылалась и серьезная литература: «Римская история», «Сокращение естественного права», «Житие славных в древности мужей», «Государь и министр», «Проповеди Феофанова». Среди этой пестроты обращают внимание требования Демидова о присылке ему сатирических журналов известного просветителя Н. И. Новикова. В 1770 году Демидов получил из Петербурга знаменитый сатирический журнал «Всякая всячина», редактировавшийся Екатериной II, 12-й том «Трудов Вольно-экономического общества», а также книгу «Торжествующее дворянство», переведенную с французского Д. И. Фонвизиним. В январе 1767 года Демидову высланы из столицы экземпляры манифеста «О сочинении уложения и о присылке депутатов».

Никита Акинфиевич неоднократно выезжал за границу. Весной 1765 года он отправился в Митаву – столицу герцогства Курляндского. Целью этой поездки было получение денег по давнему долгу Бирона, которому его отец дал займы 50 тыс.

рублей. По дороге он останавливался в Нарве, Ревеле и Риге. С Бироном ему удалось заключить соглашение о постепенном погашении долга, и в июне 1766 года от герцога поступил первый взнос в 10 тыс. рублей.

В начале 70-х годов Демидов предпринимает путешествие в Европу. Вояж продолжался в течение двух с половиной лет и был отчасти связан с лечением жены. Заводчик побывал в Курляндии, объездил Германию, Голландию, Францию, Италию, посетил Швейцарию и Англию. Поездка была обставлена, по выражению биографа Демидовых, с «большой помпой», хотя богатый путешественник, «рассыпая золото, иногда торговался из-за грошей и, чтобы не платить таможенных пошлин на возвратном пути, купленный бархат перешил в платья». В Европе Никита Акинфиевич посещал русских посланников, встречался с представителями русской знати: графом Шуваловым, графом Разумовским, баронами Строгановыми, был представлен папе римскому.

Во время своего путешествия Никита Акинфиевич велел вести дневники, куда секретарь аккуратно записывал различные события, связанные с пребыванием за границей. Эти дневники были изданы в 1786 году отдельной книгой. Впоследствии дневники характеризовались как типичные путевые заметки веселящегося богатого русского туриста конца XVIII века. Однако эта малоизвестная книга может представлять интерес и в качестве исторического источника: в ней изложены подробности жизни и быта богатой русской знати тех лет.

Путешествуя по Европе, Демидов осматривал дворцы, картинные галереи, соборы, покупал картины, статуи, мебель и зеркала. Посещал он и медицинских светил. Больную жену Никиты Акинфиевича доктора послали «париться в теплых ключах в Спа», а потом доктор Гобиус в Лейдене прописал ей, как сообщается в дневнике, «пить ишачье молоко для наведения тела». Речь здесь идет о третьей супруге сурового заводчика – Александре Евтихиевне Сафоновой. «Ишачье молоко», видимо, действительно пошло ей на пользу. В Париже 26 сентября 1772 года она родила заботливому супругу дочь Екатерину, а на пути домой, за 80 верст от Петербурга, 9 ноября 1773 года разрешилась сыном Николаем, будущим единственным наследником Нижне-Тагильских заводов. Затем родилась еще одна дочь, Мария.

Во время путешествия Никита Акинфиевич, как «заводчик-металлург», проявлял большой интерес к заводам и мастерским. В Голландии, например, он не только любовался картинами Рубенса, но и, как отмечено в дневнике, вместе со спутниками посещал фабрики. В Париже он ознакомился с фарфоровым заводом и знаменитой фабрикой гобеленов. В Лондоне Демидов был в парламенте, нанес визиты некоторым английским аристократам, осматривал английские заводы. Замечания о них являются «едва ли не самым ранним описанием на русском языке крупных предприятий вступавшей в период промышленного переворота Англии». На обратном пути, в Саксонии, центре горной промышленности, Демидов и его спутники посетили серебряные рудники во Фрейбурге.

Наряду с этим дневник содержит и немало любопытных наблюдений русского человека, с интересом присматривающегося к жизни цивилизованной Европы. Остроумны рассуждения, например, о секретах красоты парижских женщин. «Красота женского пола в Париже подобна часовой пружине, которая сходит каждые сутки, равным образом и прелесть их заводится всякое утро. Она подобна цветку, который рождается и умирает в один день. Все это делается притиранием, окроплением, убелением, промыванием... словом, надобно до основания переиначить лицо и из старого произвести новое».

Воздействие «века просвещения», усиленное впечатлениями от путешествия по

Европе, питало меценатские устремления младшего Демидова, его склонность покровительствовать искусствам и наукам, или, по крайней мере, играть роль такого покровителя. Во время поездки за границу в 1771–1773 годах он проявил особый интерес к современному ему европейскому искусству. Так, французскому живописцу Жану Батисту Грезу Никита Акинфиевич заказал целую серию полотен. Художник Александр Рослин тогда же выполнил живописные портреты супругов Демидовых. Никита Акинфиевич был знаком с известным французским скульптором Клодом Мишелем, прозванным Клодионом, посещал его мастерскую и даже заказал ему надгробие. Сохранился договор, «заключенный с бароном (так в тексте. – М. Г.) Демидовым о создании мавзолея...» 15 декабря 1772 года. В договоре, в частности, говорилось: «Я, Клодион, обещаю и обязываюсь делать и выполнить в течение трех лет мавзолей белого мрамора, цветного мрамора и частями из бронзы...» Мраморные бюсты Демидова и его жены изваял путешествовавший с ними скульптор Ф. И. Шубин, которому заводчик собирался покровительствовать, правда в свойственной ему скуповатой манере, и после путешествия. В письме из Лондона от 10 июля 1773 года Демидов извещает петербургского приказчика об отъезде в Россию Федота Шубина и приказывает отвести скульптору «покоец» в доме, а также «небольшой сарайчик для его работы».

В 1779 году Демидов учреждает при Академии художеств премию-медаль «За успехи в механике». В 1781 году, когда сооружалось новое каменное здание университета в Москве, Никита Акинфиевич прислал для кровли университетского дома 5500 листов «черного аршинного железа» и 800 пудов «лучшего связного железа для укрепления стен». За свою меценатскую и благотворительную деятельность он был избран почетным членом Санкт-Петербургской Академии художеств и Вольно-экономического общества и награжден орденом Св. Станислава.

Скончался этот суровый заводчик и меценат, по одним сведениям, в 1789 году, а по другим – в 1788 году. Он оставил своему единственному сыну Николаю гораздо большее состояние, чем получил сам. Оно включало девять заводов, в том числе один из лучших и крупнейших в стране – Нижне-Тагильский. В его владениях большую часть рабочей силы составляли уже не приписные к заводам и посессионные, а крепостные люди вне заводов.

Увеличение богатства Демидовых достигалось ценой страданий, крови и слез подневольных им людей, что было одной из причин, вызвавших волнения на Урале в 1760–1764 годах и позднее – широкую поддержку здесь отрядов Пугачева. Как замечает один из биографов Никиты Акинфиевича, этот «почетный член Академии художеств и Вольно-экономического общества, собиратель «раритетов» возбуждал... справедливое негодование своими действиями на заводах, так что в комиссии для составления проекта нового Уложения, в заседании 23 августа 1768 года, депутат от крестьян Верх-Исетской провинции Минаков жаловался на притеснения Демидова, и эти жалобы были найдены справедливыми».

Полную противоположность младшему брату по свойствам характера являл его старший брат, Прокофий Акинфиевич – типичный представитель «чудаков и самодуров» того времени, по мнению многих писавших о нем. Однако авторы различаются в своих оценках, подчеркивая в большей или меньшей степени его дурные или положительные качества. Его биограф С. Н. Шубинский писал, что Прокофий был «неизбежным продуктом существовавших тогда бытовых отношений и нравственной неразвитости общества. В сущности добрые и честные, люди эти благодаря совершенной необразованности имели самые узкие и извращенные понятия о чести, добре и правде; стремления их были мелки, страсти никогда не сдерживались рассудком. Всеобщая пошлачка вокруг усиливала в них озорничество и неуважение к правам человека, придавала им смелость и размахистость и приучила

ставить личный произвол выше всякого закона, выше всякой логики».

По мнению другого автора, внук основателя рода прославился уже «не трудолюбием и изобретательностью, а благотворительностью и отчасти своим чудачеством, что в те времена было особенностью людей, живших не трудом, а доходами с готовых капиталов». «В характере его было много мягкости и доброты, – добавляет автор. – Но условия того времени и отсутствие серьезных занятий были причиной, что Демидов жил, как большая часть богатых бар, проводя время в заботах о благотворительности или в забавах, забавляя всю древнюю столицу, а за границей о нем ходили анекдоты даже среди иностранцев».

Однако, наряду с типичными проявлениями крепостнического барства, чисто отечественной «дури» и своеволия, видна и еще одна сторона непростого характера этого богатого «чудака» – явная неприязнь «человека нового времени», выходца из простолюдинов к родовитой аристократии, особенно к придворной знати. В отличие от «положительного» и «ординарного» младшего брата Никиты, «чудака» Прокофий «питал недружелюбные чувства к дворянам и знатым и часто проделывал над ними очень неладные шутки». В его постоянных дерзостях, эпатаже придворных кругов видится неумное желание богача-плебея бросить им вызов, прощупать на прочность. В нем чувствовался еще потомок тульского кузнеца, ощущавший себя чужим среди этой аристократической «дворни», но уже знавший цену себе и своему богатству. Это был «вольтерьянец» на российский манер, персонаж из комедии Бомарше, эдакий «проказник Фигаро», но в российском исполнении, из обоймы отечественных «чудаков» и комедиантов XVIII столетия. Недаром А. С. Пушкин, интересовавшийся русским XVIII веком и его колоритными деятелями, назвал Прокофия в одном из своих писем «проказник Демидов», скорее всего, именно по аналогии со знаменитым персонажем.

Прокофий Акинфиевич родился в Сибири 8 июля 1710 года. Сведений о его образовании и воспитании почти нет. Одни авторы говорят о его «совершенной необразованности», что и определило, наряду с атмосферой вседозволенности, «всеобщих поблажек» и грубости, склонность Прокофия к чудачествам и своеволию. Другие обращают внимание на то, что, несмотря на свое юродство, Демидов был неглупый и даже в известной степени образованный человек. Он занимался ботаникой, любил растения, и собранная им коллекция редких лавровых и других деревьев оценивалась в громадную сумму. И отцу и деду его, всецело занятым разросшимся горнозаводским делом и бесконечными разъездами по своим владениям, некогда было заниматься его воспитанием и образованием. И скорее всего, этот недюжинных способностей и оригинального склада характера и ума мальчик, а затем и юноша был предоставлен самому себе и окружавшей его домашней родне.

К горнозаводскому делу Прокофий Акинфиевич не имел никакого пристрастия, чего и сам не скрывал. В отличие от отца, выступавшего организатором производства и как-то заявившего в письме к А. Д. Меншикову, что «заводы яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзира-ния», Прокофий за все время владения Невьянскими заводами не удосужился побывать на Урале. И когда Берг-коллегия в 1763 году попросила всех промышленников изложить, что, по их мнению, мешает процветанию заводов и на какие новые льготы претендуют заводовладельцы, Прокофий без тени смущения ответил, что он ничего сказать не имеет, ибо не осведомлен о нуждах своих заводов, которых еще не посетил. Он не построил ни одного нового завода, хотя попытка была. Он начал сооружение Верх-Нейвинского завода, но завершил его уже новый владелец Савва Яковлев. Закономерным итогом этого равнодушного отношения Прокофия Акинфиевича к великому делу своих предков была продажа им лучших своих заводов. Вместе с тем его отношение к

рабочим было гуманнее, чем его брата Никиты. В письмах из Москвы к своим детям, бывшим на заводах, он просил не принуждать отказывавшихся работать крестьян и поручал переговорить с «генералом» (Вяземским), посланным для разбора дела, чтобы он не доводил крестьян «до разорения».

Вскоре после смерти отца, произведя с братьями раздел отцовского наследства и получив громадное состояние, доходы с которого он никогда с точностью не мог определить, освободившийся от тяжелой руки Акинфия, непутевый старший его сын отправился по примеру других русских дворян за границу. Целью путешествия было весьма распространенное в России стремление «посмотреть на заморскую роскошь и испытать развлечения и наслаждения, которых нельзя было достать в России ни за какие деньги».

Прокофию шел 35-й или 36-й год. Он был опьянен доставшимся ему несметным богатством и, разъезжая по главнейшим городам Европы, предавался такой безумной и праздной жизни, делал такие чудовищные траты, что приводил иностранцев в изумление. В Саксонии Демидов удивлял местное население закупкой на рынках массы ненужных товаров и по-русски широкими угощениями. Сидевшие же за его огромным столом гости говорили друг другу на ухо: «Какой мот! С чем он выедет отсюда?» Демидов же вслух смеялся над бедностью столичного города Дрездена, говоря, что ему не на что здесь тратить деньги – купить нечего. В такой же манере издевался Прокофий и над французами, которые встречали его особыми знаками уважения и подобоострастия.

Когда же в Англии, по его мнению, отнеслись равнодушно к его сумасбродствам, как он ни старался сорить деньгами, Демидов не простил англичанам такого оскорбления и, вернувшись в Россию, решил отомстить. Правда, по другой версии, он решил отомстить англичанам из-за их корыстолюбия, так как торговцы специально к его приходу в несколько раз поднимали цены на товары, которые он покупал. Как бы там ни было, но по прибытии в Петербург Прокофий скупил всю пеньку, приготовленную русскими торговцами для продажи в Англию. Прибывшим за ней английским купцам пришлось обращаться к Демидову, который назначил цену в пять раз выше обычной. Никакие уговоры не помогли, и английские торговые суда вернулись в свой «туманный Альбион» ни с чем. Это повторялось несколько лет подряд.

Первое время после возвращения из-за границы Прокофий Акинфиевич жил в Петербурге, но недолго. Вскоре он переехал в Москву. Этому было много причин. Самолюбивый и избалованный Демидов искал почета и известности, однако в Петербурге ему было трудно рассчитывать на это из-за присутствия двора, так как придворный блеск мог затмить даже ту роскошь, которой он окружал себя. Москва больше соответствовала и его фрондерскому духу. Он мог здесь жить полновластным хозяином, ни в чем себя не стесняя, предаваясь самым причудливым капризам и странностям своего характера.

Дворец Демидовых в Нескучном саду

Москва елизаветинских и екатерининских времен была средоточием русских бар и отставленных от службы вельмож. «Русских вельмож весьма немного в Петербурге, – пишет о том времени один из очеркистов. – Освободившись от службы, они все переезжают в Москву. Петербург не представляет ни одного примера этих колоссов великолепия и азиатской пышности». В Москве же возвышались их великолепные палаты. Все они были «набиты редчайшими коллекциями, библиотеками, скульптурами, картинами». «Можно подумать, – говорит английский путешественник Кларк, – что обобрали всю Европу для составления богатейших московских музеев».

Московские дома, принадлежавшие Прокофию, были одними из самых богатых, однако он не находил их удобными и потому выстроил на Басманной, близ Разгуляя, новый дом причудливой архитектуры, обшив его снаружи железом для защиты от огня. Когда рядом случался пожар, он приказывал закрыть железные ставни и чувствовал себя в безопасности. Внутренняя отделка дома поражала взор массой золота, серебра и самородных камней. На стенах, обшитых штофом и бархатом, красовались редчайшие картины. Зеркальные окна и лестницы были уставлены редкими растениями; мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала тончайшей кружевной резьбой; на потолках были развешаны клетки с заморскими птицами, по комнатам гуляли ручные обезьяны; мелодии органов, искусно вделанных в стены, услаждали слух; на столах фигурные серебряные фонтаны били вином.

В 1756 году эксцентричный богач выстроил в Москве еще один великолепный дворец в Нескучном саду и разбил при нем ботанический сад. При устройстве сада и дома трудилось 700 человек, в течение двух лет выравнивая высокий берег Москвы-реки.

Прокофий Акинфиевич добился того, чего желал. Вся Россия заговорила о его богатстве и причудах. Однако его щедрость привлекала к нему не только бедных и юродивых, но и всяких мошенников, желавших пожить за его счет. Прокофий не отказывал никому, но не упускал случая позабавиться. Так, он предложил награду тому, кто пролежит у него в доме год, не вставая с постели. Желавшему отводили особую комнату и приставляли слуг, которые днем и ночью не спускали с него глаз и удовлетворяли его желания в еде, питье и прочем. Если он выдерживал испытание, то получал в награду несколько тысяч рублей. В противном случае его по уговору секли и выгоняли вон. Человек, согласившийся простоять перед Демидовым целый час не мигая, в то время как он махал пальцем перед его глазами, также получал плату.

Однако если Прокофий убеждался, что не корысть, а действительная бедность вынуждала человека идти на это испытание, то он выдавал денег больше, чем обещал.

В 1778 году Прокофий устроил в Петербурге народный праздник, во время которого, вследствие громадного количества выпитого вина, умерло более 500 человек. А одним жарким июльским утром ему пришла в голову «счастливая» мысль прокатиться в санях и насладиться зимней дорогой. Для этого он закупил в Москве всю соль и велел посыпать ею дорогу, соединявшую его подмосковное имение с заставой. Проехавшись несколько раз по этому искусственному снегу, богач, очень довольный, возвратился домой.

Свою жажду дурачества и шутовства Демидов обращал и на прислугу, выставляя ее, а заодно и себя, на посмеище перед всем городом. Лакеев своих он одевал диковинно: одна нога обувалась в шелковый чулок и изящный башмак, другая – в лапоть; одна половина ливреи сшивалась из галунов, другая – из самого грубого сукна. Когда вошло в моду носить очки, Прокофий надел их не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собак.

Шутки его, направленные против вельмож и придворной знати, были особенно ядовиты и порой далеко не безобидны. Однажды он пригласил на обед всю дворцовую знать и накануне приказал выбелить у себя все комнаты, кроме столовой, устроив перед каждой дверью леса. Гости должны были несколько раз сгибаться под лесами, пока добирались до столовой. В другой раз он сочинил и разослал эпиграммы на всех высших особ двора. Узнав об этом, императрица Елизавета Петровна приказала собрать их, отослать в Москву и сжечь в присутствии автора «под виселицей, рукой палача». Но Демидов и это наказание разгневанной императрицы сумел превратить в шутку. Он снял близ виселицы все дома, пригласил в них присутствовать при церемонии московскую знать и привел оркестр с трубами и литаврами, который увеселял присутствовавших, пока палач сжигал его произведения. Удивительнее всего, что полицейские власти, наблюдавшие это, промолчали.

Прокофию, однако, многое прощалось. Случалось, что с него за иную выходку взыскивали денежный штраф в пользу казны, чему он всегда был только рад, и нередко именно для этого выдумывал разные проделки. Екатерина II, зная о чудачествах Демидова, называла его дерзким болтуном, но смотрела на проделки снисходительно, зная о его больших пожертвованиях. Кроме того, Прокофий был настолько богат, что правительству приходилось прибегать к займам у него.

Особенно тяжело было переносить причуды и капризы Прокофия Демидова его родным и близким. Первая жена его, Матрена Антиповна Пастухова, много претерпела от самодурства и жестокости мужа и умерла безвременно в 1764 году. Во второй раз он женился на юной «тульской уроженке» Татьяне Васильевне Семеновой. С ней Прокофий долго жил невенчанным, имея от нее четырех дочерей. Брак состоялся только в 1784 году, за четыре года до его смерти, когда Прокофию было уже за 70 лет. К дочерям своим, так же как и к сыновьям от первого брака, он относился сурово. Из нелюбви к дворянам он старался выдать их за фабрикантов и заводчиков, иногда против их воли, а выдавая замуж, дарил по крупной части своего громадного состояния, но в «рядной записи» не мог обойтись без каверзы, записав, что назначает в приданое своим дочерям только по 99 рублей и 9,9 копейки.

Особенно сильно проявлялось его недовольство по отношению к сыновьям, названным не бывшими в ходу в роду Демидовых именами: Акакий, Лев и Аммос. Прокофий одним из первых Демидовых отступил от традиции воспитывать детей

дома. Его сыновья учились в Гамбурге и, вернувшись в Россию, сначала даже не могли объясняться по-русски. Прокофий держал их почти в нищете. И лишь по настоянию государыни, которой стало известно бедственное положение сыновей миллионщика, Прокофий вынужден был выделить каждому из них по тысяче душ крепостных крестьян.

Вмешательство властей в его право распоряжаться имуществом по своему усмотрению вызвало озлобление своевольного богача. Он и раньше не особенно стремился вникать в тонкости заводского хозяйства. Теперь Прокофий решил продать доставшиеся ему по наследству заводы богатому откупщику, содержателю винных погребов в Петербурге Савве Яковлевичу Яковлеву.

Кроме заводов, он продал тогда же девять своих домов: в Москве, Петербурге, Ярославле, Нижнем, Чебоксарах, Казани, Тюмени, Кунгуре и Лакшеве. Продавал Демидов свои владения и в дальнейшем. В 1773 году находившийся в своей казанской деревне камердинер императрицы Александр Игнатьевич Сахаров купил у него деревень на 145 тыс. рублей, что по тем временам составляло весьма солидную сумму.

Несмотря на все эти продажи, широкую благотворительность и расточительство, а также многочисленные разделы имущества между его потомками, богатство Прокофия не уменьшалось. Этому способствовало то, что он довольно исправно вел свои дела. Известно, что он отдавал деньги в ссуду под проценты и немалое число лиц были его должниками. Кстати, в 1771 году, возвратившись из очередного заграничного путешествия, он подал правительству мысль об учреждении в России «ссудной кассы» и первое время оказывал кассе существенную поддержку своим капиталом.

Эксцентричный и своевольный богач-чудак оказался первым по-настоящему крупным благотворителем из рода Демидовых. Его дикие выходки и экстравагантность сочетались с громадными пожертвованиями на крупные начинания, часто имевшие общенациональное значение. «В те блаженные... времена, – писал очеркист, – Шереметевы строили странноприимные дома, Куракины – богадельни, Голицыны – больницы, Демидовы осыпали золотом юный Московский университет и только что созданный Екатериною Воспитательный дом».

Характеризуя Прокофия Демидова, известный издатель и историк Петр Бартенев называл его «одним из своеобразнейших лиц чудного XVIII столетия, человеком во всех отношениях достопамятным» и считал, что при видимой грубости он «одарен был теплым сердцем и тонким наблюдательным умом». Часто он, узнав о несчастном положении какого-нибудь семейства, тайно посылал крупную сумму денег, прилагая лишь записку (без подписи), что получившие посылку могут спокойно ею пользоваться, так как это добровольное пожертвование неизвестного лица.

Вообще, по мнению осведомленных современников, благотворительная деятельность и пожертвования Прокофия далеко превосходили его видимую расточительность. Дело в том, что по причудливым свойствам своего характера он старался обратить на себя внимание проделками, которые ему самому нередко надоедали, а многочисленные пожертвования, на которые Демидов тратил миллионы, оставались для большинства тайной. Екатерина II, правительница мудрая и проницательная, глядела сквозь пальцы на его так называемое «самодурство», от которого «терпеть приходилось лишь немногим, когда как тысячи людей пользовались плодами его умной благотворительности».

Еще в начале своего царствования Екатерина II «к отвращению погибели, нередко постигавшей незаконнорожденных при первом воззрении их на свет», предложила основать в Москве Воспитательный дом. Первые пожертвования поступили от самой императрицы и наследника цесаревича Павла Петровича. Среди других жертвователей числился и французский философ-просветитель Дидро. Не мог пройти мимо такого «великого, богоугодного дела» и Прокофий Акинфиевич и, как он отметил в своем сопроводительном письме, «поражаясь матерним Екатерины Великия в пользу несчастно рожденных детей заведением», внес на устройство в Москве Воспитательного дома – 1 107 000 рублей. Из этой суммы он выделил 205 тыс. рублей на основание при Воспитательном доме коммерческого училища, «в котором на проценты с сея суммы имеют содержаться вечно 100 мальчиков из купеческих детей». Воспитательный дом был открыт 21 апреля 1764 года.

В письме к главному попечителю Воспитательного дома И. И. Бецкому, признавая, что императрица учреждением Воспитательного дома «многие беззакония и зверские злодейства предупредила и отвратила», Прокофий Акинфиевич выразил желание и в дальнейшем «иметь о несчастных всякое попечение» и обещал начатое в Москве каменное строение Воспитательного дома «достроить своим иждивением», «вспомоществовать» открытию ссудной кассы и родильного госпиталя в Петербурге и «не переставать оказывать благотворения вовеки, докуда будет в состоянии покровительствовать этим учреждениям».

В 1772 году богатый филантроп посетил Воспитательный дом, и опекунский совет, согласно постановлению И. И. Бецкого, поднес ему золотую медаль и благодарственное свидетельство. По распоряжению опекунского совета в газетах были напечатаны хвалебные стихи в честь Демидова. Восхищенный приемом богатч не остался в долгу и подарил Воспитательному дому один из своих больших каменных домов со всей обстановкой. За пожертвования на «Императорский Воспитательный для приносных детей дом» Прокофий Акинфиевич, не имевший чина, был произведен сразу в статские советники. Этим милости к нему императрицы не ограничились: за щедрые пожертвования она сделала его почетным опекуном и сенатором, а впоследствии произвела в действительные статские советники, дабы «ознаменовать перед целым светом признательность свою к благонамеренным его подвигам». Продолжая свою филантропическую деятельность, Прокофий учредил Петербургское коммерческое училище, на которое пожертвовал 250 тыс. рублей. Когда стали открываться народные училища, он пожертвовал на них 100 тыс. рублей. Кроме того, он внес 20 тыс. рублей на учреждение при петербургском Воспитательном доме, открывшемся в 1770 году, госпиталя для бедных рожениц.

Очень многое Демидов сделал и для Московского университета. Видя тесноту университетского здания, он купил и подарил университету дом за 10 тыс. рублей. 11 января 1779 года Прокофий Акинфиевич прислал для нужд университета 10 тыс. рублей на имя его куратора графа И. И. Шувалова. 30 июня того же года, когда на годичном торжественном собрании в университете один из студентов обратился к Демидову с приветственной речью, растроганный меценат пожертвовал еще 10 тыс. рублей. Вся сумма (20 тыс. рублей) была внесена в московский банк как демидовский пансион, и на проценты с нее решено было содержать шесть студентов. Вообще на его счет содержалось немало студентов, которые ежегодно на «годичных актах» произносили в честь своего покровителя хвалебные речи. Университетское «Вольное российское собрание» в благодарность избрало его в свои члены. К этому можно добавить, что уже после смерти Демидова сыновья передали «в его память» университету знаменитый гербарий («травник») и часть библиотеки отца. А в 1822 году Московский университет, выбив на двух мраморных досках золотыми буквами «для всегдашней памяти» имена своих благотворителей, в числе первых поместил имя Прокофия Акинфиевича Демидова.

Можно по-разному оценивать итоги его незаурядной благотворительной и меценатской деятельности. Может, и не стоит слишком превозносить филантропию Демидовых, которые своими пожертвованиями лишь частично искупали несправедливое происхождение своего состояния, отдавали долг государству, чрезвычайно способствовавшему возникновению их капиталов. «Если Демидовы и жертвовали миллионы, — замечает один их биограф, — то они, по совести говоря, должны были это сделать уже по самому характеру происхождения своего богатства». Тем не менее на это можно заметить, что далеко не каждый готов искупать свое прошлое и отдавать долги, не много найдется богатых людей и сегодня, готовых для блага соотечественников пожертвовать немалой частью своего состояния, и потому Прокофий Демидов «достоин сочувственного воспоминания потомков».

Здание, где первоначально размещался Московский университет

Прокофий Акинфиевич прожил долгую жизнь. Он любил цветы и с удовольствием занимался их разведением; его увлечение природой, заботы о пчелах (о которых он даже написал специальную работу), о птицах заменяли ему «внешние развлечения». Он оставил после себя ценную в историческом отношении переписку, дающую сведения о крепостном строе, заводском быте: письма к сыновьям и дочерям, к приказчикам, к известному полковнику Михельсону (которому он преподнес от себя адрес с выражением «наивящей» благодарности и с «презентом» за усмирение Пугачева), к известным деятелям той поры – И. И. Бецкому, И. И. Шувалову, Н. И. Рибас. Скончался знаменитый чудаков и меценат в Москве 4 ноября 1788 года (по другим сведениям, в 1786 году) в 78 лет и был погребен с большой пышностью в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. При его гробе дежурили университетские студенты – его стипендиаты, отдавая ему последние почести.

Из прямых потомков Прокофия Акинфиевича известность получил лишь его внук Василий Львович. Он родился в июле 1769 года и в 19 лет поступил на службу во флот. Под командованием адмирала Грейга принимал участие в сражении против шведов у острова Готланд, а затем перешел на Черноморский флот, где под командованием адмирала Ушакова 31 июля 1791 года на корабле «Вознесение Господне» участвовал в сражении с турецким флотом. Не чувствуя призвания к службе, Василий Львович в 1795 году в чине капитан-лейтенанта флота вышел в отставку и навсегда поселился в своем имении, где вел жизнь, уже далекую от заводской деятельности первооснователей рода. Он целиком посвятил себя уездным общественным делам и сельскому хозяйству. Увлеченный либеральными

настроениями первых лет царствования Александра I, потомок заводчиков Демидовых особое внимание обратил на улучшение быта крестьян. Являясь убежденным сторонником освобождения крестьян с землей и владея тысячью с лишком душ, он образовал особый денежный фонд, посредством которого крестьяне еще при его жизни выкупили свой надел. Для своих крепостных он создал запасные хлебные магазины, упорядочил исполнение рекрутской повинности, организовал пожарную часть и другие новшества. Внук Прокофия Акинфиевича умер в 1862 году, на 93-м году жизни, дожив до дня освобождения крестьян, в необходимости которого был убежден. После него осталось 11 человек детей.

Плоды просвещения

Другой сын Акинфия, Григорий, второй по старшинству и на пять лет моложе Прокофия, как и последний, не пользовался особой любовью отца. Григорий Акинфиевич оказался, однако, более деятельным заводчиком, чем его старший брат. К доставшимся ему по разделу двум железным и двум медным заводам он присоединил еще два основанных им завода: Тисовский (построенный еще при отце в 1730 году) и Бисертский (1761). Сведения о Григории Акинфиевиче крайне скудны. Он, по-видимому, гораздо меньше своих братьев проявил себя на поприще благотворительности, однако его имя также значится в списке почетных благотворителей Московского университета, как и имена других Демидовых. Судьбой ему был отпущен недолгий срок – всего 46 лет. Он умер 15 ноября 1761 года и погребен рядом с дедом, Никитой Демидовым, в Туле. Через два года там же похоронили и его супругу, Анастасию Павловну Суровцеву (1713–1763), от которой он имел пятерых дочерей и троих сыновей: Александра, Павла и Петра.

Наиболее предприимчивым из братьев был Александр Григорьевич, имевший чин действительного статского советника. К концу XVIII века у него уже было семь заводов, составлявших вторую по мощности, после Нижне-Тагильской, Ревдинскую группу заводов Демидовых. В нее входили два доменных, два железных и три медных завода. В 1787 году он построил еще один завод – Малевский, один из последних заводов, основанных Демидовыми в XVIII веке. Пять заводов принадлежали младшему сыну Григория, Петру, дослужившемуся до высокого чина тайного советника.

Династические линии обоих братьев не дали громких имен. Известно лишь, что к внуку младшего из братьев, полковнику Николаю Петровичу Демидову, в 1873 году перешел по линии жены княжеский титул, и ему разрешили именоваться «Демидовым, светлейшим князем Лопухиным». Но породнились с титулованной аристократией многие представители Демидовых еще задолго до этого. Павел Григорьевич, о котором речь пойдет ниже, не имел склонности к предпринимательскому делу и поступился своей частью в пользу братьев, однако в начале своего жизненного пути и он принял участие в семейном учредительстве заводов, основав в 1761 году Камбарский завод.

В течение XVIII века Демидовы активно участвовали в развитии горной промышленности России. Ими было основано не менее 55 заводов. Во многом благодаря Демидовым рудный Урал превращается в центр русской металлургии. Уже к 1750 году из действовавших в России 75 металлургических заводов на долю Урала приходилось 61 предприятие; 3/4 выплавляемого чугуна и большую часть меди поставляла уральская металлургия. Во второй половине XVIII века Урал стал мировой кузницей, поставлявшей железо не только на русский, но и на европейский рынок. Уральское железо, мягкое в ковке, пользовалось устойчивым спросом европейских покупателей, и в середине столетия почти половина железа шла на экспорт. Львиною

долю в этих поставках за рубеж давали демидовские заводы. Железо продавалось крупным иностранным конторам, находившимся в Петербурге. Вместе с тем к концу столетия энергия Демидовых по устройству заводов постепенно ослабевает.

Для новых поколений Демидовых их уральские и сибирские заводы, их вотчины не являются уже главным центром интересов. Они лишь источник громадных доходов, позволяющих удовлетворять все растущие запросы их просвещенных владельцев, вкусивших неведомые им прежде плоды от европейского «древа познания». Культурные и просветительские устремления Демидовых, как и многих других представителей русской аристократии этого «галантного» века, все чаще обращаются к Западной Европе.

Наибольшую известность своей научной и филантропической деятельностью приобрел второй из сыновей Григория Акинфиевича – Павел Григорьевич Демидов (1738–1821). Он получил прекрасное образование, изучил несколько иностранных языков, играл на фортепиано и на скрипке. Свое обучение Демидов продолжил в Европе. Юный богач слушал лекции в Геттингенском университете, учился в знаменитой Горной академии во Фрейберге. Особое внимание он уделял естественным наукам и металлургии. После окончания обучения молодой Демидов предпринял длительное путешествие по Европе. Долгое общение с европейской цивилизацией облагородило его вкусы и внушило стремление быть полезным родине. По словам профессора Московского университета С. П. Шевырева, П. Г. Демидов «представлял зрелые плоды того просвещения, которое смело сеял преобразователь самодержавной рукою своею по лицу всей России».

Вернувшись после смерти отца в Россию, молодой выпускник европейских университетов решил полностью посвятить себя наукам. С целью более глубокого изучения природных богатств и состояния горнозаводского дела в России он отправился в новое путешествие, теперь уже по своей стране. Во время поездки Павел Григорьевич обращал внимание на рудники и горные заводы, посетил все екатеринбургские казенные и частные заводы, побывал в Туле, Шлиссельбурге и Ладого. В этот период он состоял на государственной службе, и в 1762 году «за обширные познания в натуральной истории и минералогии» ему был пожалован императрицей чин советника Берг-коллегии, а при выходе в отставку – статского советника. За заслуги в изучении природных богатств России Вольное российское собрание 14 января 1772 года избрало Павла Григорьевича своим действительным членом. В том же году он вторично отправился за границу, побывал в Германии, Франции, Голландии и в 1773 году возвратился в Россию через Стокгольм. После возвращения он отошел от государственной службы и всю свою последующую жизнь посвятил «философскому уединению, рассматриванию природы и ученым созерцаниям». Ему принадлежит немало ценных наблюдений и открытий в области естествознания, по результатам которых он вел постоянную обширную переписку с ведущими учеными того времени, особенно с Карлом Линнеем.

Этот образованнейший человек своего времени был не только физиком и наблюдателем, но и философом, литератором, ценителем словесности, автором многих сочинений. Он страстно любил музыку, имел у себя в доме хорошие органы. Во время путешествий за границу и по России П. Г. Демидов приобрел редкие коллекции в области естественных наук, собрания медалей, монет, художественных редкостей, библиотеку, кабинет «натуральной истории». Особое внимание он уделял подбору редких книг, рукописей на латинском, французском, немецком, русском языках.

При учреждении в начале правления Александра I министерств, в том числе и Министерства народного просвещения, П. Г. Демидов одним из первых откликнулся на прозвучавший 24 января 1803 года призыв правительства содействовать благу

народного образования пожертвованиями. В марте того же года Павел Григорьевич отправляет с учителем Московского главного народного училища П. М. Дружининым письмо министру просвещения графу П. В. Завадскому, в котором сообщает о своем решении отдать принадлежавшую ему романовскую вотчину с 1330 душами мужского пола «в пользу назначенной к открытию ярославской гимназии». Изложив в письме свои предложения, Демидов уполномочил Дружинина вести переговоры с министром и об открытии в Ярославле университета. В случае успеха переговоров Демидов обещал пожертвовать еще угличские деревни с 2240 душами и 100 тыс. рублей. В дальнейшем он, согласно указанию графа Завадского, несколько изменил свой первоначальный план и ходатайствовал лишь о том, чтобы «назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое имело бы одинаковую степень с университетами и все преимущества оных, заведя в нем класс наук университетских». В прошении он пишет, что с давних лет помышлял «уделить часть от избытков имущества своего на какое-нибудь человеколюбивое заведение, а любя науки и почитая просвещение первым основанием благосостояния государства», всегда желал «споспешествовать распространению оных».

Александр I, желая показать, как высоко он ставит поступок Демидова, повелел: «1. Выбить золотую медаль с изображением на одной стороне лица Демидова, а на другой представить приличную надпись, означающую его действие. И таковую медаль, как залог общей признательности, вручить ему, Демидову, в Москве, в общем Правительствующего Сената собрании. 2. Предать тиснению прилагаемое при сем прошение, издать оное во всенародное известие, дабы добродетель, достойная почтительного внимания, явлена была перед лицом отечества. 3. Привести в исполнение все распоряжения, самим благодетелем учиненные в точной сообразности с его волею...»

В общей сложности правнук основателя рода пожертвовал на содержание высшего училища в Ярославле 3578 душ крепостных крестьян. Сначала эти крестьяне платили небольшой оброк, но с расширением учебного заведения оброк был повышен с 10 до 14 рублей с души. Кроме этой своеобразной формы меценатства, Павел Демидов внес в кредитные учреждения для той же цели «наличный капитал в 300 тыс. рублей» (по другим сведениям – 100 тыс.) «для приращения процентами», а особо 20 тыс. рублей «на распространение училища». По утвержденному 28 января 1805 года уставу «высших наук училище», названное «Демидовским училищем», занимало среднюю ступень между гимназией и университетом и находилось в ведении Московского университета. Открылось оно 25 апреля 1809 года.

Одновременно с пожертвованием на училище в Ярославле Павел Григорьевич сделал крупный вклад в 200 тыс. рублей, чтобы «употребить в пользу существовавшего уже Московского и предназначенных Киевского и Тобольского университетов»; 100 тыс. из них были выделены Киевскому (открыт 15 июля 1834 года) и Тобольскому университетам. Последний не был открыт, и его деньги (к этому времени 150 тыс. рублей) были использованы при создании в 1880 году Томского университета в Сибири. Сверх того он подарил Московскому университету «знатную библиотеку», кабинет «натуральной истории» и минц-кабинет (собрание нескольких тысяч древних монет и медалей), стоившие не менее 250 тыс. рублей. Из 100 тыс. рублей, предназначенных Московскому университету, часть процентов шла на содержание студентов, часть – на отправку лучших из них в иностранные университеты и часть – на содержание кафедры натуральной истории, названной «Демидовская кафедра», с «поручением ее иностранному профессору, пока эта важная часть наук дойдет у нас до большого совершенства». К сожалению, его библиотека, музей и гербарий погибли во время московского пожара 1812 года. Павел Григорьевич делал и другие крупные пожертвования на развитие образования. Так, им было выделено 22 тыс. рублей на покупку здания Института благородных девиц в

Харькове.

П. Г. Демидов помышлял также быть «благотворителем человечеству» через устройство заведений в пользу бедных. С этой целью он поручил известному ученому Г. И. Фишеру составить для него записку о таких заведениях в Гамбурге, Мюнхене, Вальдгейме, но война 1812 года помешала осуществлению его намерений. Тем не менее в период Отечественной войны с Наполеоном он пожертвовал на устройство в Ярославле дома призрения тысячу рублей.

По отзывам современников, Павел Григорьевич был всегда тих, кроток, честен, прямодушен, справедлив и во всем чрезвычайно умерен. Он любил труд и ненавидел праздность. Его называли скупым, потому что он не давал обедов, был врагом роскоши, носил несколько лет один кафтан, платил дворовым людям умеренное содержание, «чтобы они трудились для себя, не предаваясь губительной праздности». «Всякий должен довольствоваться тем, – говорил П. Г. Демидов, – чем кого благословил Бог». И потому он мало помогал небогатым родственникам, но с крестьян брал незначительный оброк.

Павел Григорьевич овдовел еще молодым. Кто была его жена – неизвестно. Детей после него не осталось. Скончался он 1 июля 1821 года на 83-м году в подмосковной усадьбе Леоново, где провел большую часть жизни, и погребен в московском Спасо-Андрониевском монастыре. Московский университет 30 декабря 1821 года почтил его память особым собранием, во время которого профессор естественной истории Фишер произнес на латинском языке речь, посвященную памяти П. Г. Демидова, студент Иовский, воспитывавшийся на счет мецената, – речь на русском языке, а поэт Мерзляков прочитал стихи. В университетском музее был поставлен портрет благотворителя, а на второй из двух мраморных досок университета высечено его имя. В 1829 году на деньги, собранные по подписке ярославским дворянством, П. Г. Демидову был сооружен памятник в Ярославле работы скульптора Крылова.

Павел Григорьевич был, в сущности, первым из Демидовых, чья просветительская, меценатская, научная деятельность перешагнула национальные границы. Именно с него начинается не поверхностный, а глубинный интерес представителей династии уральских заводчиков к европейской культуре и просвещению, освоение достижений западной цивилизации, «хождение в Европу» российских аристократов, которые так ярко проявились в судьбах последующих поколений Демидовых. Чрезвычайно показательна в этом отношении история жизни его более молодого кузена – Николая Никитича – единственного сына Никиты Акинфиевича Демидова.

Русские европейцы

Родился Николай Демидов 9 ноября 1773 года. Когда умер его отец, ему было всего 15 лет, и некоторое время заводским делом управляли за него знатные опекуны – статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий и Н. Д. Дурново. Юный Демидов числился сержантом привилегированного лейб-гвардии Семеновского полка, но по дворянскому обычаю жил в родительском доме и «проходил науки». Всесильный князь Г. А. Потемкин заинтересовался им и взял к себе адъютантом во время второй русско-турецкой войны. С ним он, как предполагают, выехал в Яссы на переговоры о мире с Турцией. Николай Демидов внес свой вклад в создание русской Черноморской эскадры, построив и оснастив за свой счет фрегат.

В царствование Павла I имя молодого Демидова неоднократно упоминается в именных указах сумасбродного императора вместе с фамилиями придворной знати. Из камер-юнкеров Демидов был очень скоро пожалован в камергеры двора

наследника престола, великого князя Александра Павловича и в тайные советники, что способствовало его дальнейшей придворной карьере. Николай Демидов, видимо, был ловким царедворцем, блестящим светским человеком, прекрасно умевшим использовать свои обширные придворные связи. При молодом императоре он становится гофмаршалом двора.

От отца Николай Демидов получил громадное состояние – десять металлургических заводов, в том числе Нижне-Тагильский – один из крупнейших в России, и 11 550 душ крестьян при заводах и вотчинах. Но в юные годы он славился расточительством и всевозможными дорогостоящими выходками. В последние годы XVIII века им были произведены типичные для знати того времени огромные траты: на личные расходы, на приданое сестрам, что привело к возникновению громадной задолженности. Николай стремился поправить положение новыми займами, залогами или продажей деревень. Все это не соответствовало бережливости первых Демидовых, но вполне отвечало дворянским нравам екатерининского времени.

К концу XVIII века Демидовы уже были знатными вельможами, близкими ко двору. Их образ жизни ничем не отличался от стиля и манер петербургской знати, с которой Демидовых связывали самые разнообразные отношения: экономические, родственные и служебные. Увеличившиеся в конце XVIII – начале XIX века непроизводительные расходы тяжким бременем ложились на имения и заводы Демидовых. Так, бюджет 1794–1795 годов, более половины расходной части которого составляли личные траты заводовладельца, был сведен с дефицитом в 612 тыс. рублей серебром. Доход за 1795 год по предприятиям Н. Н. Демидова достигал 595,8 тыс. рублей, расход же определен в 1435,8 тыс. рублей.

Задолженность достигла колоссальной суммы – 2 млн рублей. Стоял вопрос о продаже Тагильских заводов. Выходом из создавшегося положения явился залог заводов в Заемном банке, продажа части вотчин, в частности старейшей Фокинской вотчины, а также женитьба в 1797 году Н. Н. Демидова на наследнице строгановского состояния баронессе Елизавете Александровне Строгановой, присоединившей к капиталу мужа часть громадных богатств ее рода. Потомки тульского кузнеца впервые соединились с потомками давних своих конкурентов на Урале и в Сибири – «именитых людей» Строгановых.

К этому же времени относятся и крупные изменения в методах управления обширным заводским и вотчинным хозяйством Демидовых. Еще при отце Николая Никитича управление и руководство хозяйством стало заметно бюрократизироваться, делопроизводство в главных конторах было поставлено по образцу казенных учреждений. Отделение собственнических функций хозяев от непосредственного управления предприятием произошло к началу XIX века, когда текущее руководство огромным демидовским хозяйством перешло к управляющим, заметно отличавшимся от приказчиков XVIII века.

Н. Н. Демидов

Начало нового века ознаменовалось и значительным ростом вотчинного землевладения Демидовых в европейской части страны. Приобретены новые вотчины в Звенигородском, Верейском, Богородском уездах Подмосковья, куда была перенесена загородная резиденция Демидовых. Уже с начала XIX века население этих вотчин, обслуживавшее разнообразные нужды и прихоти владельцев, было переведено с барщины на оброк. Значительно увеличилась и численность дворовых. Дворянское предпринимательство Демидовых выразилось в расширении барской запашки в их европейских вотчинах, освоении там новых сельскохозяйственных культур и развитии животноводства (в том числе овцеводства и коневодства). Кроме того, в начале XIX века Н. Н. Демидов приобрел земли в Херсонской губернии и основал образцовые экономии «Заводовка» и «Демидовка». Там проводились опыты по выращиванию племенного скота и производству винограда, сажались тутовые и оливковые деревья, была построена суконная фабрика.

Многие современники отмечали, что в зрелые годы Н. Н. Демидов очень изменился, стал бережлив в расходах, искусно управлял своими делами не только в России, но и в Европе и даже в Америке. Сохраняя традиции рода, он обращал большое внимание на горное дело, вводил технические усовершенствования. Не ограничиваясь традиционной торговлей с границей металлом (спрос на который в первой половине XIX века резко упал), Н. Н. Демидов принимал участие в торговых операциях по продаже сельскохозяйственной продукции, в том числе из своих заводских вотчин, через порты Черного моря, для чего построил шесть морских судов. На Тагильских заводах по его распоряжению были устроены конный завод и «опытный хутор», где вывели местную породу молочного скота. В эти же годы в уральских владениях Демидова появились разнообразные производства, не имеющие отношения к металлургическому: «полуфаянсовая» фабрика, стеклянный завод, литография; он даже попытался открыть специальную «подносную фабрику» при Нижне-Тагильском заводе.

Хотя Н. Н. Демидов посетил свои уральские заводы только раз (в 1806 году) и провел там всего несколько месяцев, он сумел глубоко вникнуть в заводское хозяйство. Тесную связь с заводами он сохранил и в дальнейшем. Большая часть жизни его прошла за границей, однако советы и «повеления», которыми наполнена обширная переписка Н. Н. Демидова с конторами, приказчиками и служащими, направляли весь ход заводских дел. Он осуществил переориентацию производства с внешнего на внутренний рынок, активно поддержал новые высокодоходные отрасли заводского хозяйства – медного и приискового «дела». Именно при нем в Нижне-Тагильском округе были открыты богатейшие месторождения золота и платины и

начата их разработка.

Н. Н. Демидов поощрял подготовку из своих крепостных образованных специалистов. Однако и в этом случае он оставался помещиком-заводчиком, уверенным в своем праве распоряжаться их судьбами. «Все зависит единственно от моей воли, а не от приказчиков распоряжения», – напоминал он своим тагильским служащим в 1797 году. «Он воображает, – писал Демидов о талантливом крепостном инженере Ф. И. Швецове, получившем образование во Франции, – что его в Москве экзаменуют, и чрез оное он получит отпускную. Пусть льстит себя тщетной надеждою. Баженов и его товарищ, кажется Арефьев, могли быть приняты академиками, но как я на оное не был согласен, то остались в моем владении».

При Н. Н. Демидове продолжалось приобретение новых вотчин. За счет покупки и переводов крепостных крестьян почти вдвое увеличилось население демидовской «экономии» в Херсонской губернии. Был приобретен земельный участок в Крыму (в районе Симферополя). Только за четыре года (1824–1828) куплены вотчины в Рязанской, Новгородской и Черниговской губерниях с населением 9694 души. Это был и резерв рабочей силы для заводского хозяйства.

С началом нового столетия начинается и новый этап истории рода Демидовых. Благодаря успешному проникновению в высшие аристократические круги для них открылись возможности поправить и приумножить состояния с помощью династических браков. Но даже это не всегда помогало покрывать громадные траты представителей нового поколения клана Демидовых. Уровень их непроизводительных расходов оставался высоким, хотя вплоть до 40-х годов XIX века он во многом компенсировался доходами от хозяйства, в первую очередь от золотых и серебряных приисков, платиновых месторождений. Убытки маскировались также измененной системой бухгалтерского учета. Отмечавшееся некоторое сокращение расходов на подмосковные вотчины и содержание господских домов в Петербурге и Москве объяснялось в первую очередь переносом главной резиденции Демидовых из России в Италию.

В это же время у Демидовых появляются новые интересы. Наиболее яркие из них – благотворительность и меценатство, стремление служить на ниве культуры и просвещения, причем не только русской, но и европейской. Они становятся «русскими европейцами». Их развитие происходит на перекрестке русской и мировой культур. Деятельность Демидовых на этом новом поприще, осуществляемая с такой же целеустремленностью, с какой первые Демидовы осваивали неизведанные богатства Урала и Сибири, становится одним из мостов, все более прочно связывающих русскую культуру с европейской.

Склонность к благотворительности Н. Н. Демидов проявлял с молодости. Колоссальное состояние позволило ему стать одним из виднейших благотворителей и меценатов своего времени. В 1807 году он пожертвовал дом в пользу Гатчинского сиротского института, а в Отечественную войну 1812 года продолжил традицию Демидовых помогать государству в годину бедствий и военных испытаний, оснастив на свои средства целый полк, названный «Демидовским». Он содержал его до конца военных действий. Сразу после войны Николай Никитич, продолжая традицию своих предшественников, передает безвозмездно Московскому университету взамен коллекции его дяди, П. Г. Демидова, сгоревшей в пожаре 1812 года, собственную коллекцию (1250 минералов, 1450 экзотических раковин, 250 чучел животных), положившую начало новому университетскому музею естественной истории. В том же году он строит в Петербурге четыре чугунных моста. В 1819 году Н. Н. Демидов пожертвовал 100 тыс. рублей на нужды инвалидов, в 1824 году выделил 50 тыс. рублей на раздачу беднякам по случаю наводнения в Петербурге, а в 1825 году –

100 тыс. рублей и собственный дом для «Дома трудолюбия».

Слабый здоровьем, Николай Никитич с 1815 года проживал в основном за границей. Вначале он поселился в Париже, затем в Риме, но в этом городе чувствовал себя стесненным чуждыми для него ограничениями, которые накладывала папская власть. В 1819 году Демидов с семьей переезжает в Тоскану с ее более свободным образом жизни. Флоренция и Тосканская область становятся его постоянным местом жительства, вторым отечеством. Согласно большинству биографических сведений, Демидов занимал там должность российского посланника или поверенного при Тосканском дворе. Но это утверждение вряд ли верно. Русским представителем во Флоренции в то время был А. Я. Италийский – глава русской миссии при папском дворе. Тем не менее Н. Н. Демидов приобрел среди итальянцев широкую известность исключительной по масштабам благотворительной деятельностью.

Памятник Н. Н. Демидову во Флоренции

Говоря о роли Демидовых в истории русско-итальянских связей, нужно иметь в виду не только их культурные инициативы в Италии, но и широкую благотворительность в целом: строительство бесплатных школ, больниц, вспомоществование бедным. Неведомый для итальянцев того времени размах этой благотворительности вызывал у них изумление. По приезде во Флоренцию Николай Никитич основал, по русской духовной традиции, приют для сирых и престарелых («приют Демидова») неподалеку от палаццо Серристоры на набережной реки Арно, где первое время он жил сам. На содержание приюта, а позднее и школы при нем он выделил особый капитал. В здании приюта и в наше время располагается детское учреждение, а фасад его украшен горельефным изображением Николая Никитича. Вблизи этого огромного здания, на площади, названной Демидовской, благодарные флорентийцы поставили белую мраморную статую благотворителя, выполненную по заказу Анатолия Демидова скульптором Лоренцо Бартолини.

Удивляла экспансивных итальянцев и меценатская деятельность Николая Демидова, тесно связанная с коллекционированием им произведений искусства. Его художественное собрание положило начало великолепной картинной галерее Демидовых. Приобретаемые им произведения великих мастеров украшали стены палаццо Серристоры, потом виллы Сан-Дonato и Пратолино. В Италии меценат

оказывал широкое гостеприимство и покровительство русским художникам, приезжавшим в эту страну. Он не раз бывал в римской мастерской художника-пейзажиста Федора Матвеева и заказывал ему картины с видами Флоренции, Рима, Неаполя, озера Аньяно. Другой известный русский мастер романтического пейзажа, Сильвестр Щедрин, в письме из Рима от 15 декабря 1821 года сообщал, что Николай Никитич обошел все мастерские отечественных художников, скульпторов и архитекторов, работавших в Италии. Заказов он, однако, не сделал, так как ни один из художников не соответствовал его весьма требовательным вкусам. Демидов к тому времени был уже известен не только как щедрый меценат, но и как тонкий ценитель прекрасного, основатель школы архитектуры, живописи и скульптуры в Петербурге, для которой заказывал в Италии копии античных статуй из ватиканских музеев.

Не забывал Н. Н. Демидов и родные пенаты. Еще в 1806 году он основал в Нижнем Тагиле художественное училище, из стен которого вышли целые династии местных художников: Худояровых, Дубасниковых, Перезоловых. При нем восходит звезда выдающегося уральского литейщика Федора Звездина, работы художественного литья которого вызовут восторг на промышленных выставках в Москве и Петербурге.

В Нижнем Тагиле постепенно накапливаются, как в Петербурге и в далекой Флоренции, крупные художественные коллекции: мраморные бюсты Николая Демидова работы Кановы и Тадолини, бюсты Наполеона, Шиллера, Гёте, копии греческих скульптур, портрет А. К. Демидовой-Карамзиной (урожденной баронессы Шернваль), приписываемый кисти К. Брюллова, и др.

В это же время заполняются художественными произведениями роскошные дворцы Демидовых в Петербурге и Москве, их заграничные имения во Франции и Италии. На все это, так же как и на широко развернувшуюся благотворительную деятельность, тратились огромные средства, добытые тяжелым трудом рабочих Тагильских заводов и крепостных демидовских вотчин. Именно их труд обеспечивал атмосферу праздника искусств, царившую на итальянских виллах Демидовых, и прежде всего на самой известной из них – Сан-Дonato.

С этим поместьем связана одна из самых увлекательных историй (более похожая на легенду) в жизни Николая Демидова. В 1824 г. русский богач, избалованный, скукающий, преследуемый тяжелой бессонницей, путешествовал по Италии. Однажды ночью он катался по окрестностям Флоренции и, свернув с «шумной Пистоэзской дороги», заехал в расположенный неподалеку уединенный монастырь. Это было аббатство Сан-Дonato, притаившееся под сенью вековых кипарисов. Больному воображению путешественника мерещилось, что только тут, под сенью темной церкви, к нему вернутся сон и успокоение. Он обратился к настоятелю с просьбой дать ему ночлег. Старый монах отговаривался нищетой своей сельской обители, но богатый иностранец настоял на своем и провел ночь в убогом монастырском помещении для странников. Предчувствие его не обмануло: на него слетел желанный крепкий сон. Богатый незнакомец был владельцем уральских заводов Николаем Никитичем Демидовым.

С большим трудом и за большие деньги он купил у монахов участок благословенной земли, и вскоре подле монастырского здания вырос дом, был разведен сад, высажены редкие деревья, яркие цветы. Однако монахи смотрели на вынужденное соседство «еретика» как на посягательство на их священную собственность. Демидову приходилось откупаться все новыми пожертвованиями. Особенно раздражала больного Демидова необъяснимая гибель любимых им растений. Наконец выяснилось, что монахи по ночам посыпали и обливали растения ядовитыми веществами. Хозяин виллы, положение которого становилось невыносимым, предложил громадную сумму за сам монастырь. Ему было отказано наотрез. Не

увенчались успехом и все попытки к примирению. Тогда Демидов решился на крайнюю меру: он выстроил вплотную к монастырю «брандмауэр» (каменную стену) таких размеров, что отнял у обители столь необходимый зимой в Италии солнечный свет. Монастырь оказался как бы на дне колодца. Монахи сдались, продали свое аббатство и разбрелись по другим монастырям.

После их отъезда вилла расширилась и, поглотив старые монастырские здания, преобразилась в настоящий дворец. Сооружались залы и монументальные лестницы, разукрашенные мозаиками, уральское золото покрывало густыми слоями потолки вестибюля. Николай Никитич не успел завершить начатых построек, и его сын Анатолий «поставил им последний камень, о чем свидетельствует на мраморе надпись» при парадном входе во дворец: «1 ноября 1844 года, арх. Николо Матиас».

Скончался богатый меценат 22 апреля 1828 года во Флоренции. Его супруга умерла за десять лет до этого в Париже. Двум сыновьям своим он оставил громадное состояние, увеличенное вдвое по сравнению с полученным им самим. Если от отца Н. Н. Демидов получил вотчины в пяти губерниях России, то своим сыновьям он оставил вотчины уже в восьми губерниях. Особо были выделены в «раздельном акте» Нижне-Тагильские заводы со всей их продукцией и торговыми конторами («продажами»). Наряду с «экономиями» в Херсонской губернии, имением Кастропуло в Крыму и земельным участком в Калужской губернии они были оставлены в общем «нераздельном пользовании» обоих наследников.

Сыновья Николая Никитича мало внимания уделяли управлению обширным демидовским хозяйством, передоверив его хорошо отлаженной отцом системе управляющих, довольствуясь ролью главных распорядителей и потребителей. Впоследствии они, в отличие от отца, утратили непосредственную связь с заводами и даже со своими столичными конторами. Все реже бывая не только на Урале, но и в России и сознавая свою некомпетентность в технических и финансовых вопросах, они фактически устранились от личного участия в управлении заводами, передав свои права доверенным лицам из своего ближайшего окружения.

Ограда дома Демидовых в Б. Толмачевском переулке. Конец XVIII века

Родовое состояние позволило Павлу и Анатолию продолжить давние традиции семейства в области благотворительности и меценатства. Старший из братьев, Павел Николаевич, родившийся 6 августа 1798 года, был, так же как и отец, близок ко двору, имел придворные звания камергера и егермейстера. Воспитание и образование он получил в Париже, в лицее Наполеона. С 1812 по 1826 год служил в русской армии, а в 1831 году был назначен гражданским губернатором Курской губернии. В этой должности Павел Николаевич пребывал несколько лет и прослыл благотворителем края. Во время холеры 1831 года в Курске он построил четыре больницы, пожертвовал 10 тыс. рублей беднякам города и 3 тыс. загородным слободам. В 1834 году он за свой счет воздвиг памятник поэту Богдановичу. Павел Николаевич учредил в Петербурге детскую больницу, внося вместе с братом Анатолием особый капитал. Если первая в Европе детская больница была основана в Париже на средства правительства, то вторая – в Петербурге – на пожертвования братьев Демидовых. Кроме того, Павел Николаевич делал крупные пожертвования в комитет инвалидов, в приют для бедных, в общество садоводства и др.

Громкую известность меценат получил в качестве учредителя ежегодных «Демидовских премий» Петербургской Академии наук. Владея громадным богатством, Павел Николаевич, начиная с 1831 года и до своей смерти, ежегодно в день рождения императора Александра I (17 апреля) вносил в Академию наук по 20 тыс. рублей ассигнациями (или 5714 рублей серебром) «на награды за лучшие по разным частям сочинения в России» и по 5 тыс. рублей «на издание увенчанных академией рукописных творений». Кроме того, он распорядился выдавать такие же суммы в течение 25 лет после своей смерти. Общая сумма, назначенная для этой цели, составляла почти 900 тыс. рублей ассигнациями. Император Николай I на докладе ему об этом написал: «Объявить особое благоволение». «Демидовские премии» назначались Академией наук по всем отраслям знаний. По положению о премиях они подразделялись на «полные» награды и второстепенные; первые – по 5 тыс. рублей, вторые – по 2,5 тыс. рублей.

Среди награжденных премией в разные годы известные в научном мире России и за ее пределами имена. Так, в 1833 году ее получили крупный лингвист А. Х. Востоков – за учебник русской грамматики; известный историк Н. Г. Устрялов – за труд «Сказания князя Курбского»; в 1836 году – писатель и историк А. И. Михайловский-Данилевский – за «Записки о походе 1813 года» и выдающийся мореплаватель Ф. П. Литке – за книгу «Путешествие вокруг света»; в 1837 году – другой знаменитый мореплаватель, И. Ф. Крузенштерн, – за картографический труд «Дополнения к изданному в 1826 и 1827 гг. объяснениям, послужившим к составлению Атласа Южного моря», а также известный публицист и литератор С. П. Шевырев – за книгу «История поэзии»; в 1840 году – историк М. П. Погодин – за исследование «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей», физик Б. С. Якоби – за работу «Гальваноупругости»; в 1841 году – знаменитый Н. И. Пирогов – за труд «Хирургическая анатомия»; в 1849 году – математик П. Л. Чебышев – за «Теорию сравнений»; в 1850 году – будущий военный министр Д. А. Милютин – за труд «Военная статистика»; в 1859 году – И. С. Аксаков за исследование о торговле на украинских ярмарках; в 1861 году – Д. И. Менделеев за книгу «Органическая химия» и т. д.

Богатый меценат увлекался античной археологией, являлся почетным членом императорской Петербургской Академии наук, академий наук и искусств в Ареццо и Сиене (Италия). По его заказу в 1838 году был издан с посвящением ему один из лучших путеводителей по Риму того времени. Составлен он был Антонио Нибби, сопровождавшим П. Н. Демидова во время осмотра римских античных памятников. Путеводителем пользовался и высоко его ценил Н. В. Гоголь – большой поклонник и знаток римского и итальянского искусства.

П. Н. Демидов состоял в браке с известной светской красавицей, фрейлиной двора Авророй Карловной Шернваль, входившей в близкое окружение А. С. Пушкина. Дом супругов в Москве, в Газетном переулке, считался одним из центров московской культурной жизни и всегда был открыт для литераторов, художников, ученых.

25 марта 1840 года Павел Николаевич безвременно скончался в Майнце, в Германии, оставив Аврору Карловну с годовалым сыном на руках. Через шесть лет она вторично вышла замуж за сына историка Карамзина, Андрея Николаевича, – человека высокообразованного, в молодости – друга поэта М. Ю. Лермонтова. Он стал опекуном малолетнего П. П. Демидова и многое сделал для развития горных уральских заводов, находившихся в его управлении. В Нижнем Тагиле А. Н. Карамзину поставлен памятник. В 1854 году он ушел добровольцем на русско-турецкую войну и погиб в одном из сражений в возрасте 40 лет. Аврора Демидова-Шернваль вновь овдовела и более уже не выходила замуж. Она дожила до глубокой старости и умерла в 1902 году в возрасте 94 лет.

Особенно широкую известность расточительным образом жизни, оригинальными поступками и меценатством получил младший из братьев Демидовых – Анатолий Николаевич, являвший собой полную противоположность своим предкам – первым Демидовым. Если они были «люди с определенным мирозерцанием, упорно стремились к цели – приобретению богатств и развитию горного дела», то он брался за всевозможные дела, «чтобы заглушить свое разочарование жизнью». Предки «крепко сидели на своих заводах» и копили капиталы; он же исколесил «вдоль и поперек» Европу, тратил щедрой рукой миллионы. Предки «были чистокровными русскими людьми», Анатолий, князь Сан-Дonato, был мужем родной племянницы Наполеона I. При всем том молодой Демидов, как отмечают современники, был одаренной, сильной натурой – «физически мощная фигура, не похожая на угнетенного ипохондрией, дряхлого отца». Однако атмосфера вседозволенности и раболепия, с детства окружавшая его, несомненно наложила свою печать на судьбу этого по-своему незаурядного человека.

Анатолий Демидов родился во Флоренции в марте 1813 года, воспитывался в Париже, получил блестящее образование, разбирался в искусстве, говорил на многих языках, кроме русского, который знал плохо. После смерти отца юный Демидов приехал на время в Россию. По достижении совершеннолетия он пожертвовал полмиллиона рублей на учреждение в Петербурге Демидовского дома призрения трудящихся, а затем еще 500 тыс. рублей на устройство больницы в Москве. За это Анатолий Демидов был пожалован в камергеры и причислен к русскому посольству в Вене. До этого он состоял при русских посольствах в Париже и Риме. Однако вскоре А. Демидов бросил службу, успев получить – то ли за служебные заслуги, то ли за громадные пожертвования – чин действительного статского советника. Император Николай I назначил его потомственным попечителем Петербургской детской больницы, которой вместе с братом Павлом Николаевичем он пожертвовал 200 тыс. рублей.

Надо сказать, что в этот период молодого Анатолия Демидова, воспитанного на чужбине, тянуло к родным пенатам. Он задумывал различные грандиозные проекты, которые, как он полагал, могли быть полезны его далекой родине. Так, он перевез в Россию многие ценнейшие коллекции отца, собранные в Италии (картины, мраморные скульптуры, бронзу и др.), чтобы разместить их в Петербурге. Предметов было так много, что их привезли в столицу на двух кораблях. Для размещения коллекций в 1833 году на Васильевском острове было заложено особое здание. Анатолий преумножил собрание новыми приобретениями.

Среди картин, привезенных Демидовым из Италии в Россию, выделялась

знаменитая картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи». На молодого К. Брюллова, приехавшего в Италию в 1823 году, обратил внимание еще отец А. Н. Демидова. Однако первоначально заказ на картину о гибели Помпеи был сделан графиней Разумовской. Лишь впоследствии, в 1829 году, молодой меценат перехватил заказ на картину, заключив с Брюлловым письменный договор. А. Н. Демидов очень многое сделал для популяризации картины как за границей, так и в России. Картина Брюллова после завершения была показана в 1833 году сначала в Риме, а затем на Миланской выставке, вызвав волну восторга по всей Италии. Известный художник князь Г. Г. Гагарин вспоминал: «Успех картины «Гибель Помпеи» был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художников. Это великое произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм. Города, где картина была выставлена, устраивали художнику торжественные приемы; ему посвящали стихотворения, его носили по улицам с музыкой, цветами и факелами...

А. Н. Демидов

Везде его принимали с почетом как общеизвестного, торжествующего гения, всеми понятого и оцененного». После Италии картина была показана в Париже, а затем отправлена в Петербург, где Демидов преподнес ее в подарок императору Николаю I.

Большое впечатление на современников произвела организация А. Н. Демидовым на свои средства в 1837 году крупной научной экспедиции для изучения южной России и Крыма, в которой приняли участие 22 человека, в том числе несколько известных ученых и художников во главе со знаменитым профессором Горной парижской школы Ле-Пле. Энергичный молодой заводовладелец принял в ней личное участие. В этом проявилась его заинтересованность в развитии горного дела в родном отечестве. Результаты этой научной экспедиции, предсказавшей блестящее будущее русской горнозаводской промышленности, были опубликованы в 1838 году во Франции.

В 1854 году по инициативе А. Н. Демидова в Москве был издан русский перевод описания путешествия с атласом географических карт и помещенной в приложении книгой Ле-Пле «Исследование каменноугольного Донецкого бассейна, произведенное в 1837–1839 гг. по распоряжению А. Н. Демидова». Молодой меценат дал также средства на путешествие по России французскому художнику Дюрану (1837), составившему и издавшему в Париже альбом видов. Кроме того, Демидовым были изданы на французском языке в Париже: «Очерк путешествий в южную Россию и Крым в 1837 году» (1838); «Крым» (1855); «Письма о России» (1840).

Побывал Анатолий Демидов в эти годы и на Урале. К этому времени относится постройка великолепного дома Демидовых в Нижнем Тагиле талантливым

архитектором А. П. Чеботаревым – сыном крепостного. Здесь постепенно складывается постоянно пополняемая ценная художественная коллекция, в которой можно было увидеть мраморные бюсты Николая Демидова, Анатолия Демидова, Наполеона, произведения местных художников. В 1834 году на Нижне-Тагильском заводе были отлиты рельсы для черепановской железной дороги.

Однако уже в это время проявляются дурные наклонности и свойства характера Анатолия Демидова. Более всего он прославился на Урале своими грандиозными попойками. Немалую известность этими попойками приобрел Демидов и за границей, куда он вскоре отбыл из России, промелькнув «блестящим метеором на тусклом фоне русской жизни». Уже через несколько лет после его отъезда российский императорский двор отвернется от слишком пылкого и своевольного потомка уральских магнатов. Эта немилость во многом была связана с интригующей женитьбой А. Н. Демидова, о которой ходили самые невероятные слухи и которая сыграла роковую роль в его последующей судьбе.

Европейская жизнь молодого богача была заполнена претворением в жизнь его различных амбициозных проектов, зачастую не слишком продуманных и быстро сменявших друг друга, на которые он тратил громадные средства. В его руках Сан-Донато, по словам неизвестного биографа, «возросло в какое-то чудо роскоши и артистического достоинства». Галереи наполнились произведениями знаменитых художников предыдущих веков, современные знаменитости украсили жилые помещения; составились коллекции, которые могли бы соперничать с главными европейскими музеями; знаменитые выстроенные им оранжереи и теплицы, похожие на хрустальные дворцы, привлекали специалистов со всего света. Целый зверинец, в том числе тигры и львы, содержался в поместье для его потехи. Пир следовал за пиром, ночью музыка и песни звучали в садах, освещенных волшебными огнями. А утром экзотические цветы отсылались в дар флорентийским светским красавицам.

В 1840 году герцог Тосканский пожаловал Демидову за его крупные пожертвования на нужды Флоренции титул князя Сан-Донато, который позднее был подтвержден итальянским королем. Впоследствии Анатолий окажет герцогу ответную услугу: во время народного восстания во Флоренции, чтобы спасти его от гнева восставших, купит для него целый пароход, на котором герцог и уйдет. Княжеский титул новоиспеченного итальянского аристократа, правда, не был признан в России. Рассказывали, что однажды Анатолий приехал к российскому посланнику во Флоренции и, не застав его, оставил свою визитную карточку, где он именовался князем. Посланник потребовал у него доказательств на княжеский титул. Демидов ответил резким письмом, о котором посланник доложил Николаю I. Недолголюбивавший Анатолия император сказал: «Ну и пусть только там он будет князем!» Получив княжеский титул, Демидов, как владетельный князь, завел свою гвардию (2 или 3 тыс. человек), одетую в особые роскошные мундиры.

Честолюбивые замыслы влекли А. Н. Демидова все дальше и дальше, приближая к жизненной катастрофе. Он был одержим мечтой о женитьбе на принцессе из наполеоновского императорского дома. Его избранницей стала юная графиня Матильда де Монфор. «Когда Анатолий Демидов задумал жениться, – пишет современник, – он не искал одной женской прелести в будущей супруге, но и жгучее честолюбие руководило его желаниями. Нетрудно было их осуществить с миллионами в руках. Та девушка, которую он выбрал, не принадлежала к семейству флорентийских патрициев. Несравненно более блестящий ореол окружал ее красоту». Принцесса Матильда Летиция Вильгельмина де Монфор была дочерью короля Вестфальского Жерома, младшего брата Наполеона, и Вюртембергской принцессы Екатерины. Она родилась в 1820 году в Триесте. Бывший король Вестфалии в начале 40-х годов жил во Флоренции изгнанником под именем графа де Монфора, не имея

больших денежных средств. Принцесса была натура незаурядная, «в первом расцвете своей пышной чарующей красоты, страстная, чувственная, одаренная необыкновенными способностями к искусствам». Анатолий, напротив, по свидетельству современников, поражал грубой, почти уродливой наружностью, хотя имеющиеся портреты изображают его в более романтическом виде. Избалованный чрезмерным богатством, он славился крутым нравом.

Матильда Бонапарт

Итак, ничто не предвещало прочного и счастливого союза в столь неравном и причудливом браке, и тем не менее племянница великого императора французов 9 октября 1841 года стала хозяйкой Сан-Донато, но ненадолго. Немногие источники по-разному рассказывают о драме этого супружества. Согласно одной версии, вскоре после свадьбы Анатолий прямо на балу, на глазах сотен зрителей, закатил пощечину своей юной супруге «в диком порыве ревности и необузданного гнева». Согласно другой, богач-самодур «по русскому обычаю прибил жену, ехавшую на бал во дворец». Как бы там ни было, уже на другое утро Матильда навсегда покинула Сан-Донато. Она не стала обращаться с жалобами к своей семье, а поехала прямо в Петербург искать покровительства у всемогущего императора Николая I, приходившегося ей родственником по линии ее матери. И в защите ей не было отказано. Гордого и своевольного Анатолия Демидова принудили не только дать ей свободу, но и назначить 200 тыс. франков годового содержания – громадную сумму по тем временам. Прекрасная принцесса демидовских грез оказалась вполне расчетливым человеком.

Развод между супругами состоялся в 1845 году. Принцесса после разъезда с мужем жила в Париже, где играла значительную роль в аристократическом обществе, занимаясь искусствами. После восстановления империи она была принята в число членов французской императорской фамилии и получила титул императорского высочества. Ее салон в Париже собирал многих знаменитостей. Среди ее знакомых была и княгиня Зинаида Волконская. Принцесса не придерживалась исключительно аристократических симпатий, и в ее салоне встречались люди всевозможных убеждений. Она покровительствовала начинающим дарованиям, находившим у нее радушный прием. Как с иронией замечает один из биографов, «благодатные недра Урала и привыкшие к работе руки заводских крестьян добывали на все: и на содержание принцессы Матильды, и на ее обеды с цветом французской интеллигенции». А другой современник добавляет, что между прочими миллионами, растраченными Демидовым, немало таковых досталось и принцессе Матильде за несколько недель, проведенных с ним.

Для самого Демидова разрыв стал подлинным жизненным крушением. Претерпевший болезненное унижение, честолюбивый владелец Сан-Донато, не ведавший до той поры предела своему самовластию, впервые почувствовал свое полное бессилие. Восстановление Второй империи, приблизив Матильду к французскому престолу, придало его поражению еще большую горечь, так как от него ускользнула возможность стать членом императорской семьи. В первые годы после разрыва Демидов всеми способами старался сблизиться с ней и напомнить всему миру о своем родстве. Этим во многом объясняется его необычайно бурная меценатская деятельность. Созданием богатейших художественных собраний и покровительством художникам Анатолий надеялся привлечь внимание жены. Демидов беспрестанно пополняет свою коллекцию картинами современных ему художников. Наряду с классикой (Перуджино, Джорджоне, Тициан, Тинторетто, Мурильо, Веласкес, голландцы и др.) виллу Сан-Донато украшают картины лучших французских живописцев: Буше, Грёза, Фрагонара, Давида, Энгра, Делакруа. Именно благодаря коллекции Сан-Донато итальянские и приезжавшие русские художники были хорошо знакомы с новыми художественными течениями. Двери демидовских дворцов-музеев всегда были широко открыты для них. Значительные суммы он жертвовал и на реставрацию памятников старины и искусства, например для работ по завершению фасада базилики Санта-Кроче, усыпальницы великих людей Италии (где похоронены Микеланджело, Маккиавелли, Россини, Альфиери и др.).

Наиболее амбициозным проектом Демидова, тщетно гнавшегося «за царственным призраком», было создание грандиозного наполеоновского музея на острове Эльба. Тайной пружиной безрассудного замысла, стоившего немалых средств, было желание еще раз попытаться привлечь внимание бывшей жены или, по крайней мере, напомнить великосветской знати Европы о своей причастности к наполеоновской династии. В 1851 году Демидов купил летнюю резиденцию низложенного французского императора на острове, где тот жил с мая 1814 года до февраля 1815 года, и устроил в нем богатейший музей – мемориал Наполеона.

В организации музея и составлении экспозиции активное участие принял молодой В. С. Стасов (будущий известный художественный критик), служивший тогда в качестве секретаря А. Н. Демидова. Со временем к старому зданию была сделана обширная пристройка для размещения собранных меценатом наполеоновских реликвий. Главную достопримечательность музея составляла превосходно выполненная мраморная статуя работы знаменитого Кановы, представлявшая императора в римской тоге. Позднее она была перевезена в Сан-Донато. К сожалению, наполеоновское собрание, как и многие другие коллекции Демидовых, постигла печальная судьба: оно было распродано, большей частью за бесценок.

Неудачное супружество Демидова сказалось и на его взаимоотношениях с царским двором. Вначале неудовольствие Николая I вызвала женитьба Анатолия на родственнице его политического противника Луи Наполеона. Затем свою роль сыграли безрассудное поведение самого молодого аристократа и жалобы его супруги, обратившейся с просьбой о защите ко двору. Не нравилось царю и то, что Анатолий проживал свои богатства за границей. В силу этих обстоятельств Демидов стал все реже бывать при русском дворе и в России. Пережив глубокое потрясение за границей, он не получил поддержки и в отечестве. Конечно, ему очень хотелось вернуть расположение Николая I, но делал он это крайне неудачно. Так, однажды он решил преподнести ему в дар «царское место», которое предполагал поставить в строившемся тогда Исаакиевском соборе. Сооружение из малахита, ляпис-лазури, бронзы и золота было сделано аляповато и безвкусно, но обошлось чуть ли не в сотни тысяч. Когда Николаю I доложили об этом «царском месте», император резонно заметил: «С чего это он выдумал, что я стану в эту клетку?» «Клетка» долго пылилась в Таврическом дворце, пока ее не поставили в соборе Александро-Невской лавры.

В середине 40-х годов управление уральскими заводами все больше переходит к иностранцам из ближайшего окружения заводовладельца за границей. В 1846 году Анатолий Демидов с согласия остальных владельцев Тагильских заводов выдал доверенность на управление ими поляку А. И. Кожуховскому, обещавшему в короткий срок увеличить доходы заводов вдвое. Он полностью сменил высший состав служащих заводского управления и начал перестройку производства, привлекая к этому иностранных специалистов из числа своих людей.

Однако общее управление заводским производством при братьях осуществлялось не столько центральным правлением в Петербурге, сколько их доверенным лицом – французом А. О. Жонес-Спонвилем. Сами владельцы к этому времени окончательно утратили интерес к своему «историческому заводскому делу», хотя жили на доходы от него. Семья французских подданных Жонес-Спонвиль уже не первое поколение служила Демидовым.

Доходы Анатолия Демидова были громадными – около 2 млн рублей в год. При нем продолжались расширение и развитие заводского хозяйства, были построены новые заводы: Авроринский (1850) и Антоновский (1853) и даже шелковая фабрика во Флоренции. Все больше обособлялись «заводская» и «вотчинная» части демидовского имения. Вотчинные крепостные крестьяне стали для заводов обузой.

Однако громадные траты уральского магната, ежегодные крупные денежные переводы его бывшей жене не могли пройти бесследно. Состояние его дел в это время настолько пошатнулось, что он был вынужден устроить в 1858 году большую распродажу сокровищ Сан-Дonato. Были проданы многие художественные шедевры, зверинец. После этого Анатолий Демидов отправился в длительное путешествие по Европе и Америке. Дурные наклонности его натуры стали брать верх. В путешествии его сопровождали известная балерина и не менее известная певица, которые поочередно пользовались его расположением. После долгих странствий и всевозможных приключений в начале 1860-х годов он вернулся «страшно изменившимся, с намеками грозящего паралича, с поврежденным рассудком».

Все, что только можно испытать и получить в жизни богатому человеку, – пишет его биограф, – все это досталось на долю Анатолия Демидова. Но конец его был трагичен. Прожив еще две зимы во Флоренции, он переехал в Париж, где скончался 16 апреля 1870 года. Анатолий Демидов умер бездетным, в полном одиночестве, не имея рядом ни родственника, ни друга, не дожив и до 60 лет, хотя крепкое здоровье в молодости обещало ему глубокую старость.

Уральские заводчики из Сан-Дonato

Не менее интересной и яркой личностью в семействе Демидовых был племянник Анатолия Павел Павлович Демидов – представитель нового поколения династии. С его именем связаны не только благотворительность и меценатство, но и активная общественная деятельность.

Павел Павлович родился 9 октября 1839 года в Веймаре (Германия); очень рано он потерял отца; его воспитывала мать, урожденная баронесса Шернваль. Аврора Шернваль отличалась «северной» красотой, имела большой успех в свете, была принята при дворе. Изящество и простота ее туалетов вошли в поговорку, хотя судить, сколько стоила эта простота, можно по следующему факту: на шее у нее был обыкновенно надет только один бриллиант на тоненькой цепочке, но это был знаменитый демидовский солитер «санси», принадлежавший когда-то французской короне и купленный Павлом Николаевичем Демидовым за 500 тыс. франков.

Мать горячо любила сына и много занималась его воспитанием. Правда, она не допускала особых поблажек, стремясь быть даже строгой, но известно, что такое строгость матери. Большое участие в воспитании Павла Демидова принимал также его отчим и опекун А. Н. Карамзин, блестяще образованный человек, имевший на мальчика благотворное влияние.

Юный Демидов, как и многие его сверстники из знатных семейств, получил прекрасное домашнее образование и был подготовлен к слушанию университетского курса. В 1856 году он стал студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета – шаг довольно необычный для семьи Демидовых, представители которой обычно получали заграничное образование. В то время студенты университета делились как бы на два лагеря: разночинный (демократический) и аристократический, представителем которого являлся молодой Демидов. Но он был, по воспоминаниям его сокурсников, «настолько добр, ласков и участлив к товарищам, что его аристократизм даже в знаменитые бурные 60-е годы прощался ему. Свои товарищеские связи он сохранил и позже».

Юность Павла Павловича Демидова была наполнена рискованными похождениями, дружескими пирушками и другими развлечениями, характерными для студенческой «золотой» молодежи того времени. Они продолжались и за границей. Светские хроники парижских газет содержали «разоблачения» бурной жизни князя Павла и его «веселой юности». После окончания университета в 1860 году он поступил на службу в российское посольство во Франции. Его богатство, положение, молодость и красота открывали перед ним двери самых аристократических домов и великосветских салонов не только в России, но и в Европе.

Среди удовольствий светской жизни Павел Демидов находил возможность посещать в Париже и Лондоне (как позднее в Петербурге и Киеве) больницы, ночлежные дома, тюрьмы, приюты. По-видимому, он рано начал задумываться о несправедливости устройства жизни. По этому поводу один из его биографов восклицает: «Не представляло ли это симптома гуманной совести, сознавшей в долге своем перед забитою и угнетенною нищетой? Или Сан-Донато делал это просто в припадках тоски, угнетавшей его частыми приступами среди невероятной окружающей роскоши?»

Молодой Демидов еще в Париже искал «опоры в церкви и евангельской мудрости». Эти поиски особенно усилились в связи с трагическими событиями, произошедшими в его жизни. Весной 1867 года Павел Демидов женился по любви на княжне Марии Элимовне Мещерской, порвал с бурным прошлым и перевелся из парижского посольства в Вену.

Обитатели виллы Сан-Донато, куда приезжали молодые, вспоминали, «как любовался женою князь Павел, увидя ее однажды, стоящую в задумчивости, с распущенными волосами, у окна. С немым восхищением смотрел он на нее из сада, скрывшись за деревом, делая знак рукой садовникам, чтобы не выдавали его поклоном. Легкая тень грусти лежала на лице новобрачной. Молва тех лет гласила, что, когда отдавала она руку Демидову, ее сердце не было свободно».

Летом следующего года Мария Мещерская скончалась на другой день после рождения сына Элима. Павел Демидов тяжело переживал случившееся, долго оплакивал кончину жены и, по рассказам, несколько месяцев не мог видеть первенца-сына. Часто он уходил в потаенную комнату, и через окно было видно, как он прятал лицо в складках платьев, сохранявших запах любимых духов умершей жены.

Демидов воспринял ее смерть как перст судьбы, как Божье наказание за грехи, за свою беспутную молодость. На какое-то время он весь отдался скорби. В его вкусах и привычках произошел резкий перелом. Единственным занятием Павла Демидова стала благотворительность. В это время он основал в Париже рукодельную мастерскую, где вплоть до времени Парижской коммуны 1871 года от 300 до 400 женщин из парижской бедноты находили себе ежедневную работу.

Оставив дипломатическую службу, Павел Демидов в 1869 году возвратился на родину и поселился в городе Каменец-Подольский, поступив на скромное место советника губернского правления по Министерству внутренних дел. Жил он в это время в скромной квартире со скудным столом. Комфорт был им решительно отвергнут. Лишь постепенно Павел Демидов отходил от первого в своей жизни потрясения, найдя утешение в религии, а также в гражданской и общественной деятельности.

Наступившая пора оживления общественной жизни в России пробудила в нем сознание гражданской ответственности, желание применить свои знания на выборных должностях общественного и городского самоуправления. Службу по выборам он считал наиболее честной и достойной, как знак доверия общества к своему избраннику. Вскоре он переехал в Киев, где сначала стал почетным мировым судьей, а затем в 1871 году был избран на 3 года киевским городским головой. Сложнейшие проблемы общественного самоуправления большого города целиком захватили его и помогли обрести душевное равновесие. Киев являлся крупнейшим административным, торговым и культурным центром тогдашней России, и Демидов обнаружил там большие возможности для практической деятельности.

Здесь он нашел личное счастье, возможность создать новую семью. В 1871 году Павел Павлович вступил в брак с княжной Еленой Петровной Трубецкой (дочерью санкт-петербургского предводителя дворянства). Однако его ждал новый удар судьбы. Их старший сын Никита, родившийся в 1872 году, умер через два года. И Демидов вновь нашел утешение в религии. Киевляне, осведомленные об общественной деятельности своего городского головы, мало что знали о посещении молодыми супругами келий Братского монастыря, об их частых и долгих беседах со своим духовным отцом – архимандритом Филаретом. В Киеве родились и остальные дети супругов – дочери Аврора, Мария, Елена и сыновья Анатолий и Павел.

В Киеве Демидов развернул широкую программу благотворительности. «Трудно описать все те благодеяния, – пишут современники, – которыми князь осыпал Киев». Он выделял постоянные пособия городу и Киевскому университету, основал на свои средства детскую больницу в память скончавшегося сына, жертвовал на стипендии при медицинском факультете университета св. Владимира и др. Его деятельность на посту городского головы получила признание, и в 1874 году его избрали на второй срок. Несомненно, в эти годы П. П. Демидов являлся одним из крупнейших деятелей городского самоуправления России. Однако он неожиданно отказался от должности и уехал в Петербург, а затем в Сан-Донато.

П. П. Демидов

Приехав в Италию, новый владелец Сан-Донато (имение после смерти его дяди, как и княжеский титул, перешли к нему) занялся его обновлением. Вилла украшалась с невиданной роскошью и пренебрежением к затратам. Деньги сыпались на затейливые переделки, не всегда хорошо обдуманные. Как пишет очевидец, за баснословные цены строился и тут же перестраивался подъезд, воздвигалась гигантских размеров лестница, но по окончании работы ступени оказались настолько узки, что ходить по ним было почти невозможно, и один враждебно настроенный к Демидовым флорентиец в первый же бал поднялся по этой лестнице, под общий смех, ползком. Сам дворец был полон сокровищ ваяния и живописи. Картины Грёза покрывали стены большой комнаты. Огромные залы украшали бронза, серебро, драгоценная мебель, камин из малахита и ляпис-лазури. В одной из комнат находился великолепный, работы Винтергальтера, портрет княгини Елены – новой супруги князя Павла. Впоследствии портрет, как и многие другие ценности Сан-Донато, был перевезен в купленное П. П. Демидовым имение Пратолино, когда-то принадлежавшее семье Медичи. Пробыли, однако, Демидовы в Италии недолго. Началась русско-турецкая война 1877–1878 годов, и Демидовы сочли своим долгом в час испытаний быть со своим отечеством.

По приезду в Киев Павел Павлович был назначен чрезвычайным уполномоченным от Общества Красного Креста. «Его щедрость и рвение, – говорится в отзывах работавших с ним, – превышали все, чего можно ожидать от человека». Целый год, зиму и знойное лето, владелец прохладных лесов Пратолино и благоухающих аллей Сан-Донато прожил с женой в гостинице на Крещатике, в центре города, без балкона и сада, в пыли и душном воздухе. Он неутомимо работал, организуя перевозку больных и раненых с места военных действий и устраивая помещения для их размещения, щедро расходовал собственные средства. Он был главным деятелем в деле снабжения солдат всем необходимым и во временных бараках, и в санитарных поездах, и при отправлении воинов на родину. Демидов сам лично, и днем и ночью, встречал и провожал санитарные и пассажирские наскоро переделанные поезда с больными и ранеными, вникая во все детали. Многие оценивали это как «широкий подвиг благотворительности истинного гражданина». Другой современник заметил по этому поводу: «Эта война, напрягая все силы общества, заставила и князя Сан-Донато усердно работать. Обладая громадными средствами, он не щадил их. И было бы, конечно, непростительным эгоизмом жалеть деньги там, где тысячи жертвовали жизнью».

Деятельность Демидова во время войны была особо отмечена императором Александром II и его семьей, патронировавшей Общество Красного Креста. По окончании войны Демидов поселился с семьей в Петербурге, состоял в звании

егермейстера двора его величества, пожалованном ему еще в 1873 году. Во время приезда в Россию итальянского наследного принца Умберто с супругой Демидов находился при них уже в качестве князя Сан-Донато, признанного не только в Италии, но и в России.

После смерти Александра II П. П. Демидов вновь поступил на службу в Министерство внутренних дел, где его деятельность затрагивала чрезвычайно широкий круг государственных вопросов. Он, к примеру, изучал сложный еврейский вопрос, для чего встречался с крупными еврейскими деятелями, в частности с председателем Московского еврейского общества банкиром Лазарем Поляковым. Результатом была написанная в 1883 году обстоятельная работа на эту острейшую для России того времени тему. Его все более привлекали пресса и публицистика, и одно время в Петербурге на его средства издавалась газета «Россия», однако она не имела успеха, и вскоре издание ее прекратилось. В это время Демидов являлся председателем Общества для поощрения промышленности и торговли и, владея большим количеством различных ценных бумаг, был очень влиятельным лицом в банковской и торгово-промышленной среде; он состоял в правлении ряда акционерных обществ, был председателем правления одного из банков.

Большую часть времени у П. П. Демидова отнимали заводские дела. Еще по «раздельному акту» 1861 года молодой заводчик с согласия остальных наследников был признан «полным и исключительным владельцем нераздельного состояния на Урале со всеми строениями, землями, промышленными заведениями, движимым и недвижимым имуществом». Демидовым принадлежал фактически весь Нижне-Тагильский заводской округ с заводами: Висимо-Уткинским и Шайтанским, Выйским, Лайскими (Верхним и Нижним), Салдинскими (Верхним и Нижним), Черноисточинским и главным из них, Нижне-Тагильским, в Верхотурском уезде. В 1863 году на нем работали 1838 человек. Демидову пришлось ввести прогрессивные технологии и усовершенствования на заводах и рудниках, во многом опередившие правительственные требования в этой области. Он основал первую на Урале фабрику бессемерования стали, в 1873 году построил новый Исинский завод. Но главное, Демидов на свой страх и риск занялся разработкой каменного угля на Северном Урале, предвидя, что с вырубкой лесов уголь станет основной топливной базой его заводов. С этой целью в 1884 году он приобрел в собственность Галашкинскую дачу и округ Луньевских заводов общей площадью 868 700 десятин. Богатая каменным и древесным углем Луньевская дача, расположенная близ Луньевской ветки железной дороги, имела исключительное значение для Нижне-Тагильского округа, богатого рудой.

Все больший размах приобретала благотворительная деятельность П. П. Демидова. Только за последние девять лет жизни он пожертвовал на различные пособия и пенсии по России (за исключением собственных заводов) 1 167 840 рублей, что составляло 129 300 рублей в год.

Немалые средства выделялись Демидовым для благотворительных и учебных заведений, основанных при Нижне-Тагильских заводах. На его счет содержались в эти годы: реальное училище на 100 человек с шестилетним курсом обучения, два мужских народных училища для 300 детей, два женских училища для 200 человек, классы грамотности при заводах и рудниках в десяти пунктах (с безвозмездным обязательным обучением, как и в других училищах), два приюта для детей, две больницы и несколько приемных покоев с аптеками при них, фельдшерская школа, библиотеки при училищах, школах грамотности и госпиталях. По его инициативе на заводах были учреждены 10 ссудо-сберегательных товариществ. Общий годовой расход на все указанные учреждения, а также церковные причты, пенсии и пособия

равнялся 125 891 рублю. Помимо этого П. П. Демидов был назначен попечителем всех демидовских благотворительных учреждений, основанных его предками, и эта должность также отнимала немало времени и средств.

Крупную благотворительную и меценатскую деятельность осуществлял он и за границей, прежде всего в Италии, во Флоренции: открыл там много школ, дешевые столовые, ночлежные приюты, и не было случая, чтобы кто-нибудь получал отказ, если обращался за помощью. Значительные суммы Демидов выделял на реставрацию старинных памятников культуры во Флоренции. Так, он пожертвовал 38 тыс. лир на реставрационные работы в знаменитом кафедральном соборе Санта-Мария-дель-Фьоре, в строительстве которого принимали участие Джотто и Брунеллески. В приобретенном им поместье Пратолино он полностью восстановил сохранившиеся там здания XVI века. И это не считая бесчисленных культурных инициатив, вроде устраиваемых Демидовыми театральными представлений, показа желающим обширных домашних коллекций нового и классического искусства, щедрых заказов европейским и русским мастерам, пенсий молодым художникам и др.

Население Флоренции высоко оценило благотворительную деятельность П. П. Демидова. Особая депутация жителей города, в которую входили представители всех рабочих корпораций, поднесла ему в 1879 году в знак особых заслуг золотую медаль с изображением его и княгини и благодарственный адрес, а муниципалитет города избрал супругов почетными гражданами Флоренции.

Крупные пожертвования осуществлялись Демидовым и в любимой им Франции. Французское правительство в благодарность за большие суммы, выделенные им в трудное для страны время франко-прусской войны, пожаловало П. П. Демидову командорский крест ордена Почетного легиона. Не был обойден он монаршими милостями и в России, получив за свои заслуги орден Св. Станислава I степени.

Большие трудности испытывали Демидовы в общении с итальянской знатью. Флорентийское высшее общество завидовало богатству Демидовых и, несмотря на щедрую благотворительность и гостеприимство последних, недоброжелательно относилось к чужестранцам. Старинные местные семейства Строцци, Корсини, Джирарделли и др. в годы обретения Италией независимости все в большей мере стремились играть первую роль сами. Видимо, этим настроением неудовлетворенности своим статусом во флорентийском обществе и объясняется неожиданное для многих решение Павла Павловича в 1883 году продать Сан-Дonato. Вместе с имением распродавались с аукциона редчайшие произведения живописи и скульптуры, ценнейшие коллекции, собиравшиеся поколениями Демидовых, в том числе и часть наполеоновских реликвий.

Финансовый результат торгов оказался ничтожным. Затраты по аукциону с выплатами процентов парижским фирмам, которые его проводили, публикации иллюстрированных каталогов, роскошно изданные описания зданий и садов поглотили миллионы. Шесть недель под музыку трех оркестров разорялось Сан-Дonato, преимущественно в пользу французских и итальянских перекупщиков.

Сам меценат тяжело переживал продажу Сан-Дonato. Перед отъездом в Россию он, по рассказам очевидцев, был мрачен и молчалив, и когда вернулся умирать в Италию, то отдаленное от Флоренции Пратолино не могло заменить ему утраченного Сан-Дonato. С высокой террасы, на которую его выносили в солнечные дни южной зимы, П. П. Демидов смотрел на долину, где вдали блистал золотой купол покинутого Сан-Дonato. Не в его силах было возвратить прошлое. «Человеческой жизни, – замечает хроникер, – не достало бы, чтобы восстановить собрание бесценных сокровищ искусства, рассеянных невозвратно».

Павел Демидов умер от болезни печени, которой страдал много лет. Его последние дни были посвящены исключительно семье, детям, с которыми он не расставался. 12 января он внезапно потерял сознание, успев сказать жене одно лишь слово: «Прощай». 14 января 1885 года П. П. Демидов скончался. Его останки были временно погребены в Пратолино, откуда в июне того же года перевезены, согласно завещанию, на Урал, где и захоронены среди его необъятных владений.

Павел Павлович был последней крупной фигурой в более чем двухсотлетней истории демидовской династии, но им она не заканчивается. После его смерти наследником княжеского титула Сан-Донато, но не заводского дела, стал его старший сын Элим. Потеряв при рождении мать, а в 16 лет и отца, он был усыновлен известным богачом и меценатом Ю. С. Нечаевым-Мальцевым. Элим Павлович служил в Министерстве иностранных дел. Перед революцией был послом в Греции, имел чин статского советника. Получал он и придворные звания: камер-юнкера, егермейстера двора его величества. Был почетным попечителем Демидовского дома призрения трудящихся в Петербурге, а также попечителем Нижне-Тагильского реального училища, преобразованного в 1896 году в горнозаводское училище для всего Уральского края. Умер Э. П. Демидов в Афинах 28 марта 1943 года, не оставив после себя детей.

Хотя титулом князя Сан-Донато владел Элим Павлович, как старший в роду по мужской линии, имение Пратолино в Италии перешло по завещанию ко второй жене его отца, княгине Елене Петровне, а от нее – к дочери, Марии Павловне Демидовой, вышедшей замуж в 1897 году за князя С. С. Абамелек-Лазарева. Благодаря ее поддержке сотни русских, эмигрировавших в различные страны Европы после 1917 года, смогли выжить, не умереть от голода. Под ее покровительством находился «Национальный дом для помощи инвалидам князя Абамелек-Лазарева», содействовавший спасению многих русских семей. Княгиня Мария Павловна поддерживала и другую организацию русских эмигрантов – «Русская колония в Тоскане».

Своим законным наследником М. П. Демидова сделала племянника – сына старшей сестры, Авроры, вышедшей в 1892 году замуж за светлейшего князя Арсения Карагеоргиевича (брата Сербского короля Петра). Племянник, принц Павел Карагеоргиевич (регент Югославии с 1934 по 1940 год и претендент на трон объединенного королевства Югославии), получив наследство в 1969 году, продал виллу Пратолино со всем ее убранством и угодьями с аукциона при посредничестве фирмы «Сотби». На аукционе были выставлены на продажу предметы антиквариата и произведения искусства, способные украсить любой национальный музей. Аукцион 1969 года завершил драматическую историю демидовских собраний в Италии, которым не суждено было в целостном, неразделенном виде влиться в национальные музеи Италии или России. Сама вилла Пратолино была в 1970 году приобретена провинцией Флоренция.

После смерти Павла Павловича стали приходить в упадок и уральские заводы Демидовых. Особенно ухудшилось их состояние во время кризиса 1900-х годов. Совет министров констатировал в 1909 году, что «некогда прочно поставленное горнозаводское предприятие Демидовых давно уже находится в состоянии полного упадка. Заводы ведутся крайне нехозяйственно, чрезвычайно задолжали, запущены в смысле технического оборудования и дезорганизованы в отношении управления. Рудники затоплены, платина расхищается на глазах у заводоуправления в невероятном количестве». Сами владельцы заводов, стараясь извлечь возможно больше доходов, использовали их «на посторонние предприятия цели». Дело дошло до того, что в 1908 году наследники стали добиваться разрешения на продажу своего «платинового промысла» французским компаниям. И правительство, считая эту

сделку невыгодной, вынуждено было выдать заводам две казначейские ссуды в 750 тыс. рублей.

История династии Демидовых ярко отразила исторические устремления новой русской аристократии, поднявшейся на дрожжах петровской «индустриализации» из глубин провинциальной России, торгово-промышленных сословий. Ее отличало поразительное тяготение ко всему европейскому: образу жизни, культуре, технологии. Лишь первые два-три поколения Демидовых более-менее успешно сопротивлялись напору этого мощного европоцентризма. Однако сделало ли это «хождение» в Европу Демидовых счастливее и богаче духовно? Если сравнить суровые, но крупные и цельные характеры первых Демидовых с более утонченными, «европейскими», но какими-то надломленными и мятущимися натурами последних их представителей, то положительный ответ на этот вопрос вызывает сомнение. Демидовым действительно удалось стать своеобразным «мостом» между русской и европейской культурой, но дорогой ценой.

Не сказалось положительно это «хождение» в Европу и на их историческом заводском деле. Обосновавшись в Европе, Демидовы все дальше отходили от него, переключаясь на новые формы далеко не производительной, хотя и нравственно оправданной деятельности: коллекционерство, меценатство, благотворительность. Однако и эти новые стремления не могли наполнить их жизнь, дать им полноту мироощущения. Вместе с тем история Демидовых убедительно показывает неотделимость истории России от европейской истории, потому что сами Демидовы стали для нас сегодня олицетворением не только суровых уральских и «сибирских руд», но и щедро напоенных солнцем тосканских виноградников.

ЛИТЕРАТУРА

Альманах международного Демидовского фонда. – М., 2001.

Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. – Свердловск, 1937.

Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. – СПб., 1873.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских, графы Алексей и Кирилл Григорьевичи: Осьмнадцатый век. – СПб., 1869. – Кн. 2.

Гагарин Г. Г. Воспоминания о Карле Брюллове: К 100-летию со дня рождения Брюллова. 1799–1899. – СПб., 1900.

Глушакова Ю. П. Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сб. статей. – М., 1993.

Головщиков К. Род дворян Демидовых. – Ярославль, 1881.

Головщиков К. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1880). – Ярославль, 1883.

Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. – Челябинск, 1995.

Демидов Н. А. Журнал путешествий его высочества Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга марта 17 дня

1771 по возвращению в Россию ноября 22 дня 1773. – М., 1786.

Историческое начертание горного производства в Российской империи. – СПб., 1834.

Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. – СПб., 1885.

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. – М.; Л., 1949. – Т. 1.

Краснова Е. И. Демидовы. Родословная роспись. – Екатеринбург, 1992.

Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. – М., 1995.

Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 2.

Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. – М., 1947.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. – Свердловск, 1947.

Огарков В. В. Демидовы. Их жизнь и деятельность. – СПб., 1891.

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. (заводы и заводовладельцы). – М., 1962.

Памяти Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато. – СПб., 1885.

Прокофий Акинфиевич Демидов (богач-чудак). – СПб., 1885.

Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. – Житомир, 1910.

Русский биографический словарь. – СПб., 1805. – Т. 6.

Сан-Донато. Хроника. – М., 1903.

Спасский Г. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников, и из других сведений. – СПб., 1832.

Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843–1869. – СПб., 1906.

Харламова А. Н. Золотые комнаты дома Демидовых в Москве. – М., 1995.

Шакинко И. М. Невьянская башня. Предания, история, гипотезы, размышления. – Свердловск, 1989.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. – СПб., 1869.

Щедрин С. Письма из Италии. – М.; Л., 1932.

МАЛЬЦЕВЫ

Династия промышленников Мальцевых (старое написание Мальцовы), подобно Демидовым, прошла длительный путь развития – от мелкопоместных дворян, провинциальных купцов и мастеров оружейного дела до одной из богатейших дворянских семей, породнившейся с крупнейшими аристократическими родами. Члены ее являлись хозяевами громадных фабрично-заводских районов Центральной России и входили в число крупнейших землевладельцев империи. Последним представителем династии дворянско-купеческих предпринимателей стал В. С. Нечаев-Мальцев – заводчик, меценат и обер-гофмейстер двора, личность которого как бы завершает развитие генеалогического древа рода Мальцевых перед революцией 1917 года, соединив в себе две старинные родовые ветви России – Мальцевых и Нечаевых.

Среди представителей династии Мальцевых было немало ярких личностей, о судьбах, жизни и деятельности которых сохранилось множество свидетельств и фактов в различных старинных изданиях, документальных публикациях и архивах, воспоминаниях и дневниках современников. Все это дает редкую возможность воссоздать характерные черты и образы представителей династии, включающей целую плеяду замечательных исторических лиц: промышленников, меценатов, ученых, дипломатов, придворных и военных, литераторов, государственных деятелей.

Начало пути

Исторические корни рода Мальцевых уходят в седую старину. Их дворянская родословная восходит, по некоторым источникам, к первым десятилетиям XVII века. В Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи существует следующая запись: «Предок рода Мальцевых, Богдан Афанасьев сын Мальцов, в 1635 году писан

в десятне в числе дворян... Дети его Автоном, Кирей и Юрий показаны в списке 1670 года по Чернигову». Высказывается также предположение, что «корни родословного древа Мальцевых могут быть с 1630-х годов продолжены до 1560-х годов». Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» упоминает в связи с двумя событиями, о Семене Мальцове. В марте 1569 года Семен, возвращаясь из Ногайской орды, куда доставлял письмо Ивана IV, в степи между Доном и Волгой столкнулся с шедшей к Астрахани турецкой армией, был ранен и попал в плен. Там Семен Мальцов проявил немалое мужество, пытаясь даже в плену служить интересам Русского государства. Вскоре он был выкуплен русским посланником в Крыму Афанасием Нагим, и по возвращении в Москву сделал подробное сообщение о турецко-татарском походе на Астрахань. Позже, в 1606 году, Семен Мальцов, принявший воеводство в одном из южных русских городов, погиб от рук восставших в период Смуты. Полагают, что Семен Мальцов вполне мог приходиться дедом упоминаемому в документах 1635 года дворянину Богдану Афанасьеву сыну Мальцова. Дети и внуки Богдана Мальцова жили в Чернигове и Рыльске, т. е. южнорусских городах, в одном из которых и погиб Семен Мальцов.

Позднее род обеднел, и представители его дополнили другие сословия. Одни в начале XVIII века приняли духовное звание, другие были записаны в число мастеровых тульского оружейного завода, некоторые занялись торговлей. Дворянское происхождение, однако, не забылось и дало возможность разбогатевшим купцам Мальцевым ходатайствовать впоследствии о восстановлении в дворянстве. Уже в начале XVIII столетия среди Мальцевых были лица и купеческого звания. С одним из них связано начало заводской деятельности рода Мальцевых, принесшей им широкую известность не только в России, но и за ее пределами.

Первые свидетельства об этом не слишком определены. «Хрустальное производство в роде Мальцевых, – сообщает писавший о них В. И. Немирович-Данченко, – ведет свое начало еще с того времени, когда Русь порвала всякие сношения с Ганзой. Тогда один из Мальцевых отправился за границу и там на месте изучил новое для Московского княжества производство. Назад он вернулся уже знатоком хрустального дела да, кстати, привез с собою и мастеров «бусурманских», из немцев». Для устройства стеклодувной мастерской (гуты) ему отвели землю близ Трубчевска, а потом завод, уже действовавший и работавший на Москву, был переведен в Гжатск.

Согласно другим свидетельствам, сын Автонома и внук Богдана Мальцовых купец гостиной сотни Василий Мальцов жил в городе Рыльске. Своих сыновей, Василия Большого и Василия Меньшого, он обучил купеческому делу. В 1723 году отец отправил Василия Большого с товарами в Гжатск, где тот был принят в «компанейщики» на равных паях по заводскому делу с жителем Гжатской пристани Назаром Дружининым и калужским посадским человеком Сергеем Аксеновым, которые в 1723 году по указу Петра Великого основали стеклянную и хрустальную фабрику в Карачевском уезде, на земле Введенского девичьего монастыря, и в сельце Новом Можайского уезда, близ города Гжатска. Вступив в компанию с ними, Василий начинает «крупное дело», ставшее на долгие годы основным для рода Мальцевых.

Уже в 1730 году, после смерти своих компаньонов, он становится главным содержателем фабрик, а в 1743 году, после смерти своего младшего брата (Василия Меньшого), – полным ее хозяином. Он приглашает на Гжатскую фабрику квалифицированных немецких мастеров и малороссиян, которые организовали производство стекла и хрусталя. «Делали, как свидетельствуют документы, стаканы пивные и медовые, гладкие и рисованные, стекла зеркальные и «оконишные» белые». В записи 1741 года Мальцев именуется владельцем «стеклянной и хрустальной фабрики». В этом году, указывается в записи, было сделано стекол и посуды на 5582

рубля. Вложено капитала в производство – 6700 рублей. А в более позднем свидетельстве 1745 года отмечается, что образцы изделий завода Мальцева признаны наилучшими против иностранных.

Когда Василий Большой состарился, его дело продолжили сыновья – Александр и Аким (Яким) в Можайском уезде и Василий – в Карачевском. Два других сына, Иван и Григорий, занялись торговлей и, по-видимому, напрямую к делу отца не были причастны.

В течение всего XVIII столетия стеклянное и хрустальное дело Мальцевых ширится и крепнет. В семейное дело постепенно включаются и другие представители разрастающейся династии. Ими основывались все новые стеклоделательные заводы в различных уездах Центральной России.

В 1747 году выходит имевший важные последствия для мальцевского дела сенатский указ в Мануфактур-коллегию – снести существующие в 200 верстах вокруг Москвы заводы и среди них фабрику Мальцевых в селе Новом под Гжатском. В ноябре 1750 года Александру Мальцеву дано разрешение на перенос хрустальной и стеклянной фабрик из сельца Новое в Радутино в 500 верстах от Москвы. А в июне 1756 года брат его Аким основывает во Владимирском уезде Московской губернии, при сельце Никулине, в урочище Шиворово на реке Гусь новый хрустальный завод, переведя сюда 74 мужчины и 62 женщины с Гжатской фабрики. Так было положено начало знаменитому мальцевскому заводу в Гусь-Хрустальном.

Немалый вклад в развитие мальцевского дела внесли и женщины рода Мальцевых. Когда в 1755 году старший из братьев, Александр Мальцев, умирает, то содержательницей фабрики становится его вдова – энергичная Евдокия, желавшая полновластно распоряжаться делами. Поэтому вскоре состоялся раздел имущества, принадлежавшего ей и Акиму Мальцеву. За ней остались хрустальная и стекольная фабрики в Брянском (Радутино) и Карачевском уездах. В 1771 году Евдокия переводит одну из фабрик в Радицу. Лишь в конце жизни, в 1788 году, престарелая Евдокия, не имевшая наследников по мужской линии, а лишь двух дочерей, продает обе фабрики с людьми и всем имуществом вдове Акима Мальцева, Марье Васильевне, и большая часть фабричного дела Мальцевых снова соединяется в одних руках.

Наиболее широко разворачивают дело Василия Большого его сын Аким Васильевич и племянник Фома Васильевич, сын Василия Меньшого. В 60-е годы они уже являлись владельцами не только стекольных, но и парусно-полотняных и многих других предприятий. Мы уже говорили о закладке Акимом Мальцевым фабрики в Гусе. В свою очередь, и Фома Мальцев, ставший к тому времени московским купцом 1-й гильдии, закладывает новую хрустальную и стекольную фабрику на реке Ястребе, притоке реки Судогды, при деревне Никольской. Фабрика, на которой работало до 50 человек, стала действовать 8 июля 1763 года. Производились на ней «поташные, белые, каретные и зеленые стекла».

На середину XVIII века приходится расцвет русского гравированного стекла. Мальцевские изделия приобретали все большую славу. Особым успехом пользовались стеклянные кубки, гравированные Степаном Лагутиным, работавшим на Гусевском хрустальном заводе со дня его основания до 1765 года. На знаменитых Макарьевских ярмарках мальцевское стекло пользовалось большим спросом. Отсюда оно поступало во все уголки России.

Широкая известность, которую приобрел своей кипучей деятельностью в кругах промышленников России Аким Мальцев, способствовала тому, что купечество города

Орла избрало его своим депутатом в имевшую всесословный характер екатерининскую комиссию 1767 года по составлению нового Уложения. Любопытно, что представителем от орловского дворянства в комиссию был выдвинут всесильный фаворит Екатерины II граф Григорий Орлов. Поэтому понятно, что попасть в число 622 депутатов «значило стать вхожим в правленческие круги государства».

Однако еще за несколько лет до этого (в начале 1760-х годов) судьба Акима Мальцева находилась под большой угрозой. Он был обвинен в тайной приверженности старообрядчеству, что являлось тяжким преступлением по тем временам и грозило большими неприятностями. Во Владимирском архиве сохранилось даже дело «О потаенном расколе орловского купца Якима Васильева Мальцева по доношению мастера на хрустальной и стеклянной фабрике близ села Селимова Владимирского уезда Григория Никитича Воробьева».

Как видно из «дела», Аким Мальцев придерживался старой веры, хотя и не открыто, и принуждал к старообрядчеству лиц, работавших у него на заводе, заставляя «молиться по обычаю его, Мальцева, в его доме» при заводе, где была «устроена особая для этого молельня с подобающей обстановкой». Дело длилось около трех лет, совпав с тремя царствованиями. Оно, однако, осталось без последствий. Богатство и авторитет Мальцева помогли прекращению расследования.

Заслуги Акима Мальцева в торгово-промышленной деятельности не были, однако, забыты. Еще в середине 60-х годов XVIII века дальнейшее расширение мальцевских предприятий встретилось с серьезными затруднениями. По указу Екатерины II лица недворянского происхождения не имели права на покупку недвижимого имущества и заведение фабрик. Предприимчивые Мальцевы, вспомнив старинную родословную, стали хлопотать о дворянстве и добились своего. Первым дворянином в роду Мальцевых в 1760 году стал сын Ивана – родного брата Акима – инспектор таможни в Кременчуге Василий Иванович Мальцев. Его брат Савва Иванович, получив в 1766 году чин коллежского регистратора, также вошел в дворянство. После подавления восстания Пугачева Екатерина II, щедро награждавшая пострадавших от него помещиков, не забыла и лиц купеческого звания. По указу от 14 августа 1775 года Аким Мальцев за свои заслуги был возведен в дворянское достоинство и получил высокий чин генерал-лейтенанта, согласно Табели о рангах. В 1785 году он умирает. Вклад его в развитие мальцевского дела был чрезвычайно велик. При нем вместо небольшой фабрики в сельце Новом под Гжатском создаются новые, более крупные производства на Владимирщине и Брянщине, положившие начало обширным мальцевским владениям в этих местах.

После Акима Мальцева остались четыре дочери – Анна, Екатерина, Прасковья, Александра и два сына – Сергей и Иван. За их малолетством управление мальцевскими заводами взяла в свои руки, как уже повелось в роду, вдова Акима, Марья Васильевна Мальцева, энергичная, предприимчивая, но вместе с тем осмотрительная и расчетливая хозяйка. Объединив в своих руках с покупкой у Евдокии двух фабрик, Радицкой и Карачевской, крупные мальцевские владения, она стремится расширить производство, примеривается к созданию новой фабрики стекла и посуды. В 1793 году (по другим сведениям, в 1790 году) в лесной чаще поблизости от деревушки Дятьково (по-старому Дядьковичи) в Трубчевском уезде на брянской земле Марья Мальцева строит знаменитый в будущем Дятьковский стекольный и хрустальный завод, продукция которого уже в 1796 году не уступает изделиям Гусевского завода.

Слава мальцевского стеклоделия укреплялась тяжелым трудом приписных и крепостных крестьян, талантом наемных мастеров. На фабриках практиковалось использование детского труда («хлопцев»). Условия работы были самые

примитивные.

Усилиями нескольких поколений мальцевской династии, действовавших в течение XVIII столетия, был заложен прочный фундамент будущей мальцевской промышленной империи. Тем временем сыновья Акима и Марьи Мальцевых, Сергей и Иван, подрастали. Еще в 1786 году, будучи малолетними, на основании дворянских прав, полученных отцом, они были записаны на воинскую службу в лейб-гвардии конный полк и к 20 годам имели чин вахмистра. От их имени Фома Мальцев, их дядя, ходатайствует о выдаче им и себе дипломов на дворянское достоинство и получение фамильного герба. Ходатайство приносит успех. 5 августа 1788 года Фоме, получившему чин секунд-майора, и детям Акима – Сергею и Ивану Мальцевым – пожалованы, в подтверждение их происхождения от древних благородных предков, дипломы с изображением гербов. Была составлена родословная Мальцевых. Род Мальцевых вновь обретает утраченное когда-то потомственное дворянство.

Заводчики во дворянстве

Любимцем Марьи Мальцевой был младший сын, Иван Акимович (1774–1853). Именно ему мать вначале решила доверить мальцевское миллионное состояние. Старший сын Сергей отличался легкомысленным нравом. В 26 лет Иван уволился с военной службы по болезни с чином секунд-майора и стал проживать в Москве, посвятив себя промышленной деятельности. Еще задолго до официального вступления в права наследования он принимает активное участие в ведении заводских дел. В отчетных ведомостях Марьи Мальцевой можно встретить его подпись: «По доверенности моей матери секунд-майор Иван Мальцев руку приложил». Много сил он уделяет новой мальцевской фабрике хрусталя и посуды, лишь недавно открытой в Дятьково, на Брянщине, и через несколько лет доводит ее производство до уровня, не уступающего изделиям Гусевской фабрики, что действовала с середины века. По совету матери Иван Акимович становится пайщиком образованной в 1799 году Российско-американской компании, целью которой являлась торговля различными товарами на северо-западном побережье Американского континента. В 1804 году Мальцев-младший становится полным хозяином мальцевских предприятий. Стареющая мать передает ему все свои 10 фабрик.

К этому времени относится необычная история женитьбы Ивана Мальцева, которая, как и впоследствии женитьба его старшего брата, Сергея, свидетельствует, что новое поколение Мальцевых, благодаря своему богатству, быстро входило в избранные круги высшего сословия. Живя в Москве, Иван Акимович однажды встретил в «Юсуповском саду», в Большом Харитоньевском переулке, женщину изумительной красоты, которая вела за руку мальчика лет шести, кудрявого и смуглого, как арапчонок. Красавицу звали Капитолиной Михайловной. Она была из старинного дворянского рода Вышеславцевых, замужем за Василием Львовичем Пушкиным – модным поэтом того времени. А гуляла она по саду с его племянником Сашей Пушкиным.

У Василия Львовича в его доме, в Малом Харитоньевском, был настоящий литературный салон. Собирались знаменитости. Мальцев зачастил к Пушкиным. С Василием Львовичем у него были общие поэтические привязанности. Внимание хозяйки дома он привлек особой любезностью и дорогими сердцу женщины подношениями: хрустальными, гранеными под драгоценные камни флаконами с изысканными духами и одеколоном. Иван Акимович был моложе Капитолины Михайловны и нравился ей. Муж ее, Василий Львович, вышел в отставку при Павле I, подурнел, был стеснен в средствах. Иван Мальцев сравнивал его жену с Цирцеей из гомеровской «Одиссеи», завлекавшей волшебными чарами путешественников на свой

остров. Страстно влюбленный в Капитолину Михайловну, он мечтал о женитьбе. Капитолина Михайловна тоже искала повод, чтобы порвать с опостылевшим мужем. Ведь у Мальцева было все: фабрики, деньги, молодость. Этот повод вскоре представился. Крепостная дворовая девушка Пушкиных Анна Николаевна Ворожейкина родила дочь Маргариту, назвав отцом девочки Василия Львовича. Капитолина Михайловна уличила мужа в неверности и потребовала развода.

Разведясь с В. Л. Пушкиным, Капитолина Михайловна в том же году вступила в брак с Иваном Акимовичем Мальцевым. Любовь победила. Есть, однако, и другие суждения. Согласно им, брак Вышеславцевой с И. А. Мальцевым, скорее всего, продиктован меркантильными соображениями, нежели истинной любовью. Капитолина Михайловна была женщиной легкомысленной и тщеславной, а Иван Акимович к тому времени являлся уже крупным заводчиком. Так или иначе, сам Мальцев после женитьбы наслаждался семейным счастьем. От Капитолины Михайловны у него было трое детей: Василий, Мария и Сергей. Старший, Василий, родившийся в 1807 году, служил чиновником архива при коллегии Министерства иностранных дел, писал стихи, переводил с латыни. Он умер в 25 лет в чине титулярного советника. Дочь Мария (1808–1897) станет женой Павла Николаевича Игнатьева, в будущем графа и генерал-адъютанта, председателя Комитета министров, члена Государственного совета. Младший сын Сергей, 1809 или 1810 года рождения, будет продолжателем дела отца.

И. А. Мальцев

Иван Акимович превращает Дятково в центр мальцевских владений. В 1810 году здесь завершается строительство церкви, и с переводом сюда прихода из Спасского Дятково становится селом. В нем строится господская усадьба и главная контора по управлению заводами. В Москве Мальцев ставит дом на Якиманке и покупает дом на Сретенке, в Варсонофьевском переулке. Капитолина Михайловна продолжала поддерживать литературные связи. В Варсонофьевском позднее бывал А. С. Пушкин, навещая друга своего Сергея Сергеевича Мальцева, филолога, магистра Дерптского (Тартуского) университета, которого Иван Акимович взял на воспитание, как и другого племянника, Ивана Сергеевича, после смерти своего старшего брата.

В 20-е годы в Москве в разговорах часто мелькало имя Грибоедова, покорившего старую столицу своими едкими водевилями. К этому времени, по воспоминаниям современников, относится знакомство семейства И. А. Мальцева с автором комедии «Горе от ума». Грибоедов часто бывал в их доме, гостил у Мальцевых в Крыму, в Симеизе. Он сильно заинтересовал Мальцева, но скорее не как литератор, а как дипломат, ведавший иранскими делами, глубоко знавший Восток. В 1821 году русским правительством был введен в Закавказье льготный тариф на ввозимые товары и

беспошлинный транзит из Редут-Кале в Иран, и предприимчивый Иван Акимович начал подумывать о развертывании торговли изделиями своей Дятковской фабрики в Персии. Именно Грибоедов познакомил Мальцева со многими лицами, ведущими дела в Иране и знающими тамошнюю ситуацию в торговле. Позже знакомство с Грибоедовым получило драматический отзвук в судьбе одного из Мальцевых.

О старшем брате Ивана, Сергее Акимовиче (1771–1823), в молодости шла недобрая слава. Уйдя в отставку из армии еще при Павле I, бывший корнет лейб-гвардии конного полка Сергей Мальцев повел рассеянную светскую жизнь. Он требовал и требовал денег. Мать присылала, но спрашивала в письмах, куда он их тратит. А старший из братьев сходил с ума от горячих орловских рысаков, участвовал в конных состязаниях и даже напечатал статью «О пользе скачек». В Петербурге он возобновил знакомство со старыми сослуживцами по полку – Мещерскими, Мухановыми и др. и зарекомендовал себя как заядлый кутила, игрок в карты, а главное, как состоятельный жених. В это время овдовела княжна Анна Сергеевна Мещерская, имевшая от премьер-майора П. И. Лодыженского двоих детей. И Сергей Акимович, стремившийся стать своим человеком в кругу петербургской аристократии, в 1802 году женился на ней, породнившись со знатной княжеской фамилией Мещерских. По линии жены он вошел в родство с князьями Трубецкими, с графами Румянцевыми, Чернышевыми, Кушелевыми, с Всеволожскими, Матвеевыми и другими представителями родовой знати.

Князья Мещерские издавна владели угодьями на Рязанской земле, в тех местах, где были и мальцевские заводы. Отец Анны Сергеевны – жены Сергея Акимовича Мальцева – умер рано. Она тоже скончалась в цветущем возрасте. Была в роду Мещерских какая-то болезнь, которая и в дальнейшем приводила некоторых их потомков к ранней смерти.

Марья Мальцева выделила старшему сыну, по случаю его бракосочетания, значительный капитал. Женитьба положительно сказалась на Сергее Акимовиче, дав толчок его увлечению предпринимательской деятельностью, о которой он даже не помышлял в молодости в дни кутежей с друзьями. В 1811 году умирает состоятельный старик Илья Лодыженский, оставив все свое богатое наследство своей внучке Александре Петровне – дочери Мещерской от первого брака, – т. е. фактически самому Мальцеву. Как раз в том же году умирает мать братьев Мальцевых, и между ними происходит имущественный раздел. Став владельцем крупного состояния, Сергей Мальцев решает всерьез заняться заводским делом, организуя по купчей 1811 года целый ряд фабрик вокруг Гусевского хрустального завода в Мещерских землях Рязанской губернии. Он основывает Курловскую стекольную фабрику в Касимовском уезде, в короткие сроки резко расширяет дело.

Война 1812 года с Наполеоном и наступившее после нее разорение вызвали огромный спрос на продукцию мальцевских заводов. Для Москвы и других городов и сел России требовалось громадное количество стекла. По данным статистики, на заводах Сергея Мальцева за 1812 год было выработано 1 704 650 изделий из стекла и хрусталя. Окрепнув и встав на ноги после наполеоновского нашествия, Сергей Мальцев старается поднять на новый, еще более высокий уровень качество посуды из гусевского хрусталя. В эти годы завод осваивает выпуск бесцветного свинцового хрусталя с алмазной гранью. На заводах С. А. Мальцева, писали «Ведомости», лучшая отделка различной хрустальной посуды не уступает английской. Вскоре Сергей Акимович Мальцев еще более расширяет свое дело. Он приобретает в 1817 году у младшего брата Ивана Владимирские стекольные заводы.

Есть сведения, что старший Мальцев в это время думает о секретах венецианских мастеров-стеклоделов. Жена его, Анна Сергеевна, в последние годы жизни страдала

тяжелой болезнью. С целью ее лечения Мальцевы в 1819 году едут в Италию. Михаил Дмитриевич Бутурлин в своих записках отмечал: «Осенью того же года приехал во Флоренцию Сергей Акимович Мальцев со своим семейством. Мальцевы поселились на всю зиму во Флоренции, в отдаленной части города. Жена была из обреченных на смерть неизлечимым недугом. Сопровождал их известный московский врач г. Левенталь». Сам Мальцев, будучи в Италии, сумел познакомиться с работой итальянских стеклоделов, в частности в Мурано. Анна Сергеевна скончалась в Риме 24 апреля 1820 года. Той же весной семейство Мальцевых вернулось в Россию.

В эти годы младший брат Сергея, Иван Акимович, также усердно расширял свое дело. Его стекольные фабрики увеличивают масштабы производства, не теряя высокого качества изделий. На первой Российской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге в 1829 году император Николай I особо отметил «весьма хорошую» чистоту стекла и недорогую цену изделий Дятковской фабрики. Он обратил внимание «на всегдашне употребительные в домашнем быту вещи, как-то: гладкие и с небогатою шлифовкою графины, стаканы, рюмки, бокалы и тому подобное, ибо по сие время ни на каком заводе России так чисто, искусно и аккуратно не выделявалось, и она фабрика – первая, которая довела до такой степени, что ежедневно употребляемые вещи не уступают и английским, а потому принадлежат к первому разряду».

За отличное качество хрусталя И. А. Мальцев был награжден Большой золотой медалью выставки, опередив таких известных стекольных заводчиков, как Бахметев и граф Орлов. На медали была выбита надпись: «За трудолюбие и искусство». Награда давала право владельцу помещать на своих изделиях и вывесках магазинов по их продаже государственный герб. А из выставленной им продукции для императорского двора были закуплены «хрустальный поднос с графином и 12-ю рюмками и корзинка овальная, с ушками». Не меньший успех сопутствовал И. А. Мальцеву на еще более масштабной 2-й Всероссийской выставке, прошедшей в следующем году в Москве, где он вновь получил Большую золотую медаль «За отличный хрусталь», и на последующих выставках в Санкт-Петербурге (1839), Москве (1843), Варшаве (1845). За участие в них он получил орден Св. Владимира IV степени и высочайшее благоволение. К этому времени Дятковская фабрика стала одним из крупнейших в стране предприятий по производству стекла и хрусталя с числом рабочих около 600 человек и производительностью до 1 200 000 изделий в год.

Дятковский хрусталь

Помимо улучшений в стекольном и хрустальном деле, Иван Акимович задумывает новые грандиозные проекты по превращению своих заводских владений в крупный

промышленный район в центре России, действующий на базе новых перспективных отраслей. С этой целью Иван, как мы уже говорили, продает свои Владимирские стекольные фабрики старшему брату, чтобы получить деньги и сосредоточить все свое внимание на новой, небывало крупной операции. В 1820 году он приобретает у Петра Евдокимовича Демидова Людиновский и Сукремльский чугунолитейные заводы, расположенные рядом с его владениями, и дает начало мальцевскому металлургическому делу.

Иван Акимович распространял свои планы не только на центральные районы Российской империи, но и на отдаленные земли, недавно присоединенные к ней. В 1828 году он покупает в Крыму, в Симеизе, 30 десятин земли и устраивает здесь виноградники, фруктовые сады, плантации олив. Для переработки винограда, производства и хранения десертных вин строятся завод и огромный винный подвал. Тем самым было положено начало знаменитому крымскому виноделию, массандровским винам. Иван Мальцев использует Крым и в качестве нового рынка сбыта для изделий своих старых и новых фабрик. В Симеизе он открывает магазин железных, чугунных изделий, стекла и других предметов для поселенцев Южного берега Крыма.

Иван Мальцев богатеет, приобретает в 1837 году в Петербурге на Моховой огромный двухэтажный каменный дом с большим садом. Здесь часто устраивались званые обеды и шумные вечера, а обворожительная хозяйка дома Капочка была душой избранного общества, пользовалась неизменным вниманием и симпатией. Бывали в доме поэты В. А. Жуковский, Д. В. Веневитинов, историк М. П. Погодин и многие другие известные люди.

Именно при сыновьях Акима Мальцева окончательно оформляются две главные ветви мальцевского рода, которые условно можно назвать по двум наиболее знаменитым стекольным заводам, находящимся во владении каждого из братьев Мальцевых, – Гусевской и Дятьковской. И тот и другой являлись хозяевами крупного и все набирающего силу дела, включающего не только стекольные и хрустальные заводы, но и целый ряд вспомогательных, сопутствующих и совершенно новых производств.

Иван Мальцев обладал поразительным деловым чутьем, острым чувством экономической перспективы. Он ищет все новые высокоприбыльные отрасли. Производство сахара из свеклы – одна из них. Известный очеркист В. И. Немирович-Данченко подчеркивал, что именно Иван Акимович выстроил первый сахарный завод в России в Любохне «в одно и то же время с Наполеоном, вводившем это производство во Францию». В Киеве, пишет он, поставлен памятник Бобринскому, как основателю этого дела, тогда как Бобринский приезжал сюда в Любохну учиться ему у Ивана Акимовича Мальцева. Мальцев же уговорил его купить для этого имение в Смеле, на юге. К 1857 году в хозяйстве Мальцевых было уже 9 сахарных заводов. На них вырабатывалось 27 950 пудов сахара в год.

Дипломат и заводчик

В 1823 году умирает Сергей Акимович Мальцев, владелец Гусевской хрустальной фабрики, не намного пережив свою жену и оставив наследником крупного состояния своего сына Ивана Сергеевича. Другой сын, Сергей, в будущем приват-доцент Дерптского (Тартуского) университета, избрал научную карьеру.

Судьба Ивана Сергеевича Мальцева (1807–1880) была драматической и во многих отношениях примечательной. Характеристики, даваемые современниками этому

человеку, не только крупному фабриканту, но и видному российскому дипломату, весьма противоречивы и рисуют сложный облик умного, образованного, но чрезвычайно скептического и корыстолюбивого человека. Даже прозвище, которое закрепилось за И. С. Мальцевым в кругу друзей, – Мефистофель – говорит о многом. А сам Иван Сергеевич иногда подписывался не менее таинственно: «Вечный жид» – по названию популярного романа французского писателя Эжена Сю.

Он получил прекрасное домашнее воспитание, затем обучался в Благородном пансионе Московского университета. Юный Мальцев проявлял склонность к изучению языков, в том числе и древних. М. Д. Бутурлин в своих записках вспоминает о пребывании в Италии вместе с семьей Мальцевых: «При Мальцеве и малолетнем брате его Сергее Сергеевиче гувернера тогда не было, а только русско-немецкий дядька. Молодой Мальцев часто прибегал к пособию Слоана для латинского языка, и в этих случаях воспитатель мой не пропускал случая ставить мне, неохотнику заниматься, в похвальный пример юного моего друга».

После смерти отца, живя в Москве, в семействе дяди И. А. Мальцева, новый владелец Гусевского завода, Иван Сергеевич Мальцев, по завершении своего образования поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. Его сослуживцами и друзьями были блестящие молодые люди – библиофил С. А. Соболевский (один из ближайших друзей А. С. Пушкина), поэты, литераторы, публицисты: братья Веневитиновы и Киреевские, Ф. С. Хомяков, С. П. Шевырев, А. И. Кошелев, М. П. Погодин, князь В. Ф. Одоевский, М. А. Максимович и многие другие, поэтично обозначенные Пушкиным как «архивны юноши». Но теснее всего Иван Мальцев сблизился с Соболевским, которого современник (Н. В. Берг) характеризовал так: «Уставший скиталец по белу свету, библиоман, англоман, друг поэтов и артистов всего мира... близкий дружбою и кутежами с Пушкиным, который любил его преимущественно за неистощимое остроумие, живые экспромты... неизменную веселость и готовность кутить и играть в карты, когда угодно».

Молодой «заводчик во дворянстве» становится членом организованного ими кружка «Любомудров», затем сотрудником журнала этого кружка – «Московский вестник». «Архивны юноши» не тратили время даром в хранилище. Вместе со своим другом Соболевским Мальцев охотно занимался сочинительством пользовавшихся успехом сказок и приключений, используя необыкновенные, но вполне реальные истории, найденные ими в архивных бумагах. По воспоминаниям современников, «архивны юноши» стали завоевывать славу «сборища московских выдумщиков».

Сам Мальцев слыл знатоком изящной словесности. Когда в 1826 году М. П. Погодин с Веневитиновым задумали издать литературный сборник «Гермес», в число «необходимых авторов» они включили и Ивана Мальцева, поручив ему переводы из Ансильона и Шиллера. Потом на основе готовившегося сборника возникнет журнал «Московский вестник», который благословил Пушкин, а среди его главных сотрудников будут значиться, наряду с Шевыревым и Веневитиновым, Соболевский и Мальцев. Наиболее важной была публикация Мальцевым в 1827 году отрывков из его переводов повествования Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона». Книга имела громадный успех в Европе, но в России находилась под строгим запретом. Публикации предшествовала статья Мальцева «Несколько слов об истории Наполеона Бонапарта – сочинении Вальтера Скотта».

Блестящие молодые люди немало времени проводили в кутежах и развлечениях. Редактор «Московского вестника» М. П. Погодин записывал в своем дневнике после ужина у Соболевского: «Скотина Мальцов и оскотинившийся на ту минуту Веневитинов пристали с ножом к горлу – пей, и я насилу уехал от них, ушибленный весьма больно Веневитиновым». А на следующий день у того же хозяина дома тот же

Погодин встретил тех же Соболевского и Мальцева, которые стали на него кричать и это «при людях».

Таким было окружение Мальцева тех лет. Романтика декабристов уходила в прошлое. На смену надеждам пришли скептицизм и сомнения. «Героями нашего времени» становились Грибоедов и Чаадаев. Молодого Мальцева потому и прозвали Мефистофелем, что он «умел ядовито и не без блеска высмеивать укоренившиеся правила общественной морали, официальные святыни», хотя в глубине души вряд ли воспринимал это свое ерничество всерьез.

Однако в московском архиве он прослужил недолго. У сироты Мальцева были сильные покровители. 12 марта 1827 года его переводят в Петербург, к «делам Коллегии иностранных дел». Еще немного прошло времени после известного выступления декабристов на Сенатской площади в 1825 году. И то, что Мальцева повышают по службе и переводят в Петербург, говорит о многом – несмотря на знакомство его со многими молодыми людьми, так или иначе причастными к движению, репутация его осталась «незапятнанной». Среди родственников Ивана Сергеевича было немало сосланных декабристов: князь С. П. Трубецкой, П. А. Муханов, полковник П. И. Колошин, И. И. Пущин и др. Но не меньше в родстве с ним состояло и сильных мира сего, оказывавших ему протекцию.

В Петербурге И. С. Мальцев поселился в доме родного дяди по материнской линии, обер-прокурора Святейшего Синода П. С. Мещерского, на Невском. Мещерский был женат на сестре генерала А. И. Чернышева, всесильного любимца царя, управляющего Военным министерством, также принявшего участие в делах молодого родственника.

В начале ноября 1827 года новоиспеченный дипломат вместе с Сергеем Соболевским совершает поездку из Петербурга в Москву. Оба были отчаянно влюблены в княжну Александру Трубецкую и надеялись в связи со смертью Д. В. Веневитинова, ее нареченного, заслужить ее расположение. Однако их сватовство было отвергнуто. Княжна вышла замуж за двоюродного брата Мальцева, князя Николая Ивановича Мещерского, и уехала с ним за границу. Это было, по-видимому, тяжелым ударом для Мальцева, наложившим печать на его личную жизнь. Он до конца жизни останется холостяком. Свою неудачу оба друга топят в вине. После одной из таких пирушек Погодин, редактор «Московского вестника», опять записывал в дневнике: «Скотина Мальцев. Я Вам не товарищ».

Вскоре после начала петербургской службы, в апреле 1828 года, И. С. Мальцев по рекомендации Соболевского назначен первым секретарем посольства в Персию, возглавляемого А. С. Грибоедовым. Возможно, сыграло здесь свою роль и близкое знакомство Грибоедова с Мальцевыми. Существуют предположения, что Грибоедов сам избрал молодого Мальцева с целью привлечь его, а через него и его богатого дядю к участию в делах проектируемой им «Закавказской компании». По рассказам самого Соболевского, Грибоедов внял его совету взять с собою Мальцева, «им обоим хорошо известного за умного, ловкого и веселого практического человека». К тому же Грибоедову было прекрасно известно, что И. С. Мальцев был не чужд литературных интересов, сотрудничал в журналах – «Московском вестнике» и «Северной пчеле». Позднее он даже содействовал публикации одной статьи Мальцева, написанной им в Тавризе. Назначение обрадовало честолюбивого Мальцева, так как сулило начало быстрого восхождения молодого дипломата по служебной лестнице. Отгуляв свадьбу двоюродного брата, Петра Ивановича, с Екатериной Карамзиной, он стал готовиться к отъезду. Перед этим он передает своему дяде, Ивану Акимовичу, все полномочия по управлению Гусевской и другими фабриками.

А. С. Грибоедов

Посольство А. С. Грибоедова в Персию, как известно, закончилось трагически. 11 февраля 1829 года в Тегеране весь персонал русского посольства после отчаянного сопротивления погиб во время резни, учиненной иранскими фанатиками. Единственным человеком, оставшимся в живых, был Мальцев. Спасение его казалось чудом и вызвало в обществе немало толков и пересудов. Даже родной дядя Мальцева, Иван Акимович, с изумлением писал их родственнику С. Д. Нечаеву: «Любезнейший друг Степан Дмитриевич! Бог неисповедимыми судьбами спас нашего секретаря по беспредельной своей милости; дошедшая ужасная весть о несчастном Грибоедове в то же время известила нас о сохранении Вани...»

По поводу его спасения ходили разные слухи. Говорили, что слуга миссии закатал его в ковер и поставил в угол комнаты вместе с другими свернутыми в трубку коврами и тем самым уберег от смерти. По другой версии, состоявший у Мальцева в услужении персиянин укрыл его в амбаре миссии. Говорили даже, что в начале волнений Мальцев побегал в шахский дворец, чтобы просить у персидского правительства помощи, и тем избег плачевной участи товарищей. Многие современники обвиняли Мальцева в трусости и неисполнении долга. Так, А. О. Смирнова-Россет в своих записках вспоминала: «Н. Д. Киселев говорил: «Знаешь ли ты, что Грибоедов меня очень любил и просил меня у Нессельроде, но граф дал ему Мальцева?» Я бросилась ему на шею и сказала: «Мой ангел, ты мог быть убит». – «Неизбежно! Я бы не прятался так подло, как Мальцев, я бы дал себя изрубить, как Грибоедов, во-первых, потому, что я его люблю, и еще потому, что это значило умереть на посту, как часовой».

Были, однако, в обществе и другие, более трезвые оценки, объяснявшие его спасение результатом счастливого стечения обстоятельств. Н. Н. Муравьев-Карский писал: «Мальцова многие обвиняют в том, что он не погиб вместе с Грибоедовым. Не знаю, справедливо ли это обвинение. Мальцов был гражданский, а не военный чиновник и не вооруженный, секретарь посольства, а не конвойный. Целью посольства были не военные действия, где бы его обязанность была умереть при начальнике. На них напали врасплох, резали безоружных, и я не вижу, почему Мальцов не прав в том, что он нашел средство спасти себя и, может быть, еще с надеждою прислать помощи осажденному посольскому дому». Однако разговоры в свете по поводу чудесного спасения Мальцева в Тегеране не утихали. Не многие рассуждали, как умудренный жизнью знаменитый мореплаватель и путешественник.

Рассеянию недоброжелательных слухов и предубеждений в обществе в немалой степени способствовал собственный рассказ Мальцева об обстоятельствах своего спасения, изложенный в донесении своему непосредственному начальнику К. В.

Нессельроде. Вот что он писал: «Я обязан чудесным спасением своим как необыкновенному счастью, так и тому, что не потерялся среди ужасов, происходивших перед глазами моими. Я жил рядом с табризским мехмендарем нашим Назар-Али-Ханом Авшарским, на самом первом дворе. Кроме меня русских там не было... Когда народ, с криком, волною хлынул мимо окон моих, я не знал, что думать, хотел броситься к посланнику и не успел дойти до дверей, как уже весь двор и крыши усыпаны были свирепствующей чернью... Не прошло пяти минут, как уже резали кинжалами перед глазами моими курьера нашего Хаджатура. Между тем народ бросился на второй и третий двор: там завязалась драка, началась перестрелка. Увидев, что некоторые из персиян неохотно совались вперед, я дал одному феррашу моему 200 червонцев и приказал ему раздать оные благонадежным людям, ему известным, собрать их к дверям моим и говорить народу, что здесь квартира людей Назар-Али-Хана. Я сидел, таким образом, более трех часов в ежеминутном ожидании жестокой смерти; видел, как сарбазы и ферраши шахские спокойно прогуливались среди неистовой черни и грабили находившиеся в нижних комнатах мои вещи. Неоднократно народ бросался к дверям, но, к счастью, был удерживаем подкупленными мной людьми, которые защищали меня именем Назар-Али-Хана. Потом, когда уже начало утихать неистовство, пришел серхенг и приставил караул к дверям моим. Ночью повел он меня во дворец, переодетого сарбазом».

В литературе и публицистике, однако, вплоть до нашего времени выдвигались различные гипотезы и предположения по поводу «загадочных» обстоятельств спасения Мальцева. Начало новой вспышке расследований во многом было положено романом Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», в одиннадцатой главе которого поведение Мальцева в тегеранской истории изображено в весьма неприглядном виде. В середине 50-х годов ивановский писатель Виктор Полторацкий, автор очерков «Гнездо Хрустального Гуся», ссылаясь на разговор с Юрием Тыняновым, выдвигает еще более невероятную версию спасения Мальцева, обвинив его в связях с английскими резидентами в Персии. Мальцев, пишет он, «был желчный, хитрый, завистливый человек. В Персии Грибоедов проводил решительную политику, твердо отстаивая интересы России. Мальцев же вел двойную игру. Он близко сошелся с агентами Ост-Индской компании, которые стремились подчинить Персию неограниченному влиянию англичан. В этом им мешал Грибоедов». По версии автора, Мальцев уцелел, спрятавшись у своих английских друзей. Вернувшись в Россию, он будто бы в докладе царю стремился обвинить во всем самого Грибоедова, указывая на вспыльчивый характер посла, на резкость, которая якобы раздражала и оскорбляла персов. За это персидский шах пожаловал Мальцева золотым орденом Льва и Солнца и правом беспошлинной торговли хрустальными изделиями в Персии.

Многие обвинения и домыслы по поводу обстоятельств спасения И. С. Мальцева очень убедительно развенчивает историк С. В. Шостакович. Он обращает внимание на то, что рассказ Мальцева о своем спасении подтверждается многими источниками. Согласно им, Грибоедов, извещенный о грозящей опасности, наотрез отказался собрать своих чиновников и русских, проживающих в миссии, и покинуть ее. Таким образом, пишет он, отсутствие Мальцева при Грибоедове во время разгрома миссии, которое обычно рассматривалось как основной аргумент против достоверности сообщения Мальцева о своем спасении, отнюдь не бросает тень на грибоедовского секретаря, если учесть, что и другие члены посольства в роковую минуту оказались тоже не вместе с посланником. Шостакович отвергает также и версию Полторацкого о том, что Мальцев спрятался у англичан. Собственный рассказ Мальцева, считает он, довольно убедительно раскрывает обстоятельства, благодаря которым он избежал гибели. Автор, правда, считает этот рассказ и свидетельством трусости И. С. Мальцева. В этом, по его мнению, убеждает и все поведение дипломата после разгрома миссии, когда он свыше трех недель провел в цитадели Тегерана, во дворце шаха, и когда ради своего спасения стал на путь лицемерия. Отвечая на хитрость

персиян хитростью, он, по собственному признанию, уверял шаха и визирей, что он, Мальцев, полностью убежден в невинности персидского правительства и шаха в совершенном злодеянии.

Все поведение Мальцева во время тегеранских событий свидетельствует, однако, скорее не о трусости, а о чрезвычайной изворотливости, хитрости и немало хладнокровии. Трусость, страх парализуют человека, лишают его возможности действовать. Мальцев же в отчаянной ситуации не только не растерялся, но сумел использовать все немногие, отпущенные ему шансы на спасение, а позднее проявил недюжинный ум и сообразительность и противопоставил коварству шахского двора свою расчетливую дипломатию, которая спасла его.

Столь же голословно и обвинение Мальцева в «двойной игре», в сношениях с английскими резидентами Ост-Индской компании. Наоборот, опубликованные донесения Мальцева указывают на то, что он обращал внимание русского правительства на антирусские акции английских агентов в Иране. Никогда не писал никакого доклада Мальцев и царю, не чернил Грибоедова и ни в чем не обвинял его в своих реляциях правительству. Секретарь миссии в своих донесениях обвинял иранское правительство и самого шаха. Более того, существуют свидетельства, что немалая резкость, запальчивость и горячность, видимо по молодости, в выражениях И. С. Мальцева в адрес шахских придворных сыграли свою роль в обострении отношений русского посольства с шахским двором.

Так, исследователь Г. Алаверьянц приводит рассказ из книги армянского историка Шермазаняна «Материалы для национальной истории» об одном из эпизодов, непосредственно предшествующем убийству Грибоедова. Эпизод этот связан с событиями, развернувшимися вокруг шахского придворного Якуба – армянина по происхождению, попросившего убежища в русском посольстве, – главного виновника трагического нападения на миссию. «Грибоедов, сообщает источник, два раза посылал за имуществом Якуба, но оказалось, что печати были сломаны, документы и половина вещей выкрадены. Это вызвало резкие пререкания между придворной администрацией и первым секретарем посольства Мальцевым, который при этом не стеснялся в выражениях, обвиняя высшие придворные чины в насилии и воровстве».

Таким образом, утверждение о том, что Мальцев в своих донесениях русским властям чернил и обвинял Грибоедова, не соответствует известным на сегодняшний день фактам. К тому же орден Льва и Солнца был дан шахом Мальцеву не после тегеранского разгрома, а ранее, вместе с награждением самого Грибоедова и других сотрудников миссии. Что касается хрустальных изделий заводов Мальцева, то они ввозились в Иран и облагались пошлиной в 5 %, как и все русские товары, в полном соответствии со статьями Туркманчайского договора.

Не подтверждается исследователями и мнение о натянутых отношениях Грибоедова с Мальцевым, о том, что последний был навязан Грибоедову канцлером Нессельроде. В письмах Грибоедова не улавливается какое-либо нерасположение посланника к Мальцеву. Напротив, доброе его отношение к своему секретарю подчеркивается лестными словами дипломата в письме к Булгарину, в котором Грибоедов называет Мальцева «товарищ моей политической ссылки». Более того, на бракосочетании Грибоедова с Ниной Александровной Чавчавадзе в качестве свидетеля со стороны Грибоедова присутствовал И. С. Мальцев, о чем сохранилась запись в книгах Сионского собора.

Можно утверждать, что на дипломатической карьере Мальцева тегеранская история не сказалась отрицательно. Так, 9 мая 1829 года высочайшим указом «во внимание к примерному усердию и благоразумию, оказанным во время возмущения в Тегеране»,

он был награжден орденом Св. Владимира II степени; 10 ноября 1830 года еще одним высочайшим указом «во внимание к благоразумию, оказанному как после убийства статского советника Грибоедова во время возмущения в Тегеране, так и при отправлении должности генерального консула, всемилостивейше пожалован, по засвидетельствованию генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского, кавалером ордена Св. Анны II степени». Канцлер К. В. Нессельроде ценил его. В письме к наместнику на Кавказе князю И. Ф. Паскевичу он писал о Мальцеве: «Это молодой человек, который может весьма выделиться, когда с опытом и возрастом несколько созреют его мысли и улягутся его страсти». Через несколько лет службы, в июне 1834 года, Мальцев был пожалован в звание камергера, а еще через год, в мае 1835 года, назначен членом Общего присутствия Азиатского департамента, а затем членом совета

Министерства иностранных дел и пожалован в звание действительного тайного советника.

И. С. Мальцев

Благодаря своим способностям и в немалой степени покровительству многочисленных влиятельных родственников, И. С. Мальцев быстро продвигался по служебной лестнице, достигнув к концу жизни высших званий и чинов в государственной иерархии. В период с 1855 по 1864 год он трижды назначался временно управляющим Министерством иностранных дел. В 1856 году И. С. Мальцев вошел в состав Тарифного комитета, возглавлявшегося Л. В. Тенгоборским. При Александре II его прочили на пост товарища министра просвещения и в министры финансов.

Успешной была и его предпринимательская деятельность. Оправившись после тегеранского шока, И. С. Мальцев, не бросая службу, все свободное время уделяет своим сильно запущенным в его отсутствие предприятиям. В его владении находилось 7 из 19 самых больших заводов во Владимирской губернии. На одном гусевском предприятии работало 346 человек. У И. С. Мальцева были честолюбивые планы. В 1829 году открывается первая Всероссийская промышленная выставка, и Мальцевы делают все, чтобы с блеском представить на ней свои изделия. Обозреватель выставки отмечал: «Выборные знатоки отдали преимущество хрустальным изделиям Мальцева за чистоту и ровность в стиле, за хорошую отделку и за умеренную цену».

В 1833 году, используя свои старые связи и знание конъюнктуры региона, И. С. Мальцев стал торговать с Персией, Средней Азией и Закавказьем. Пошли по странам

Востока оплетенные серебряной вязью стеклянные мальцевские кальяны и другие изделия. Производство стекла было поставлено на рельсы самой современной технологии. В результате были созданы изделия из трехслойного стекла под золото и серебро, хрустальные изделия с алмазной гранью, из цветного стекла (следствие поездки Мальцева в Богемию). Самой прибыльной продукцией стало стекло оконное. Начал он и строительство каменных домиков усадебного типа для работников. Всего было построено 425 домов. Образованное с участием И. С. Мальцева и его дяди Ивана Акимовича «Закавказское общество» занималось изысканием «возможности и пользы приготовления стекла», материалов для стеклоделия в Закавказье.

Его практический склад ума, дар предпринимателя, умение объединять в своей деятельности торгово-промышленные дела с интересами русской дипломатии не ускользнули от внимания главы внешнеполитического ведомства России. Учитывая заслуги И. С. Мальцева в работе «Закавказского общества», К. В. Нессельроде, сам не чуждый предпринимательских интересов, 30 мая 1835 г. назначил его в члены Общего присутствия Азиатского департамента МИД. Не без участия Мальцева были составлены примечательные правительственные наставления русским фабрикантам, торговавшим в Азии. «Вся Азия, говорилось в них, должна быть целью нашей мануфактурной и торговой деятельности для удовлетворения нужд ее обитателей, главнейших потребителей тех изделий наших, сбыт которых почти невозможен в образованной и роскошной Западной Европе. Остается желать, чтобы: 1) фабриканты обращали более внимания на вкус и требования азиатцев и 2) торговцы наши в Азии удешевили бы сколь можно наши изделия противу иностранных, сбываемых там в огромных количествах».

Летом 1835 года И. С. Мальцев находился при вице-канцлере К. В. Нессельроде во время пребывания Николая I за границей. 13 августа он писал из Баден-Бадена Сергею Соболевскому о путешествии по Германии и Богемии, об осмотре богемских хрустальных фабрик, которые «очень мизерны». Мальцев во время заграничной командировки постарался ознакомиться с достижениями чешских мастеров стекла. Именно в это время на Гусевском заводе удалось изготовить гранатное малиновое стекло, секрет которого был потерян. Это открытие дало заводу новый толчок к развитию производства цветного стекла.

В это же время вместе со своим другом С. А. Соболевским блестящий дипломат и заводчик хлопочет об устройстве в Петербурге бумагопрядильной фабрики. В 1836 году разрешение было получено, и через два года на берегу Невы была основана Сампсониевская бумагопрядильная фабрика. В число ее акционеров, кроме самого Мальцева и Соболевского, входили: родственник его, бывший декабрист П. А. Колошин, поэт В. А. Жуковский и его родственники по линии жены. Дела этой фабрики Мальцев уделял немало времени. Сохранилась его обширная переписка с Соболевским, в которой много места уделяется переговорам друзей о совместном предприятии.

С. А. Соболевский

Деловые письма И. С. Мальцева рисуют его довольно скупым и расчетливым дельцом, озабоченным доходами от Сампсониевской бумагопрядильни. В одном из писем к Соболевскому он саркастически замечал, что великий запас философии, которым одарила его природа, умножился «накоплением процентов от жительства на благословенной Выборгской стороне», где была расположена Сампсониевская фабрика. А в другом письме провозглашал: «Да здравствует индустрия!» – лозунг, опередивший его время.

О жизни двух друзей, уединившихся на фабрике, в Петербурге ходило немало разговоров. Князь В. П. Мещерский вспоминал: «Помню, что я молодым гвардейским офицером посещал этих двух приятелей за городом, на этой фабрике, где они вместе жили в прекрасном помещении, устроенном со всем возможным комфортом, и где они проводили зиму, принимая там своих петербургских знакомых, несмотря на то, что у каждого из них была в городе своя квартира». Также немало удивляли петербургское общество «оригинальные фантазии этих двух холостяков, всегда веселых и неистощимых рассказчиков, затеявших обречь себя на отшельническую жизнь за городом на бумагопрядильной фабрике. Странно было видеть такую тесную дружбу между этими двумя людьми, по-видимому, отъявленными скептиками и сухими эгоистами, не допускавшими, как говорили, ничего на свете, кроме денежных интересов: немало было разговоров в Петербурге об этих диковинных отношениях между приятелями. Многие утверждали, что они друг другу завещали свои состояния, причем заподозревали Соболевского в корыстных намерениях, что немало озабочивало наследников огромного состояния Мальцова, которых было много».

По наблюдению автора воспоминаний, Иван Сергеевич был человеком «недюжинного ума и замечательным юмористом, так что в обществе этих приятелей нельзя было скучать, чем и объясняется беспрестанный к ним приезд на фабрику гостей из Петербурга». Вместе с тем веселый нрав и репутация анекдотиста сочетались в характере И. С. Мальцева с реалистическим мироощущением и деловой сметкой. И эта противоречивость нравственных качеств Мальцева, как человека, стоявшего на перепутье старого и нового времени, огромное воздействие на него денежных отношений отмечались многими современниками. «Необходимо, однако, заметить при этом, – размышлял в своих воспоминаниях князь Мещерский, – что Иван Сергеевич, хотя был, несомненно, человеком чрезвычайно расчетливым, но не всегда был скуп до такой крайности, чтобы не помогать иногда своим родственникам, когда они находились действительно в затруднительном материальном положении. Он был, в сущности, добрым человеком, но, несмотря на его развитость и нравственные качества, он не мог избежать того пагубного влияния, которое имеет на всех богачей их огромное состояние, служа так сказать, центром всех возможных посягательств на

их добро со стороны массы нуждающихся людей. Все богатые люди невольно делаются не только неотзывчивыми и равнодушными, но и ожесточаются, находясь постоянно в каком-то раздражении и негодовании на неимущих, посягающих на их добро... Таков был и Мальцов».

Не надо, однако, представлять Мальцева-промышленника каким-то исключительным явлением в столичной дворянской среде. Увлечение коммерцией и предпринимательством было весьма распространенным явлением в николаевском обществе, вплоть до самых высших его кругов. Вице-канцлер Нессельроде, например, был пайщиком вместе с И. С. Мальцевым и «придворным банкиром» Л. И. Штиглицем в акционерном обществе «Российская бумагопрядильная мануфактура», всесильный шеф жандармов А. Х. Бенкендорф принимал участие в целом ряде крупнейших коммерческих предприятий. Не чурались материальной стороны и в литературной среде. Того же С. А. Соболевского, европейски образованного человека, блестящего литератора, друга Пушкина, многие упрекали в увлеченности предпринимательством.

На личности Соболевского, длительное время связанного отношениями с Мальцевым, стоит остановиться подробнее, так как эти отношения в какой-то мере характеризуют и самого Мальцева. Соболевский был остроумным собеседником, знатоком и собирателем книг. Писал дружеские эпиграммы, в том числе и на известных деятелей той эпохи. Одна из них – на министра финансов николаевского царствования под названием «Канкриниада» – заканчивалась обращением к И. С. Мальцеву:

Над министром иль колонной ты не смейся! Горе тут!
Обойдут тебя короной, «Станиславом» обнесут.
И пошлют тебя в Бразилью, а не то чтобы в Париж!
За служебные усилия ты получишь только шиш.

Вместе с Соболевским и сам Мальцев входил в круг достаточно близких знакомых А. С. Пушкина, причем не только в юные годы, о чем уже говорилось, но и гораздо позже, в последние годы жизни поэта. Об этом свидетельствует, к примеру, совместная записка И. С. Мальцева, С. А. Соболевского и А. С. Пушкина Карлу Брюллову, в которой они выражают ему свое почтение летом 1836 года. В переписке Мальцева и Соболевского есть любопытные упоминания, что оба они были кредиторами Пушкина. Ничего необычного в этом видеть нельзя. Брать в долг у друзей было распространенной практикой среди столичной молодежи, в литературной и художественной среде того времени.

Однако тональность писем Мальцева на этот счет неприятно поражает и сегодня. Она лишний раз доказывает расчетливый прагматизм его натуры, удивительным образом сочетавшийся в этом человеке с европейской образованностью, остротой ума и тонким художественным вкусом. 2 февраля 1837 года Мальцев пишет С. А. Соболевскому, находившемуся за границей по делам Сампсониевской мануфактуры: «Я должен сообщить тебе грустную весть, любезный Соболевский, нашего милого и любезного Пушкина А. С. уже нет на свете. Он стрелялся со своим свояком Дантесом и через два дня после неизъяснимых мучений умер от последствия раны». Уже в этом письме тон сообщения достаточно прохладный, на уровне светского разговора. Он не проявляет глубокой скорби по поводу кончины Пушкина. Однако его очень заботит, как бы не пропали деньги и столовое серебро, которое, по-видимому, было одолжено Пушкину для хозяйственных нужд. В следующем письме от 13 февраля 1837 года Мальцев писал Соболевскому: «Пушкин перед смертью составил список своим кредиторам, в этот список рука дружбы, к счастью, начертала и твое имя. Так как государь велел заплатить его долги, то и ты будешь удовлетворен. Я подал записку о твоём серебре. Ты должен теперь написать официальное письмо к Жуковскому, одному из опекунов, чтобы серебро твое было выкуплено и вручено мне для сохранения».

Скупость этого богатейшего заводчика отмечали многие, близко знавшие Мальцева. Так, один из дальних его родственников В. А. Муханов писал в своих записках: «Считаюсь весьма искусным дипломатом и лучшим советником Нессельроде, И. С. Мальцев в то же время славился своей скупостью. Он имел в избытке капиталы, но подчас урезывал себя даже в питании». В таком же духе говорил о нем и другой его родственник – князь В. П. Мещерский: «Это был скупейший из скупых людей».

И. С. Мальцев прожил долгую и насыщенную событиями жизнь. И если тегеранский эпизод, как мы видели, не сказался на его служебной карьере, то моральная травма, видимо, была достаточно серьезной. Есть косвенные свидетельства глубокого душевного надлома, который он пережил в результате этих событий и морального осуждения со стороны части светского общества. Он становится закоренелым мизантропом. «По-прежнему мотается Мальцев по миру поверенным МИДа: Константинополь, Вена, Париж, Рим... Пребывание его в Италии отмечено королевскими наградами. Но подпись под его письмами – «Вечный жид» – совсем не радостна: этот герой романа Эжена Сю наделен бессмертием, непрерывно скитается по свету, но нигде не находит успокоения. Так и Мальцев: семьи нет, детей нет. Увлекались им очаровательные женщины: Александра Трубецкая, Софья Карамзина – но не было глубокого чувства к взбалмошному острослову, каким он им казался. А ему для супружества мешал закоренелый скептицизм».

В 1838 году, после смерти брата (магистра Дерптского университета), умершего во Франции, Мальцев писал Соболевскому: «Теперь все надежды рушатся безвозвратно. Грусть как свинец лежит на сердце; скончиною брата как будто расторглось последнее звено, привязывавшее меня к жизни; чувство одиночества подавляет меня, разочаровывает будущность. Жить без надежд, без желаний, Бог знает для чего: это несносно. Особенно несносен мне Париж. Нигде не чувствовал я себя столь одиноким, как среди этой толпы, шумной, суевающейся толпы людей мне совсем чужих».

Итак, богат, знатен, а в жизни смысла не видит. Нет даже наследников. Многие современники отмечают в своих воспоминаниях, что ранее открытый и общительный, «умный, ловкий и веселый практический человек» (на веселый характер молодого Мальцева указывала и С. Н. Карамзина в одном из писем, которая, описывая один

великосветский обед, говорила о нем – «трещал без умолку»), он становится с течением времени замкнутым, сторонится людей. Имеющиеся характеристики его облика в конце жизни красноречиво говорят об этом. Эти характеристики подчас противоречивы и резки, но в них почти всегда подчеркивается острый ум и разносторонняя образованность Мальцева.

В 60-х годах царь-реформатор Александр II искал новых людей, способных осуществлять его планы в различных сферах общественной жизни. И. С. Мальцева, считавшегося талантливым администратором, прочили в товарищи министра просвещения. Вот какую характеристику дает ему в связи с этим В. А. Муханов: «Царь ныне желает определить на это место Ивана Сергеевича Мальцева, уже 35 лет служащего в Министерстве иностранных дел. Мальцев, при некотором уме и хорошем образовании, нерешителен, мелочен, формалист и боится всякой ответственности. Сделанное ему предложение привело его в трепет, и он решительно не изъявляет согласия. Его особенно пугает мысль, что государь призовет его и тогда отказ будет невозможен».

Мальцева в эти годы также не раз называли в качестве одного из кандидатов на пост министра финансов. Его глубокую осведомленность в финансовых вопросах не раз отмечали окружающие. Князь В. П. Мещерский, хорошо знавший о жизни Мальцева и его пристрастиях, подмечал многие странности его натуры. «Высшие круги, – пишет он в своих записках, – искали кандидата в министры финансов... Ему задавали вопрос: «Отчего вы не министр финансов?» Мальцев отвечал: «Где нам, дуракам, чай пить, в калашный ряд с суконным рылом не лазь... я слишком стар».

И дальше: «Мальцев занимал должность непрямого члена совета при Министерстве иностранных дел. Сослуживцы находили его оригинальным и типичным, начиная от ума и кончая феноменальным скряжничеством. Этот человек ни разу ничего не просил и ничего не искал для себя, но послушно давал себя вести тем родственникам, которые толкали его по чиновничьей лестнице снизу вверх и довели его до одной из высших должностей в Министерстве иностранных дел, где всего менее его интересовали иностранные дела... Мальцев исключительно интересовался только финансовыми вопросами России. Когда заходил разговор о финансах, у Мальцева загорался взгляд, прояснялось лицо, и он говорил так, как не говорил ни о чем другом... Обо всем, что не относилось к финансам, он говорил неохотно, с саркастической улыбкой или скептически, либо отвечал остроумной эпитафией в прозе. Он производил впечатление скептика, на все глядевшего с добродушным, хотя и презрительным равнодушием. С Мальцевым для формы официально советовались по дипломатическим делам... Но никто не советовался с ним как с умным и знающим финансистом».

Вместе с тем, замечает автор воспоминаний, Мальцев «сам утверждал себя в самом отдаленном от света уединении: он избегал светских отношений и везде и всегда сторонился людей. Владея огромным состоянием, он жил, как пассажир на станции, не зная ни домашнего очага, ни еще менее своего дома. Часть зимы он жил старым холостяком в одной комнатке, в доме своего двоюродного брата (генерала С. И. Мальцева. – М. Г.), а другую часть проводил за границей, где нанимал маленький номер и жил, как бедняк, отказывая себе во всем, что не было крайней нуждой. Надо думать, что если он никогда не женился, то, вероятно, по той же причине, по которой он отказывался от какого-нибудь высокого поста, чтобы не иметь дома и не издерживать на ненужные деньги».

В то же время на предпринимательском поприще И. С. Мальцеву сопутствовал успех. Он являлся одним из крупнейших землевладельцев на Рязанщине. В одном Касимовском уезде ему принадлежало более 37 тыс. десятин земли, где в 11

селениях насчитывалось 524 двора и 2180 душ мужского пола. На его семи стеклянных предприятиях работало 654 мастеровых, живших при фабриках. В 40-е годы на каждой из крупнейших мальцевских фабрик производилось хрустальных изделий на сумму до 150 тыс. рублей серебром. Мальцеву впервые удалось «производство рубинового стекла, выкрашенного медью, равным образом и уранового стекла, зеленовато-желтого», пользующегося особым спросом. С его именем связано и формирование заводской коллекции гусевского художественного стекла. Именно он положил начало сбору при фабрике уникальных изделий из стекла и образцов массового производства.

Мальцев быстро справился с кризисом, возникшим вследствие отмены крепостного права, успешно, в отличие от других Мальцевых, перестроив управление своими предприятиями на капиталистический лад. После реформы мальцевское производство двинулось еще быстрее. В Гусе строятся каменные дома. В 1876 году в селе Никулине на базе закрытого стеклянного завода начинает действовать кирпично-черепичное производство. Гусевская начальная школа для мастеровых была преобразована в 1875 году в двухклассное министерское училище с несколькими параллельными классами: мужскими и женскими. В 1876 году двухклассное училище было открыто на Великодворском (Дирдурском) заводе.

Ко времени кончины И. С. Мальцева из его стеклянных и хрустальных заводов два крупнейших (Гусевский – 517 рабочих и Уршельский – 375 рабочих) были оснащены паровыми машинами. Годовой оборот Гусевского завода составлял 900 тыс. рублей.

С Сампсониевской бумагопрядильной фабрикой ситуация оказалась более сложной. В 1838 году мануфактура заработала на полную мощность и начала давать доход. Но в начале 1850-х годов бумагопрядильня была сильно повреждена страшным пожаром. Будучи свидетелями того, как их состояния буквально превратились в дым, Мальцев и Соболевский продали фабрику в купеческие руки. Соболевский, который поместил в это дело весь свой капитал, оказался на грани разорения. Тем не менее фабрика просуществовала еще несколько десятилетий.

Пожар на Сампсониевской фабрике стал большим потрясением и для самого И. С. Мальцева, сыграв немалую роль в развитии таких и ранее присущих ему негативных черт, как корыстолюбие и скарденность. Именно после этого события его скупость стала приобретать характер затяжной болезни. «Потеряв в течение нескольких часов большие деньги, когда сгорела Сампсониевская бумагопрядильня, замечает один из близко знавших его мемуаристов, Мальцев с годами вдруг стал впадать в быту в болезненную скупость, чередовавшуюся, впрочем, и с помощью родственникам, попадавшим в затруднительное материальное положение».

Иван Сергеевич Мальцев оставил о себе память как о человеке умном и образованном. Но колоссальное богатство сделало его не только хозяином жизни, но в известном смысле и его пленником. Он неохотно оказывал помощь даже близким друзьям и компаньонам. Письма Соболевского к нему полны упреков по этому поводу.

Нельзя не отметить при этом, что образование и просвещенный практический взгляд на жизнь побудили его сделать щедрый дар: он завещал 500 тыс. рублей на учреждение технической школы во Владимире для бесплатного обучения ремеслам, а также общеобразовательным и техническим наукам. В дополнение к этому его наследник Ю. С. Нечаев-Мальцев подарил земству землю во Владимире под строительство школы и 250 тыс. рублей. В 1885 году училище было выстроено по проекту инженера Максимова. Техническая школа «для обучения в течение 5 лет 100 детей всех званий и вероисповеданий» по устройству и оснащению была признана современниками одной из лучших в Европе. Вероятно, следуя скорее традиции, чем

своему внутреннему побуждению, И. С. Мальцев завещал также 80 тыс. рублей гусевским рабочим на «помин его души».

Тем не менее, в силу некоторых свойств своего характера (эгоизма, корыстолюбия, практицизма), при жизни заводчик не испытывал большого стремления к филантропической и меценатской деятельности, хотя его образованность, литературная одаренность, тонкое знание искусства (есть сведения, что он проявил себя и художественным критиком) могли бы способствовать этому. Однако по иронии судьбы именно расчетливый и прижимистый Иван Сергеевич Мальцев подготовил материальную базу для небывалой по масштабу меценатской и филантропической деятельности последнего из династии промышленников Мальцевых – Ю. С. Нечаева-Мальцева, сделав его своим единственным наследником и передав ему огромное по тем временам, нерастраченное и нераздробленное состояние. Но прежде чем перейти к портрету последнего представителя мальцевского рода, мы должны вызвать из небытия одну из самых ярких личностей прославленной промышленной династии, генерала и крупнейшего заводчика России – Сергея Ивановича Мальцева.

Создатель «Америки в России» – взлет и крушение

С именем С. И. Мальцева (1809 или 1810–1893) связана одна из самых ранних, смелых и поражающих воображение своими масштабами попыток представителей частного капитала России на основе накоплений в легкой промышленности создать тяжелую отечественную индустрию, современное машиностроение. Трагизм и горький урок этой попытки, закончившейся неудачей, заключался не только в том, что она была, по-видимому, преждевременной, основанной на старых формах хозяйствования и управления, но и в том, что она не была в полной мере поддержана государством – участь многих предпринимателей России, обладавших дальним видением, работавших с размахом и перспективой.

Сергей Иванович Мальцев, двоюродный брат И. С. Мальцева (Гусевского), был представителем дятковской ветви рода Мальцевых и прославился как один из выдающихся организаторов промышленного дела в России. М. П. Межецкий, работавший с ним в Дяткове, писал позднее: «Встречаются личности, деятельность которых, хотя и не имевшая официального характера, тем не менее оставляет крупный след в развитии страны». И заключал свои размышления о Мальцеве следующими словами: «Много на Руси богатых вельмож, состояние которых превосходит мальцовское! Многие из них основали и поддерживали разного рода фабрики и заводы, но не думаю, чтобы кого-либо из них можно было поставить рядом с Сергеем Ивановичем по живому непосредственному участию в деле и служению ему с забвением собственных выгод». «Этот человек, – добавлял он, – был воплощением труда, и причем труда не из узких видов личного прибытка, а исключительно для широкого понимания общественной пользы».

С. И. Мальцев получил хорошее домашнее образование: кроме гуманитарных дисциплин, изучал механику, химию, физику, металлургию и другие науки, прекрасно знал французский, английский, немецкий языки, мог объясняться по-итальянски, по-польски и по-чешски. Одним из его учителей был известный профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев, преподававший детям Мальцевых древние языки и историю.

По полученной Мальцевыми привилегии юный Сергей Иванович был, по достижении необходимого возраста, определен в гвардейскую кавалерию, где и проходил военную службу. Произведенный в офицеры, он быстро достиг высших чинов. Несколько лет состоял адъютантом в свите принца Петра Ольденбургского –

одного из членов царской семьи. Служба эта была необременительна, давала ему много свободного времени и возможность часто ездить с поручениями за границу, что он использовал для того, чтобы глубже изучить металлургическое дело, познакомиться с новейшими достижениями в технике и производстве. В частности, в 1837–1838 годах Мальцев совершил большое путешествие по Европе, давшее ему много полезных знаний для ведения предпринимательских дел. Порою он сам становился к заводским печам в качестве простого рабочего, чтобы лучше усвоить технологию производства.

Сохранился формулярный список С. И. Мальцева по службе 1846 года: «Адъютант принца Ольденбургского, кавалергардского ее величества полка ротмистр, из дворян Орловской губернии. За родителями его состоят в Орловской, Тульской, Калужской и Смоленской губерниях 2 тысячи крестьян». И еще один отрывок: «В выборах дворянства не служил, в походах не бывал. Женат на дочери генерал-майора князя Урусова, девице Анастасии Николаевне». Венчание Сергея Ивановича с княжной Анастасией Урусовой (1820–1894) произошло в 1836 году. Юная княжна, по отзывам современников, умела очаровать собеседника своей сердечностью, блеснуть незаурядным умом. Позднее она стала приближенной и близкой подругой императрицы Марии Александровны. У супругов было семеро детей: три сына (Сергей, Иван, Николай) и четыре дочери (Капитолина, Мария, Анастасия и Ирина).

Военная карьера все меньше привлекала С. И. Мальцева. Он с раннего детства интересовался заводским делом, вынашивал обширные проекты развития семейных предприятий. И в 1849 году, к удивлению многих, С. И. Мальцев, несмотря на ожидавшую его блестящую карьеру, выходит в отставку в чине генерал-майора и уезжает в свое родовое имение Дятково, чтобы полностью посвятить себя управлению своими заводами, использовать накопленный опыт. Однако Мальцев начинает деятельность с реализации давней своей причуды – постройки в 1849 году в симеизском поместье хрустального дворца, для которого в Людинове были изготовлены деревянный сруб и металлический каркас, доставленные на лошадях в Крым. Двухэтажный дворец стоял на высоком холме и, по словам очевидцев, напоминал гигантский фонарь, составленный из огромных рам со стеклами.

С. И. Мальцев

После смерти отца от холеры, в мае 1853 года, Сергей Иванович Мальцев становится крупнейшим землевладельцем, полновластным хозяином огромного промышленного района в центральной части Европейской России (площадью около 215 тыс. га), расположенного на землях смежных уездов Орловской, Калужской и Смоленской губерний по реке Болве – притоку Десны и реке Жиздре – притоку Оки. Район получил позднее название Мальцевского заводского округа. В пору

наибольшего развития заводской деятельности здесь существовали 22 больших завода и около 130 более мелких, вспомогательных предприятий, которые давали работу 100 тыс. человек. Но еще ранее, при жизни отца, молодой Мальцев начинает воплощать в жизнь грандиозные проекты по модернизации всего своего заводского хозяйства.

Еще в 1839 году с одобрения отца Сергей Мальцев на базе старого чугунного производства в Людинове, начало которому положили в середине XVIII века Демидовы, основывает рельсопрокатный завод. Для этого была проделана огромная работа по реконструкции предприятия, построены доменные печи нового образца. На Людиновском заводе была устроена первая железопрокатная мастерская. Для механического дела приглашался известный изобретатель станков Жаккар, специалисты по газовым мартеновским печам, ткацким станкам и др. Одновременно организовывалось обучение рабочих разным специальностям. Мальцев создает также новые вспомогательные производства: кирпичное, смолокурное, канатное, лесопильное, писчебумажное, водочное, развивает сельское хозяйство.

Для улучшения стекольного дела открывается содовый завод и начинается техническое переоснащение предприятий. На них ставятся новые шлифовальные станки, приводимые в действие паровыми двигателями, сконструированными на мальцевских заводах, вводятся пескоструйная обработка стеклянных поверхностей и тиснение хрусталя с помощью механического пресса, созданного во Франции. Новейшие изобретения молодой Мальцев старается в кратчайшие сроки внедрить на своих предприятиях. Заботясь о реализации продукции своих фабрик, он с середины 50-х годов договаривается с кузеном Иваном Сергеевичем, владельцем Гуся, о разделе отечественного рынка сбыта стеклянных изделий. Было решено, что дятьковский хрусталь будет продаваться главным образом на юге и в центральных губерниях Европейской России, а гусевский – в восточной ее части и в столицах.

В результате совместных действий братья монополизировали в эти годы до половины всего рынка сбыта стекольной продукции в России и вышли на зарубежные рынки.

Первая железная дорога в России – Царскосельская – была проложена в 1838 году из заграничных рельсов. Для второй железной дороги – Николаевской – Сергей Иванович предложил поставлять рельсы со своего завода, что было одобрено Николаем I. Изготовленные в 1841 году Людиновским заводом рельсы не уступали зарубежным.

Вскоре после Синопской победы над турками С. И. Мальцев, будто провидя Крымскую кампанию, предлагал выстроить железную дорогу упрощенного типа на конной тяге из Екатеринослава в Крым, используя рельсы, приготовленные для строительства Варшавской железной дороги, всего в семь месяцев и только за 7 млн рублей. Вопреки ожиданиям, проект не был принят из-за противодействия главноуправляющего путей сообщения графа Клейнмихеля.

Когда грянул гром после сражения на Альме, тогда только обратились к Мальцеву с предложением выстроить железную дорогу на прежних условиях. Но было уже поздно. Обстоятельства настолько изменились, что построить дорогу в такой короткий срок и за такие малые деньги было уже невозможно. Не имея возможности проложить железную дорогу, но желая все-таки оказать помощь родине, С. И. Мальцев взял на себя поставку пушечных лафетов в Крым по более доступной цене.

Людиновскому производству следует отдать первенство в создании паровых машин

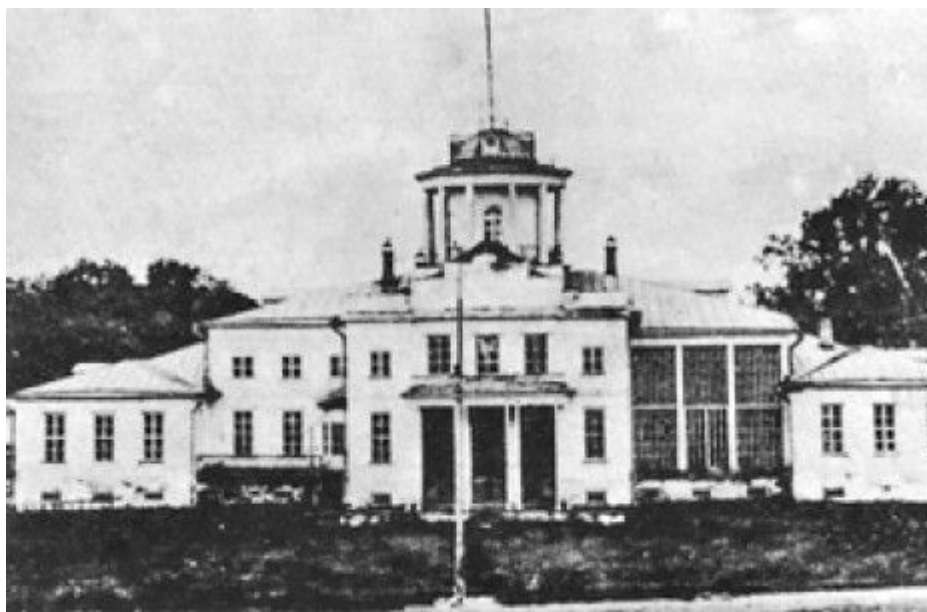
(установлены на Тульском оружейном заводе и петербургском заводе «Арсенал»), винтового двигателя (установлен на корвете «Воин»). Кстати, Мальцев первым предлагал ввести винтовой двигатель для военных судов и новые образцы вооружений. На его заводах зародилось и русское пароходное дело. Здесь построены первые речные пароходы для Десны и Днепра, а в 1858 году – первые пароходы американского типа на Волгу. Для этого был приглашен знаменитый шведский ученый и строитель, инженер Нистрэм, известный своей формулой устойчивости пароходов на воде. На Людиновском заводе изготавливались паровые молотилки, успешно конкурирующие с импортными. На мальцевских заводах была выстроена и первая мартеновская печь знаменитым английским инженером Кинкелем – изобретателем новой системы сталеварения и так называемой сименсовской стали.

Новаторская деятельность С. И. Мальцева зачастую вызывала раздражение в высших кругах, наталкиваясь на чиновничью рутину. Его самостоятельность в суждениях и действиях была многим не по душе. Передают характерный разговор его с великим князем Михаилом Павловичем, братом царя, еще в то время, когда заводами управлял отец, и Сергей Иванович, используя придворные связи, добивался заказа на поставку паровой машины. «Ты с ума сошел!» – останавливал его великий князь. «Почему, Ваше Высочество?» – возразил молодой поручик. «Да как же, ты соперничаешь с англичанами». – «Я хочу, чтобы машиностроение устроилось и у нас». «Ну смотри, приемку сделают такую, что несдобровать!» – предвещал великий князь. И тем не менее, хотя себе и в убыток, отбил он поставку у англичан. Но бывало и по-другому. Накануне Севастопольской кампании предложил Мальцев новый тип судов с винтовым двигателем. Адмирал Нахимов – выдающийся флотоводец, но защитник парусных судов, ему сказал: «На что нам эти самоварчики?» Потом он, правда, признал свою ошибку: «Мальцев прав – эти самоварчики бы нас выручили». Французский инженер Минье изобрел новый вид пули. С. И. Мальцев предложил царю купить это изобретение, пока оно еще не принято на вооружение во Франции. Царь согласился, но, посоветовавшись, высшие государственные мужи порешили – не стоит хлопотать: пуля-дура, штык-молодец.

Мальцев выступал и со многими гражданскими проектами. В 1841 и 1843 годах он предлагал организовать местный кредит под хлеб, чтобы мужику не приходилось в урожайный год продавать его за бесценок, а в недород покупать в 3–5 раз дороже. Проект хотя и был одобрен в высших инстанциях, но не был приведен в исполнение за недостатком средств. Идеи проекта были реализованы С. И. Мальцевым на практике в своих землях. По так называемым «мальцевским запискам» можно было и в неурожайные годы взять по низким ценам в местных магазинах хлеб и другие продукты питания, заготовленные впрок заводоуправлением. О многих отвергнутых идеях С. И. Мальцева позднее вспоминали с сожалением. Известный литератор В. И. Немирович-Данченко, говоря о недоброжелателях Мальцева в высших кругах, отмечал тем не менее, что «лично император Николай Павлович был очень расположен к Мальцеву, и потому им не удалось съесть его». Мальцев умел использовать эту симпатию к нему императора, когда добивался правительственных заказов и ссуд.

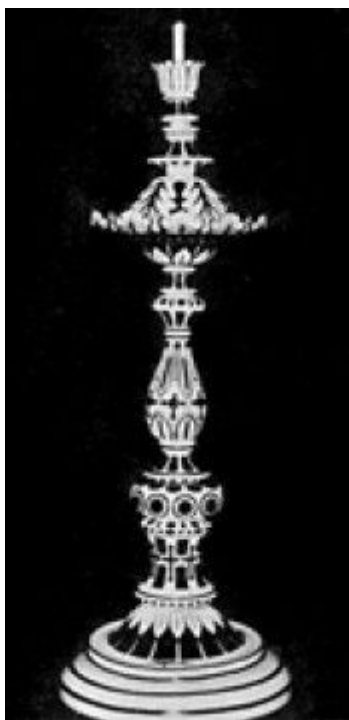
В период подготовки отмены крепостного права С. И. Мальцев, как крупный земельный собственник (238 тыс. десятин земли), был противником реформы. В записке, поданной им в 1858 году царю от имени Комитета владельцев замосковских горных заводов, он выступил против предоставления на выкуп земель заводскому населению, за сохранение земельной собственности в руках дворянства. В области политического управления он выступал одновременно и против демократических тенденций и против бюрократического самовластия и рекомендовал «нынешние самовластные министерства отдать под контроль выборных русских людей исключительно дворянского сословия». Мальцев предлагал в записке восстановление

старинной русской системы, когда «царь опирался на народ, представленный Боярской думой и Земскими соборами выборных людей».

Дом С. И. Мальцева в Дятьково

Разносторонняя деятельность Мальцевых привела к образованию одного из первых в России универсальных промышленных районов, целой промышленной империи со своими вотчинными заводами и фабриками, своими законами и деньгами, полицией и даже своей особой формой одежды для рабочих. Здесь производилось все необходимое для жизни: строительные материалы, посуда, мебель, сельскохозяйственные продукты, напитки и т. п. Извне покупали только мануфактурные и колониальные товары.

Подсвечник дятьковского храма. *Высота 2 м 15 см*

Здесь был устроен первый в России частный телеграф. Для выбора направлений

телеграфных трасс С. И. Мальцев и его старшая дочь, княгиня Мещерская, целый месяц верхом на конях исследовали местность. В 1871 году телеграфная линия в 276 верст была открыта, а через несколько лет введена в действие и телефонная линия протяженностью в 303 версты. Мальцевым были построены крупные гидротехнические сооружения (плотины, шлюзы, водохранилища) на реке Болве и притоках Жиздры. При необходимости воду поднимали на такой уровень, чтобы обеспечить сплав леса, прохождение барж и пароходов.

Период 50-60-х годов XIX века был наиболее благоприятным для мальцевских предприятий. Немирович-Данченко писал позднее о подъеме этого промышленного района: «Царство это является оазисом среди окружающего бездорожья и бескормицы. Тут работают более ста заводов и фабрик, на десятках образцовых ферм обрабатывается земля... Тут люди пробуравили землю и, как черви в орехе, копошатся в ней, вынося на свет Божий ее скрытые богатства; отсюда добрая часть нашего отечества снабжается стеклом, фаянсом, железом, сталью, паровозами, вагонами, рельсами, паркетными, всевозможными машинами, земледельческими орудиями... Здесь нет роскоши и излишеств, – нет и нищеты, нет и голодовок».

Для сбыта готовой продукции Мальцевым были учреждены торговые дома со служащими в разных городах Российской империи: Риге, Минске, Петербурге, Москве, Киеве, Чернигове, Херсоне, Одессе, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде и др. За свои заслуги в развитии промышленности С. И. Мальцев в 1875 году был избран в почетные члены Общества содействия русской торговле и промышленности. Популярность его была шире, чем кого-либо другого из промышленных и общественных деятелей. Его знали не только в России, но и в Западной Европе.

Деятельность С. И. Мальцева по устройству социального обеспечения и быта рабочих не просто носила филантропический характер, но исходила из понимания значения условий жизни рабочих и их семей для развития производства, зависимости частного богатства от общественного благосостояния. Эта деятельность во многом опередила свое время. В период наивысшего расцвета мальцевского промышленного района расценки заработной платы были доведены до возможного максимума и далеко превосходили среднюю норму потребностей рабочей семьи. Обыкновенный рабочий день составлял 10–12 часов по сравнению с 14–16 часами на других предприятиях России. Для самых трудных работ был установлен 8-часовой рабочий день, т. е. на 20–30 лет ранее, чем вопрос об этом был поставлен в Западной Европе.

Мальцев строит рабочим в рассрочку, по очень низким ценам небольшие каменные домики городского типа на 3–4 комнаты, с землей для сада и огорода; бесплатно отводится общий выгон для скота и отпускается топливо. Для обеспечения населения продовольствием организуются хутора с высокопродуктивным скотоводством. В заводских центрах открываются благоустроенные школы на несколько сот учеников каждая. В Людинове основано техническое училище, прозванное местным университетом. Благодаря школам рабочее население почти поголовно грамотное. Для стариков, сирот и больных развивается сеть домов общественного призрения. Строятся церкви, организуются большие хоры певчих из среды мастеров. «Восьмым чудом света» называли современники убранство церквей в Дяткове и Людинове. Они были украшены хрусталем и подложенной под него фольгой. Из хрусталя были выполнены иконостас и престол.

Очевидцы свидетельствуют, что за 50 лет, даже и во время крепостного права, никто из мальцевских рабочих не был подвергнут телесному наказанию, никто не был лишен работы за незначительные проступки. Как не без иронии замечал в очерке о мальцевской промышленной империи А. Субботин, «здесь сложился какой-то

патриархально-семейный помещичий строй... Здесь была, если не Америка... потому что здесь не было того оживленного индивидуального развития, какое характеризует Америку, – то своего рода Аркадия; население жило здесь, не заботясь о завтрашнем дне, и не опасаясь никаких невзгод».

В 1866 году, однако, разразился кризис. Масса готовой продукции осталась лежать невостребованной на складах заводов. Появление конкурентов требовало перестройки ведения хозяйства. Но Мальцев, при всем своем новаторстве, был привержен старым полупатриархальным формам хозяйствования и не мог, или не хотел, перестраиваться. После отмены крепостного права он, чтобы удержать рабочих, выдал своим мастерам земельные наделы бесплатно, привязав их через землю к фабрикам, сделав полукрестьянами, что шло вразрез с развитием наемного труда и принесло колоссальные убытки. Это, наряду со многими другими причинами, повлекло, по выражению одного из исследователей, громоздкое судно мальцевской империи ко дну.

Противоречивость облика этого барина-заводчика, усиливавшуюся с годами, отмечали многие современники. Один из них, К. Скальковский, писал: «Мальцев, небольшого роста крепкий старик, живой, красноречивый, всем интересовавшийся, но деспот и самодур... В Людиновском заводе барин садился на балкон, и заводские бабы и девки должны были купаться для его увеселения в заводском пруду. Более красивым давались дешевые конфеты... Сам Мальцев, как и его служащие, почти все из крепостных, ходил в серых казаках и ездил в безрессорных экипажах... В доме, в Дяткове, была самодельная мебель и простота во всем».

И в личных потребностях, и в еде заводчик-генерал был неприхотлив, не пил, не курил, вел почти аскетический, подвижнический, трудовой образ жизни. Вставал он очень рано и практически весь день посвящал многочисленным делам по управлению обширным заводским хозяйством, поражая современников энергией, трудолюбием и целеустремленностью. Мальцев знал цену деньгам. Его личные расходы, расходы на содержание дома, питание и поездки за границу не превышали шести тысяч рублей в год.

Такой же скромности и простоты Мальцев требовал и от своих детей, которых заставлял работать, как только им исполнялось 8 лет. Дочери помогали на кухне, доили коров, сыновья закладывали лошадей, столярничали. На этой почве у Мальцева не раз происходили столкновения с женой, которая была против такого явно не дворянского воспитания.

Мальцев был, однако, замечает тот же К. Скальковский, «в известной мере прогрессист, много читал, часто ездил за границу и привозил оттуда технические новости. Страстью его было устройство фабрик». Но и этот автор, с известной иронией относившийся к устаревшим, по его мнению, натуральным методам хозяйствования Мальцева, признавал, что заводы его «послужили школою, приготовившею огромное мастеровое население».

Дополнительные штрихи к этому портрету генерала-заводчика дает в своих воспоминаниях крупный царский чиновник Ф. Г. Тернер. Его мнение, однако, также двойственное: «Мальцев был, несомненно, человек замечательный – нужна была большая энергия и техническое знание, чтобы создать и вести такое громадное фабричное дело. Но одного этого было недостаточно: нужно было деловое знание, а его именно не оказывалось; все дело велось совершенно по-помещичьи... патриархально – и такое ведение дела не могло не отозваться на нем. Мальцев все более и более расширял свое производство, без всякого расчета... При таком громадном предприятии – бухгалтерия находилась у него в совершенно

эмбриональном состоянии. Когда я пожелал ознакомиться с его книгами, мне показали застенки в одном из фабричных помещений, в котором на конторке валялось несколько тетрадей с цифрами. Расчеты с рабочими производились чуть ли не на бирке».

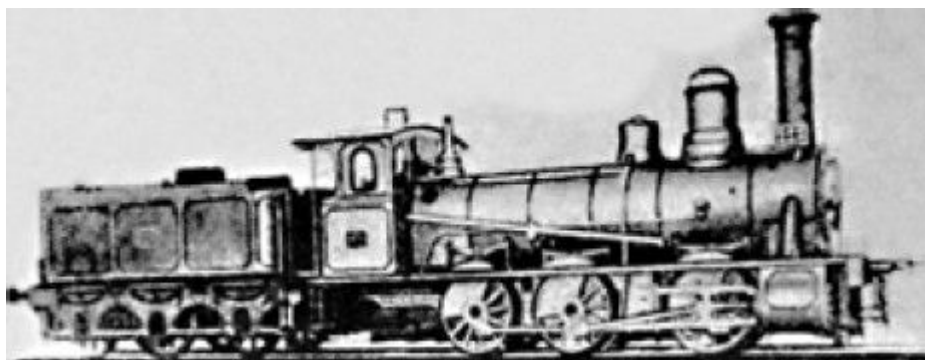
В конце 60-х годов, в самый разгар железнодорожного грядущего, когда стране потребовалось подвижной состав на многие миллионы, правительство в лице трех министров – внутренних дел (Валуева), путей сообщения (Мельникова) и финансов (Рейтерна) – обратилось к русским заводчикам, призвав их выпускать отечественные паровозы и вагоны. Но только Мальцев взялся за это новое и сложное дело, не останавливаясь перед затратами.

По контракту весь подвижной состав следовало изготовить из отечественных материалов. Были построены новые или модернизированы старые мастерские, выписаны машины, устроены печи Сименса для выработки рессорной стали, до того не выделявшейся в России, приглашены опытные конструкторы и мастера во главе со знаменитыми французскими инженерами Фюжером и Бассоном, спроектировавшими лучший тип узкоколейной железной дороги. В 1877 году такая дорога в 203 версты связала весь заводской округ, а затем была доведена до протяженности в 290 верст. Было проложено также отличное шоссе длиной в 100 верст, связавшее главные центры мальцевского округа: Песочню, Любохну, Людиново и Дятьково. На нем было организовано регулярное сообщение, почтовое и экипажами, построены станции.

В новое дело Мальцев вложил более 2 млн рублей, рассчитывая на обещанные ему правительством долгосрочные заказы, которые только и могли покрыть все основные затраты. Но эти расчеты не оправдались, хотя особая комиссия, осматривавшая заводы и испытывавшая качество стали и других материалов, дала самый благоприятный отзыв. Заменявший П. П. Мельникова на посту главноуправляющего путей сообщения граф В. А. Бобринский решил: нет никакой нужды заказывать паровозы в России. Контракт с Мальцевым не был возобновлен. Огромный оборотный капитал мальцевских заводов, вложенный в это дело, лопнул, а рабочие, учившиеся на постройке первых 50 локомотивов, оказались выброшенными на улицу. Сверх всех бед Моршанско-Сызранская дорога, приняв паровозов на 500 тыс. рублей, из-за банкротства не уплатила денег вовсе. К этому добавилось запрещение мальцевских денежных записок, ходивших во владениях Мальцева наряду с деньгами, что вызвало необходимость их срочного выкупа на 638 тыс. рублей. Все это послужило главной причиной первых затруднений мальцевских предприятий. В целом, на мальцевских заводах было сделано до 400 паровозов и до 12 тыс. вагонов, и дело это, писали русские экономисты, могло бы, совершенствуясь, окончательно вытеснить заграничные паровозы и вагоны, если бы не поспешность Бобринского в решении вопроса.

В 1875 году, чтобы спасти свои предприятия, Мальцев идет на последнюю меру, учреждая промышленно-торговое товарищество на паях со складочным капиталом в 6 млн рублей с числом пайщиков около 130 человек. Основными вкладчиками были сам Мальцев, как учредитель, его сыновья и ближайшие родственники. Из 24 тыс. паев им принадлежали 22 703 пая. Остальные члены товарищества из числа его управляющих и инженеров имели не более 40 паев каждый. Мальцев мечется в поисках выхода, но судьба как будто преследует его. Он продает свои имения в Таврической губернии. Чтобы поднять пошатнувшийся престиж своего дела, подогреть интерес к нему в русском обществе, Мальцев субсидирует публикацию серии очерков о его империи в «Русской мысли» известного публициста В. И. Немировича-Данченко под общим названием «Америка в России». Но беды Мальцева не кончаются, приобретая фатальный характер. В 1883 году, вследствие

экономического кризиса, резко сократился сбыт в южную часть России, бывшую главным потребителем мальцевских сельскохозяйственных машин.

Паровоз людиновского завода

Неудачи усугублялись и личными обстоятельствами. Его жена, бывшая фрейлина при дворе, и выросшие и уехавшие от него в Петербург дети, считая, что отец непозволительно много денег тратит на развитие производства и нужды мастеровых, стали распускать слухи, что он выжил из ума, и старались отстранить его от дел. По их ходатайствам была даже создана следственная комиссия. В показаниях комиссии в марте 1882 года Сергей Иванович в резком тоне выражал свои обиды: «В течение 10 лет с той поры, когда как жене моей удалось втереться к покойной государыне, она соединилась с III отделением и своим братом, восстановила сыновей моих против меня обещаниями почестей, приучила их к пустой жизни, дабы они смотрели на трудовую жизнь, к которой я их призывал, как на наказание, и сколько тяжких оскорблений мне пришлось выносить... Мне известно, что жене моей и сыновьям моим необходимо было меня оклеветать, чтобы оправдать их незаконное поведение. Я готов на все следствия и суд».

Беда не приходит одна. И в 1883 году произошел роковой случай. Возвращаясь из Людинова в Дятково, Мальцев, заметив женщину с вязанкой хвороста, велел кучеру остановиться и подозвал женщину к себе. Когда она направлялась к Мальцеву, тройка разгоряченных коней, едва сдерживаемая кучером, испугалась и с места взяла в бешеный карьер. Растерявшийся кучер не смог сдержать лошадей, и экипаж перевернулся. В имение Мальцева доставили в тяжелом состоянии. Пролежав несколько месяцев дома, он по совету врачей уехал для лечения за границу.

За полгода его отсутствия оставшиеся члены правления, в том числе его сын, флигель-адъютант И. С. Мальцев, неумелым хозяйствованием еще более усугубили дело. Положение еще можно было поправить, но вокруг мальцевских заводов начались интриги его родственников, имевших связи с двором.

Жена С. И. Мальцева ушла от него вместе с детьми. Неодобрительно относившиеся к затеям и начинаниям отца, дети вместе с тем боялись нового увлечения и женитьбы С. И. Мальцева, потери громадного наследства, хлопотали о передаче заводов под опеку. Сохранился далеко не лестный отзыв Мальцева о своих родных. О нем мы узнаем из воспоминаний его друга Игнатия Гедройца, служившего в то время мировым судьей в Любохне. Заводчик в генеральских эполетах обращался к своему другу: «Слышали? Под опеку меня... Знаете же Вы мою жизнь. Жил как все, при дворе бывал. А этот двор, в лице жены Александра II, забрал мою жену: она подружилась с большой императрицей и бросила меня. Бунтовал – коситься начали. Забрал ребят, прихочивал к работе. Ничего не вышло: волком глядели, выросли – бросили. Шаркают там по паркетам, но это не беда, и я когда-то шаркал, а ненависть ко мне затаили. Жил я по-своему, а деньги посылал им, много они заводских денег сожрали и

все мало. Выросли, поженились, и все им кажется, что с заводов золотые горы получать можно, не понимают, что если ты из дела берешь, то туда же и кладь, всякое дело кормить надо. Тут еще Катя им глаза кольнула. Боятся, женюсь, и поторопились объявить подопечным – я де самодур, выжил из ума, растрачиваю детское добро. Законным порядком этого бы им не провести, так через маменьку высочайшим повелением... Чую я, что подведут они мину, потому и «Америка в России» написана. 10 000 она заводам стоила». «Хлопочите, боритесь», – сказал ему Гедройц. «Это против высочайшего-то? В сумасшедший дом упрячут». Мальцев отказался от борьбы с родными, которых поддерживал царский двор. Он был отстранен от дел. И хотя друзья не сомневались в ясности его ума, сочувствовали ему и пытались хлопотать, они ничего не смогли сделать.

В 1885 году в Дятькове было учреждено казенное управление мальцевских заводов. Заводское дело при С. И. Мальцеве настолько расширилось, что оно при передаче в казну оценивалось в 15 млн 760 тыс. рублей, т. е. выросло в 4–5 раз. Однако все долги предприятий в это время составили до 10 млн рублей, в том числе казне – 3,3 млн рублей. Но казенное управление не только не выправило, но еще более усугубило положение. Только за четыре года долг казне возрос до 7,7 млн рублей. Многие заводы пришли в полный упадок. Комиссия по управлению высказалась за полное закрытие убыточных механических заводов. Лишь стекольные заводы по-прежнему оставались доходными, и из их прибыли в значительной мере покрывались убытки и погашались долги. 6 апреля 1888 года Мальцевское промышленно-торговое товарищество было признано несостоятельным должником. Несмотря на это, на содержание семьи Мальцевых была отпущена за счет казначейства громадная сумма в 1,5 млн рублей.

Разорение самым бедственным образом сказалось на рабочем населении заводского округа, некогда процветавшего. Прекратилась выдача пособий и пенсий, закрылись многие школы, больницы и богадельни. В заводских поселках разразился голод, что при Мальцеве никогда не бывало. В 1885 году Дятьково посетил Лев Николаевич Толстой по инициативе тульского вице-губернатора князя Леонида Дмитриевича Урусова, дружившего с ним. Он останавливался в доме владельца Дятьковского хрустального завода, который приходился тестем Л. Д. Урусову. Это был, по воспоминаниям очевидцев, не дом, а дворец с анфиладой комнат, зеркалами и хрусталем. Прием гостя был самым теплым. Однако уехал Лев Николаевич в большом душевном смятении от всего увиденного. После посещения Дятьково он опубликовал гневные статьи с картинками вопиющей нищеты и запустения. «Здорового лица, женского и мужского, увидеть трудно, – писал он, – а изможденных и жалких бездна. Все, не только женщины и дети, но и взрослые мужчины дошли до того, что стали нищенствовать».

Так драматически закончилась, не встретив серьезной поддержки царского правительства, одна из самых впечатляющих по своему размаху попыток создания центра отечественного машиностроения на базе крупной вотчинной собственности и частной инициативы. Еще ранее, в 1884 году, не в силах видеть развал дорогого ему дела, больной и морально надломленный генерал С. И. Мальцев, тяжело переживавший отстранение от дел, навсегда уходит от предпринимательской деятельности, которой было отдано более 40 лет жизни. Он буквально бежит в Крым, в свое имение Симеиз, где проводит последние годы жизни, ободряя своих бывших сотрудников письмами и помогая многим материально.

В январе 1893 года С. И. Мальцев, предчувствуя скорый уход из жизни, составляет в присутствии графа Д. А. Милютина и других свидетелей последнее завещание, взамен предыдущих. Он оставляет большую часть имеющихся у него средств делу всей своей жизни. Личный капитал бывшего миллионщика и крупнейшего заводчика и

землевладельца составлял теперь наличными деньгами и процентными бумагами 245 571 рубль. Завещание Мальцева отражало сложность его взаимоотношений с семьей. Из его близких в нем упоминаются только дочери: Капитолина, Мария и Анастасия, которым оставлено по 30 тыс. рублей. Младшей, Ирины, к тому времени уже не было в живых. Ни жена, которую он считал главной виновницей своего разорения, ни сыновья в завещании не упомянуты. После дочерей названо имя еще одной женщины простого звания, разделившей с престарелым Мальцевым последнее десятилетие его жизни: «Завещаю девице Екатерине Федоровне Антоновой, находившейся в моем служении с 1883 года, собственность деньгами 10 тыс. рублей, все вещи и одежду мою, при мне находящуюся, и всю движимость, мне принадлежащую в доме Симеизском, в котором я жил».

По 1000 рублей он завещал управляющим, директорам заводов, инженерам. Суммы по 1000 и 500 рублей были выделены на поддержание заводских и сельских храмов в его владениях. Наиболее значительные суммы были Мальцевым завещаны на распространение грамотности среди жителей тех волостей Орловской, Калужской и Смоленской губерний, где находились его предприятия и деревни.

С. И. Мальцев умер в Симеизе, в «Хрустальном дворце» 21 декабря 1893 года. В морозную ночь на 26 декабря особым поездом мальцевской железной дороги тело бывшего заводовладельца, согласно его последнему желанию, было доставлено в Дятьково. Десятки тысяч людей, собравшихся со всех концов мальцевского промышленного округа и из окрестных деревень, всю ночь ожидали останки своего усопшего благодетеля. Тело Мальцева встречало на станции многочисленное духовенство от всех построенных им заводских церквей, хор певчих из 200 человек, депутации от заводов некоторых городов. К простому дубовому гробу, в котором лежал покойный, было возложено множество венков. Сцена прощания, описанная в журнале «Хозяин», впечатляет: «Тысячные толпы с обнаженными головами, объятые глубокой скорбью, сотни факелов, освещавших последний путь незабвенного генерала – картина торжественная, подавляющая, какие никогда не изгладятся в памяти... Когда началось похоронное пение, в народе раздались рыдания, которые стали разливаться широкой волною по всему обширному пространству... Рыдания заглушали и пение певчих, и нарушили порядок отпевания». Тело Мальцева было погребено в Дятьково, в фамильной усыпальнице у храма в самом центре села, при стечении громадной толпы опечаленного люда.

Современники очень высоко отзывались о деятельности этого пионера отечественной индустрии. «С. И. Мальцев, – писал один из них, – не прибегая ни к какой посторонней поддержке, создал славу мальцевских заводов – славу, которую не могли помрачить все злоключения последних лет. Производство не только увеличилось при нем в 4 раза, но стало действительно самобытным русским делом, на которое были обращены взоры всего русского общества».

Со смертью С. И. Мальцева фактически завершается дятьковская линия династии предпринимателей Мальцевых. Она более не дала громких имен. Его наследниками на базе стекольно-хрустальных предприятий было образовано Акционерное общество мальцевских заводов с общим капиталом 4 млн рублей. В него вошли и некоторые металлургические заводы. Сыновья, однако, были далеки от масштабных предпринимательских замыслов и стремлений своего отца. Одним из директоров Акционерного общества стал Иван Сергеевич Мальцев, флигель-адъютант Александра III. Однако более успешной была его военная карьера, благодаря близости к императорскому двору. Он погиб вместе с сыном в 1921 году в своем поместье в Симеизе, став жертвой «красного террора». Гораздо раньше, в 1881 году, умер старший сын С. И. Мальцева, Сергей Сергеевич, имевший чин генерал-майора. Младший сын, Николай, больше интересовался астрономией, был избран почетным

членом Российской Академии наук. Он основал Симеизскую обсерваторию. Н. С. Мальцев прожил долгую жизнь и умер во Франции, в доме престарелых в Лионе.

Старшая дочь С. И. Мальцева, Капитолина Сергеевна, в первом браке была замужем за князем Мещерским, во втором – за французским дворянином. Именно она была основательницей русского дома для престарелых в местечке Сент-Женевьев-де-Буа (под Парижем), послужившего последним прибежищем для многих эмигрантов, прах которых покоится на знаменитом ныне русском кладбище. Вторая дочь С. И. Мальцева, Мария Сергеевна, была замужем за князем Л. Д. Урусовым и почти всю жизнь провела в Париже. Третья дочь, Анастасия Сергеевна, в первом браке была замужем за камер-юнкером графом В. В. Паниным, сыном министра юстиции В. Н. Панина, а во втором – за известным политическим и земским деятелем И. И. Петрункевичем, одним из учредителей кадетской партии. От первого брака у нее была дочь, графиня Софья Владимировна Панина – член ЦК кадетской партии и Временного правительства в 1917 году.

Фабрикант, меценат и обер-гофмейстер двора

Вернемся, однако, к другой, гусевской ветви династии старинных русских промышленников-хрусталезаводчиков, последним представителем которой является Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (1835–1913), ставший в 46 лет наследником громадного состояния и многочисленных заводов.

В последние годы жизни владелец Гусевского хрустального завода Иван Сергеевич Мальцев, будучи человеком неженатым, бездетным, стал задумываться о наследнике. Судя по свидетельствам современников, он не хотел дробить свое состояние и желал передать его в руки человека знающего, деятельного и способного управлять его предприятиями. Искал он такого человека среди молодого поколения своих родственников. Первоначально выбор его остановился на сыне полковника-декабриста Петра Ивановича Колошина, женатого на сестре И. С. Мальцева, Марии Сергеевне.

Иван Петрович Колошин пошел по дипломатической линии и проявил на этом поприще незаурядные способности. В 1875 году он был посланником России в Бадене, имел придворное звание камергера. Находясь в Испании, в Мадриде, младший Колошин, по воспоминаниям, был всеми уважаем и особенно любим тогдашней королевой Изабеллой, обратившей на него милостивое внимание. Все это привлекало И. С. Мальцева, который очень любил своего племянника и готовился сделать его своим наследником.

Однако племянник обманул ожидания дядюшки, женившись по любви на испанке среднего круга, не принадлежавшей к состоятельным семействам. Соображения рассудка в очередной раз возобладали у И. С. Мальцева над движениями сердца. Он постепенно охладел к И. П. Колошину, оставив ему впоследствии по духовному завещанию «скромную» сумму в 250 тыс. рублей. С этих пор богатый дядюшка переключил свое внимание на Юрия Степановича Нечаева, также приходившегося ему родным племянником. Его отец, обер-прокурор Святейшего Синода Степан Дмитриевич Нечаев, состоял в браке с другой сестрой Мальцева – Софьей Сергеевной, умершей очень рано, когда Юрию не было еще и двух лет. Кроме Юрия Степановича у них был еще старший сын Дмитрий и две дочери.

Начало карьеры Юрия Степановича было традиционным для его круга. Закончив курс юридического факультета Московского университета, он определился в 1857 году помощником библиотекаря в Московский главный архив Министерства иностранных

дел, затем служил переводчиком. Вскоре Ю. С. Нечаев перешел в Центральное управление министерства и получил ряд весьма важных зарубежных командировок – в Берлин, Париж и др. Успешные поездки подняли его авторитет в глазах дяди. Было и еще одно обстоятельство, определившее выбор Мальцева. Племянник был не женат и, судя по всему, не собирался жениться, что вполне совпадало со вкусами и образом мыслей дяди – закоренелого холостяка. И. С. Мальцев решил испытать его в управлении своими предприятиями. Он приблизил Нечаева к себе и стал доверять ему все дела.

В 1876 году И. С. Мальцев по состоянию здоровья жил в Ницце, на юге Франции. Здесь были русская церковь, русское консульство. В Ницце, по свидетельствам современников, образовалось что-то вроде русской колонии. 15 марта 1876 года И. С. Мальцев составляет доверенность на имя Ю. С. Нечаева и заверяет ее у русского консула в Ницце Патона. В ней говорилось, в частности: «Любезный племянник, Юрий Степанович! Поручая Вам главное заведование всеми моими делами, уполномочиваю Вас: 1. Управлять принадлежащими мне недвижимыми имениями, находящимися во Владимирской, Новгородской, Рязанской, Симбирской и Смоленской губерниях, домами в Москве, Санкт-Петербурге, фабриками и конторами, требовать отчета от управляющих моими делами... увольнять их и преследовать законным порядком». С этого момента Ю. С. Нечаев стал действовать как прямой наследник И. С. Мальцева. Он более быстрыми темпами строит каменные дома в Гусе, для чего по его инициативе в селе Никулине начинается кирпично-черепичное производство. Он даже организует отправку рабочих-добровольцев в Сербию. Гусевские мастерские принимали участие в освобождении Болгарии от турецкого владычества.

15 ноября 1880 года газеты сообщили, что после тяжелой болезни в Ницце скончался «непременный член Совета Министерства иностранных дел, действительный тайный советник, просвещенный заводчик, некоронованный король русского хрусталя» Иван Сергеевич Мальцев. Известный публицист М. Н. Похвиснев писал о Мальцеве, что он «один из старейших наших дипломатов и, можно сказать, один из замечательных, умных и даровитых русских людей». Он писал также, что, так как «Мальцев не был женат, огромное состояние его, как слышно, переходит к ближайшим его родственникам, детям сестер его». Но Похвиснев ошибался. Мальцевское состояние почти целиком перешло к одному Нечаеву.

Завещание дяди его главному наследнику – племяннику Ю. С. Нечаеву было составлено четко и подробно, словно инструкция по управлению состоянием.

Завещание И. С. Мальцева было утверждено в суде 8 января 1881 года, и Юрий Степанович становится законным наследником всего мальцевского состояния, превращается игрой судьбы в одного из крупнейших землевладельцев России. Владения его составляют 190 тыс. десятин земли. К нему переходит и фамилия Мальцева.

Вступив в права наследования, Ю. С. Нечаев-Мальцев показал себя неплохим организатором и предпринимателем. К нему перешли 12 предприятий. Крупнейшие из них находились в селе Гусь. На бумагопрядильной фабрике производство неуклонно расширялось. В 1886 году Нечаевым-Мальцевым был поставлен рядом со старым, построенным сорок лет назад цехом еще один прядильный корпус, проведена механизация прядильного и ткацкого производства.

Ю. С. Нечаев-Мальцев

Стабильно работал и крупнейший Гусевский хрустальный завод, оснащенный паровыми машинами. В 1882 году на Гусевском заводе работало 530 человек, а годовой оборот достигал 360 тыс. рублей. В 1884 году численность рабочих выросла до 744, а перед Первой мировой войной – до 1000. Однако производство на протяжении десятилетий расширялось здесь сравнительно мало. Причина была в том, что Гусевский завод (в отличие от Дятковского, производившего в большей мере дешевую прессованную посуду) делал больше заказных вещей, имел сбыт в столицах. В техническом отношении стекловарение и нанесение алмазной грани на посуду здесь были трудоемкими, требовали высокой квалификации и художественного вкуса и в основе своей осуществлялись мастерами, вышедшими из известных местных рабочих династий. Сам Гусь-Хрустальный в начале XX века был довольно крупным фабричным поселком, насчитывавшим накануне Первой мировой войны 12 тыс. жителей. Близкие производственные характеристики имел и другой крупный завод – Уршельский, расположенный недалеко от Гуся, в Судогодском уезде. Но изделия этого завода были проще и рассчитаны на массовый спрос. Остальные предприятия Нечаева-Мальцева по выработке посуды и оконного стекла были небольшими – до 100 рабочих и на 40–60 тыс. рублей ежегодной выработки продукции.

В 1893 году Гусевская и Дятковская фабрики участвуют в Международной всемирной выставке в Чикаго, устроенной в честь 400-летия открытия Колумбом Америки, и завод Ю. С. Нечаева-Мальцева получает бронзовую медаль. Мальцевские изделия завоевывают международное признание. С просьбами прислать образцы для показа обращаются многие европейские музеи – Мюнхенский художественно-промышленный, Австрийский в Габлонце и др. В 1900 году на Всемирной парижской выставке изделия Гусевского хрустального завода добиваются еще более высокого признания, завоевав высшую награду – «Гран-при». В честь этого события по инициативе Нечаева-Мальцева село Гусь (Гусь Мальцевский) стало официально именоваться «местечко Гусь-Хрустальный», приобретая мировую известность.

Фирма Нечаева-Мальцева разворачивает широкую сеть магазинов во многих городах России по продаже своих изделий. В Москве фирма имела магазины на Никольской, в Богоявленском переулке, на Ильинке – по продаже оконного стекла, на Мясницкой – по торговле посудой и хрусталем.

Интересно сравнить направленность и характер производства Гусевского и Дятковского заводов, во многом отражавших вкусы и характер деятельности их владельцев. В производстве Гусевского завода преобладали дорогие сервизы, люстры, имевшие очень хорошую отделку, была заметна тяга к различным

«диковинкам». Например, на нем были сделаны часы, все детали которых выдuty и выточены из хрусталя, миниатюрный бокал размером с грецкий орех, на котором выгравирован Георгий Победоносец на коне, персидский кальян для курения из стекла. В ходу были также дорогие изделия из простого и цветного стекла с росписью (цветочный орнамент и золочение), алмазной гранью и гравировкой. Большую известность во всем мире получили художественные изделия из хрусталя и двух-трехслойного стекла. В целом производство в большей степени было ориентировано на богатых покупателей.

Изделия Дятьковского завода были рассчитаны больше на массового покупателя. Это преимущественно прессованная посуда, дешевая и имеющая широкий сбыт в провинции. Столовая посуда выпускалась с народными мотивами в оформлении, яркой расцветкой и пышным цветочным орнаментом. Здесь сохранялась старинная традиция русских стеклоделов при изготовлении архитектурно-художественного стекла, прессованных фасонных плиток и штучных граненых изделий. Большой популярностью среди покупателей пользовался, например, «шутейный» кубок с головой козла. Когда в кубок наливали вино, вид у козла резко менялся: из сердитого он превращался в добродушного и веселого. В Дятькове также делали много уникальных вещей, но предметы роскоши, производимые здесь, не определяли характера производства. В одном из журналов о мальцевском производстве говорилось: «Замечательны фабрики сии потому особенно, что даже вещи, ежедневно употребляемые в домашнем быту, как-то: гладкие и с небогатой шлифовкой графины, стаканы и т. п., так чисто и искусно выделяются, что не уступают аглицким». Мальцевский хрусталь и поныне воспринимается как одно из художественных и технических достижений XIX века, как результат высокого мастерства отечественных стеклоделов.

Кубок «Козел». Дятьковская хрустальная фабрика

Став богатым человеком, миллионером, Ю. С. Нечаев-Мальцев переезжает в Петербург, в мальцевский особняк на Сергеевской, 30, который реконструирует. Внутренней отделкой дома занимался Л. Н. Бенуа, стены и потолок расписывали блистательные живописцы И. К. Айвазовский и Г. И. Семирадский. В галерее появляется удивительный зимний сад с фонтанами, каскадами и гротами. По этому поводу столичный остроуслов сочинил на нового владельца эпиграмму: «Фонтанами известен и садами, а более – хрустальными делами». Профессор И. В. Цветаев запишет позднее в своем дневнике после посещения дома: «Тут не просто пышная,

бьющая в глаза роскошь, но роскошь изящная, гармоничная». У Нечаева-Мальцева лучшая, по отзывам, кухня в Петербурге, приемы и обеды, «на которые постепенно и не без труда и унижений ему удалось привлечь несколько блестящих представителей придворно-великосветской среды».

Не меньшей роскошью отличалась и гусевская резиденция. В господском доме были крытые зеркальные галереи, хрустальные стекла и двери. Паркет пола был точно такой, как в Эрмитаже. Не забывал Нечаев-Мальцев и о других своих владениях. В родовом имении Полибино, на Куликовом поле, поставил водонапорную башню конструкции известного инженера Ивана Шухова, купленную им на Нижегородской ярмарке.

«Тщеславию его не было пределов, – пишет с заметным раздражением его родственник А. А. Игнатъев. – Он взял себе, на роль приемного сына, юношу, князя Демидова Сан-Донато, оставшегося сиротой, и, женив его на дочери министра двора графа Воронцова-Дашкова, достиг своей заветной цели – породнился с высшей аристократией. Не проходило года, чтобы Юша (Ю. С. Нечаев-Мальцев. – М. Г.), – иронизирует Игнатъев, – не получил новых придворных званий». Действительно с 1887 года Ю. С. Нечаев-Мальцев начинает придворную службу, получив звание камергера, в 1891 году он уже гофмейстер двора, но лишь в 1907 году стал обер-гофмейстером.

Такова внешняя канва его жизни, складывавшейся весьма успешно и благополучно. Однако все это никак не объясняет, почему же этот, казалось бы, по описанию А.А. Игнатъева, весьма безликий человек стал одним из виднейших российских меценатов и благотворителей. Чтобы понять истоки меценатской и филантропической деятельности Ю. С. Нечаева-Мальцева, необходимо обратиться к описанию той интеллектуальной атмосферы, в которой он воспитывался, и к личности его отца, под сильным влиянием которого находился, рано оставшись без матери.

Отец его, Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860), был сыном предводителя дворянства Даниловского уезда Рязанской губернии. По окончании Московского университета он некоторое время работал директором училищ Тульской губернии, затем чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе. В молодости С. Д. Нечаев принадлежал к одному из декабристских обществ («Союзу благоденствия»), но счастливо избежал ссылки и наказания. К университетскому периоду относится начало его увлечения литературой. Он состоял членом Общества любителей российской словесности, был знаком со многими поэтами и литераторами пушкинской поры: П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым, В. К. Кюхельбекером, А. С. Грибоедовым, литераторами-декабристами К. Ф. Рылевым, Н. Ф. Глинкой, А. А. Бестужевым. Среди его знакомых были А. С. Пушкин и А. Мицкевич. С. Д. Нечаев и сам сочинял стихи. Из литературных опытов той поры известность получили его «Застольная песня греков» и «Путевые записки о юго-восточной России». В 1828 году он поступил на службу в Синод, где сделал быструю карьеру. С 1833 по 1836 год он являлся обер-прокурором Святейшего Синода. Однако тяга к науке и литературе взяла верх, и в 1836 году С. Д. Нечаев уходит из Синода, получив звание сенатора и дослужившись до чина действительного тайного советника.

Он переехал в Москву и поселился в доме своих родных по линии жены, Мальцевых, на Девичьем Поле. С юности С. Д. Нечаев увлекался археологией, русской стариной. Куликовская битва – событие, которое особенно волновало Нечаева. Его изучению он отдал много времени и сил. Имения Нечаевых (в 1827 году в них насчитывалось 735 душ крепостных) располагались между реками Непрядвою, Доном и Мечею, там, где произошла битва. Крестьяне принадлежавшего Нечаевым села Сторожева, находившегося недалеко от Куликова поля, распахивая поля,

нередко находили старинные предметы. С. Д. Нечаев сам начинает производить археологические раскопки, положив начало систематизации и научному описанию обнаруженных древних реликвий: бердышей, наконечников, стрел, крестиков и т. п. Его научные изыскания с энтузиазмом поддержал известный историк М. П. Погодин. В 1838–1839 годах С. Д. Нечаев становится вице-президентом Общества истории и древностей российских.

Куликовской битве старший Нечаев посвятил многие статьи: «Историческое обозрение Куликова поля», «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища», «Описание вещей, найденных на Куликовом поле» и др. По его инициативе 8 сентября 1850 года был торжественно открыт памятник на Куликовом поле, на Красном холме, сооруженный по проекту архитектора А. П. Брюллова. Перед смертью, уже больной, Нечаев занимался сбором средств на построение каменного храма «над прахом воинов, убиенных на Куликовом поле».

Вся эта литературная и научная деятельность отца, проникнутая духом высокого служения отечеству и заботой о сохранении в памяти народной деяний исторического прошлого, не могла пройти бесследно для юного Нечаева-Мальцева, длительное время жившего рядом с отцом, участвовавшего в его изысканиях, впитывавшего высокую атмосферу его культурных интересов. Этот культ русской старины, увлечение культурой русского православия, восходившей к византийской и эллинской культуре, во многом воспитали художественные, эстетические вкусы Нечаева-Мальцева, повлияли на направление его меценатской деятельности. Университетское образование дополнило его воспитание, сделав, без сомнения, просвещенным, широко мыслящим человеком.

Став владельцем громадного состояния, Ю. С. Нечаев-Мальцев проявляет себя как знаток и любитель русской старины, ценитель искусства. Он строит в Гусь-Хрустальном по проекту профессора Академии художеств Л. Н. Бенуа величественный храм св. Георгия, освященный в 1901 году. Сам Бенуа писал об этом образце художественного совершенства: «В храм я вложил все, что мог, и, может быть, он останется лучшим из моих творений». Георгиевский собор был расписан знаменитым В. М. Васнецовым. Особенно потрясала верующих огромная живописная фреска на стене храма «Страшный суд». Известный искусствовед П. Гнедич писал о ней: «Впечатление ошеломляющее... Я думаю... картина эта будет предметом бесконечного удивления не только местных прихожан, но и создаст целую армию паломников... Это одно из тех немногих истинно художественных творений, которое стоит увидеть раз, чтобы запомнить навсегда». Мозаиками Васнецова была украшена и церковь в селе Березове. В своем родовом имении Полибино, на Куликовом поле, Нечаев-Мальцев выстроил храм святого великомученика Дмитрия. Нечаева-Мальцева потом часто спрашивали, почему он не пожалел колоссальных средств для украшения фабричных и сельских церквей во Владимирской глуши. «А отчего стоит город Орвието в Италии? Для его собора ездят иностранцы издалека. Будет время, когда художники и ценители русского искусства станут ездить и на наш Гусь», – отвечал он.

Торговый ярлык гусевских фабрик и заводов

На деньги Нечаева-Мальцева длительное время издавался журнал «Художественные сокровища России», редакторами которого были художник А. Н. Бенуа, а затем А. В. Прахов – известный историк искусства и археолог. Нечаев-Мальцев оказывал материальную помощь многим представителям культуры, он был избран вице-президентом императорского Общества поощрения художников. На Шаболовке до настоящего времени стоит красивый дом, напоминающий старинный терем, с примыкающей к нему домовою церковью. Это здание, построенное архитектором Р. И. Клейном, было дворянским приютом, устроенным Ю. С. Нечаевым-Мальцевым в память об отце и открытым в 1906 году. В приют, задуманный как чисто сословное учреждение, принимались потерявшие трудоспособность, обедневшие, престарелые дворяне. На деньги Нечаева-Мальцева были построены также дворянская больница в Москве, ремесленное училище во Владимире и многое другое. Однако вершиной его меценатской деятельности, крупнейшим делом, которому он отдавал немало сил и времени в последние двадцать лет своей жизни, все значение которого он прекрасно сознавал и в осуществлении которого проявил завидное упорство, несомненно, было строительство Музея изящных искусств в Москве.

Инициатором строительства музея являлся профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев, возглавлявший с 1888 года кафедру изящных искусств. В 1894 году он обратился с призывом к общественности о пожертвованиях на постройку музея. На объявленном в конце 1896 года конкурсе на лучший проект здания музея победу одержал московский архитектор Р. И. Клейн, которому и поручили строительство. В основу проекта была положена идея античного храма с ионической колоннадой по фасаду здания. В сооружении музея участвовали также инженеры И. И. Рерберг и В. Г. Шухов.

Что же побудило Нечаева-Мальцева к участию в строительстве музея? Было, конечно, много причин. О некоторых из них попыталась поразмышлять в своих воспоминаниях дочь основателя музея поэтесса Марина Цветаева: «Слово «Музей» мы, дети, – пишет она, – неизменно слышали в окружении имен: великий князь Сергей Александрович, Нечаев-Мальцев, Роман Иванович Клейн и еще Гусев-Хрустальный. Первое понятно, ибо великий князь был покровителем искусств, архитектор Клейн понятно тоже... Но Нечаева-Мальцева и Гусева-Хрустального нужно объяснить. Нечаев-Мальцев был крупнейший хрусталезаводчик в городе Гусеве, потому и ставшим Хрустальным. Не знаю почему, от непосредственной любви к искусству или

просто «для души» и даже для ее спасения (сознание неправды денег в русской душе невытравимо) – во всяком случае под неустанным и страстным воздействием моего отца (можно сказать, что отец Мальцева обрабатывал, как те итальянцы – мрамор) Нечаев-Мальцев стал главным жертвователем музея... Даже такая шутка по Москве ходила: Цветаев-Мальцев». К сказанному Цветаевой можно добавить, что, по-видимому, немалую роль играли и соображения престижа, честолюбие Нечаева-Мальцева, близость его ко двору. О помощи музею имел с ним особый разговор государь. Председателем Комитета по устройству музея был один из членов царской семьи, великий князь Сергей Александрович, а сам музей посвящен памяти императора Александра III. Все это имело для недавно вошедшего в придворные сферы новоиспеченного гофмейстера немаловажное значение. Он становится заместителем августейшего председателя Комитета по устройству музея.

Можно сказать, что к своему самому грандиозному деянию Нечаев-Мальцев был подготовлен всей предшествующей благотворительной и меценатской деятельностью. Но большую роль в этом сыграл и обладавший удивительным даром обхождения и уговаривания инициатор и вдохновитель создания музея Иван Владимирович Цветаев. Об этом говорят многие источники. Он обратился к Ю. С. Нечаеву-Мальцеву по совету вице-президента Академии художеств, известного нумизмата и археолога И. И. Толстого. Весной 1897 года, вначале через посредство попечителя Московского учебного округа П. А. Некрасова, а затем лично И. В. Цветаев просил у Нечаева-Мальцева помощи музею. Он записал в своем дневнике 7 июня 1898 года, когда участие Нечаева-Мальцева в реализации проекта еще только предполагалось: «Люди колоссальных «громовых», или «темных», как говорится в здешнем купечестве, богатств и лица, известные своей щедростью на приобретения произведений искусства и живописи, в частности, уклонились под тем или другим предлогом от материальной помощи новому музею».

К этому времени в распоряжении Комитета по устройству Музея изящных искусств в Москве имелось около 400 тыс. рублей. Их составили частные пожертвования (кроме 200 тыс. рублей государственных субсидий), список которых открывался суммой в 150 тыс. рублей, завещанной вдовой городского головы В. А. Алексеевой. Затем шли взносы по 20–30 тыс. рублей. Среди тех, кто их внес, были крупные предприниматели: С. А. Протопопов, С. И. Мамонтов, братья А. и Е. Арманд, И. К. Граве, М. А. Морозов, К. Т. Солдатенков, княгиня З. Н. Юсупова и Ф. Ф. Юсупов, князья А. А. и Н. С. Щербатовы, архитектор Ф. О. Шехтель, Д. А. Хомяков и др. Число жертвователей уже вначале насчитывало более 40 человек.

Но далеко не все известные в то время меценаты изъявляли желание дать деньги на создание музея. Так, И. В. Цветаев с обидой писал в 1899 году архитектору Р. И. Клейну: «Пусть будет Саввам Морозовым стыдно: пропивают и проедают чудовищные деньги, а на цель просветительскую жаль и пятиалтынного. Оделись в бархат, настроили палат, засели в них – а внутри грубы, как носороги». Современный историк замечает по этому поводу: «Вряд ли с Цветаевым можно согласиться, хотя обида его и понятна: С. Т. Морозов не дал ни копейки на музей имени императора Александра III. Однако дело было не в жадности и не в непонимании значения искусства, а скорее в том, что сооружение этого огромного здания в центре Москвы и в силу его названия и по причине «высочайшего покровительства» воспринималось многими как памятник романовской династии, а такие начинания С. Т. Морозов не поддерживал. Истинные цели и назначение музея стали для всех очевидными позднее».

Уже первым своим 300-тысячным взносом на облицовку фасада здания камнем Нечаев-Мальцев поставил себя в исключительное положение среди других жертвователей. «Один такой покровитель музея стоит подчас целого десятка московских купцов и бар, сношения с которыми подчас так тяжелы, утомительны и

бесплодны», – замечал Цветаев в дневнике 28 марта 1898 года. Он всячески подчеркивал ведущую роль Нечаева-Мальцева в деле создания музея, помня житейскую мудрость: необходимо внушить меценату, что все исходит от него, происходит по его собственной воле, и тогда он охотно дает деньги на выполнение как бы своих замыслов. Делать это было нелегко, так как Нечаев-Мальцев, при несомненной эрудиции и образованности, был человеком сложным и самолюбивым. Цветаев практически ежедневно держал его в курсе всех дел, посылая подробные письма в Петербург. Из них впоследствии составила обширнейшая переписка. Самый факт ее появления примечателен, так как показывает, насколько судьба будущего музея зависела от расположения и щедрости частных жертвователей. Государство мало обращало внимания на нужды культуры. Когда в 1895 году Цветаев обратился за денежной поддержкой к министру финансов С. Ю. Витте, то услышал в ответ: «...народу нужны хлеб да лапти, а не Ваши музеи».

Письма Цветаева к Нечаеву-Мальцеву направлялись с середины 1899 года на протяжении 12 лет. Последний отвечал на них в основном редкими телеграммами сугубо делового содержания. Однако письма Цветаева производят на него, по свидетельству архитектора Романа Клейна, громадное впечатление. Он читает их с большим увлечением. Становление связей между «духовным отцом» и «физическим отцом» музея, по выражению Марины Цветаевой, было необходимым и органичным. Цветаев видел в Нечаеве-Мальцеве единомышленника, которому он доверил дело своей жизни.

И. В. Цветаев

Об исключительно тесных и своеобразных отношениях между ними интересно рассказывает в своих воспоминаниях об отце Марина Цветаева. «Для нас, – вспоминает поэтесса, – Нечаев-Мальцев был почти что обиходом. «Телеграмма от Нечаева-Мальцева», «завтракать с Нечаевым-Мальцевым», «ехать к Нечаеву-Мальцеву в Петербург». «Что мне делать с Нечаевым-Мальцевым? – жаловался отец матери после каждого из таких завтраков. – Опять всякие пулярды и устрицы. Да я устриц в рот не беру, не говоря уже о всяких шабли. А заставляет, злодей, заставляет! – Нет уж, голубчик вы мой, соблаговолите! Из-за каждой дверной задвижки торгуется – что, да зачем – а на чрево свое, на этих негодных устриц ста рублей не жалеет». «С течением времени, – продолжает свои проникнутые теплотой и юмором воспоминания Марина, – принципом моего отца с Нечаевым-Мальцевым стало – ставить его перед готовым фактом, т. е. счетом. Расчет был верный: счет надо платить, предложение – нужно отказывать. Счет для делового человека – судьба, счет – рок. Просьба – полная свобода воли и даже простор своеволию. Так, Нечаев-Мальцев кормил моего отца трюфелями, а отец Нечаева-Мальцева – счетами. И всегда к концу завтрака, под то самое насильное шабли. «Человек ему – свой счет, а я

свой, свои». — «И что же?» — «Ничего. Только помычал...» Но когда мой отец, увлекшись и забывшись, события опережал: «А хорошо бы нам, Юрий Степанович, выписать из-за границы». Настороженный жертвователь не давал договорить: «Не могу, разорен. Рабочие... Что вы меня вконец разорить хотите? Да это же какая-то прорва, наконец! Пусть государь дает!..» И чем меньше предполагалась затрата — тем окончательнее отказывался жертвователь. Так, некоторых пустяков он, по старческому и миллионщикову упорству, не утвердил никогда...» В целом, однако, если опустить все эти обыденные, вполне естественные в таком крупном деле «пикировки», И. В. Цветаев не ошибся в своем выборе. Можно с уверенностью сказать, что именно благодаря Нечаеву-Мальцеву, его настойчивым усилиям и средствам, долголетнее, продолжавшееся около 15 лет, строительство музея, несмотря на все трудности, было доведено до конца.

Из 3 млн 559 тыс. рублей, затраченных на постройку музея и приобретение коллекций, Ю. С. Нечаев-Мальцев внес 2,5 млн рублей. Кроме непосредственных денежных взносов на создание музея «главный жертвователь» сам участвовал в приобретении для него ценных экспонатов: 58 слепков с памятников античной культуры, древнеегипетских слепков, копий, мозаик, фаюмского портрета II в. н. э. («Юноша в золотом венке») и др. Наряду с дарами А. Д. Мейна, К. С. Попова, К. Т. Солдатенкова они были среди ценнейших экспонатов музея. Стареющий меценат не только отдавал делу создания музея много времени, средств, энергии, но и вкладывал в него буквально всю свою душу. Он никогда не выступал в роли лишь пассивного благотворителя. Перед началом работ он оплачивает праздник закладки музея 17 августа 1898 года, на котором присутствовал император, а сам при этом с 6 часов утра помогает расставлять цветы и расстилать ковры в павильоне для гостей, построенном по этому случаю архитектором Р. И. Клейном на Колымажном дворе на Волхонке.

Он не только жертвует деньги на облицовку фасада здания музея, но и узнав о невозможности использовать для этого коломенский мрамор (белый доломит, которым облицовывали стены храма Христа Спасителя), вследствие затопления шахт, сам едет в свои 70 лет, зимой, во главе экспедиции на Урал, чтобы установить там наличие месторождений мрамора и яшм и их промышленную годность для отделки музея. Потребовалось 6 лет непрерывной работы по выломке и поставке камня, однако трудности из-за дальности расстояния и новизны дела были преодолены энергией Мальцева. Мраморные работы при постройке музея были одними из самых трудоемких. Кроме уральского белого мрамора, шедшего на облицовку фасада, цоколь здания облицовывался сердобольским гранитом; из южной Венгрии шел мрамор на монолиты колонн, на стены у лестницы, на главную лестницу, на балюстраду, на пилястры. Везли мрамор разных цветов из Бельгии, из Греции (Фессалии, где возобновили разработку древних копей), из Германии, Финляндии, с юга России.

Р. И. Клейн

О высоком художественном уровне работ свидетельствовали и два мраморных фриза на главном фасаде здания, замечательных по размерам и красоте. Скульптурные ленты 34 сажень потребовали двух лет работы отечественных и иностранных художников. И. В. Цветаев в этой связи, имея в виду, прежде всего, огромные вклады и усилия по организации строительства музея со стороны Нечаева-Мальцева, писал: «Монументальность твердого материала, здесь употребленного, и отдаленным поколениям будет красноречиво говорить, на что было способно великодушие русского человека в начале XX столетия».

Великодушие Нечаева-Мальцева, его значение как главного мецената музея было еще раз испытано на прочность чрезвычайным происшествием. В ночь на 20 декабря 1904 года в строящемся здании музея неожиданно возник пожар, причинивший огромные убытки. Архитектор Р. И. Клейн, очевидец происшедшего, в ужасе сообщал: «Пожарными распоряжался лишь пьяный брандмейстер Тверской части, почему я сделал распоряжение... о присылке еще трех пожарных частей. Через час пожар был потушен, но в ящиках упаковка продолжала тлеть и пожарные, не церемонясь, пробивали ломами насквозь ящики, и, таким образом, громили все содержимое. Вы можете себе представить, что испытывали люди, заинтересованные в сохранении вещей, не имея возможности помешать этому вандализму. Меня отчаяние охватывало до слез...» Картина после пожара была неутешительная: обгорели наличники и мраморные стены, исковерканы и поломаны железные рамы, внутри попортилась штукатурка, сгорели 175 ящиков с гипсами. На сводах залов проступила вода, и при 27-градусном морозе все обратилось в ледяную массу, так что уцелевшие предметы покрылись ледяной коркой.

Великий князь и Цветаев были буквально потрясены несчастьем. У Цветаева, находившегося с семьей в Германии, после получения телеграммы о случившемся, на глаза, никогда не плакавшие, навернулись, по свидетельству дочери, слезы. Не потерял хладнокровия в данной ситуации один лишь Юрий Степанович, который в это время находился в Москве и не допустил остановки в строительстве музея. «Вот вам и Нечаев-Мальцев! – отозвался Цветаев. – Кроме него, пока не на кого возлагать надежды. Казалось, кто бы должен больше всех горевать: ведь горят-то его денешки, кровные! – а он утешал других и успокаивал: «Ну что эти убытки? Тысяч двадцать пять и только!» И оплачивал их, хотя убытков было много больше».

Наступало беспокойное, смутное время. До причин пожара так и не дознались. Подозревали поджог. Обсудив все, Нечаев-Мальцев с великим князем Сергеем Александровичем предупреждают вернувшегося Цветаева об осторожности: «У музея

нашего... множество врагов и завистников!»

С приходом нового, 1905 года начались новые несчастья. На заводах Нечаева-Мальцева происходят крупные забастовки рабочих. Но и в это время, когда Юрий Степанович терпел «несметные убытки», он «ни рубля не урезал у музея». После убийства в том же году председателя Комитета по устройству музея, великого князя Сергея Александровича, Нечаев-Мальцев берет на себя руководство всей деятельностью комитета и не только ведет его заседания, но и входит во все подробности строительства и деловых отношений с учеными, архитекторами и художниками. Когда поток пожертвований от частных лиц совсем иссяк, он единолично берет на себя финансирование работ вплоть до их окончания, пожелав при этом действовать как лицо анонимное.

Война, волнения и забастовки, лихорадившие заводы в Гусь-Хрустальном, известия о рубке крестьянами лесов в его имениях пошатнули здоровье Нечаева-Мальцева. И Цветаев с Клейном молились только о ниспослании Юрию Степановичу сил «до окончания главного его благотворения».

Став во главе комитета, Нечаев-Мальцев глубоко вникал во все тонкости внутреннего оформления музея, создания его интерьеров. В этой работе большую роль сыграли художественные вкусы и пристрастия «главного жертвователя». О глубоком интересе, проявляемом Нечаевым-Мальцевым к древности, к античности и византийскому искусству, к живописи, в особенности к художникам академического направления, есть много свидетельств. Он был хорошо знаком со многими из них: Г. И. Семирадским, И. К. Айвазовским, В. Е. Маковским, которых И. Е. Репин отличал как наиболее эллинских по своему характеру из русских художников.

Тесные связи поддерживал меценат также с В. М. Васнецовым, В. Д. Поленовым. И он настойчиво добивался, чтобы в задуманном деле участвовали знакомые ему живописцы, отвечавшие его вкусам, его пониманию прекрасного. Интерьеры 22 залов предполагалось предложить расписать лучшим русским живописцам. Художник Г. И. Семирадский сообщал Нечаеву-Мальцеву о своем желании «писать сюжеты из древнеримской жизни, на фоне архитектурного пейзажа, например театр в Помпее во время представления с роскошной панорамой гор позади... сцену из падения Рима под ударами варваров, или что-то в этом роде». Предполагалось также участие И. К. Айвазовского и В. М. Васнецова, делавшего картоны для мозаичного образа Божией Матери в Гусь-Хрустальном. Цветаев писал в этой связи, что Васнецов «очень сочувствует намерению сделать живописный фриз». Однако Айвазовский, который должен был принять участие в росписи зала древнегреческого искусства, в 1900 году умер, а двумя годами позже скончался Г. И. Семирадский, принявший заказ на роспись римского зала.

Проект росписи Музея изящных искусств был, наконец, составлен в 1902 году под руководством В. Д. Поленова. Однако Нечаев-Мальцев был категорически против участия в росписи залов приглашенных Поленовым его учеников, художников нового направления – К. А. Коровина и А. Я. Головина, которые не сочетались с академической традицией. Поленов вспоминал, как тянул Нечаев-Мальцев с деньгами, как говорил Цветаеву, что Коровин и Головин декадентские художники, не желая их участия в деле, которое он финансирует.

Осуществление проекта росписи внутреннего интерьера музея из-за финансовых затруднений оказалось более скромным по сравнению с первоначальным замыслом. Расписаны были зал итальянского Возрождения и парадная лестница – 10 панно и медальонов для зала и 18 панно для лестницы. Работу выполняли молодые художники во главе с П. В. Жуковским, а также А. И. Алексеев, долго работавший в

Италии, С. Н. Южанин, К. П. Степанов и др. С особым великолепием был расписан в классическом стиле римский зал. И. В. Цветаев писал по этому поводу Нечаеву-Мальцеву:

«В римском зале развели такую роскошь сюжетов, красок, скульптур и позолоты, что, должно быть, подражают плафонам дворцов римских кесарей». Он отмечал также проявлявшийся в оформлении музея художественный вкус автора проекта архитектора Р. И. Клейна и старания художника И. И. Нивинского, которого он называет, несмотря на сравнительно молодые годы, лучшим в Москве декоративным живописцем. Принял участие в росписи музея и декадентский, по мнению Нечаева-Мальцева, художник А. Я. Головин. В 1910 году он сделал панно «Элевсинское кладбище», но оно сгорело во время воздушных налетов на Москву в Великую Отечественную войну.

Как руководитель комитета Ю. С. Нечаев-Мальцев имел возможность влиять на стилистику оформления музея. Его тяготение к академическому направлению, к классическому искусству проявилось в оформлении многих залов, как нельзя более кстати отвечая просветительским задачам музея, ознакомлению широкого круга людей с лучшими классическими образцами мировой архитектуры, живописи и скульптуры. При решающем участии мецената создан, как отмечал И. В. Цветаев, центральный зал музея с его «величественною формою древнего эллино-римского храма, украшенного 36 колоннами». Его щедрости музей обязан своей дивной главной лестницей и мраморной ионической колоннадой, равной которой по тонкости орнамента и обширности размеров не было в России.

Главный фасад Музея изящных искусств

Помимо грандиозной работы, проделанной Нечаевым-Мальцевым по финансированию и организации строительства здания, он принял активное участие и в комплектовании коллекции музея. В своих многочисленных поездках за рубеж меценат приобретает большое количество папирусов, портретов, мозаик, копий известных памятников. Судя по письмам Цветаева к нему, обер-гофмейстер, по-видимому, содействовал, используя свои связи при дворе и в Государственном совете, приобретению музеем уникальной коллекции знаменитого египтолога В. С. Голенищева, борьба за которую велась с Министерством народного просвещения, Эрмитажем и Академией наук.

Сам Ю. С. Нечаев-Мальцев не только вносит деньги на египетский зал музея, но и едет в Египет, входит там в тесные контакты с директором Каирского музея Бругшбеем и под его руководством приобретает для московского музея папирусы, портреты, копии известных памятников. Он также едет в Англию, заказывает в Британском музее копии знаменитого фриза Парфенона – 102 плиты, которые впоследствии составят одно из главных украшений зала «Парфенон».

Торжественное открытие музея состоялось 31 мая 1912 года, почти через 14 лет после его закладки. По случаю приезда императора Николая II на нем присутствовали многие сановники. Свое очень живое и красочное восприятие этого события приводит в блестящем очерке-воспоминании Марина Цветаева: «Белое видение музея на щедрой синеве неба. По сторонам входа – двойные ряды лицеистов... Белое видение лестницы, владывающей над всем и всеми. У правого крыла – как страж – в нечеловеческий и даже не в божественный, в героический рост – микеланджеловский Давид. Гости в ожидании государя разбредаются по залам».

М. И. Цветаева с почти кинематографической образностью и мастерством воссоздает картину торжества, одного из последних перед близкой уже войной и падением империи: «...Старики, старики, старики. Ордена, ордена, ордена. Ни лба без рытвин, ни груди без звезды... Мнится, что сегодня вся старость России притекла сюда на поклон вечной юности Греции. Тройная белизна стен, седин, дам – только фон, только берега этому золотому, неустанно ползущему старческому пактолу галунов и орденов. Настоящий музей, во всем холоде этого слова, был не вокруг, а в них, был – они... Все мы уже наверху, в том зале, где будет молебен. Красная дорожка для царя, по которой ноги сами не идут. Духовенство в сборе. Ждем. И что-то близится, что-то должно быть, сейчас будет, потому что на лицах подобием волны – волнение, и в тусклых глазах волнение – трепет, точно от быстро проносимых свеч. Сейчас будут... Приехали... Идут!.. Идут!...»

Деятельность Ю. С. Нечаева-Мальцева по строительству музея была высоко оценена современниками. Он получил орден Белого Орла, еще в 1908 году его избрали почетным членом Московского археологического общества. В протоколе заседания от 3 марта было отмечено: за неустомимые труды и громадные пожертвования на устройство Музея изящных искусств в Москве. В юбилейном адресе Нечаеву-Мальцеву, написанном в 1908 году в честь 50-летия его государственной службы, отмечалось, что его «живая энергия», «замечательная любовь к делу и стойкость в принятии решений, не стесняющаяся никакими тяжелыми испытаниями, посылаемыми жизнью, снискала ему глубокую признательность и почтение в самых отдаленных кругах и даже за пределами России». Но, пожалуй, наиболее точно и емко определила исключительную роль этого фабриканта и филантропа в том, что Первопрестольная, несмотря на все, казалось бы, непреодолимые трудности, все-таки получила один из крупнейших в мире художественных музеев, все та же Марина Цветаева. Она писала, что если Цветаев являлся духовным отцом музея, то Нечаев-Мальцев был физическим его отцом.

Нечаев-Мальцев и Цветаев ушли из жизни почти одновременно, когда их дело было завершено. В трудах по созданию музея они всегда были вместе. Но судьба долгое время препятствовала тому, чтобы поставить их имена рядом на мраморной доске музея. Эту несправедливость исправил нынешнее поколение.

Юрий Степанович Мальцев умер 8 октября 1913 года в возрасте 79 лет. В печати того времени отмечались его служебная карьера и меценатство. Обер-гофмейстер высочайшего двора, член совета Министерства народного просвещения, член совета торговли и мануфактур, советник Министерства иностранных дел, почетный член Московского университета, избранный за свою благотворительную деятельность, а

также член различных благотворительных обществ, владелец многих предприятий – таковы его многочисленные титулы и должности, отмечавшиеся в некрологах. Он завещал своим рабочим миллион рублей, в том числе гу-севским рабочим – 100 тыс. рублей. Однако они, по свидетельствам, не дошли до адресатов, по-видимому, были разворованы местной администрацией.

Еще одним сюрпризом завещания было то, что, не имея детей (у его старшего брата, Дмитрия, страдавшего глухотой и психическими отклонениями, также не было наследников. – М. Г.), Юрий Степанович все свои заводы и земли (кроме родового Полибинского имения Нечаевых на Куликовом поле, отошедшего к его приемному сыну, князю Э. П. Демидову-Сан-Донато), завещал дальнему родственнику графу П. Н. Игнатьеву. Генерал А. А. Игнатьев пишет в своих воспоминаниях по этому поводу: «Его (Нечаева-Мальцева. – М. Г.) завещание удивило всех... Все состояние он оставил второму сыну моего дяди – Павлу Николаевичу Игнатьеву, известному в ту пору министру народного просвещения. Неожиданно свалившимся богатством мой двоюродный брат воспользоваться, однако, не успел – произошла Октябрьская революция. Павел Николаевич дожил свой век в далекой Канаде».

Эти сведения не совсем точны. Кое-что сделать новый наследник за три года все-таки успел. Павел Николаевич Игнатьев (1870–1926) – последний владелец Гусь-Хрустального, образование получил в Киевском университете, примыкал к либеральным кругам общества. Граф, крупный помещик, после смерти Нечаева-Мальцева стал по его завещанию крупнейшим стекольным заводчиком России. В 1915 году, уже во время войны, П. Н. Игнатьев стал министром народного просвещения. Он задумывал провести реформу средней школы, ввести всеобщее начальное обучение, объявил «Великую программу», согласно которой к 2000 году намечалось полностью ликвидировать неграмотность в России. Однако уже в 1916 году он был уволен со своего поста.

П. Н. Игнатьев успел осуществить некоторые изменения и в своих новых владениях. Уже в ноябре 1913 года он дал указание перейти на производство парфюмерной посуды. А в июле 1917 года П. Н. Игнатьев создает акционерное общество для управления предприятиями «Товарищество Ю. С. Нечаева-Мальцева наследники». Дальнейшие его преобразования были прерваны Октябрьской революцией. Последний хозяин мальцевских заводов вынужден был эмигрировать. Ю. С. Нечаевым-Мальцевым фактически заканчивается родословная династии предпринимателей Мальцевых.

ЛИТЕРАТУРА

Берг Н. Из рассказов С. А. Соболевского // Русский архив. – М., 1871. – № 1.

Бутурлин М. Д. Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. – М., 1897. – Кн. 1. – № 4.

Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. – СПб., 1911. – Т. 2.

Гедройц С. Лях. – М., 1931.

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. – М., 1980.

Дневник В. А. Муханова. Годы 1861–1871 // Русский архив. – М., 1897. – Кн. 1. – № 1.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. – М., 1988.

Из писем Карамзиных. Публикация Н. Боташева // Новый мир. – М., 1956. – № 1.

Исторический, статистический и географический журнал. – М., 1897. – Кн. 2.

Киппен П. И. Об успехах виноделия на Южном берегу Крыма. – СПб., 1831.

Малиновский И. В. Потаенный раскол содержателя Гусевской хрустальной фабрики близ села Селимова Владимирской губернии, орловского купца Якима Мальцева (1761–1763). – Владимир, 1902.

С. И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. – М.; Брянск, 1995.

Межецкий М. П. Воспоминания о С. И. Мальцеве // Исторический вестник. – СПб., 1897, ноябрь.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. – СПб., 1897. – Т. 1.

Мир Божий. – СПб., 1901. – № 11.

Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина: История создания музея в переписке профессора И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном и других документах (1896–1912). – М., 1977. – Т. 2.

Немирович-Данченко В. И. Америка в России // Русская мысль. – М., 1882. – Кн. 12.

Некролог // Хозяин. – СПб., 1894. – 7 января.

Полторацкий В. Гнездо Хрустального Гуся // Зеленая ветка. Мещерские истории. – М., 1961.

Русская старина. – М., 1903. – Кн. 3.

Скальковский К. Воспоминания молодости. (По морю житейскому.) 1843–1869. – СПб., 1906.

Смирнова-Россет А. О. Автобиография. – М., 1931.

Снегирев И. М. Дневник. – М., 1964. – Т. 1.

Стихотворная шутка С. А. Соболевского (Канкринида) // Русский архив. – М., 1897. – Кн. 3. – № 9.

Субботин А. П. Мальцевский заводской район: история и настоящее экономическое положение. – СПб., 1892.

Цветаев И. В. Записка, читанная в годичном собрании Музея 25 января 1908 г. проф. И. Цветаевым. – М., 1908.

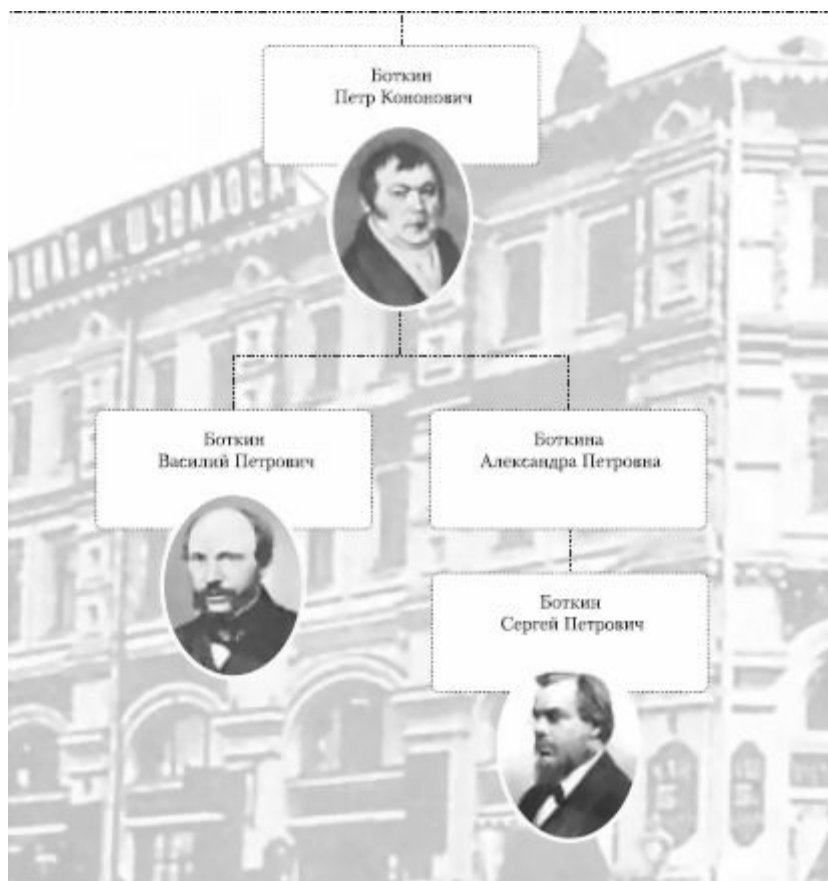
Цветаев И. В. Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета музея 20 февраля 1902 г. – М., 1902.

Цветаева М. И. Отец и его музей // Простор. – 1965. – № 10.

Шостакович С. В. О секретаре грибоедовской миссии Иване Сергеевиче Мальцеве // Труды Иркутского государственного университета. – Иркутск, 1958. – Т. 25.

БОТКИНЫ

История купеческой семьи Боткиных, одной из самых известных в предпринимательском мире России, на протяжении длительного времени удивительно тесно была переплетена с историей русской интеллигенции. Члены этой семьи еще с 30-40-х годов XIX и до начала XX века занимали видное место не только в торгово-промышленной, но и в культурной и интеллектуальной жизни Москвы и Петербурга.

Боткины разбогатели на чайной торговле. Их фирма была одной из крупнейших в этой отрасли. А сыновья основателя фирмы, Петра Кононовича Боткина, стали образованнейшими людьми своего времени и были тесно связаны с дворянской культурной средой.

В этом смысле они стояли в купеческом мире особняком от остального российского, в том числе и именитого московского, купечества, сформировавшись в условиях преобладания дворянской культуры. Семья Боткиных рано вошла в культурный круг образованного дворянства, дворянской интеллигенции, во многом переняв ее стиль жизни и европейские взгляды.

Вместе с тем Боткины, находясь длительное время в центре культурной и интеллектуальной жизни России, выступили одновременно виднейшими зачинателями купеческого собирательства и меценатства, активно занимались торгово-промышленной деятельностью и не проявляли особого стремления к получению дворянства.

«Витязи на распутье»

Первые Боткины стояли, как «витязи на распутье», на перекрестке путей, ведущих от старой, дворянско-купеческой России к новым социальным группам: предпринимателей, внесословной интеллигенции.

Формирование мира культуры и образованности, мира творческой интеллигенции в дореформенной России уже с самого начала носило демократический, отнюдь не корпоративный характер. Этот мир не был закрыт для представителей непривилегированных сословий, несмотря на все препятствия, которые чинились со стороны официальных властей. Пример тому – крупнейшие течения общественной мысли западников и славянофилов, круг литераторов и художников, состав редакций известных газет и журналов того времени: «Современника», «Московских ведомостей» и др., которые уже в 30-40-е годы не имели чисто дворянского направления и не были закрыты для представителей разночинной интеллигенции. Имена А. В. Кольцова, Н. А. Полевого, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и многих других говорят сами за себя. Мерилом принадлежности к миру интеллигенции, к избранному кругу интеллектуалов были здесь отнюдь не происхождение, а талант, блестящая образованность и интеллект.

Старший из братьев Боткиных, Василий Петрович, входил в известный кружок интеллектуалов-западников Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского и принадлежал к блестящей плеяде передовых мыслителей и литераторов. Его ближайшими друзьями были И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, А. И. Герцен. В кругу своих дворянских друзей-литераторов и ценителей прекрасного, таких как Станкевич, Грановский, Тургенев, В. А. Соллогуб и др., он отнюдь не ощущал себя человеком второго сорта.

Блестящим знатоком искусства и литературы, меценатом, другом Н. В. Гоголя и А. А. Иванова был Николай Петрович Боткин. Художником и коллекционером, владельцем богатейшего художественного собрания являлся Михаил Петрович Боткин. Одной из лучших галерей европейских художников владел Дмитрий Петрович Боткин. Высочайшим авторитетом и уважением пользовался основатель отечественной клинической школы Сергей Петрович Боткин. И последующие поколения Боткиных дали немало талантливых врачей, дипломатов, художников, литераторов. Все они не только не вызывают сомнения в их кровной принадлежности к миру просвещения и культуры, к интеллигенции, но и убеждают в том, что купечество было одним из первостепенных источников ее формирования, носителем высокой творческой и интеллектуальной энергии.

Следует отметить также, что хотя семья Боткиных не выдвинула известных политиков, как, например, Гучковы или Рябушинские, но она дала крупных общественных деятелей и высокого класса специалистов в самых различных сферах интеллектуальной и культурной деятельности. Пример этой династии, быть может, нагляднее и убедительнее прочих опровергает некоторые близорукие выводы о российском купечестве, как сплошном «темном царстве», противостоящем знанию, о том, что творчество не проистекает из купечества.

История династии Боткиных – это и свидетельство значительной эволюции, которая происходила в купеческой среде, прежде всего в области культурного развития. Боткины выступили своего рода посредниками в поисках духовного союза и сближения наиболее просвещенной части купечества и творческой интеллигенции. Эта их роль с особой яркостью проявилась в меценатской, собирательской и просветительской деятельности.

В конце Николаевской эпохи к собирательству и покровительству искусствам энергично обращались представители нового купечества – фабриканты и промышленники, вышедшие из крепостных крестьян и городских низов, тесно связанные своими духовными корнями с народной, уходящей истоками в историческое прошлое, национальной культурой, к которой «западники» Боткины, бывшие уже во втором или третьем поколении купцами, большей частью оставались равнодушны (хотя В. П. Боткин ценил старинную русскую храмовую архитектуру, а коллекция М. П. Боткина включала и предметы русской старины). В собирательстве и составлении коллекций Боткиных все же отмечали одну особенность. Их стремления и симпатии «были космополитичны и общеевропейски и не заключали в себе ничего народнического, никакого стремления к отечественному».

В этом своеобразном западничестве Боткины занимали особое место среди других московских купеческих фамилий, где в то время «уклон в сторону национального был особенно силен». Тем более велика их культурная, просветительская роль, сила примера.

Многие из Боткиных стали своеобразным связующим звеном между дворянским европеизмом и купеческим «народным» патриотизмом в общественной, собирательской и меценатской деятельности в силу того, что сами Боткины были связаны деловыми, родственными и духовными узами как со многими купеческими династиями (Мазуриными, Третьяковыми, Щукиными, Гучковыми, Остроуховыми и др.), так и с дворянскими семьями. Одна из сестер Боткиных, к примеру, была замужем за поэтом и помещиком А. Фетом-Шеншиным.

Боткины пользовались большим авторитетом среди купцов-меценатов благодаря своим энциклопедическим познаниям. Владелец одной из крупнейших московских коллекций европейской живописи Д. П. Боткин был близким другом И. М. Третьякова и помогал ему даже в покупке некоторых картин, хотя сам произведений русских художников не приобретал. Боткины своим примером, несомненно, в большой мере способствовали оживлению интереса к искусству и вообще образованию в купеческом сословии.

История династии – это и столбовые дороги российской истории. Судьбы многих представителей рода Боткиных не однажды были тесно переплетены с крупнейшими событиями и вехами в жизни страны. Боткины являлись одной из тех коренных русских династий, что составляли костяк нации, ее золотой фонд.

Из старинного купечества

В первые имя Боткиных появляется в переписной книге города Торопца в 1646 году. Впоследствии, в XIX веке, это небольшой уездный город в Псковской губернии. Но в XIV–XV веках, во времена своего расцвета, Торопец считался довольно крупным торговым центром на пути из Новгорода и Пскова в Москву, а оттуда – на Волгу и в Киев и далее в южные и восточные страны. Из переписной книги 1646 года известно, что у одного из Боткиных в начале XVII века было четыре сына: Георгий, Ларион, Федор и Лаврентий. Федор и явился родоначальником той ветви рода Боткиных, судьбу которой можно проследить до XIX века и далее. Боткины во всех сохранившихся документах значатся в числе «посадских людей» и «купецких». К началу XVIII века Боткины, по-видимому, уже накопили некоторые средства, так как в нескольких источниках упоминается о принадлежащей им земле, на которой проживают на «арендных основаниях» другие посадские, например: «Двор его на месте посадского человека Боткина, а что тому месту мера явствует из сказки того Боткина...»

Торговое значение Торопца падает с основанием Петербурга, и к концу XVIII века Боткины переселяются в Москву. По одним свидетельствам, это произошло в 1791 году, по другим – Конон Боткин постепенно переводил центр торговой деятельности в Москву, а затем, в конце XVIII века, вместе с семьей окончательно обосновался в Первопрестольной. Как свидетельствует справка московского Биржевого комитета, 9 ноября 1802 года Боткины полностью закрепились в Москве, а деятельность их проходила и в Москве и в Петербурге. В ноябре 1832 года на торгах в Московском губернском правлении они купили усадьбу и дом на Маросейке (в Петроверигском переулке), в котором выросли многочисленные дети Петра Кононовича Боткина.

П. К. Боткин

Существуют и другие версии начала предпринимательской деятельности Боткиных. Согласно им, Конон Боткин происходил из крепостных крестьян Псковской губернии и, выкупившись на волю, переселился в Москву и занялся торговлей. Его сыновья, Дмитрий и Петр, продолжили деятельность отца. Однако главная заслуга в основании торгового чайного дела принадлежит Петру Кононовичу (1781 или 1783–1853). Записавшись в 1801 году в московское купечество, он открыл торговый чайный дом и повел меновую торговлю непосредственно с Китаем.

В Китай сбывали сукна, производившиеся главным образом на собственной фабрике, а оттуда вывозили чай. Доставка чая шла из Ханькоу караваном через Сибирь. В первой четверти XIX века Петр Кононович стал одним из видных организаторов чайной торговли в Кяхте (ныне Монголия), где позднее Боткины основали агентство. Чайная торговля через Кяхту способствовала колонизации южной Сибири, особенно вдоль тракта, где возникали поселения. В самой Москве и вокруг нее в 1857 году насчитывалось до 100 фабрик (суконных, хлопчатобумажных, кожевенных), работавших для торговли с Китаем.

Боткины имели свой склад и магазин на Нижегородской ярмарке, куда поступал чай из Кяхты. Торговая фирма «П. Боткин и сыновья» (позднее – «Петра Боткина сыновья») выписывала чай непосредственно из Китая и торговала им без посредников. Это обеспечивало высокое качество чая и снижало издержки. Обороты фирмы достигали нескольких миллионов рублей. У торгового дома имелись собственные отделения в Китае: в Ханькоу и Шанхае, а также в Лондоне. Такое отделение было и в Петербурге, в Гостином дворе. Однако, несмотря на размах дела, персонал фирмы был немногочислен. Контора фирмы помещалась в семейном доме на Маросейке, в двух небольших комнатах на первом этаже. В одной, большей, сидели 3–4 конторщика, а в маленькой – сам глава фирмы Петр Кононович и главный бухгалтер немец Владимир Карлович Фельдман. Малочисленность персонала объяснялась отсутствием на первых порах розничных продаж. Вся торговля велась в

московском Гостином дворе, где помещались амбары и склады и где чай продавался «десятками, сотнями и более в ящиках и цыбиках». Впоследствии предприятие изменило свою форму. В 60-е годы были открыты и розничные магазины. Три таких магазина имелись в Москве: на Тверской, Кузнецком мосту и Ильинке.

Торговля чаем составляла основу благополучия многочисленной семьи Боткиных. От двух жен у Петра Кононовича было 25 детей. Из них выжило только 14. От первой жены, урожденной Барановой, – три сына: Василий, Николай и Иван, и две дочери: Варвара и Александра. Про первую жену ничего не известно. Умерла она совсем молодой. Вторым браком Петр Кононович сочетался с Анной Ивановной Постниковой из купеческой семьи. По словам одного из внуков, видевшего ее фотографию с портрета, она была красивой и элегантной женщиной. Но и она прожила недолго. От второго брака Петра Кононовича выжили шесть сыновей: Павел, Дмитрий, Петр, Сергей, Владимир и Михаил, и три дочери: Екатерина, Мария и Анна.

О личности самого главы семейства сохранились противоречивые отзывы. Многие говорили о нем как об энергичном, умном, обладавшем деловой хваткой человеке. П. К. Боткин сумел дать своим многочисленным детям прекрасное образование и не мешал им в дальнейшем заниматься тем делом, к которому их влекло. Даже по отношению к старшим сыновьям, которых он хотел привлечь к работе в фирме, отец проявлял редкую в купеческой среде тех лет терпимость, с уважением относился к их выбору и даже поддерживал их стремление к самообразованию. Иначе трудно объяснить, как мог бы его старший сын, Василий Петрович, много помогавший отцу в торговых делах, не достигнув еще и 25-летнего возраста, путешествовать по всей Европе.

Семья Боткиных была очень типичной для старого московского купечества. Образ жизни большинства обитателей дома на Маросейке немногим отличался от быта других особняков купеческой Москвы. Хотя семья Боткиных, благодаря старшему из сыновей, Василию Петровичу, возвышалась над общим культурным уровнем купеческих семей того времени, она в большой мере была пронизана духом той среды, где ценилось не образование, а коммерческая практика. По воспоминаниям близкого родственника семьи А. Фета, дом Боткиных походил на большой комод с бесчисленными ящиками и отделениями. В каждом ящике-закоулке шла своя обособленная жизнь. В то время, когда в бельэтаже у Василия Петровича и Грановского собирались лучшие умы России, на антресолях, в небольших душевых комнатках, где помещались детские комнаты и спальни взрослых, перед старинными иконами молились женщины большого боткинского гнезда. Здесь же на жестких диванах укладывали спать младших мальчиков.

Детство младших Боткиных протекало в обычных условиях быта московского купечества. «Домашняя обстановка, – вспоминает в «Семейной хронике» жена С. П. Боткина, Екатерина Александровна, – особенно в отношении детей, была суровая. Отца боялись. Он был, в сущности, добрым человеком, но никогда не баловал детей, считая это вредным. Он хотел, чтобы они добились своего места в жизни, как он сам, – настойчивым трудом, при отце младшие дети никогда рта не раскрывали, да и некоторые из старших робкого характера держали себя с ним приниженно». Отец сумел привить детям не только уважение к труду, но и к своему сословию. Современники отмечали еще одно качество Боткиных. Вся семья отличалась редкой сплоченностью, взаимопомощью, а также радушием и отзывчивостью.

Петр Кононович скончался в 1853 году, оставив духовное завещание «по английскому образцу». Только два старших сына от каждого брака (Василий, Николай, Дмитрий и Петр) становились во главе торгового дома. Им в равных долях оставлялись дом и весь капитал, из которого они, в свою очередь, обязаны были

выделить всем остальным детям по 20 тыс. рублей каждому. Таким образом, из капитала торгового предприятия, по свидетельству самих Боткиных, без особого ущерба было выплачено 200 тыс. рублей – сумма по тем временам весьма внушительная. Отсюда видно, что отец оставил своим детям значительный капитал. Петр Кононович был уже не только московским купцом 1-й гильдии, но и потомственным почетным гражданином, как и его дети.

«Западники на русской подкладке»

Сыновья Петра Кононовича пробивали себе дорогу в жизни с не меньшими настойчивостью и упорством, чем отец. Для большинства из них это уже были иные пути, иные сферы деятельности, связанные в большей мере с творческими профессиями: наукой, литературой, искусством. И здесь купеческие сыновья сумели проявить себя с не меньшим блеском, чем в предпринимательстве.

Особую известность в истории русской общественной мысли, литературы и искусства приобрел старший сын П. К. Боткина, Василий Петрович. Родился он, по разным сведениям, в 1810 или в 1811 году в Москве. Для получения образования был отдан в частный пансион. Впрочем, сам Боткин невысоко отзывался о своем образовании, полученном в пансионе. «Воспитывался я, – вспоминал он в конце жизни, – или, точнее сказать, воспитания у меня никакого не было; вышедши из пансиона (весьма плохого), я ровно ни о чем не имел понятия. Все кругом меня было смутно, как в тумане».

Однако, несомненно, пребывание в пансионе пробудило в нем жажду к образованию, там были заложены основы блестящего знания им европейских языков: французского, немецкого, английского. Затем В. П. Боткин самостоятельно выучил итальянский и испанский. Конечно, и эти знания легко можно было утратить, когда после окончания учения отец сделал его приказчиком и засадил в чайный склад, где молодой Боткин должен был с утра до вечера наблюдать за упаковкой чая, вести переговоры с покупателями, помогать отцу в торговых операциях. Сын безропотно исполнял эти обязанности. Но даже в такой обстановке он находил время напряженно заниматься самообразованием. Все окно его комнаты на складе «завалено было книгами – здесь были Шекспир, Шиллер, последние новости французской, немецкой, английской литературы. Он каждую свободную минуту отдавал любимым занятиям».

Лишь в 1835 году в возрасте 25 лет В. П. Боткин добился от отца разрешения впервые поехать за границу. Поездка первоначально была связана с торговыми делами фирмы в Англии, однако он уговорил отца предоставить ему годовой отпуск для заграничного путешествия. Василий Петрович посещает Германию, Францию, Италию. Путешествие очень помогло формированию его литературных и эстетических вкусов. «Искусства я тогда не понимал, – вспоминает он позднее, – а впервые лишь почувствовал его в Италии, особенно в Риме». В дальнейшем вся жизнь его была в разъездах. Он посетил Испанию (которой посвятил свои знаменитые «Письма из Испании»), Марокко, объездил всю Европу, но особенно трепетный восторг испытывал к Италии, которую обошел всю буквально пешком.

О силе этого чувства свидетельствует красочный отрывок из дорожных заметок о его пешем переходе из Швейцарии в Италию через Симплонский альпийский перевал. Вначале он отдает дань романтической памяти Наполеона, повелевшего проложить эту дорогу: «И был же человек, сказавший, чтоб была дорога чрез эти пропасти, сквозь эти скалы, громады гор. Этот человек был Наполеон. Ему стоило только сказать – и она потянулась, послушная исполинской воле его, перепрыгивая мостами через пропасти, взбираясь по отлогостям гор, минуя каменные массы скал, излучиваясь

змеею, извиваясь по карнизам... Словом, чувство глубокого уважения наполняло меня, когда я шел по Симплонской дороге; передо мною было поле битвы человека с природою, тверди и силы с умом». А затем Боткин описывает чувство восторга, которое он испытал от первого соприкосновения с Италией: «Из дикой пустыни гор, где глаза, наконец, утомились мрачными красотами их, сердце сжалось среди страшного бесплодия природы, – вдруг увидел перед собою долину светлую, по которой гирляндами стелется виноград, розовеют персики, природа во всей роскоши юга, – я почувствовал, что передо мной была Италия, и надобно испытать такое чувство! Мне стало легко, весело, я лег на траву и с упоением нежил глаза на очаровательной долине, которая, как чаша, лежала между горами, покрытыми темною, густою зеленью. – Италия, Италия, – я наконец вижу тебя! – повторял я, – чудная, блаженная минута!»

В. П. Боткин

По возвращении из-за границы В. П. Боткин познакомился с В. Г. Белинским, который ввел его в кружок Н. В. Станкевича. Молодой купец, самоучка, ставший знатоком западноевропейских языков, очень заинтересовал московских интеллектуалов того времени: В. Г. Белинского, Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина, К. С. Аксакова. Станкевич в письме от 1 мая 1837 года свидетельствует: «Боткин, – молодой купец, недавно приехавший из-за границы, – человек, каких я, кажется, не встречал: столько ума, столько гармонии и святости в душе – мне легче, веселее, когда я его вижу... Может быть, я увлекаюсь, но нельзя не увлечься, встретив человека, в котором так много прекрасного». Белинский тоже в восторге от Боткина, о чем сообщает Бакунину в письме от 16 августа 1837 года: «Его бесконечная доброта... его ясное гармоническое расположение духа во всякое время, его всегдашняя готовность к восприятию впечатлений искусства... отрешение его от своего я – даже не производят во мне досады на самого себя... меня в особенности восхищает в нем то, что у него внешняя жизнь не противоречит внутренней, что он столько же честный, сколько и благородный человек...»

Очень скоро Боткин вошел во все духовные интересы и дела кружка. Среди его друзей цвет литературной и интеллектуальной Москвы того времени – В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, А. С. Дружинин, А. В. Кольцов, И. И. Панаев, М. А. Бакунин, Н. А. Некрасов и многие другие, но по разносторонности эрудиции в сфере искусства (одновременно и литература, и музыка, и живопись) вряд ли кто мог с ним сравняться. Кроме того, в этом блестящем кругу мыслителей он считается одним из лучших истолкователей Гегеля. Культурные интересы Боткина были обширны: живопись и театр эпохи Шекспира, немецкие романтики и русское народное творчество, скандинавская мифология и древнерусская литература. Как отмечали современники, он судил обо всем с тонко развитым вкусом

и знанием дела. Его отличал и художественный талант, умение подмечать поэтические стороны жизни и облекать их в художественную форму.

Литературное и критическое творчество В. П. Боткина приобрело известность. С 1836 года он начал печататься в московских журналах («Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель»), петербургских «Отечественных записках» сразличными критическими статьями, рецензиями, переводами. Позднее он принял деятельное участие в «Современнике», где в 1847 году вышли его получившие особую известность «Письма об Испании», изданные через 10 лет отдельной книгой.

В. П. Боткин пользовался почти непререкаемым авторитетом среди русских писателей, художников и мыслителей. Он одним из первых открыл таланты Л. Н. Толстого, А. А. Фета и Н. А. Некрасова. Тургенев переделывал роман «Рудин» под влиянием его критических замечаний, ему первому читал наброски своих произведений «Ася», «Фауст», сообщил план романа «Дворянское гнездо», а Л. Н. Толстой писал ему в 1857 году: «Вы мой любимый воображаемый читатель». Особенно близко в первые годы своей литературной деятельности Боткин сошелся с Белинским, возможно, в какой-то форме помогая иногда ему в работе над статьями. Существуют указания близких им людей о том, что страницы «по романтизму» в некоторых статьях принадлежат перу Боткина.

Когда больной Станкевич летом 1837 года уехал из Москвы, дом Боткиных на Маросейке сделался местом встреч членов кружка и литературных друзей Василия Петровича, одним из центров литературной Москвы, полем битвы, где сражались западники и славянофилы. Боткин, хотя и слыл западником, но не таким явным, как, например, Тургенев. «Западник, только на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко», – писал о нем поэт Афанасий Фет.

Гостеприимный дом Боткиных становится прибежищем многих литературных друзей писателя. Он был последней московской квартирой Белинского перед его отъездом в Петербург. И впоследствии, приезжая в Москву, он, также как и Тургенев, Панаев, Дружинин и др., останавливался большей частью в доме Боткина. Бывали здесь и Н. В. Гоголь и великие актеры М. С. Щепкин и П. С. Мочалов.

В эти годы В. П. Боткин начинает регулярно устраивать у себя литературные и музыкальные вечера, заражая всех своим энтузиазмом и увлеченностью. Собрания у Боткина становятся знаменитыми на всю образованную Москву. Кружок московских интеллектуалов не распался, несмотря на то, что в 1839 году умирает за границей от туберкулеза Станкевич, а Белинский уезжает в Петербург. Возвратившийся из ссылки в 1837 году Герцен особенно близко сошелся с В. П. Боткиным. В «Былом и думах» он вспоминает о боткинском кружке: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде».

Позднее, в 40-х годах, В. П. Боткин уговорил отца сдать половину бельэтажа Т. Н. Грановскому, знаменитому профессору истории Московского университета, который как бы заменил умершего Станкевича. Боткинские собрания обычно проходили у Грановского или во флигеле, куда переселился из основного дома сам Василий Петрович, стремясь «изолировать эти собрания от купеческого быта своей семьи». «Дом Боткиных, – вспоминает один из мемуаристов, – расположен на одном из самых живописных мест Москвы. Из флигеля, выходявшего в сад, в котором жил тогда Боткин, из-за кустов зелени открывалась часть Замоскворечья. Сад был расположен на горе, в середине его беседка, вся окруженная фруктовыми деревьями».

Несмотря на известность и дружбу со многими представителями литературного и

художественного мира, вхождение В. П. Боткина в дворянскую образованную среду не было гладким. Так, известная в Москве Е. Н. Менгден принимала у себя цвет тогдашней интеллигенции. Встретив выходявшего из гостиной В. П. Боткина, один великосветский господин спросил у нее: «Что, вы у него чай покупаете?» На что Елизавета Николаевна отвечала: «Нет, я подаю ему чай».

Сам Боткин в конце 30-х – начале 40-х годов переживает внутренний, душевный разлад, во многом связанный с его двойственным положением. Белинский пишет о нем в 1839 году: «Целый день, с 10 часов утра до 6 часов вечера, сидит он в своем амбаре и вращается с отвращением в совершенно чуждой ему сфере. Это одна из тех натур, которые созданы, чтобы жить внутри себя, а между тем судьба велит ему большую часть его времени жить вне себя». «Боткину всё в доме, – отмечает Герцен, – начиная от старика отца до приказчиков, толковало словом и примером о том, что надобно ковать деньги, наживаться и наживаться». Если В. П. Боткин и не превратился в стяжателя, если купечество и не убило в нем творческую личность, то все же сомнения не могли не коснуться его. «Какая трудная задача, – писал он в письме А. А. Бакуниной 13 сентября 1839 года, – добрый отец, которому в деле необходима моя помощь и которого убью, если откажусь заниматься делами, большое семейство, для которого должен быть подпорою, больше всего – любовь ко мне отца: все это делает из меня двойственного человека».

Не способствовали душевному равновесию и неудачи Боткина в личной жизни. К лету 1839 года относится начало его увлечения 23-летней младшей сестрой Михаила Бакунина Александрой Александровной. Между ними завязывается переписка. Однако ее родители не были в восторге от мезальянса с купцом, хотя и другом их сына. Просвещенная дворянская семья Бакуниных в этом мало отличалась от других помещичьих семей. Помолвка была отложена на год. Боткин покорился. Вскоре длившаяся больше года переписка его с Александрой угасла окончательно.

К этому времени Василий Петрович приобретает уже более прочное и независимое материальное положение. Он уже не приказчик у своего отца, а выступает на правах партнера в торговом деле. «Отдельного состояния я, действительно, не имею, – пишет он отцу Бакуниной, – но на первый раз батюшка назначил мне 50 тыс. рублей, обращающихся в общем нашем капитале, и за которые вместе при личных моих занятиях делами я буду ежегодно получать не менее 7 тыс. рублей, которых при готовой квартире, столе, экипаже, я полагаю, мне будет достаточно».

Потерпев неудачу в поисках спутницы жизни в дворянской образованной среде, Боткин кидается в другую крайность – ищет романтическую подругу в кругу, свободном от условностей света. Ранней весной 1843 года он влюбился в модистку с Кузнецкого моста Арманс Рульер. Герцен в «Былом и думах» в главе «Базиль и Арманс» подробно описал историю этого увлечения и женитьбы Боткина. Арманс, видимо, и не помышляла о законном браке до тех пор, пока сам влюбленный, исходя, видимо, из самых лучших побуждений, не сделал ей предложения, чтобы легализовать случайную связь. Однако теперь уже отец Боткина решительно воспротивился неравному браку, узнав, что его сын хочет жениться, по выражению Герцена, «на католичке, на нищей, на француженке», да к тому же еще с Кузнецкого моста, что было признаком не очень строгого поведения.

Для соблюдения тайны решено было венчаться в деревне, в селе Покровском, где летом жили Герцены. «Назначенный день истек, а пара не являлась. Поздно ночью, наконец, подъехал тарантас, и из него вылез Базиль, а за ним не Арманс, а Белинский. Оказалось, что Боткиным овладела вдруг томительная нерешительность и он тянул дело до приезда Белинского. По его совету Боткин написал невесте письмо с изложением своих сомнений. Арманс ответила на такое письмо, как и следовало

ожидать, отказом в своей руке. «Я вас буду помнить с благодарностью и нисколько не виню вас: я знаю, вы чрезвычайно добры, но еще более слабы. Прощайте же и будьте счастливы». Друзья строго осуждали Василия Петровича за нерешительность.

В конце концов Боткин все-таки женился. «Я боролся с собою из всех сил, – признавался он, – подал просьбу о выдаче мне заграничного паспорта, гнал всякую мысль, всякое желание увидеть ее. Две недели почти продолжалась эта борьба, и я, утомленный, измученный, расслабленный, с мучительной болью в груди просил свидания и сказал, что я не могу, не имею сил уехать от нее».

1 сентября Василий Петрович венчался с Арманс в Казанском соборе в Петербурге. После венчания молодые сразу же отправились за границу, в путешествие. «Судьба послала, наконец, то, о чем я и думать давно перестал», – писал он Белинскому. Но семейной жизни не получилось. Это было соединение совершенно разных по темпераменту, культуре и взглядам на жизнь людей. «Помимо несоизмеримой разницы в идеалах, взглядах, уровне культуры, – отмечает один из биографов, – резко противоречили друг другу мягкость, половинчатость, утонченный характер Боткина и страстность, грубая простота, плебейская гордость его жены». Уже на пароходе они поссорились, по словам Герцена, из-за разногласий о герое одного из романов Жорж Санд, читанного ими в дороге. В письмах к Белинскому из Неаполя и Парижа Боткин описал историю своего неудачного брака, продолжавшегося месяц, в течение которого жизнь стала для него невыносимой. «Если я не застрелился, – пишет он, – то это потому, что мне вдруг блеснула мысль – расстаться». Письма показывают, что супруги по-разному смотрели на брак. У Боткина, по его словам, «не было претензий на счастье, но только на искренние дружеские отношения и на спокойствие», Арманс же «была полна требований на счастье и на жизнь – самых страстных и романтических» и хотела видеть в муже «только рабского любовника».

В Гамбурге между супругами произошло окончательное объяснение, после чего они расстались: «Из Франкфурта пришлось отпустить ее одну», – писал Василий Петрович. По другим сведениям, он довез Арманс до Парижа, где, очевидно, устраивал на работу. Боткин назначил Арманс ежегодную сумму в размере 275 рублей (1100 франков), а в предсмертном завещании выделил ей 20 тыс. франков. В дальнейшем Арманс уже одна возвратилась в Россию. Следы ее теряются где-то в Сибири.

Боткин, называвший в письме Герцену предстоящее путешествие с Арманс «праздником своей жизни», остался за границей один. Пытаясь как-то забыться, Василий Петрович, по воспоминаниям его друзей (Анненкова, Огарева и др.), «окунулся в самый омут парижских любовных и всяческих приключений». История с супружеством на несколько лет выбила его из творческой колеи, ожесточила, «развила в нем до крайности скептицизм в отношении к людям», вызвала наружу все, что таилось непривлекательного в его характере и что ранее заслонялось романтической увлеченностью и интеллектом.

Огарев писал в связи с этим своим московским друзьям: «Василий Петрович много изменился. Его характер принял странный оттенок желчности, и лучшая его натура только изредка пробивается симптоматически». Белинский обращался к вернувшемуся из-за границы Боткину в марте 1846 года со словами, далекими от восторженной характеристики прежних лет: «Скоро увидимся – тогда вновь познакомимся друг с другом. – Говорю, познакомимся, потому что после трехлетней разлуки ни я, ни ты – не то, что были». Романтический период жизни Боткина закончился. Внутренний перелом сказался и на его общественных и художественных взглядах.

В этот период литературные интересы отступают на второй план, а экономические все больше поглощают внимание Боткина-торговопромышленника. Он превращается в сторонника развития предпринимательства по западноевропейскому образцу. Критикуя отечественное купечество за стремление обособиться, он вместе с тем отмечал достоинства нарождающейся российской буржуазии, выступал в ее защиту. «Как же не защищать ее, – пишет Боткин в письме к П. В. Анненкову, – когда наши друзья, со слов социалистов, представляют эту буржуазию чем-то вроде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве». Нужно отметить, что Боткин не смотрел на предпринимателей сквозь розовые очки: «Я вовсе не поклонник буржуазии, – пишет он тому же Анненкову 20 ноября 1846 года, – и меня не менее всякого другого возмущает и грубость ее нравов и ее сальный прозаизм... Я не в состоянии пристать ни к одной (из спорящих сторон. – М. Г.), хотя в качестве угнетенного класс рабочий, без сомнения, имеет все мои симпатии. А вместе с тем я не могу не прибавить: дай Бог, чтобы у нас была буржуазия!»

Главная контора чаеоторговой фирмы Боткиных на Варварке в Москве

Связанный с традициями дворянской культуры, Боткин мечтал о «всесословной» буржуазии, включающей и дворянство. Он стал одним из предшественников и созидателей новой культурной общности, объединяющей две культуры: дворянскую и купеческую, разночинную, своеобразным связующим мостом между ними. Эти свои взгляды он переносил и в литературу: «Пока промышленные интересы у нас не выступят на сцену, до тех пор нельзя ожидать настоящей деятельности в русской литературе».

В эти годы В. П. Боткин неоднократно публикует материалы по торгово-промышленным вопросам в свете интересов своего сословия, буквально на злобу дня. В заметке «Письмо из Нижнего» он призывает завоевать азиатские рынки. В рецензии на отчеты о Царскосельской железной дороге критик отмечает всю важность железнодорожного строительства в России, особенно подчеркивая необходимость пути Москва – Коломна в связи с интересами московского купечества, которое было заинтересовано в удобном сообщении с окско-волжским водным путем. До конца своих дней Боткин сохранял интерес к денежному балансу фирмы, к событиям в чаеоторговом мире. В самые «романтические» периоды своей жизни он не забывал о промышленности и торговле.

К этому времени изменяется и положение самого Василия Петровича в семейном деле. В последние годы отец стал иначе смотреть на то общество, которое собиралось в его доме. Образованность сына также имела благотворное влияние на главу семьи. Он с большим вниманием прислушивается ко многим его советам. Сам Василий Петрович – это уже человек с большим коммерческим опытом и нередко чисто деловые хлопоты увлекают его не меньше, чем литературные труды.

В августе 1853 года умирает Петр Кононович, и первое время после его смерти Василий Петрович фактически является главой семьи и торгового дома. Торговые дела почти совершенно отвлекают его от литературы, тем более что к началу 50-х годов обороты фирмы резко возросли. В письмах к друзьям в эти годы он постоянно жалуется, что дела совсем поглощают его, что задержки сведений от поверенного в делах в Кяхте мешают ему вырываться в Петербург для встречи с литературными друзьями, а поездки на ярмарку в Нижний совершенно изматывают его.

В эти годы В. П. Боткин в большей мере чувствует себя главой торгового дома, чем литератором, и старается подчинить свою жизнь своеобразно понятому кодексу купеческой чести. 6 августа 1857 года он пишет Дружинину: «Во многих отношениях для меня очень неловко, если мое имя явится в Ваших фельетонах... Находясь в значительных торговых делах, должен держать в строгости свое имя, в противном случае это может произвести бурное впечатление на тот класс, с которым я связан по положению моему».

Боткин, однако, болезненно переживает возвращение к торговым занятиям: «Здесь я словно в лесу, – нет хуже, – в лесу тень и свободно, а здесь словно одни стволы без листьев», – пишет он в ноябре 1855 года Некрасову. Как только представилась возможность, он передает дело в руки подросших младших братьев Петра и Дмитрия и уезжает в Петербург, а затем за границу на лечение.

На 1850-е годы приходится, пожалуй, последний всплеск литературной активности В. П. Боткина. Особенно велико было значение его в эти годы для «Современника».

А. В. Дружинин пишет 26 января 1857 года И. С. Тургеневу: «Действительная голова «Современника» теперь в одном Боткине, а трудящийся сотрудник у него один. Это Толстой». Однако к началу 1860-х годов в редакции журнала обостряются разногласия, прежде всего в связи с позицией Чернышевского и Добролюбова. Боткин с этого времени сближается с «Русским вестником» Каткова.

Любопытна оценка личности Боткина Чернышевским, по своим взглядам и образу жизни во многом антагонистом Боткина, но подметившим некоторые действительные черты его характера. «Есть люди, – писал он, имея в виду В. П. Боткина и его приятеля А. В. Дружинина, – для которых общественные интересы не существуют, которым известны только личные наслаждения и огорчения, независимые от исторических вопросов, движущих обществом. Для этих изящных эпикурейцев жизнь ограничивается тем горизонтом, который обнимается поэзией Анакреона и Горация: веселая беседа за умеренным, но изысканным столом, комфорт и женщины – больше не нужно для них ничего». Характеристика эта вряд ли справедлива насчет невнимания Боткина к общественным и историческим вопросам, которыми он всегда интересовался, но некоторые вкусы и привычки его подмечены верно.

Действительно, с годами тяга к эпикурейству, к физическим наслаждениям, некая внутренняя «обломовщина» все больше проявлялись в характере Боткина, заглушали творческую сторону его натуры, отвлекали от литературного труда. После «Писем об Испании» он фактически не создал ни одного крупного произведения, хотя по-

прежнему публиковал множество переводов, эссе, критических рецензий, статей. Со временем все больше бросается в глаза его пассивность в литературных трудах. Он и сам это с горечью сознает. На упреки в задержке одной из статей он отвечает в письме: «Вы уже ради Бога не очень меня ругайте: что делать! Доброго-то желания у меня много, да воли и терпения нет выполнять его... перед тобою проходит некоторая, так сказать, сладость жизни, то есть и порядочный обед и бургильтон и шампаньон, и добрые приятели; день за днем, в итоге душевная пустота».

В эпикурействе Боткина упрекал еще Белинский, называя сибаритом и сластою. Боткин всегда был известен как гастроном и любитель устраивать роскошные пиршества. Он часто посещал Английский клуб в Петербурге, членом которого состоял, и с особым восхищением описывал клубные обеды. Герцен писал в «Былом и думах»: «Так и вижу теперь всю застольную беседу где-нибудь на Маросейке или на Трубе, Боткина, шурящего свои и без того китайские глазки и философски толкующего о пантеистическом наслаждении есть индейку с трюфелями и слушать Бетховена». Не об этом ли с упреком писал поэт:

И музыки вся бесконечность
К осетрам соус и приправа.
Так, на Вселенную, на вечность
Мы с каждым днем теряем право.

Терял исподволь свое «право на Вселенную» и сам Боткин. Литературный дар его угасал вместе с разрушением здоровья. Беспрестанные болезни и оторванность от литературной жизни все чаще гонят Боткина за границу, на курорты. С опустошенной душой, творческую деятельность подменивший гурманством, чревоугодие обративший в культ, он исповедуется Фету в письме из Парижа: «В душе моей тихо и душно, как перед грозой, но грозы ниоткуда не предвидится, а потому вернее будет сравнение со стоячим болотом».

Последние 10 лет его жизни были особенно тяжелыми: давно подорванное здоровье все ухудшалось, и он медленно угасал, теряя зрение, способность двигаться, чувствовать, постепенно приближаясь к смерти. Возвратясь из заграничных странствий в опустевший дом, Боткин с горечью пишет Тургеневу: «Во время продолжительного отсутствия моего братья поженились, пустили корни в семейную жизнь, у них сложилась своя колея... надо выбрать себе какое-нибудь гнездо... В 52 года чувствовать себя бобылем и никому не нужным невыносимо тяжело... здоровье мое расстроено, занятия невозможны».

Василий Петрович почти полностью отошел от дел семейной фирмы и, когда возвращался из-за границы, предпочитал жить в Петербурге. В семье он пользовался авторитетом, но характера его боялись. Он был, по выражению Фета, «обоюдоострым», одинаково умевшим быть и нестерпимо резким и елейно сладким. В добрый час он умел быть чрезвычайно любезным, но иногда был так капризен, что ему не легко было угодить. Все старались избежать его обидных замечаний, на которые в кругу близких он не скупился.

Склонный к созерцательной жизни, Боткин держался вдали от политики, хотя внимательно наблюдал за политическими и общественными движениями своего времени, но более всего предпочитал заниматься искусством. За два года до смерти он писал: «Я дорожу искусством за наслаждение, которое оно мне доставляет; и до всего прочего мне нет дела». Это отношение к прекрасному он пронес сквозь всю свою жизнь. Когда он писал об архитектуре итальянского Возрождения, то становился поэтом: «Здравствуй, милая, мраморная, удалая Венеция! Здравствуй, величественный лев, заснувший глубоко и непробудно! Здравствуй, прекрасная

Венеция! С пламенным желанием спешил я к тебе, и хожу по тебе очарованный... Из тени на площади вид на дворец дождей, стоящий к морю и весь облитый светом месяца, удивителен. С арками, барельефами, прозрачными кружевными рубцами своими он казался мне воздушным. Я стоял очарованный необыкновенным видом! Воображение рисовало картины минувшей жизни венецианской: сколько жизни, страсти, любви кипело на этой площади, теперь тихой, пустынной...»

Болезнь все больше разрушала организм Боткина, и когда за границей выяснилось, что состояние его здоровья безнадежно, он решил скорее возвратиться в Россию. «Лучше умереть на родине», – говорил он. Философски относясь к смерти, В. П. Боткин не боялся ее, но под конец хотел пережить «еще побольше художественных впечатлений и наслаждений». В Петербурге для него отделали великолепную квартиру со всем комфортом и роскошью. К этому времени от ревматизма ему свело почти все тело и особенно руки. Его носили на коже с приделанными ручками, но он сам следил за оформлением комнат, украшением их картинами. Всю жизнь он был расчетлив и бережлив, но теперь ничего не жалел на лукулловы пиры, которые устраивал на своей квартире и на которых сам мог присутствовать лишь как зритель. Для себя он составил постоянный квартет из превосходных музыкантов, исполнявших его любимые вещи.

Даже в эти дни жажда познания Боткина была необыкновенной. Фет пишет, что незадолго до смерти Василий Петрович, полуслепой, проводил время за изучением каких-то индусских рукописей. За три дня до смерти «он как бы на прощальный пир пригласил обедать старых друзей своих... Самого его принесли на руках и поместили на хозяйском месте. Он не владел руками, и печать смерти, видимо, уже лежала на нем, но глаза блистали огнем полного и живого сознания. Ел он мало, но с видимым удовольствием. В середине обеда он опустил голову и лег ею на свою тарелку, на которую тотчас же положили маленькую кожаную подушку... А вокруг него шел все тот же веселый и живой разговор, который так любим был им и в котором он чувствовал необходимость до самых предсмертных своих минут. К десерту он велел вновь приподнять себе голову, съел какой-то фрукт, потом перенесли его на диван, и гости его продолжали вокруг него смеяться и болтать».

Накануне дня смерти Боткин заказал себе к следующему утру квартет и долго обсуждал его программу: «Музыку надо выбрать пояснее, я ведь слаб, сложное утомит меня». Он тихо скончался утром 10 октября 1869 года под звуки музыки Бетховена. Смерть Боткина соответствовала всей его жизни, поклонению «красоте, возносящейся к небесам», и явилась логическим завершением его эпикурейского мировоззрения. «Боткин, – писал Фет, – подобно древнему римлянину, даже не понял бы, что хочет сказать человек, проповедовавший, что перед смертью не надо венчаться розами, слушать вдохновенную музыку или стихи, вдыхать пар с лакомых блюд».

Погребен Боткин в Москве, на кладбище Покровского монастыря. По завещанию им было оставлено 70 тыс. рублей на благотворительные цели, главным образом на поощрение науки и искусства. По словам его биографов, Боткин «не принадлежал к числу людей, действовавших по первому движению сердца, но тем более обдуманно были его поступки, когда он решал выступить в роли благотворителя». Он всегда был готов помочь действительно нуждающемуся, по его мнению, близкому человеку, поддерживал материально Белинского и друзей-писателей, неоднократно вырубал крупными суммами «Современник».

Василий Петрович сделал в завещании подробные распоряжения, в которых отразились все его интересы и симпатии: крупные суммы были завещаны Московскому университету, художественным музеям и Обществу поощрения

художников, Московской и Петербургской консерваториям.

Выдающиеся дарования Василия Петровича Боткина, его литературная деятельность как бы сразу задали высокий настрой нескольким поколениям династии. Влияние старшего брата самым решающим образом сказалось уже на судьбе второго сына П. К. Боткина, Николая Петровича (1813–1869). Благодаря обширным дружеским связям Василия Петровича, Н. П. Боткин быстро вошел в литературные и художественные круги, несмотря на то, что получил скудное образование и не блистал особенными талантами. Зато он прославился как неутомимый путешественник, «красавец-турист» (по выражению А. Фета) и ангел-хранитель русских художников и писателей.

В зрелые годы Н. П. Боткин почти не жил в Москве и, хотя числился членом семейной фирмы, в торговых делах практически не участвовал. Почти всю жизнь он провел в путешествиях, объехал Малую Азию, Египет и, конечно, Европу. В Париже он имел постоянную квартиру, живо интересовался французским художественным творчеством. В Риме Н. П. Боткин близко сошелся с Н. В. Гоголем и художником А. А. Ивановым, которого не раз ссужал деньгами.

Дом Боткиных

Благодаря тому, что Николай Петрович постоянно и тесно общался со многими выдающимися людьми (писателями и художниками), его имя часто встречается на страницах воспоминаний и в переписке современников. Так, Белинский в письме к В. П. Боткину из Петербурга от 28 июня 1841 года упоминает о нем: «Ну как переменялся твой брат – узнать нельзя. Где его апатичное, биллиардное выражение лица, где тусклые, сонливые глаза! Знаешь ли, меня восхитило его лицо, – в нем столько благородства, человечности, особенно в глазах, которые он точно украл у тебя... Да, это перерождение, чудо духа, которое я видел своими глазами».

И. И. Панаев в своих воспоминаниях отмечает, что купец-меценат участвовал в 1842 году в его «субботах» в Петербурге, на которых присутствовал цвет тогдашнего литературного мира. А. Я. Панаева писала о Н. П. Боткине: «Он много помогал за границей русским художникам и учащимся там молодым людям, да вообще всем беднякам, если узнавал, что кто-нибудь из них нуждается в деньгах. Он это делал так деликатно, втихомолку, что если и узнавалось об этом, то от самих тех лиц, кому он оказывал денежную помощь».

Особенно близкие отношения установились у Николая Петровича с Н. В. Гоголем. Н. П. Боткин был очень к нему привязан и всегда старался чем-нибудь услужить.

Гоголь, со своей стороны, платил ему взаимностью, называл «добрым малым». В 1840 году путешествуя по Европе Н. П. Боткин, будучи в Вене, буквально спас от смерти тяжело заболевшего там Гоголя. Он вывез Гоголя из гостиничных номеров, устроил у себя, лечил, выхаживал и потом поехал с ним в Рим.

В письме к историку М. П. Погодину Гоголь сообщал: «При мне был один Боткин, очень добрый малый, которому я всегда останусь за это благодарен, который меня утешал сколько-нибудь, но который сам потом мне сказал, что он никак не думал, чтоб я мог выздороветь». А их общий приятель В. А. Панов писал С. Т. Аксакову об этом случае в ноябре 1840 года: «Болезнь, от которой Гоголь думал умереть, задержала его в Вене. К счастью, с ним был Боткин. Этот истинно добрый человек ухаживал за ним как нянька».

Дружен был Николай Петрович и с Некрасовым, посвятившим ему в первом своем сборнике стихотворение «Праздник жизни – молодости годы». Все знавшие Н. П. Боткина подчеркивали его удивительную доброту. «Редко встретишь людей с таким истинно добрым сердцем, – писал один из них, – как покойный Н. П. Боткин. Он был добр не по принятому правилу, но по непреодолимому влечению души. Его тянуло на добро. Он был счастлив, когда мог оказать кому-нибудь полезную услугу».

Н. П. Боткин умер 4 мая 1869 года в Будапеште, возвращаясь на родину из далекого путешествия по Египту, Палестине и Сирии. В 1850-е годы у Николая Боткина началось нервное расстройство, приведшее в результате к тяжелому психическому заболеванию, выражавшемуся в мании преследования. В связи с этим существуют разные версии его гибели. Согласно одной, он покончил с собой, выбросившись из окна гостиницы, где остановился. Согласно другой, Николай Петрович, почувствовав себя плохо ночью, поднялся на верхний этаж гостиницы, вероятно, чтобы позвать своего лакея-француза, и в темноте, приняв окно за дверь, открыл его и упал с шестого этажа. Погребен он был, так же как и его старший брат, в Москве, на семейном участке кладбища Покровского монастыря. Мало что известно о третьем сыне Петра Кононовича от первого брака – Иване. По некоторым сведениям, он жил в Москве и скончался около 1885 года.

Из шести сыновей от второго брака Петра Кононовича лишь о рано умершем Владимире не сохранилось сведений. Младшие братья и сестры фактически представляли уже другое поколение семьи Боткиных, так как разница в возрасте между ними и их старшими братьями и сестрами, родившимися от первого брака их отца, была очень значительной. Кроме того, весьма заметной была разница в образовании. Ведь даже Василия Боткина, упорным трудом и настойчивостью приобретшего глубокие познания, но не имевшего высшего образования, его современники и позднейшие исследователи иногда позволяли себе упрекать в дилетантизме.

Следующее поколение Боткиных своим блестящим образованием обязано Василию Петровичу. Имея большое влияние на отца, он младших братьев «провел через университет», а сестрам нанимал на собственный счет учителей по предметам, знание которых считал необходимым. Прекрасное образование и глубокий интерес к культуре, ставшие своего рода традицией в семье Боткиных, упрочили авторитет этой династии как в торгово-промышленном мире, так и в различных слоях образованного общества России во второй половине XIX – начале XX века.

Чаеторговцы, сахарозаводчики, коллекционеры

Практически все представители младшего поколения Боткиных преуспели в делах,

сумели проявить себя в той сфере деятельности, которую избрали. Старший из них, Павел Петрович (1827–1885), окончил Московский университет и стал юристом, что было редкостью для купеческих сыновей в то время. Одновременно он представлял семейную чайную фирму в Петербурге. Однако П. П. Боткин мало занимался коммерческими делами, основная тяжесть их ведения легла на плечи двух его младших братьев – Петра, ставшего главой фирмы, и Дмитрия. Владельцем дома в Петроверигском переулке, по дележу, стал также Петр Петрович (1831–1907). Между двумя братьями наметилась своеобразная специализация в ведении дел. Вся торговля и переговоры с покупателями в Гостином дворе находились в ведении Петра. Дмитрий же занимался главным образом кабинетной работой. Он был хозяином в «конторе», помещавшейся на Маросейке в фамильном доме. Им самим или под его непосредственным наблюдением велись вся канцелярия и счетоводство, общая координация всего дела и переписка с поставщиками.

Петр Петрович твердой рукой вел торговое дело, начатое отцом. Он обладал незаурядным коммерческим талантом, имел великолепную память и никогда не записывал ничего в памятные книжки. Под его руководством фирма процветала и вскоре была преобразована в товарищество.

Петр Петрович был очень колоритной и своеобразной фигурой московского купца нового поколения. Он целыми днями сидел в так называемом амбаре в Гостином дворе, за границу выезжал редко, в обществе совсем не бывал. Даже к ближайшим родственникам всегда только «заскакивал», никогда не оставляя обедать. Отмечали его тонкий и саркастический ум: часто его замечания, сказанные, казалось бы, добродушным тоном, заключали в себе либо осуждение, либо весьма тонкий упрек.

Были в Москве семьи, в том числе и купеческие, которые откровенно недолюбливали богача-чаеоторговца. Е. А. Андреева-Бальмонт, дочь владельца известного в Москве магазина колониальных товаров и гостиницы «Дрезден» и жена поэта К. Бальмонта, в своих воспоминаниях дает П. П. Боткину самую резкую характеристику: «Опытный делец, хитрый и лицемерный человек (в Москве говорили, что Щедрин списал с него своего Иудушку)...» Правда, раздражение ее можно объяснить обидой за своего старшего брата, Василия, женатого некоторое время на дочери П. П. Боткина, Анне, вскоре ушедшей от него. Брат тяжело переживал ее уход, заболев нервным параличом. Но было и другое обстоятельство. После ухода дочери Петр Петрович потребовал обратно уже вложенные в дело 200 тыс. рублей, которые он дал за ней в качестве приданого, что тяжело сказалось на материальном положении семьи Андреевых.

Общественной деятельности Петр Петрович избегал, но он состоял церковным старостой в храме Успения на Покровке и одновременно – Архангельского собора. Позднее, чуть ли не со дня освящения храма Христа Спасителя, Петр Петрович стал старостой в нем. Его племянник вспоминает, как видел на пасхальной заутрене, в «невероятно густой толпе», пробиравшегося с блюдом в руках, во фраке и с Владимиром на шее, дядю, собиравшего пожертвования прихожан.

Традиционная для московского купца глубокая религиозность сочеталась в нем с более современным обликом предпринимателя новой формации, что отражалось даже в его внешности: Петр, чуть ли не единственный из братьев, не носил усы и бороду. Вообще, на внешний облик братьев Боткиных удивительно ярко наложила отпечаток профессиональная сфера деятельности каждого. Так, Василий Петрович носил небольшие бакенбарды, обнаруживая влияние времени 1840-х годов, литературной и дворянской среды, где они были в моде. Павел имел вид преуспевающего юриста или судебного чиновника. Это был, по воспоминаниям, «старый холостяк, сладкий, круглолицый, как луна, ценитель красоты вообще и

женской – в частности. Прелестный гоголевский тип...». Дмитрий Петрович, компаньон Петра, был тщательно подстрижен. Сергея Петровича, известного клинициста, «всякий, – пишет мемуарист, – хотя бы издали его видевший, мог принять только за профессора или врача. Михаил Петрович мог смело сойти за любого из русских художников – с небольшой острой бородкой, вроде репинской».

Петр Петрович был женат на Надежде Кондратьевне Шапошниковой. У них родилось три дочери: старшая, Анна, вышедшая замуж за купеческого сына В. А. Андреева, и вскоре разведенная; Надежда, бывшая замужем за известным художником и коллекционером икон И. С. Остроуховым; Вера, ставшая в 1887 году женой Н. И. Гучкова – будущего московского городского головы и общественного деятеля, брата знаменитого А. И. Гучкова. Семейный особняк Боткиных в Петроверигском был назначен в приданое Вере, и она поселилась в нем вместе с мужем. А Николай Иванович Гучков становится директором товарищества чайной торговли «П. Боткин и сыновья».

С начала 80-х годов Петр и Дмитрий Боткины параллельно с чайной торговлей занялись сахарным делом. С этой целью в 1882 году в Курской губернии было приобретено имение Таволжанка со старым сахарным заводом. Имение было совершенно неустроенным, с запущенными и истощенными землями, полуразрушенным прессовым свеклосахарным заводом. В короткий срок, вложив крупные средства, Боткины модернизировали производство. Завод был перестроен в «диффузионный» и расширен «с соблюдением всех новейших технических усовершенствований». Были прикуплены и арендованы земли для устройства свекловичных плантаций, налажено административное управление. В результате уже через несколько лет производительность завода увеличилась в два раза. В 1887 году к заводу была подведена узкоколейная железная дорога для подвоза свеклы и каменного угля и вывоза продукции и отходов. С 1885 по 1896 год производились многие улучшения и обновления (перестройка паточного, упаковочного отделений, помещения для сепарации, известково-обжигательных печей и др.), вследствие чего производительность завода увеличилась.

Особенно большое внимание сахарному заводу уделял Дмитрий Петрович, вникавший во все тонкости предприятия и сельскохозяйственных работ, с ним связанных. После его смерти все сахарное дело перешло из собственности фирмы «П. Боткина сыновья» во владение специально образованного Товарищества Новотаволжанского завода Боткиных. Во времена расцвета дела на свекловичных плантациях работало до 10 тыс. человек, а завод вырабатывал ежегодно около 800 тыс. пудов сахара. За высокое качество продукции завод награждался медалями: большой золотой – на Парижской выставке (1889), бронзовыми – на Антверпенской (1885) и Чикагской (1893) всемирных выставках, большой золотой медалью на Харьковской всероссийской выставке (1887).

Многое делалось для улучшения условий труда рабочих. Была введена довольно высокая тарифная сетка оплаты в зависимости от тяжести труда. Для рабочих были построены три казармы, из них две каменные, с хорошей вентиляцией, отоплением и электрическим освещением; для служащих и старших мастеровых – квартиры. Большинство рабочих питались в общей столовой. В 1883 году на средства Боткиных была открыта церковноприходская школа, а с 1894 года ее преобразовали в заводское училище. В 1883 году была учреждена больница с бесплатным приемом и отпуском лекарств. Помимо заводских больница обслуживала и окружающее население. Кроме того, с 1 сентября 1895 года для служащих, мастеровых и рабочих завода и экономии была учреждена вспомогательно-сберегательная касса, причем товарищество участвовало взносами в пользу каждого ее члена.

Правление товарищества находилось в Москве. Еще при жизни Петра Петровича основную тяжесть управления предприятием взял на себя его зять – Н. И. Гучков. Участвовал в управлении и сын Дмитрия, Петр Дмитриевич. Однако основой благосостояния семьи Боткиных оставалась чайная фирма.

Влияние профессиональной торговой деятельности, общения с купеческой средой не могло не сказаться на бытовом укладе и привычках двух братьев, стоявших во главе семейного торгового дела Боткиных. Это особенно ярко видно на примере старшего из братьев, Дмитрия, удивительным образом сочетавшего в своей жизни, увлечениях черты патриархального уклада с тяготением к живому миру художественного творчества и новым направлениям в искусстве.

Дмитрий Петрович Боткин родился в Москве 12 сентября 1829 года. Образование он получил в считавшемся в то время образцовым пансионе Эннеса. После его окончания он был, согласно желанию отца, сразу же приставлен к семейному торговому делу и отправлен в Сибирь и Кяхту. В Иркутске он изучает пути транспортировки чая, закупаемого в Китае агентами боткинской фирмы и отправляемого в Россию караванным путем в больших, в форме ящика, коробах из толстой кожи (цыбиках). Тридцати трех лет от роду, уже занимая хорошее положение в обществе, потомственный почетный гражданин и купец 1-й гильдии Д. П. Боткин вступает в брак с юной Софьей Сергеевной Мазуриной из богатого купеческого рода владельцев Реутовской мануфактуры, внучкой московского городского головы А. А. Мазурина. Это была семья известных в Москве коллекционеров, состоящая в родстве со многими не только купеческими, но и аристократическими семействами. Сама Софья Сергеевна, потеряв ребенком родителей, воспитывалась сестрой отца, княгиней Александрой Оболенской. Молодая чета поселилась в приобретенном в собственность большом особняке на Покровке «против церкви Воскресения в Баражах», где зажила «исключительно счастливой семейной жизнью».

В воспоминаниях их сына, Сергея Дмитриевича, отмечается «патриархальный и типично московский» уклад жизни, сохранявшийся в семье, несмотря на то что «родители много выезжали, а главным образом, много принимали». Отличаясь гостеприимством и хлебосольством, имея троих детей (Елену, Петра и Сергея), супруги часто устраивали балы и маскарады, которые охотно посещались купеческой молодежью. О том, «как было весело у Боткиных», рассказывают многие мемуаристы. Все это не мешало строгому соблюдению традиций православия. Не реже раза в год привозили в дом чудотворные иконы Иверской Божией Матери и Спасителя из часовни около храма Василия Блаженного. По принятому обычаю после молебна все молящиеся на коленях проползали под этими святыми иконами. Раз в год мать ездила на поклонение в Троице-Сергиеву лавру.

Хозяйственный уклад жизни семьи Д. П. Боткина даже в 1870-х годах напоминал жизнь «старосветских помещиков», способных обходиться без магазинов. Огромный особняк на Покровке действительно представлял собой «усадьбу».

В просторных коровниках всегда стояло 3–4 коровы. Обширное хозяйство требовало многочисленной прислуги, которой насчитывалось до 25 человек.

Внутри дома на Покровке вела большая мраморная лестница. На стенах в прихожей гобелены XVIII века, ранее украшавшие гостиную бабушки Софьи Сергеевны. Ее «дивный портрет работы Тропинина» также находился в доме. На высоком камине, облицованном голландским кафелем, красовались пять больших ваз старого китайского фарфора. Вся обстановка дома как бы сохраняла характерные для Боткиных традиции любви ко всему прекрасному, коллекционерства и меценатства.

Для Дмитрия Петровича искусство, собирание картин представляли главный интерес жизни. «Самый пылкий, – по словам Фета, – из молодых братьев, оставшийся навсегда энтузиастом изящного», он стал страстным коллекционером живописи. В 1859 году старший брат, Василий, подарил ему несколько картин, которые и послужили началом галереи. К концу жизни Дмитрий Боткин считался в Москве одним из известнейших собирателей и знатоков искусства. Дом на Покровке упоминался даже в известном международном путеводителе для туристов и посещался (по особым разрешениям) наравне с московскими музеями.

Основу коллекции составили произведения живописи современных ему художников французской и немецкой школы: Т. Руссо, К. Коро, Ш. Добиньи, Ж. Милле, К. Труайон, Ж. Бретон, Л. Жером, Ж. Дюпре, Э. Мейерсон, Н. Диаз, Г. Курбе, Э. Дега, Э. Мейссонье, О. Ахенбах, Андреас, Кнаус, Макс и др. Широко были представлены венская, испанская и итальянская школы. Одна из картин финского художника А. Эдельфельта была позднее приобретена у наследников Дмитрия Петровича Национальным музеем в Хельсинки. Редкостному собранию посвящались статьи в периодической печати. Современники отмечали, что в особняке на Покровке представлена, хотя и не особенно большая, но прекрасно подобранная коллекция новейших иностранных мастеров.

Каждый год коллекционер с семьей выезжал за границу. И если начинались поездки с какого-нибудь курорта или морского побережья, то заканчивались они обязательно в Париже посещением крупнейших частных коллекций, выставок и галерей.

Не любивший общественную деятельность и никогда не поступавший на государственную службу, Дмитрий Петрович принимал деятельное участие в художественной жизни Москвы и Петербурга. После смерти первого председателя московского Общества любителей художеств (основанного в 1860-е годы), известного археолога графа А. С. Уварова, председателем общества был избран Д. П. Боткин, который оставался в этой должности до своей кончины. Общество в 1870-1880-е годы регулярно устраивало выставки произведений искусства, знакомило с новостями русской живописи, выпускало различные художественные издания. Дмитрий Петрович являлся также членом совета Московского училища живописи и ваяния. Обширные залы училища стали известны публике по выставкам «передвижников».

П. М. Третьяков

Д. П. Боткин был одним из ближайших друзей П. М. Третьякова, нередко помогая ему в подборе картин. Общий интерес к коллекционерству и понимание задач художественной жизни сближали их, но иногда приводили к конфликтам. Один из них, связанный с деятельностью Боткина в качестве председателя Общества любителей художеств, развернулся вокруг хивинской коллекции картин В. В. Верещагина. Третьяков нашел ее настолько ценной, что по совету брата Д. П. Боткина художника М. П. Боткина купил и подарил ее обществу с условием, чтобы за три года оно нашло для нее подходящее помещение. Однако до конца срока помещение найдено не было, и Третьяков счел себя вправе перевести эту коллекцию в свою галерею. Вышла размолвка. Оба друга обиделись, жестоко поссорились и даже перестали встречаться. Инициатором примирения стал их общий приятель и родственник Третьяковых В. Д. Коншин, который, пригласив бывших друзей на обед к себе на дачу в Кунцево, уговорил их забыть размолвку. Однако это были лишь отдельные недоразумения.

К концу жизни имя Д. П. Боткина, как коллекционера и художественного деятеля, приобрело настолько широкую известность, что императорская Академия художеств в Петербурге избрала его почетным академиком. Умер он в один год со своей горячо любимой женой в 1889 году.

Основатель русской клинической школы

Самую громкую известность из семьи Боткиных, затмившую даже славу его старшего брата, Василия, приобрел Сергей Петрович – выдающийся врач-терапевт с мировым именем, общественный деятель, основатель русской клинической школы. Он родился в Москве 5 сентября 1832 года. До 15-летнего возраста Сергей вместе с братьями, Дмитрием, Петром и Михаилом, воспитывался в родительском доме под непосредственным наблюдением своего знаменитого старшего брата, имевшего на него огромное влияние.

Первая учительница Сережи никак не могла научить его читать. К девяти годам он едва читал по складам. Старик отец держал за это сына в черном теле, не любил за нерадивость и часто говорил: «Что с этим дураком делать? Одно остается – сдать в солдаты». Зато полюбил Сережа математику, с увлечением занимаясь с домашним учителем А. Ф. Мерчинским – студентом университета.

В 1847 году Сергей поступает приходящим учеником в пансион Эннеса, посещавшийся и его братьями. Некоторые предметы там преподавались на французском языке, но древние языки не изучались. Поэтому Сергей, уже при поступлении заявивший, что желает подготовиться в университет, сразу же стал брать дополнительно уроки латинского языка. Уроки русского языка и русской истории проводил известный собиратель древнерусских преданий и народных сказок А. Н. Афанасьев, уроки всеобщей истории – профессор политической экономии И. К. Бабст, математику преподавал Ю. К. Давидов, получивший вскоре кафедру в Московском университете.

Уже во время обучения в пансионе Сергей обнаружил выдающиеся способности по математике и по совету брата и его друзей из кружка Грановского решил поступать в университет на математический факультет. Проучившись в пансионе два года, он досрочно, до его окончания, сдает экзамены для поступления в университет и блестяще их выдерживает. Интересно, что репетитором у него был студент медицинского факультета Рубинштейн, брат знаменитых музыкантов.

Однако желанию юного Боткина не суждено было сбыться. Как раз в это время Николай I издал указ, согласно которому на все факультеты принимались только лучшие ученики казенных гимназий. Исключение составлял лишь медицинский факультет. Огорченному юноше пришлось стать студентом-медиком. Эта «неудача» оказалась счастливой для С. П. Боткина и всей русской медицины. Его ближайший друг и сокурсник, а впоследствии биограф, доктор И. А. Белоголовый, не сомневался в правильности сделанного Боткиным выбора, отмечая, что «в области кабинетной науки он не встретил бы возможности развернуть те гуманные и многообразные практические стороны своего характера, которыми так щедро наградила его природа и которые во врачебной деятельности, более чем в какой-либо другой, находят самое обширное повседневное приложение». Позднее и сам С. П. Боткин пришел к выводу, что «медицинская деятельность наиболее способна дать полное нравственное удовлетворение».

О студенческой жизни его известно немного. Доктор И. А. Белоголовый пишет, что Сергей Петрович аккуратно посещал лекции и тщательно их записывал. Его записями пользовались товарищи-однокурсники. Особое внимание Боткин уделял слушанию лекций по физиологии и фармации. Высоко ценил он, как учителя, широко известного в то время профессора Ф. И. Иноземцева, преподававшего клинические дисциплины.

На пятом курсе Боткин проявил себя как талантливый студент, обладавший клиническим мышлением и умевший лучше других разбираться в диагностически запутанных случаях. Эти его качества отмечались многими однокурсниками и преподавателями. По окончании университета в апреле 1855 года он был сразу допущен к докторскому экзамену, который сдал в это же лето, и был направлен под начальство знаменитого хирурга Н. И. Пирогова в Симферополь, куда после падения Севастополя доставлялись главные транспорты с ранеными. Здесь, в Бахчисарайском госпитале великой княгини Елены Павловны, Сергей Петрович на протяжении трех с половиной месяцев исполнял обязанности ординатора, заслужив блестящий отзыв Н. И. Пирогова. За это время он удостоверился в чрезвычайно скромных возможностях практической медицины того времени и, кроме того, с горечью убедился в своей непригодности к хирургической деятельности из-за слабого зрения. Боткин вспоминал позднее, что испытывал особенные затруднения при ампутации конечностей, когда приходилось перевязывать мелкие сосуды, чтобы остановить кровотечение.

С. П. Боткин

Ко времени окончания войны у С. П. Боткина созрело убеждение в недостаточности знаний и необходимости поездки за границу для совершенствования в специальности. После смерти отца Сергей Петрович, как и другие младшие братья, получил в наследство некоторую сумму денег, которая дала ему возможность отправиться за

границу для продолжения образования.

В феврале 1856 года Боткин выехал в Германию, предполагая через полтора года вернуться, чтобы занять освобождающуюся должность адъюнкта в клинике Медико-хирургической академии. Однако пребывание за границей затянулось. Случайная встреча в дороге с немецким врачом, ярко описавшим блестящие достижения в науке Рудольфа Вирхова, произвела на Боткина настолько сильное впечатление, что он решил немедленно ехать в Вюрцбург к Вирхову, за которым вскоре последовал в Берлин. Здесь Боткин осваивал работу с микроскопом в лаборатории Патологического института Гоппе-Зейлера и в клинике известного профессора Таубе. В Берлине он сблизился с группой молодых русских ученых, особенно с И. М. Сеченовым, с которым навсегда сохранил дружеские отношения. В декабре 1858 года он переезжает в Вену, где работает в университете и слушает лекции знаменитого физиолога К. Людвиг.

В Вене в мае 1859 года молодой врач вступает в брак с дочерью небогатого московского чиновника Анастасией Александровной Крыловой. Сразу после свадьбы молодожены отправились в путешествие по Средней Германии и Центральной Европе, во время которого посетили прирейнские минеральные воды и курорты Швейцарии для ознакомления с постановкой курортного дела. Затем С. П. Боткин посетил Англию и вернулся для зимних занятий в Париж, где работает над докторской диссертацией. Лишь 10 августа 1860 года Боткин вернулся в Россию. Сразу же по приезде он защитил в Петербурге диссертацию и получил степень доктора медицины, а 12 октября был утвержден конференцией Военно-медицинской академии в должности адъюнкт-профессора по кафедре академической терапевтической клиники.

До конца жизни Военно-медицинская академия стала основным местом его деятельности. Здесь он сформировался как выдающийся клиницист, ученый и педагог. Здесь им были заложены основы современной научной терапии, создана первая в России клиническая лаборатория, способствовавшая внедрению в повседневную практику врачей физических и химических методов исследования. В ней под его руководством работал и будущий гениальный физиолог И. П. Павлов.

В конце 1861 года Сергей Петрович при активной поддержке студентов был избран ординарным профессором академии, заняв кафедру терапевтической клиники. Это произошло не без борьбы. В России того времени еще традиционно сохранялось засилье профессоров немецкого происхождения и в академии было много сторонников сохранения «немецких традиций», не хотевших, чтобы такая важная по своему значению кафедра перешла под начало молодого русского ученого. Сам Боткин так описывал развернувшуюся вокруг него борьбу в письме к брату М. П. Боткину: «Здесь открылась партия против меня, которая еще не успела спеться и приготовиться к действию. Одна партия, самая сильная, готовила Экка... Студенты прислали депутацию в конференцию и... просили заявить их желание видеть на этом месте Боткина, а не кого другого... Один из главнейших моих противников требовал, чтобы я прочел лекцию не теоретическую, но практическую над больными, которых мне выберут, что и было мною выполнено, после чего я был избран 16 голосами против трех в профессора клиники». Боткину не было еще и тридцати лет.

С. П. Боткин принадлежал к числу выдающихся деятелей русской науки XIX века. Молодой профессор ввел новейшие методы исследования, так называемый клинический разбор больных. Он пришел к выводу о необходимости индивидуального подхода к лечению больного человека. Поразительным было его влияние на улучшение самочувствия самих больных. Многие из них вспоминали, что одни и те же лекарства и назначения, если они исходили непосредственно от Боткина, обладали гораздо большей эффективностью, чем когда их назначали другие врачи. В таких случаях говорят о психотерапевтическом влиянии на больного самой личности врача.

Для преподавания он считал очень важным посмертное подтверждение диагнозов, практикуя во всех случаях обязательное вскрытие. Многие его ученики приобрели известность: Н. П. Симановский, В. А. Манассеин, В. Н. Сиротинин, Н. И. Соколов, М. В. Яновский и др. Его лекции издавались в огромном количестве экземпляров.

Известность Боткина росла. В 1866 году он стал членом медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского ученого комитета, в 1870 году получил звание академика Медико-хирургической академии и был назначен лейб-медиком царской семьи. Он стал первым русским придворным врачом. Ранее этой чести удостоивались только иностранцы. Назначение вызвало у Сергея Петровича противоречивые чувства. С одной стороны, это являлось признанием его заслуг и открывало новые возможности влиять на постановку медицинского дела в стране. Печать, ранее нападавшая на него, стала расхваливать на своих страницах нового академика, помещать его портреты, рекламировать боткинские порошки, боткинские капли и даже боткинский квас. С другой стороны, новые обязанности нередко надолго отвлекали от его любимых занятий, науки, его клиники.

С. П. Боткин на обходе больных в клинике

С. П. Боткин должен был посвящать немало времени придворной службе, ему было поручено лечение больной императрицы Марии Александровны. Весной 1872 года он сопровождал царственную пациентку в Ливадию. Затем две зимы подряд Боткину пришлось провести с императрицей на побережье Средиземного моря, в Сан-Ремо. Фактически ему приходилось всегда сопровождать государыню в ее заграничных путешествиях, иногда подолгу находиться вне Петербурга. Все это лишало его возможности читать курс лекций в академии, прерывало клинические занятия. Боткин не любил ни своего придворного звания, ни своих обязанностей во дворце. В своем дневнике он записывал во время поездки с двором императрицы в Сорренто, Рим и Эмс: «Все рассуждают с точки зрения себялюбия, самолюбия, зависти... общество невозможное, скорее вон из него».

Дворцовые интриги, пересуды, зависть угнетали его, однако отказаться от придворной службы было невозможно, это могло быть неправильно истолковано. Боткин, впрочем, и свои заграничные путешествия с двором старался использовать: посещал больницы, знакомился с иностранными учеными и новыми достижениями медицины. Кроме тяжелых психологически обязанностей придворного медика, досаждали ему и многочисленные титулованные пациенты, не только русские, но и

иностранцы. Популярность Боткина за границей была настолько велика, что его встречали всюду, особенно в Германии и Франции, с большим почетом. В Париже, когда он посетил лекции знаменитого профессора Шарко, тот представил Сергея Петровича в таких лестных выражениях, что студенты устроили ему грандиозную овацию.

Чрезвычайно популярен С. П. Боткин был как практикующий врач и замечательный диагност, внимательный к больным, неоднократно помогавший им деньгами. В его небольшой гостиной в доме у Спаса Преображения на прием набивалось до 50 человек. Он всегда оказывал помощь беднякам, хотя был обременен большим семейством (у него было 12 детей) и часто не имел лишних и свободных денег.

Сергей Петрович был прекрасным музыкантом, отлично игравшим на виолончели. Три раза в неделю, уже в двенадцатом часу ночи приходил к нему для репетиций профессор консерватории Зейферт. В воскресные вечера исполнялись квартеты классической музыки. В остальные дни С. П. Боткин любил играть в фортепианном сопровождении жены.

Как все Боткины, он отличался широким гостеприимством. Большой популярностью пользовались «боткинские субботы». Среди друзей и знакомых Сергея Петровича было много художников, артистов, музыкантов, литераторов. Это создавало своеобразную атмосферу вечеров. Один из сыновей Боткина вспоминал: «Отец мой – молодой профессор медицинской академии был душой целой плеяды молодых русских ученых, которые собирались у него по субботам, вечером, и засиживались до поздней ночи. Поэты, музыканты, композиторы, драматурги и романисты смешивались на этих вечерах с докторами, химиками, физиологами и математиками, и все вместе за большим овальным столом представляли из себя в высшей степени своеобразное сборище». Из этого кружка вышли ученый-химик и композитор А. П. Бородин, композитор Цезарь Кюи, читавший фортификацию в Артиллерийской академии, писатель-сказочник и профессор зоологии Вагнер. «Все это результаты субботних вечеров, – шутил отец. – Когда музыканты, литераторы и ученые садятся за один стол и пьют чай из того же самовара – ученые становятся артистами и наоборот».

В числе друзей и близких знакомых Сергея Петровича были не только люди разных профессий, но и разных социальных групп и поколений: А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, композитор и дирижер Э. Ф. Направник, художник П. П. Чистяков, ученый И. М. Сеченов. К нему обращались за помощью и консультацией и банкиры, и промышленники, и художники, и титулованные особы, и простые люди. Благородная связующая и просветительская роль Боткиных была им продолжена в еще больших масштабах. Более всего она проявилась в его общественной деятельности.

В самом ее начале он стал одним из организаторов и руководителей Георгиевской общины сестер милосердия при главном управлении Общества попечения о раненых и больных воинах. В задачу общины входила подготовка сестер милосердия для ухода за больными и ранеными. В 1874 году при общине по предложению Боткина была открыта школа фельдшерниц. Он вообще придавал огромное значение становлению в России женского медицинского профессионального образования. В 1872 году Сергей Петрович стал одним из организаторов первого в России учебного заведения при Медико-хирургической академии, позволяющего женщинам получить высшее медицинское образование, – «Особого курса для образования ученых акушерок» с 4-летним сроком обучения. В 1876 году акушерские курсы были преобразованы в Женские врачебные курсы с 5-летним сроком обучения. В том же году Боткин был избран членом главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах.

В этих начинаниях Боткина горячо поддерживала его жена Анастасия Александровна. Однако ранней весной 1875 года Сергея Петровича постигло большое горе. Во время их пребывания с двором в Сан-Ремо его жена скончалась от злокачественного малокровия. Вторично он женился через полтора года на вдове Екатерине Александровне Мордвиновой, урожденной княжне Оболенской. События личной жизни, обязанности придворного врача и вспыхнувшая в 1877 году русско-турецкая война на время прервали его напряженную общественную деятельность.

В мае 1877 года Боткин второй раз в жизни выехал на театр военных действий, теперь уже на Балканы, в Дунайскую армию, «по званию лейб-медика в свите императора». Он провел в армии безвыездно около 7 месяцев, передвигаясь с императорской квартирой. Обязанностью его в качестве лейб-медика царя Александра II было безотлучно находиться при императорской главной квартире, ежедневно (обычно утром и вечером) осматривать царя и в случае возникновения у того каких-либо недомоганий принимать меры к их устранению. Такое положение тяготило Боткина как человека, привыкшего к активной деятельности, что видно из его переписки с женой.

После смерти Боткина вдова издала отдельной книжкой его письма к ней из Болгарии, и «получился как бы дневник, описывающий жизнь в ставке Государя». Этот «дневник» представляет немалый интерес, прекрасно изображая жизнь высших военных кругов во время походов и боев под Плевной. Характеристика С. П. Боткиным военных будней императорской ставки, острые замечания о некоторых участниках этой войны всегда реалистичны и метки. Из писем видно также, что он рвался из ставки в Петербург к научной и врачебной работе, к семье, считая свое пребывание здесь не приносящим большой пользы. Так, Боткин пишет из Болгарии 14 ноября 1877 года: «Мои нервы слишком натянуты за это время, чтобы сносить долее мое тяжелое положение лейб-медика. Обязанность врача мне никогда не может быть тяжела, но она иногда делалась невыносимой в моем положении. В 45 лет лишиться самостоятельности, свободы действий, отчасти свободы мнений, слушать все, видеть все и молчать – все это не только бесполезно, но и вредно не для одного меня, но и в отношении моего медицинского дела».

Много времени, помимо своих прямых обязанностей при особе государя, Боткин уделял работе лечебных походных учреждений. При первой же возможности он посещал «военно-временные» госпитали или лазареты «частной помощи», расположенные поблизости от императорской ставки, помогал советами. «Сегодня опять работал в госпитале, – пишет он в очередном письме жене, – и хорошо понимаю, что эта работа не бесплодная: ведь я не обхожу госпиталь как генерал от медицины, а обхожу как опытный врач, предлагающий услуги товарищам в случаях, где они затрудняются».

Письма Сергея Петровича наполнены и «скорбным, горьким чувством» от тяжелых потерь и неудач русской армии («Под Плевной было очень плохо; наших погибло, говорят, от 5 до 7 тысяч... Турки в Плевне укрепились ужасно») и симпатией к простым «труженикам» войны – рядовым солдатам и полевым армейским офицерам («Люди, живущие в опасности, при некоторых лишениях положительно становятся лучше, нравственнее, добрее»). Сознывая весь ужас войны («Пора, пора кончать с этим ужасом! Неужели еще мало крови, мало несчастья, мало бедствия?»), Боткин, однако, подчеркивает ее глубоко справедливый характер. «Вместе с болью в сердце от грустных дум, – пишет он в одном из писем, – у меня все-таки твердо сидела мысль, что идем на хорошее, святое дело, участвовать в котором своим трудом будет отрадой на значительную часть жизни».

Александр II

Лишь в конце 1877 года Сергей Петрович вновь оказался в Петербурге. Несмотря на свое отрицательное отношение к придворному окружению, он был искренне и глубоко предан императору Александру II и, в свою очередь, пользовался большой симпатией с его стороны. Как отмечают биографы, близость к монарху обуславливалась самой должностью постоянного лейб-медика. Ввиду этого Боткин был силою обстоятельств посвящен во все интимные стороны жизни императора, в том числе в его отношения с княгиней Юрьевской.

Это, по-видимому, явилось причиной прохладного отношения к нему Александра III. Оставаясь формально его лейб-медиком, Сергей Петрович теперь уже не был близок ко двору. На это имелись и другие причины. Находясь вдали от каких-либо политических партий и кругов, он все же тесно был связан не только служебными отношениями, но и дружбой со многими деятелями прежнего царствования, такими как М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин и др. И конечно, на нем самом лежал «известный отпечаток либерализма», не вписывавшийся в настроения царствования Александра III. Усложнял положение Боткина и «фрондирующий и либеральный нрав» его второй жены. Ее мать вторым браком была замужем за польским революционером по фамилии Острога, ввиду этого Екатерина Александровна «при дворе не была принята и фрондировала его».

Возвратившись в Петербург, Сергей Петрович с еще большей энергией развернул свою врачебную и общественную деятельность. Авторитет его был высок как никогда. В 1878 году он единогласно избирается председателем Общества русских врачей в Петербурге и становится одним из организаторов нарождающейся в России общественной медицины, задачей которой было улучшение медико-санитарного обслуживания широких слоев населения, борьба с массовыми эпидемиями и заболеваниями. Масштаб этой общественной деятельности С. П. Боткина был очень велик.

Избрание его в 1881 году гласным Петербургской городской думы и заместителем председателя созданной при ней в 1884 году Комиссии общественного здоровья расширило возможности влиять на организацию больничного дела, а его личная популярность во многом этому содействовала. Способствовало успеху дела и его положение лейб-медика императорской семьи. Да и происхождение его из авторитетного и уважаемого купеческого рода было немаловажным, так как заправляли делами и задавали тон в городской думе крупные предприниматели.

По инициативе С. П. Боткина город энергично взялся за улучшение лечебной работы в имевшихся городских больницах и постройку новых, более современных

больничных учреждений. Во главе большинства крупных больниц города встали его ученики. Городской голова Петербурга В. И. Лихачев признавал, что в результате усилий С. П. Боткина «в руках городского общественного управления больницы в весьма короткое время преобразовались, и результаты лечения стали получаться более успешные».

Боткин обратил внимание и на необходимость улучшения работы городских богаделен. В 1886 году его избирают почетным попечителем всех городских больниц и богаделен Петербурга и в том же году назначают председателем комиссии по вопросу об оздоровлении России. Комиссия под его руководством собрала драгоценный материал о санитарном состоянии обширных областей страны. Боткин также много сил отдал поиску путей снижения опасности эпидемий и инфекций в стране. Он стал одним из организаторов Эпидемиологического общества и журнала при нем. Когда весной 1884 года в Петербурге вспыхнула эпидемия дифтерии и скарлатины, он возглавил комиссию по школьно-санитарному надзору и организовал врачебную помощь больным детям на дому за минимальную плату. Им была открыта первая в России образцовая инфекционная больница (Александровская), одна из лучших в Европе. Не оставлял он и напряженной научной и педагогической работы.

Признание заслуг С. П. Боткина выразилось в праздновании 25-летнего юбилея его врачебной, педагогической и общественной деятельности. 27 апреля 1882 года в здании городской думы Петербурга собралось около двух тысяч представителей различных организаций и учреждений, друзей и знакомых. Во время чествования Сергей Петрович в течение трех с половиной часов слушал обращенные к нему адреса, речи и телеграммы со всех концов страны. Вечером состоялся торжественный юбилейный обед, на котором присутствовало около 400 человек.

Постоянная напряженная работа и хроническое переутомление подорвали здоровье С. П. Боткина. Еще в 1881 году с ним случился первый сердечный приступ. В начале лета 1886 года, после смерти сына, приступ повторился. Лекции в этом учебном году Сергей Петрович нередко читал сидя, ограничивая их продолжительность. В конце лета следующего года он едет в Биарриц, надеясь укрепить здоровье морским купаньем, но без успеха. После возвращения в Петербург он, несмотря на настойчивые просьбы близких, снова без отдыха работает. К весне приступы возобновились, и Боткин отправляется на Принцевы острова лечиться купанием. По возвращении в Петербург он принимает участие в организации в 1889 году съезда врачей, а затем уезжает в Швейцарию, пробуя лечиться регулярным восхождением в горы. Переезжая из города в город в поисках подходящего климата, он поселился в тихом городке Ментоне (во Франции), где и скончался 12 декабря 1889 года от болезни печени, осложненной болезнью сердца. Даже смерть застала Боткина за научной работой: он писал статью о естественной старости.

Заслуги С. П. Боткина были высоко оценены. Он состоял почетным членом почти всех университетов и ученых обществ в России, членом Венской академии наук и 9 иностранных ученых обществ. Его именем после смерти была названа городская больница в Петербурге, а позднее – одна из лучших больниц Москвы. Однако громкая известность этого выдающегося ученого, врача с мировым именем, но бескорыстного человека, не сказалась положительно на материальном благополучии его семьи. После него осталось 7 малолетних детей, заботу о которых взял на себя его брат Петр Петрович. Несмотря на блестящее служебное положение доктора Боткина основой благосостояния представителей династии по-прежнему оставалась их фирма – семейное торговое дело.

Академик исторической живописи и меценат

Таким же стремлением к активной профессиональной и общественной деятельности, но уже в сфере искусств отличался младший из братьев Михаил Петрович (1839–1914). Первоначальное воспитание он получил дома под руководством старшего брата, Василия Петровича, а затем в гимназии. С детства он обнаруживал способности к рисованию и в 1856 году поступил в Академию художеств, где занимался живописью в мастерской известного академического художника Ф. А. Бруни. Уже через два года юный Боткин вышел из Академии, чтобы, следуя традиции старших братьев, продолжить образование за границей: в Германии, Франции, но главным образом в Италии. Здесь он сблизился со многими русскими художниками, в особенности с Александром Ивановым, творчество которого он почитал всю жизнь. О близости гениального художника с семьей Боткиных свидетельствует факт, приведенный в письме И. И. Панаева к И. С. Тургеневу от 26 июля 1858 года: «Иванов умер в двое суток от холеры самой сильной... Умер он на квартире у Боткиных». Следует лишь добавить, что умер Иванов, только прибывший из Рима, на квартире Михаила Петровича в Петербурге.

Большое значение для молодого художника имели советы старшего брата. Блестящий знаток Италии и ее искусства, Василий Петрович стал заботливым руководителем юного художника, вдумчивым и строгим судьей его произведений, что, по-видимому, в немалой степени сказалось на художественных пристрастиях младшего Боткина, его стойкой приверженности классическому искусству. Возвратившись в 1863 году в Петербург, Михаил Петрович выставил в Академии художеств две картины: «Вакханка с тамбурином» и «Плач на реках Вавилонских», за которые совет академии присудил совсем молодому художнику звание академика исторической живописи.

Художественные интересы М. П. Боткина отличались широтой и разнообразием. Он был не только известным живописцем, но и гравером, офортистом, рисовальщиком, пользовался признанием как крупный искусствовед и археолог. Более всего известны его исторические и жанровые картины. Первые написаны на сюжеты Нового Завета и времен первых христиан («Скорбящая Богоматерь», «Беседа Христа на горе Элеонской» и др.), вторые изображали сценки из итальянского быта или из жизни античной Греции и Древнего Рима («Перипа», «Древняя гончарная мастерская», «Слепая», «Вечерня в Ассизи» и др.). Картины его всегда вызывали противоречивые отзывы. Многие отмечали в них хороший рисунок и ясность композиции, другие называли его картины «большими, внешне эффектными и красивыми, но пустыми и поверхностными».

Гораздо большее признание М. П. Боткин получил как художественный деятель. Здесь молодой академик быстро продвигался по лестнице успеха, получая звания, чины, награды, должности. Михаил Петрович занимал видное положение в Академии художеств (с 1879 года – член совета академии), в императорской Археологической комиссии, в Обществе поощрения художеств, в Музее Штиглица и др. Он постоянно участвовал в различных комиссиях. Известна его деятельность в качестве распорядителя художественными отделами на Всероссийской промышленной выставке в Москве в 1882 году, в устройстве русского отдела на Международной промышленной выставке в Копенгагене. В 1882 году Михаил Петрович назначен членом Особой временной комиссии при Министерстве двора по реставрации придворного Благовещенского собора в Московском Кремле и, по сути, одним из главных руководителей реставрационных работ. С 1896 года он – директор музея Общества поощрения художеств в Петербурге. Ему был присвоен один из высших чинов – тайного советника. Несомненно, успехам младшего Боткина способствовали не только его дарования, образованность, но и широкие родственные и дружеские связи, в том числе и при дворе.

Дипломатическими талантами, шармом и обаянием обладали многие из Боткиных. Эти свойства Михаила Петровича ярко проявлялись и в его деятельности в качестве коллекционера и мецената, где он часто выступал в роли своеобразного посредника между своими многочисленными друзьями и знакомыми в художественном мире. Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях дочь П. М. Третьякова, Вера Павловна Зилоти. Приехавший в Москву весной 1882 года по делам Всероссийской промышленной выставки Боткин за завтраком у Третьяковых, «со свойственной ему хитрецей и дипломатичностью», начал в шутовском тоне рассказывать Павлу Михайловичу, что великий князь Владимир Александрович, как президент Академии художеств, высказывал ему, Михаилу Петровичу, пожелание видеть среди художественного отдела на Ходынском поле коллекцию картин Третьякова. «Но я сказал великому князю, – прибавил Михаил Петрович, – что об этом я и заикнуться не посмею, что нет на свете тех сил и того средства, которые бы могли заставить Павла Михайловича Третьякова согласиться на такое рискованное дело». – «Напрасно вы так думаете, Михаил Петрович, – возразил Павел Михайлович, потирая нос платком и хитро улыбаясь, – такое средство есть... я сам, с радостью, перевезу все мои картины на Ходынку, если великий князь даст распоряжение подарить в мою галерею «Тайную вечерю» Ге».

М. П. Боткин был одним из виднейших коллекционеров и меценатов своего времени, пожалуй, самым известным из братьев. Он являлся владельцем уникальной коллекции прикладного искусства: античного, византийского, древнерусского, готического и ренессансного. Она могла конкурировать с лучшими частными коллекциями Европы. Гвоздем его коллекции являлось собрание византийских эмалей, а также майолики, бронзы, резных изделий из дерева эпохи итальянского Возрождения. Меценат прекрасно сознавал ценность и значение своей коллекции. В 1911 году он издал роскошный альбом, в предисловии к которому писал: «Приближаясь к старости, мне хотелось поделиться с любителями искусства моей коллекцией... Должен сказать, что все в ней собранное может быть поставлено в любой музей Европы».

Из предисловия можно узнать, как складывалась коллекция. Так, «собрание эмалей византийских – самая замечательная коллекция, подобной которой нет ни в одном музее Европы, – в основном цветущий период XI–XII вв.» – приобретено в Грузии, имевшей тесные связи с Византией. Коллекция русских древностей извлечена из киевских раскопок XII–XIII веков. Терракотовые бюсты XV века найдены во Флоренции в коллекции великой княгини Марии Николаевны. Деревянные предметы итальянской коллекции – «из церквей или от разных итальянских князей». «Свадебные сундуки – все приобретены в старых семьях герцогов Умбрии».

Случались и удивительные находки по случаю. Так, статуэтка древнегреческой танцовщицы – мастера времен Лиссипа – досталась Боткину от одного депутата в Афинах, вся плотно покрытая землей. После осторожной очистки фигурки оказалось, что сохранилась даже вся ее окраска. Имелись в коллекции и редкие картины старинных мастеров: «Мадонна» Пентуриккио и «Мадонна» С. Боттичелли, несколько триптихов дорафаэлевской школы.

Еще одной примечательной стороной коллекции Михаила Петровича было большое собрание работ А. А. Иванова. «Мною собрано все, что я мог собрать: этюды к его картине «Явление Христа народу», эскизы, рисунки», – писал М. П. Боткин. Это собрание насчитывало более 100 работ и было настолько значительным, что вызывало, по воспоминаниям, зависть даже таких собирателей, как П. М. Третьяков и К. Т. Солдатенков. В 1880 году коллекционер на свои средства издает два тома книги о жизни А. А. Иванова. («А. А. Иванов. Его жизнь и переписка».) По существу, это были первые монографии о гениальном русском художнике.

Уникальная коллекция Боткина располагалась в его петербургском доме на Николаевской набережной Васильевского острова, в пяти небольших комнатах. Две комнаты были заняты произведениями А. А. Иванова. Его этюды «украшали собой стены кабинета и соседней с ней гостиной, называвшейся «ивановской». Главная часть коллекции размещалась в примыкавших к ней зале, проходной комнате истоловой».

Коллекция была доступна для посещения – любой зритель мог свободно прийти в воскресенье и осмотреть собрание. В доме, особенно широко открытом для молодежи, в студенческие годы бывали Александр Блок и Любовь Менделеева. Во время Первой мировой войны, уже после смерти Михаила Петровича, собрание этюдов Иванова было продано Русскому музею, сама коллекция сдана на хранение в Эрмитаж, византийские эмали упрятаны в сейф. После Октября 1917 года все это было конфисковано государством и позднее частично продано за границу.

Итальянский фаянс из собрания М. П. Боткина

Помимо художественной деятельности Михаил Петрович довольно активно занимался финансово-промышленными вопросами, что, кстати, давало ему значительные средства для занятий коллекционированием. Однако эта сторона его жизни менее известна. Есть лишь сведения, что он возглавлял или был участником нескольких российских торгово-промышленных обществ, членом совета петербургского Международного банка. Семейное коммерческое дело также открывало значительные возможности для занятий коллекционированием. Женитьба Боткина в 1879 году на Екатерине Никитичне Солодовниковой, из богатой купеческой семьи, увеличила эти возможности.

Отзывы о самом М. П. Боткине весьма противоречивы. Это был, несомненно, талантливый, деятельный и широко образованный человек, преданный искусству. Вместе с тем некоторые черты его характера нередко вызывали протест и неприятие у многих его друзей и знакомых из среды художников и меценатов, даже таких, как П. М. Третьяков или И. Н. Крамской. Так, Крамской называл Боткина учеником Игнатия Лойолы (основателя иезуитского ордена в XVI веке. – М. Г.), имея в виду «тайную и некрасивую» роль М. П. Боткина по отношению к П. М. Третьякову в деле

приобретения верещагинской коллекции. «Во всей этой дурно построенной махинации, – писал он в письме от 13 апреля 1874 года, – несмотря на то, что эту махинацию устроил ученик Лойолы, больше всего некрасиво положение самого Боткина».

Некоторые исследователи обвиняют М. П. Боткина в непорядочности, в склонности к закулисным интригам, в использовании связей и т. п. «Это был «последний из могикан» старой академии, консервативный и непримиримый ко всем новым явлениям в искусстве, – пишет историк искусства А. П. Банников, давая резкую и вряд ли вполне объективную характеристику личным качествам Боткина. – Происходя из купеческого рода, разбогатевшего на чаеоторговле, имея влиятельных родственников (один – известный писатель, другой – личный врач царя), он и себя считал «истинным другом художеств», хотя в душе так и остался торгашом. Приторно ласковый, мелочный и бездарный, спекулируя на своей дружбе с Александром Ивановым, он постоянно интриговал против «Мира искусства», но делал это столь тонко, что не всегда можно было узнать его роль в очередной «невыносимой гадости».

М. П. Боткин с семьей

Автор статьи не скрывает причин своего негативного отношения к М. П. Боткину. На рубеже XIX и XX веков в русском искусстве шла ожесточенная борьба между сторонниками академического и новых направлений, и обе стороны не щадили друг друга. Младший Боткин был воспитан на традициях академического искусства. К тому же он занимал довольно высокое официальное положение в академии и других художественных учреждениях, ко многому обязывающее и побуждающее его часто занимать двойственную позицию, что вызывало особенное неприятие. Столкновения приняли непримиримый характер личных выпадов и взаимных обвинений, когда развернулась борьба вокруг журналов нового направления («Мир искусства», «Старые годы») и художников этого круга. Именно непримиримостью позиций можно объяснить такие, например, слова в адрес М. П. Боткина художника И. Э. Грабаря, характеризовавшего его как «предателя по природе, изменника по страсти, интригана по культуре».

Борьба между разными художественными направлениями в те годы особенно ярко отразилась в истории с организацией большой выставки западноевропейской и

русской живописи из частных собраний, подготовленной в конце 1908 года журналом «Старые годы». Выставку предполагалось сделать уникальной по характеру отбора картин для экспозиции. На нее не принимались произведения, экспонировавшиеся где-либо ранее. Генеральным комиссаром выставки являлся барон Н. Н. Врангель, молодой, но уже известный искусствовед, работавший в дворцовом Эрмитаже.

Однако выставка не состоялась в результате конфликта между Врангелем и М. П. Боткиным, курировавшим выставку в качестве вице-председателя Общества поощрения художеств. «Выставка старинных картин» располагалась в залах Общества и была оформлена с большим вкусом. Но еще при размещении картин в здание зачастили комиссии со множеством претензий к проводке освещения. На открытие выставки прибыли великие князья и приглашенные. Но когда «августейшие» зрители отбыли, осмотрев выставку, а публику в залы еще не впускали, М. П. Боткин распорядился погасить свет, сославшись на неисправности электропроводки. «Измученный круглосуточной работой и нервной обстановкой, Врангель в порыве гнева ударил Боткина по лицу. Был вызван полицейский пристав, составлен протокол. Долго провоцируемый конфликт состоялся». Комитет еще надеялся спасти выставку. Но решением градоначальника открытие ее было запрещено. Комитет выставки встал на сторону Врангеля, найдя, что его поступок «был вызван целым рядом совершенно неуместных и явно недоброжелательных действий М. П. Боткина, явно клонившихся к тому, чтобы выставка не была открыта своевременно».

На другой день Врангель уходит из Эрмитажа «по семейным обстоятельствам», а Боткин подает на него иск в суд за «оскорбление действием». 10 декабря 1908 года Врангеля приговаривают к двухмесячному тюремному заключению. После вынесения приговора Боткин «из христианских побуждений» прощает его, но Врангель отказался от «прощения» и решил отбыть наказание. Находясь в тюрьме, он пишет письмо Л. Н. Толстому, который выражал сочувствие Боткину за его «смирение и всепрощение», и убеждает его в лицемерии Михаила Петровича. Однако под влиянием ответного письма великого писателя, уговаривавшего его подавить в себе недоброжелательство по отношению к Боткину, Врангель в конце своего пребывания в тюрьме пишет последнему, что «глубоко скорбит о своем поступке. Ранее он не хотел этого выразить, так как мог дать повод подумать, что хочет избежать наказания». Ответа на это письмо не последовало. Большинство российских газет осуждало решение о закрытии выставки. Организаторы выставки понесли большой материальный ущерб и в дальнейшем отказались от проведения подобных мероприятий.

Трудно сказать, кто прав и кто виноват в этой неприятной истории. Вряд ли можно возлагать всю ответственность на одного Боткина. Ведь если он был заинтересован в закрытии выставки, то почему дал на нее наиболее ценные картины из своей коллекции: «Мадонну» Пентуриккио, «Купальщиков» и «Мальчиков в поле» А. Иванова? Одно несомненно, что респектабельные, успешно вписавшиеся в традиционную российскую элиту, в том числе художественную, братья Боткины в этот период уже с трудом воспринимали всякие новые, слишком дерзкие начинания в русском искусстве. Однако значение их просветительской деятельности в русской культуре было по-прежнему высоким, а любовь к коллекционированию и меценатству не угасала и в последующих поколениях.

Рассказ о детях Петра Кононовича Боткина будет неполным, если не упомянуть о судьбах его дочерей. О двух дочерях от первого брака почти ничего не известно. Старшая из дочерей от второго брака П. К. Боткина – Екатерина Петровна – в 1851 году вышла замуж за известного в Москве фабриканта – старообрядца Ивана Васильевича Щукина.

Она получила хорошее домашнее воспитание, любила литературу, увлекалась

музыкой. У них было 11 детей (пять дочерей и шесть сыновей). Сыновья, видимо, унаследовали от Боткиных страсть к искусству и собирательству. Особенно прославили себя Сергей – создатель знаменитого собрания французских импрессионистов и постимпрессионистов, и Петр, собравший коллекцию русской старины, переданную им затем в Исторический музей.

А. А. Фет

В 1857 году еще одна из сестер Боткиных – Мария Петровна – выходит замуж за известного поэта Афанасия Фета (Шеншина) – помещика Орловской губернии. «Мы называли Шеншиных, – вспоминает один из племянников Марии Петровны, – «старосветскими помещиками» или «соседями Лариных» – уж больно они напоминали нам эпоху Евгения Онегина. Приезд их сопровождался целым караваном деревенских лакомств (особенная домашняя яблочная пастила, варения, наливки и т. п.). А в Москве дом Шеншиных напоминал мне дом Фамусова из «Горя от ума».

Младшая дочь П. К. Боткина, Анна, вышла замуж за известного в Москве профессора медицины П. Л. Пикулина. В молодые годы он входил в состав кружка Т. Н. Грановского, дружил с А. И. Герценом, со многими известными купеческими меценатами, а также с писателями, артистами, художниками. Собрания у Пикулиных оставили заметный след в жизни литературной и художественной Москвы.

Наследники семейных традиций

Как видим, уже дети Петра Кононовича стремились выйти за пределы чисто предпринимательской деятельности. Эта тяга еще сильнее проявилась в последующих поколениях Боткиных. Лишь немногие из них остались верны купеческому званию. За многими членами семьи были утверждены права на дворянское достоинство. Семья Дмитрия Петровича Боткина, кроме того, была вписана в дворянскую родословную книгу Курской губернии, где находилось Таволжанское имение.

Предпринимательством продолжали заниматься сыновья Николая Петровича Боткина – Николай Николаевич и Дмитрий Николаевич. В формулярных списках Московской купеческой управы оба они числятся потомственными почетными гражданами, купцами 1-й гильдии, образования «домашнего», вероисповедания православного, выходцами «из старинного купечества», имеющими «родовой» дом в Москве. Они являлись членами торговой фирмы Боткиных, как и их отец. Большой авторитет в предпринимательском мире приобрел старший сын Дмитрия Петровича Боткина, Петр Дмитриевич – потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии и коммерции-советник. Он родился в 1865 году, окончил Московское коммерческое

училище. После смерти своего отца в 1889 году он совместно со своим дядей, Петром Петровичем, и Николаем Ивановичем Гучковым стал одним из основных руководителей чайного и сахарного семейных предприятий Боткиных, преобразованных в паевые товарищества. Нужно отметить, что коммерческие предприятия Боткиных были устроены по семейному принципу и большинство паев в обоих товариществах принадлежало членам семьи Боткиных и их родственникам.

Пайщиком предприятий был и брат Петра, Сергей Дмитриевич (родился в 1870 году), избравший уже другой жизненный путь и ставший талантливым российским дипломатом. Он получил прекрасное образование, окончил гимназию и юридический факультет Московского университета. Огромное влияние на него оказала атмосфера увлеченности искусством, окружавшая его в семье с детства. Культурные традиции Боткиных, родительский московский дом на Покровке с его художественными сокровищами развили в нем любовь ко всему прекрасному и с молодых лет сделали коллекционером. Об этом он пишет в своих мемуарах, вспоминая, как отец брал его с собой на различные выставки. «Помню, – пишет Сергей Дмитриевич, – как он взял меня с собой (1887) при посещении коллекции Секретана (в Париже. – М. Г.), и его восторг от всего, что он увидел. Там были и знаменитые полотна Мейсонье, ныне украшающие Лувр».

Как продолжатель меценатских традиций боткинской семьи и молодой, но уже авторитетный коллекционер и знаток искусств, Сергей Дмитриевич был избран в 1892 году членом комитета по устройству выставки произведений из частных коллекций в пользу пострадавших от неурожая. Выставка прошла с большим успехом в Историческом музее на Красной площади. Экспозицию составили 218 картин и 1500 художественных изделий из серебра, бронзы, фарфора и т. п. Выставка показала, считает С. Д. Боткин, сколько в Москве имелось художественных богатств у частных лиц, в том числе работ иностранных мастеров как старой школы, так и XIX века, особенно французской школы. «Большинство из этих сокровищ находилось в собственности русского дворянства. Торгово-промышленный класс, столь богатый в этом отношении во Франции, в России еще не интересовался искусством, за очень малым исключением», к которому принадлежала, по твердому убеждению автора, и семья Боткиных. Торгово-промышленный мир, по его словам, только «медленно разгорался любовью к искусству», лишь «в самом конце XIX века... принялся с энтузиазмом за собирание коллекций предметов искусства». Сам Сергей Дмитриевич позднее получил признание как коллекционер произведений искусства Дальнего Востока. Кстати, и его брат, Петр, также увлекся Дальним Востоком, специализируясь на эмалях.

В том же 1892 году Сергей Дмитриевич окончательно покинул Москву, поступив в Министерство иностранных дел. С этих пор его жизнь почти целиком связана с дипломатической службой. Лишь во время своих летних отпусков он находил возможность вырваться «в деревню», в Таволжанское имение Боткиных, где, как один из пайщиков предприятия, он тоже считался «хозяином» и с удовольствием вникал в сельскохозяйственные дела. В 1913 году, будучи уже крупным дипломатическим чиновником, имея придворный чин, С. Д. Боткин присутствовал на торжествах в Москве по случаю 300-летия царствующего дома Романовых.

Начало Первой мировой войны застало его в Берлине, где он работал в русском посольстве. В годы войны С. Д. Боткин с семьей (женой Ниной Евгеньевной, сыном Борисом и двумя дочерьми, Софией и Ниной) жил в Санкт-Петербурге, а во время революции переехал в Москву. Сын его по окончании военного лицея стал офицером, воевал, затем примкнул к Белой армии и вскоре был убит в бою под Ростовом. После смерти сына положение Боткиных стало опасным и, переправившись через Киев и Константинополь, они обосновались в Берлине. Здесь Сергей Дмитриевич занялся

общественной работой. В течение семнадцати лет он, глубоко верующий человек, возглавлял Объединение русских национальных организаций в Германии – учреждение, защищавшее интересы Русской православной церкви за рубежом, много писал. В 1935 году С. Д. Боткин с семьей переехал в Париж. Скончался Сергей Дмитриевич в 1945 году, похоронен он на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Известным ученым, медиком, продолжателем дела своего отца, Сергея Петровича Боткина, был его старший сын Сергей Сергеевич (1860–1910). Он являлся одним из крупнейших специалистов, врачей-терапевтов в стране; возглавлял кафедру инфекционных болезней в основанной его отцом академической терапевтической клинике в Петербурге, был профессором кафедры факультетской терапии Военно-медицинской академии. Наряду с этим, Сергей Сергеевич, как все Боткины, был страстным коллекционером. Он с юности был знаком со многими художниками, постоянно общавшимися с его отцом и другими членами семейства Боткиных. В начале 1880-х годов он даже был помолвлен с дочерью художника И. Н. Крамского, Соней. Как вспоминает в своей книге старшая дочь П. М. Третьякова, Вера Павловна Зилоти, Крамской «написал портреты, почти парные, Сергея Сергеевича и Сони... Когда Соне показалось, что она «ошиблась»... портрет Сергея Сергеевича ушел в дом Боткиных...» Позднее, осенью 1890 года, С. С. Боткин женился на другой дочери Третьякова, Александре Павловне, известной впоследствии своей книгой воспоминаний об отце. Свою прекрасную коллекцию рисунков С. С. Боткин начал собирать отчасти под влиянием П. М. Третьякова. Нужно сказать, что зимой 1897 года еще одна дочь Третьякова, Мария, младшая и самая любимая, выйдет замуж за одного из Боткиных. Так что семейства Боткиных и Третьяковых были крепко связаны не только духовными, но и родственными узами.

И. Н. Крамской

Супруги Боткины пользовались известностью как крупные меценаты в художественном мире. Сергей Сергеевич продолжил традиции «боткинских суббот» и был душой нескольких художественных кружков в Петербурге, в частности «Мира искусства», где его считали «своим человеком». Портреты членов его семьи писал В. Серов. Александра Павловна после смерти отца в 1898 году стала одним из членов комиссии по управлению его галереей. Она также участвовала в коллекционерской деятельности своего мужа. Супруги Боткины принимали участие, вместе с другими видными меценатами, в финансировании и организации ряда выставок русских художников нового направления как в России, так и за рубежом. Некоторые из них стали крупными вехами в истории русского изобразительного искусства.

Еще один сын знаменитого основателя русской клинической школы С. П. Боткина, Евгений Сергеевич (1865–1918), также избрал медицинскую карьеру. В отличие от

отца и старшего брата, он был в основном врачом-практиком. Сергей Петрович не только сумел привить своим сыновьям любовь к избранной профессии, стремление к высокому профессионализму, но и воспитать в них чувство нравственного долга перед людьми и своей родиной, высокую духовность, свойственную многим Боткиным. Эти черты ярко проявились в судьбе Евгения Сергеевича. Во время русско-японской войны он находился в действующей армии, был главным врачом 1-го Георгиевского госпиталя Красного Креста в Ляояне.

Вскоре после войны, видимо по примеру отца, были опубликованы его письма с фронта к жене в виде отдельной книги, которая раскрывает высокие душевные качества этого глубоко верующего, незаурядного человека. О причинах опубликования книги он пишет кратко – это веления совести: «Если бы все, бывшие на этой войне, поступили так же, и все, сохранившие о ней свои заметки или письма, сделали бы их достоянием желающих, то из всего множества фактических данных, которые этим путем бы накопились, и составила бы наиболее яркая и верная картина пережитого Россией испытания».

Вся книга проникнута размышлениями о нравственном состоянии русской армии и страны. «Я удручаюсь все более и более, – пишет он в письме жене от 16 мая 1904 года, – ходом нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие, личные расчеты ставятся выше понятия об Отчизне, выше Бога».

Боткин противопоставляет эту бездуховность и эгоизм верхних слоев «безропотному» героизму рядовых солдат, простых людей. «Никто из них, – замечает он, – не жалуется, никто не спрашивает: «За что, за что я страдаю?» – как ропщут люди нашего круга, когда Бог посылает им испытания».

Его восхищение стойкостью рядовых солдат проглядывается в письмах не раз: «Мы не имеем в достаточном количестве новейшего образца пушек. Куропаткину не подвозится достаточное число войск. Под Тюренгеном мы потеряли батареи, и сражение, которое по героизму 11-го и 12-го полков и большинства батарей, костями легших за свое святое дело, должно бы остаться в истории, как героический подвиг...» И добавляет: «Не знаю, как бы я пережил все эти события в Петербурге, ковыряясь в обыденных, мирных делах. Только и спасает хоть некоторая непосредственная прикосновенность к этому великому испытанию, ниспосланному бедной России».

Письма пронизаны светлым идеализмом, верой в будущее страны, чувством личной ответственности за ее судьбу. «Нет, с высоко поднятой головой, – пишет Боткин, – должен вернуться в отчизну русский воин и родина должна склонить перед ним голову, – голову, повинную за то, что покинула его на далекой чужбине, что предоставила ему одному расхлебывать кашу, а сама, ворча и критикуя, принялась за стирку накопившегося дома грязного белья... Я благодарю Бога, что он дал мне самому убедиться во всем, что я говорю, и говорить так, допустив пережить и прочувствовать все это... Мне представляется даже очень благоприятным, что мы не кончили победоносным бравурным аккордом: он покрыл бы все фальшивые ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврах. Теперь же, сохранив в душе всю боль и остроту от наших ошибок, мы можем и должны исправиться, должны и будем совершенствоваться – именно потому, что мы сохранили ее. Надо нам работать, много и сильно работать». Из писем ясно видно главную черту этого скромного, добросовестного и порядочного человека – глубокое внутреннее чувство чести и долга, определившее поведение Е. С. Боткина в решающие моменты его судьбы.

Вскоре после окончания войны Е. С. Боткин был назначен лейб-медиком

императорской семьи. Он отличался безусловной преданностью Николаю II и императрице, был известен своей сдержанностью. Никому из свиты никогда не удавалось узнать от него, чем была больна государыня и какому лечению следуют царица и наследник.

Николай II и Александра Федоровна

Он находился в числе тех немногих лиц царской свиты, которые не оставили царскую семью после февральского переворота. Е. С. Боткин последовал за ней в тобольскую ссылку, а затем, хотя ему предлагали сохранить жизнь, был расстрелян вместе с царской семьей в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома.

Не все сыновья С. П. Боткина пошли по отцовской дороге и избрали медицину своей профессией. Известным дипломатом стал Петр Сергеевич (1861 – конец 1930-х – 1940-е годы). В 1887 году, после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он поступил на службу в МИД России чиновником «сверх штата» в Азиатском департаменте министерства. Вот как сам П. С. Боткин вспоминает об этом: «Поступить на службу в МИД простому смертному не так-то легко. Беспрепятственный доступ в министерство открыт лицеистам. Молодые люди из этого привилегированного учебного заведения прямо со школьной скамьи переходили в министерство... Для остальных никаких определенных правил не имеется. Принимают кого хотят. Образовательный ценз в расчет не идет. В министерство поступают недоросли, не окончившие, – а то и не начинавшие, – никакого учебного заведения». «У меня нет свободных стульев, – сказал мне министр, – очень сожалею... Приходите осенью, – добавил Н. К. Гирс, любезно меня выпроваживая».

За «разборчивый почерк» молодой Боткин был все-таки причислен к Азиатскому департаменту. В нем он пробыл три года и хорошо ознакомился с чиновным бытом министерства, о чем с иронией и большим знанием дела писал позднее: «Насколько я могу судить, все дело, вся работа ведомства держится в руках двух-трех лиц.

Остальные или заняты механическим трудом – перепиской, шифрованием, составлением бумаг по известному шаблону, или же просто ничего не делают... Все ждет мощного реформатора... Но ему придется иметь дело с невероятно сильным тормозом, который именуется «бюрократической рутинной».

Впоследствии Боткина, как дипломата, уже обладающего большим опытом и авторитетом, введут в состав комиссии по преобразованиям в министерстве, и он, являясь одним из сторонников реформы МИДа, приложит много сил, добиваясь ее осуществления. Им представлено немало предложений и записок главе российского МИДа А. П. Извольскому и его заместителю князю В. С. Оболенскому относительно переустройства работы министерства. Первостепенное значение П. С. Боткин придавал подготовке молодых дипломатов. В 1907 году он составил проект Положения о службе дипломатических чиновников МИДа. Автор указывал на «неудовлетворительную подготовку» заграничных чиновников министерства, «на устарелость программы и всей процедуры дипломатического испытания и на неправильную постановку дипломатической службы молодых чиновников, не отвечающую современным требованиям». Сравнивая подготовку русских и иностранных дипломатов, Боткин отмечал, что «хотя среди наших представителей есть лица несомненно более талантливые и способные», они, однако, «уступают иностранцам в деловитости, добросовестном исполнении своих обязанностей и более тщательной подготовке... На прохождение службы нашими низшими чинами, – писал он, – обращено очень мало внимания, между тем как именно в этот период формируется чиновник и нуждается в руководстве для применения его способностей и даче направления его образованию».

Для улучшения подготовки дипломатов Боткин вносит ряд предложений: «Молодые люди в посольствах, где имеется много работы, занимаются по большей части механическим трудом (шифровкой и расшифровкой телеграмм и перепиской донесений и бумаг). В посольствах и миссиях, где нет спешной и срочной работы, молодые люди пребывают в праздности, отучаются от работы. Таким образом, при прежней системе движения некоторых чиновников по посольствам... бывали случаи назначения на ответственные посты лиц, совершенно неподготовленных к самостоятельной деятельности и вообще мало осведомленных о предстоящих им обязанностях. Во избежание столь прискорбного явления и с целью поднятия уровня нашей дипломатической карьеры мне представлялось бы уместным ввести как правило, чтобы каждый молодой заграничный чиновник, работая под непосредственным наблюдением своего ближайшего начальства, представлял в министерство в течение года четыре самостоятельные работы: две на темы политические и две на темы финансовые и политико-экономические. Для каждой из этих работ у молодого дипломата будет три месяца для ознакомления с материалом и с литературой известного вопроса. В министерстве следует образовать специальную комиссию, которая рассматривала бы работы секретарей и причисленных к посольствам и миссиям. В состав комиссии, кроме начальствующих лиц в центральном ведомстве, следует приглашать посторонних лиц, специалистов по различным вопросам международного права, торговли, финансов и иным. Таким образом, установится нечто вроде конкурса, в коем выделятся наиболее способные и трудолюбивые... тогда пропадет, наконец, тот случайный, личный характер нашей службы, развивший у нас тип беспечного и нерадивого чиновника, рассчитывающего на посторонние влияния или личные отношения для занятия лучших на службе должностей».

Боткин всегда скучал по живой практической работе и, пробыв три года чиновником в департаменте, попросил направить его на освободившееся место младшего секретаря русской дипломатической миссии в Вашингтоне, возглавлявшейся К. В. Струве. Пост этот в то время совсем не считался блестящей синекурой. США казались

краем света. В Америке он прослужил пять лет (1890–1895) вторым секретарем, а затем управляющим миссией. О пребывании в этой стране Петр Сергеевич очень ярко рассказывает в своей книге воспоминаний «Картинки дипломатической жизни», изданной уже в эмиграции, в Париже. В ней П. С. Боткин описывает многие события и случаи, очевидцем или непосредственным участником которых он был, в частности приезд П. И. Чайковского в Америку по приглашению Бостонского филармонического общества и торжества, устроенные в его честь. В их программу входили и посещение Чайковским президента в Белом доме, и большой музыкальный вечер в русском посольстве в Вашингтоне.

Отдельная глава в книге посвящена Теодору Рузвельту – будущему американскому президенту, с которым автор был лично знаком. «Я знал Рузвельта, – пишет Боткин, – еще маленьким человеком, с лишком 30 лет назад, во время президентства Гаррисона, когда Рузвельт заседал в Комиссии по гражданским делам в Вашингтоне. Рузвельт уже тогда слыл за человека высокообразованного и блестящего оратора, но никто еще в нем не предчувствовал будущего президента Республики... Мы сошлись не в обществе, где он показывался редко, не на политической почве, где он только начинал проявляться, а на спорт-арене бокса». Т. Рузвельт, по словам автора, проявлял глубокий интерес к России, «предвидел ее великую будущность, но и крупные потрясения».

В конце своего пребывания в Вашингтоне П. С. Боткин выступил с целым рядом статей в американском журнале «Century» в ответ на развернутую известным журналистом Джорджем Кеннаном клеветническую кампанию против России в американской печати. Статья Боткина произвела впечатление и вызвала значительный резонанс. Одна из американских газет писала: «Мы можем уверить г. Боткина, что обращение к американскому общественному мнению русского представителя не пройдет у нас незамеченным и что узы признательности и дружбы, связывающие нас с великой северной империей, никогда не были так прочны, как в настоящее время». Т. Рузвельт поддержал Боткина и посоветовал поехать с лекционным турне по Америке.

Однако самостоятельность и инициативность молодого дипломата посчитали излишней как в самом российском МИДе, откуда посыпались враждебные анонимные письма, так и в самом посольстве. Новый начальник Боткина, князь Кантакузен, в ответ на его идею с лекциями воскликнул: «Что с вами? Ваши успехи, кажется, вскружили вам голову. Что вы воображаете? Вы – Аделина Патти?.. Баттистини?.. Падеревский? Нет, до этого еще не дошло, чтобы дипломаты выступали на подмостках с волшебными фонарями... Нет!» Через несколько месяцев после этого Боткин был переведен в Европу.

В Европе Петр Сергеевич последовательно занимал должности: секретаря дипагентства в Болгарии (1896–1897), секретаря миссии в Португалии (1899–1900), первого секретаря, потом временного поверенного в Бельгии (1901–1906). В 1906 году он был назначен первым секретарем посольства в Лондоне, а с 1907 по 1911 год являлся министром-резидентом, чрезвычайным посланником и полномочным министром в Марокко. В последний период своей дипломатической карьеры с 1912 по март 1917 года Боткин был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Португалии. После Февральской революции он подал в отставку и был уволен со службы указом Временного правительства от 22 марта 1917 года «согласно прошению».

П. С. Боткин был участником ряда международных конгрессов и конференций, членом комиссии А. И. Извольского по реорганизации дипломатической службы и МИД России, автором многих брошюр и статей, напечатанных в русских и иностранных

периодических изданиях. Наряду с этим он, как это было в традициях боткинской семьи, пробовал себя и в литературных занятиях, на которые первым благословил его дядя, поэт Афанасий Фет, и которому он был обязан «первыми проблесками литературного образования». Прочитав рассказ юного племянника, поэт сказал ему: «Тебе скажу – пиши дружок, пиши и пиши, – обладаешь данными для беллетриста».

На протяжении векового периода своей истории династия российских предпринимателей Боткиных дала целое созвездие талантов и ярких деятелей не только в предпринимательской, но и во многих других областях жизни (литературе, искусстве и науке, медицине, дипломатии и др.), требующих высокого уровня образования, культуры, профессионализма и способностей.

Отличительная черта Боткиных – органичное, естественное, гармоничное сочетание, казалось бы, противоположных черт: широкий европеизм, внимание к ценностям мировой цивилизации и склонность к сохранению традиций старинного московского купеческого рода, прочность бытовых, семейных устоев, глубокая религиозность; либерализм, умеренность общественно-политических взглядов, высокое чувство гражданской ответственности за судьбы страны и культурный и политический консерватизм (особенно в отношении к монархии).

Несмотря на то что Боткины слыли «западниками» и в своем собирательстве отдавали предпочтение европейскому классическому, а позднее и современному искусству (но отнюдь не авангардному, а уже признанному, устоявшемуся), в своей личной и семейной жизни они долгое время продолжали хранить верность русским обычаям, традициям купеческой семьи. Вплоть до революции и своей вынужденной эмиграции Боткины, хотя часто путешествовали и подолгу жили за границей, все же не стремились переселиться и осесть в какой-либо из стран Западной Европы. Боткиных можно с полным основанием отнести к цветущей русской образованной предпринимательской элите, сохранившей свой высокий культурный уровень (не уступавший европейскому) и общественный авторитет на протяжении всей истории династии.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков П. В. П.В.Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка. 1835–1885. – СПб., 1892. – Т. 1.

Банников А. П. Несостоявшаяся выставка // Панорама искусств. – М., 1984. – № 7.

Белинский В. Г. Письма. – СПб., 1914. – Т. 1.

Белоголовый Н. А. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность: Биографический очерк. – СПб., 1892.

Боткин В. П. Отрывки из дорожных заметок по Италии. – СПб., 1835.

Боткин Е. С. Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг. (Из писем к жене.) – СПб., 1908.

Боткин П. С. К вопросу о преобразованиях в Министерстве иностранных дел. – СПб., 1907.

Боткин П. С. Картинки дипломатической жизни. – Париж, 1930.

Боткин С. П. Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 год. – СПб., 1893.

Боткин С. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – М., 1995. – № 2.

Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М., 1990.

Герцен А. И. Былое и думы. – М., 1978.

Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. – Л.; М., 1937.

Зилоти В. П. В доме Третьякова: Мемуары. – М., 1992.

Лазурский В. Ф. Василий Петрович Боткин (по случаю 25-летия со дня кончины – 10 октября 1869 г.) // Артист. – М., 1894.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. – СПб., 1992.

Панайев И. И. Литературные воспоминания. – М., 1950.

Панайева А. Я. Воспоминания. – М., 1986.

Песков О. В. «...По вечерам у Боткина...»: История дома № 4 по Петроверигскому переулку. – М., 1996.

Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870–1879. – М., 1968.

Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. – СПб., 1876. – Т. 1.

Рюмин А. На острове воспоминаний// Наше наследие. – М., 1991. – № 5.

Фет А. А. Мои воспоминания. 1848–1889. – Т. 1.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. – М., 1947. – Т. 3.

ФОН МЕКК

Среди крупнейших предпринимательских династий нашего отечества было немало семей, ведущих свое происхождение от выходцев из других стран, чья судьба тесно переплелась с жизнью России, ее историей. К таким династиям можно отнести и семью «железнодорожных королей» фон Мекков, стремительно разбогатевшую на волне «железнодорожной горячки» второй половины 1860-1870-х годов. Начиная с этого времени и вплоть до 1917 года, многие представители династии занимали значительное место не только в экономической, но и в общественной и культурной жизни России. Масштаб их интересов был чрезвычайно широк и разнообразен. С фамилией фон Мекк связаны крупнейшие проекты развития железнодорожной сети в нашей стране, покровительство музыкантам и художникам, разнообразная благотворительная и общественная деятельность, замечательные инициативы по созданию и развитию многих научных, культурных, спортивно-просветительских учреждений и организаций.

История строительства посредством частной инициативы первых железных дорог в России, развернувшегося вскоре после отмены крепостного права, открывает перед нами драматическую картину человеческих судеб и страстей, столкновений и конфликтов на почве денежных интересов. Это было время внезапного появления крупных состояний и первых финансовых «олигархов» той поры. Это было время, когда Россия, ценою больших материальных жертв создавая сеть железных дорог, впервые столкнулась с выходом на международный денежный рынок лиц, которые на спекуляциях государственными ценными бумагами в считанные месяцы превращались в богатейших людей страны.

С этого времени старое, торгово-промышленное купечество все больше уходит в тень, уступая дорогу новым дельцам. И немалую роль в этом сыграло государство в лице сановных бюрократов. Железнодорожное дело переходит в руки небольшой группы миллионеров, ставших, по существу, монополистами, своеобразными «олигархами», взращенными на казенных деньгах. Попытки промышленников оттеснить от «казенного пирога» сановников-взяточников, монополистов и подрядчиков ни к чему не привели. Правительство и царский двор сделали другой выбор. Возникает негласный союз между высшей бюрократией и зависимыми от нее «железнодорожными королями», концессионерами и оптовыми подрядчиками. Все это не способствовало развитию конкуренции, экономической свободы в России. Внутренний денежный рынок не участвовал в формировании капиталов железнодорожных обществ. На многие годы «был преподан наглядный урок сметливости, ловкости в мошенничестве». Железнодорожные концессии «разожгли аппетиты к грабежу и разбазариванию государственных средств».

Первые десятилетия после «великой реформы» вызвали к жизни появление целой группы предпринимателей-нуворишей, концессионеров и подрядчиков, в короткие сроки сумевших нажить баснословные богатства за счет казны. Из этой среды выдвинулся ряд крупных организаторов железнодорожного строительства в России

(П. Г. фон Дервиз, С. С. Поляков, П. И. Губонин, В. А. Кокорев, И. С. Блиох), ставших затем владельцами построенных ими железных дорог и получивших прозвище «железнодорожных королей».

В. А. Кокорев

Одним из пионеров частного железнодорожного строительства в России был Карл Федорович фон Мекк, положивший начало многомиллионному состоянию семьи. Однако сведений, характеризующих его личность, немного. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях ограничивается в отношении него одной фразой: «Фон Мекк, инженер путей сообщения, был очень корректный немец; он нажил порядочное состояние, но жил довольно скромно».

Немногословная, загадочная фигура скромного инженера, сумевшего стать железнодорожным королем, привлекала внимание исследователей и писателей, пытавшихся хотя бы в общих чертах обрисовать ускользающий облик этого человека. В научной и художественной литературе история семьи фон Мекк и образы представителей этой династии нашли отражение главным образом в связи с выдающейся меценатской деятельностью членов этой семьи на ниве искусства. Родоначальник семьи железнодорожных магнатов характеризуется в этих работах как яркая, «сильная и подвижная», «необыкновенно значительная личность», как человек, отличавшийся «находчивостью, волей, сокрушительной энергией, верой в свою звезду», как «талантливейший практик», «богато одаренная», но совсем «не художественная» натура. Современники отмечали также его профессионализм и настойчивость в достижении цели. И конечно, имя этого человека не однажды упоминалось в переписке его вдовы, известной меценатки Надежды Филаретовны фон Мекк, с П.И. Чайковским.

Миллионы «железнодорожного короля»

Карл Федорович (Карл Отто Георг) фон Мекк (1821–1876) происходил из старинной остзейской дворянской семьи. Родоначальником династии считается канцлер Силезии Фридрих фон Мекк (род. 1493 г.). Его внук Яков, переселившийся в остзейский край, в Лифляндию, стал рижским каштеляном. Многие представители династии фон Мекк находились на военной службе вначале в шведской, а затем в российской армии. Род фон Мекк внесен в «матрикул Лифляндского дворянства и в VI часть книги Смоленской губернии», а также в книгу дворянского сословия Тульской губернии. Отец Карла Федоровича, также вначале избравший военную карьеру, позднее перешел на службу таможенным чиновником. Умер он от холеры, не дослужив до пенсии и оставив вдову с малолетними детьми без средств к существованию.

В 19 лет К. Ф. фон Мекк становится студентом Петербургского института путей сообщения и в 1844 году успешно заканчивает его. Он поступает на службу в чине поручика в ведомство путей сообщения. Молодой инженер вскоре получает место начальника дистанции Московско-Варшавского шоссе. Дальнейшая его служба в государственном ведомстве связана с работой в качестве инженера и инспектора строительства стратегических дорог в западной части России.

14 января 1848 года в его жизни происходит важное событие: он вступает в брак с семнадцатилетней дочерью помещика Смоленской губернии Надеждой Филаретовной Фроловской, которая стала ему опорой и поддержкой на всем их совместном жизненном пути. Брак был счастливым. Свидетельством этому являются их одиннадцать детей, воспитанию которых Надежда Филаретовна отдавала все свои душевные силы и энергию.

Продвижение К. Ф. фон Мекка по службе шло медленно. Работа в казенном ведомстве, сковывавшая чиновничьей рутинной любой инициативу, не удовлетворяла талантливого и энергичного инженера. Однако он вряд ли бы самостоятельно решился порвать с казенной службой, опасаясь поставить семью в трудное положение, если бы Надежда Филаретовна решительно не настояла на его уходе. В 1860 году К. Ф. фон Мекк оставляет государственную службу, чтобы заняться предпринимательской деятельностью. Это был смелый и во многом рискованный шаг, сыгравший решающую роль в дальнейшей судьбе семьи. И он был бы невозможен без полного взаимопонимания, доверия и взаимной поддержки супругов. Вот как сама Надежда Филаретовна позднее писала об этом П. И. Чайковскому: «Мой муж был инженером путей сообщения и служил на казенной службе, которая доставляла ему 1500 руб. в год – единственные, на которые мы должны были существовать. С пятью детьми и семейством моего мужа на руках. Не роскошно, как видите... Работы было много, но я не тяготилась ею. Но вот что давило меня невыносимо. Я не знаю, Петр Ильич, знаете ли Вы, что такое казенная служба? Знаете ли, что при ней человек должен забыть, что у него есть разум, воля, человеческое достоинство, что он должен сделаться куклой, автоматом – то вот этого-то положения моего мужа я не в состоянии была выносить и, наконец, стала просить, умолять его бросить службу, а на его замечание, что тогда нам нечего будет есть, я отвечала, что мы будем трудиться и не пропадем. Но когда он, наконец, согласился исполнить мою неотступную просьбу и вышел в отставку, мы очутились в таком положении, что могли прожить 20 копеек в день на все».

Уход Карла Федоровича со службы совпал с началом развертывания в стране широкого железнодорожного строительства. Уроки Крымской войны не прошли даром. Русская армия потерпела тяжелое поражение во многом из-за отсутствия железных дорог, по которым могло быть быстро перебросено подкрепление и обеспечено снабжение войск. Правительство осознавало необходимость срочной ликвидации глубокого отставания России в этой области и предпринимало определенные усилия, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс железнодорожного строительства. Попытки постройки первых казенных железных дорог в России в 30–40-е годы XIX века не были успешными. Строительство их шло крайне медленно – сильно мешала чиновничья рутина. Для того чтобы провести в жизнь программу широкого железнодорожного строительства в стране, было принято решение опереться на частную инициативу. Решающими в судьбе железнодорожного предпринимательства явились указ Александра II от 27 января 1857 года о создании в России сети железных дорог и высочайше утвержденные осенью 1857 года договоры о передаче казенной Варшавско-Венской железной дороги и прав на строительство связанных с ней ветвей и новых железных дорог в руки частной компании.

На первых порах, однако, этот новый курс правительства также не имел большого

успеха. В то время находилось немного «охотников получать концессии, потому что никто на железных дорогах тогда не наживался». К тому же, чтобы заниматься этим рискованным делом, требовались большие капиталы. Однако к началу 1860-х годов положение начало меняться. Стали появляться первые общества по строительству железных дорог с участием отечественных капиталистов.

Начало предпринимательской деятельности К. Ф. фон Мекка связано со строительством линии Москва – Коломна Обществом Саратовской железной дороги. Это было одно из первых обществ с широким участием представителей отечественного капитала. Образовано оно было в 1856 году. Инициатором создания общества стал генерал-адъютант С. А. Юрьевич. Энтузиастом проекта уже давно выступал действительный статский советник А. Я. Софронов, который в течение десяти лет, с 1847 по 1857 год, финансировал изыскательские работы. Акционерами общества стали великие князья Александр, Владимир, Алексей, а также многие придворные лица. Проект железной дороги оказался настолько привлекательным, что вызвал интерес и на Западе. В состав учредителей вошел вице-президент Совета Бельгийских железных дорог, почт и телеграфа Брауэр де Гогендорп.

Уже после утверждения 17 июля 1859 года устава общества в число его учредителей были приглашены также московские коммерсанты: К. Т. Солдатенков, Ф. М. Вогау, банкир Г. А. Марк и представители фирмы «Братья Сапожниковы». 30 октября 1859 года были избраны: председателем совета и правления генерал-адъютант, государственный контролер Н. Н. Анненков, а членами правления – Г. А. Марк, Э. И. Шуберский и Ф. Ф. Рихтер. В члены совета вошли представители высшего дворянства, чиновничества, военные инженеры, коммерсанты. Главным директором был избран бельгиец Брауэр де Гогендорп, начальником счетной части – К. Х. Таль, главным секретарем – П. Г. фон Дервиз. Правление общества помещалось в Москве, в Кривом переулке. Финансовую основу общества составил гарантированный правительством акционерный капитал в 45 млн рублей серебром. Правительство предоставило страховую гарантию по акциям в 4,5 %. Общество брало на себя обязательство построить в течение шести лет однопутную дорогу от Москвы до Саратова через Коломну, Рязань, Моршанск длиной в 725 верст.

К. Ф. фон Мекк

Строительство линии Москва – Коломна началось 11 июня 1860 года. Основным подрядчиком по работам на этом участке дороги правление выбрало известную в то время фирму Дурова. Но «главным деятелем» в подрядах Дурова был К. Ф. фон Мекк. Он вместе с другим контрагентом, Садовским, имел подряды на проведение земляных работ, полотна, искусственных сооружений дороги.

Первый участок дороги Москва – Коломна, протяженностью 117,2 версты, был построен очень быстро, всего за два года. Для освидетельствования участка перед открытием на нем движения была послана особая комиссия. Линия была открыта для эксплуатации 20 июля 1862 года. В этот день отправился торжественный поезд из Москвы, на который правлением дороги были приглашены многие важные лица. На коломенской станции, в палатках, был дан великолепный обед. Большая заслуга в успешном окончании строительства принадлежала фон Мекку. Здесь он впервые в полной мере проявил свои способности организатора и инженера, энергию, инициативу, умение заинтересовать людей, честность и обязательность в ведении дел и в расчетах. Он постоянно говорил, что «честность в расчетах – это тоже коммерция».

После ввода первого участка дороги дальнейшее ее строительство было приостановлено из-за отсутствия средств. В 1863 году обанкротившееся общество было ликвидировано. Вместо него в том же году возникло Общество Московско-Рязанской железной дороги. Председателем правления общества был избран бывший сенатский чиновник П. Г. фон Дервиз. Ему принадлежит значительная роль в развертывании широкого железнодорожного строительства с помощью частной инициативы. «Постройка частных железных дорог, – пишет один из авторов, – двинулась только, когда фон Дервиз, товарищ Рейтерна (министра финансов. – М. Г.) по лицу и секретарь разорившейся Саратовской дороги, согласился на выпуск, по 52 рубля за сто, акций Рязанской дороги». Бывший лицейский товарищ нового министра финансов сумел получить концессию от правительства на постройку Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской железных дорог на чрезвычайно льготных условиях и даже раздобыл у берлинских банкиров первоначальный капитал для строительства линии Коломна – Рязань. И это несмотря на господствовавшее тогда в России убеждение в невозможности найти нужный капитал даже при гарантии правительства.

Правомерно в этой связи предположение о «сознательном моделировании образа удачливого предпринимателя для раскручивания первого витка железнодорожного бума» в России. «Зная перемену отношения правительства к частному предпринимательству и оттого действовавший наверняка, без страха риска, фон Дервиз подал завораживающий окружающих пример мгновенного обогащения и послужил привлекательным образцом в деле поощрения и распространения предпринимательского духа. Расчетливо инспирированная правительством акция имела колоссальный успех». Подобное же предположение можно сделать и в отношении К. Ф. фон Мекка, длительное время бывшего оптовым подрядчиком и компаньоном фон Дервиза.

Основной капитал нового общества был определен в 15 млн рублей. Он состоял из 10 тыс. акций по 100 рублей каждая и выпуска облигаций на сумму в 5 млн рублей. Правительственная гарантия чистого дохода устанавливалась в размере 5 % на капитал в 62 тыс. рублей на версту, а на 196 верст длины дороги – на сумму 12 млн 152 тыс. рублей, т. е. на 3/4 всего капитала. Надо отметить также, что облигации были выпущены в прусских талерах, по 200 талеров каждая, и это был первый пример реализации облигаций русского акционерного общества за границей. Можно говорить о том, что немецкий финансовый капитал проявил немалую заинтересованность в российских железных дорогах. Впоследствии берлинская биржа вместе с франкфуртской стали играть главную роль в размещении российских железнодорожных облигаций, доходы от которых гарантировались царским правительством. По некоторым оценкам, в российские железные дороги до 1876 года было вложено более 900 млн рейхсмарок.

П. Г. фон Дервиз высоко оценивал профессионализм фон Мекка, как специалиста и талантливого организатора. Поэтому именно Карлу Федоровичу он предоставил

оптовый подряд за 4,7 млн рублей на строительство нового участка дороги от Коломны до Рязани протяженностью в 79 верст. Работы шли очень быстро и успешно благодаря энергии и распорядительности ее строителя – инженер-подполковника К. Ф. фон Мекка. Меньше чем через полтора года – 27 августа 1864 года стало возможным открыть движение до Рязани (кроме моста через Оку).

Фон Мекк приобрел на сооружении дороги Москва – Коломна – Рязань репутацию высокопрофессионального строителя и инженера. Он проявил себя и первоклассным мостостроителем. 20 февраля 1865 года на месяц с лишним раньше срока был сдан мост через Оку – первый в России совмещенный мост для железнодорожного и гужевого транспорта. Это дало возможность установить правильное пассажирское и грузовое движение по всей дороге.

Строительство линии Коломна – Рязань положило начало баснословному состоянию как фон Дервиза, так и фон Мекка. Оба компаньона заработали на строительстве железной дороги огромную сумму – 1,5 млн рублей. Благодаря тому, что действительная стоимость строительства каждой версты дороги не превышала 40 тыс. рублей, вместо утвержденных по смете 62 тыс. руб., фон Дервиз и фон Мекк, используя эту разницу, сумели хорошо заработать на сделке. А за досрочное открытие моста через Оку Карл Федорович получил еще дополнительно 40 тыс. рублей.

П. Г. фон Дервиз

Концессию на продолжение строительства Московско-Рязанской железной дороги до Козлова получил опять-таки статский советник фон Дервиз при покровительстве министра финансов Рейтерна. Устав нового общества был утвержден 12 марта 1865 года. Оптовым подрядчиком снова был приглашен Карл Федорович фон Мекк, руководивший всеми работами. Постройка дороги была сдана ему за 6 млн рублей (по 30 тыс. рублей серебром за каждую версту пути). Только официальная прибыль подрядчика по Козловской дороге составила 280,2 тыс. рублей. А за счет «экономии» строительных средств он, по некоторым сведениям, нажил миллионный барыш. Интересно отметить, что поставщиком рабочих и материалов при осуществлении части работ служил у него знаменитый впоследствии железнодорожный строитель Самуил Поляков. Служба у инженера фон Мекка была хорошей школой для будущего предпринимателя.

Основной капитал общества был определен, согласно его уставу, почти в 15 млн рублей, из которых акционерный капитал составлял около 5 млн рублей. Обществу

были даны крупные льготы, например устройство земляного полотна дороги в один путь. На весь капитал давалась правительственная гарантия чистого дохода свыше 5 %.

Обращает на себя внимание тот факт, что при льготных технических условиях стоимость строительства дороги была чрезвычайно завышена: по некоторым оценкам, чуть ли не вдвое. По существу, для постройки дороги был использован лишь облигационный капитал, а акционерный оставался чистым барышом (причем гарантированным правительством) устроителей дела. Более того, как свидетельствовал С. Ю. Витте, «нередко, за невозможностью разместить облигации в частные руки, правительство оставляло их за собой. Таким образом, фактически железные дороги строились на государственные средства, или средства, гарантированные государством, которое из-за этого вошло в громадные долги, управление же всем железнодорожным делом отдано было частным предпринимателям почти в бесконтрольное владение».

От Рязанско-Козловской железной дороги берут свое начало так называемые фиктивные акционерные компании. Ведь взносов по акциям не нужно было делать, и весь капитал, представленный ими, был не более как фикция, приносящая тем не менее весьма ощутимый доход. Причем доход этот попадал главным образом в руки главных держателей ценных бумаг.

Суть злоупотреблений крылась в том, что учредители компаний, удерживая в своих руках все ее акции или большую их часть, могли заключать от имени общих собраний акционеров договоры на сооружение дороги на всю сумму, которая может быть выручена от реализации выпущенных компанией ценных бумаг, и, следовательно, фиктивно как бы затрачивали весь капитал акционерного общества целиком, без остатка. Строительство же дороги фактически велось на облигационный капитал. При несостоятельности же строителей или при злоупотреблениях с их стороны общества оставались беспомощными, так как в них заправляли учредители, а правительство, затратив громадные суммы за счет облигационного капитала, было вынуждено опять поддерживать общества и выдавать им субсидии на окончательную достройку линий.

Почему такое было возможным? Дело заключалось в том, что, несмотря на явную порочность системы выдачи концессий, частная инициатива, даже под прикрытием фиктивных обществ, считалась в правительстве наилучшим выходом в сложившейся ситуации. «Недоверие правительства к своим собственным агентам было так сильно, – пишет известный публицист тех лет А. А. Головачев, – что оно не решилось допустить систему казенной постройки, хотя бы параллельно с системой концессий». Тем самым правительство, «несмотря на ясные доказательства, очевидные для всех, должно было закрывать глаза и не видеть вовсе, что оно имеет дело отнюдь не с обществами, а с отдельными личностями, которые только прикрываются фирмой анонимного общества во избежание всякой личной ответственности».

Впоследствии была сделана попытка переломить сложившуюся ситуацию. В начале 1873 года были утверждены новые правила образования железнодорожных обществ. В соответствии с ними правительство брало на себя образование реальных, а не фиктивных акционерных обществ, отстранив от участия в деле концессионеров. Обществам после их учреждения передавалось право на сооружение дороги на капитал, исчисленный по определенной реализационной цене акций и по предварительно составленной расценочной ведомости. Но правила эти остались только на бумаге. Образование в 1874 году четырех железнодорожных обществ по «подписке» произошло «на совершенно иных началах, давших полную возможность крупным железнодорожным предпринимателям повернуть дело на прежнюю торную дорогу».

В 1865 году фон Дервиз впервые в практике железнодорожного строительства в России учредил фиктивное акционерное общество, хотя и оформленное по букве устава. На деле оно стало идеальной ширмой для различных манипуляций фон Дервиза с капиталом и ценными бумагами. Он не только имел возможность присвоения большей части финансовых средств за счет удешевления строительства и с помощью других махинаций, но и становился фактически полным хозяином железной дороги после ее сдачи в эксплуатацию. Способ реализации концессии фон Дервизом явился образцом для множества последующих фиктивных акционерных обществ. Широко использовал этот способ при реализации полученных им концессий и К. Ф. фон Мекк.

Протяженность Рязанско-Козловской железной дороги составляла 197 верст, и построена она была с небывалой до того быстротой. Менее чем через полтора года, 5 сентября 1866 года, дорога была открыта для движения. Видный чиновник Министерства путей сообщения барон А. И. Дельвиг, вспоминая о своем инспектировании строительства дороги, указывает при этом на тщательность исполнения работ, проводимых главным ее строителем К. Ф. фон Мекком. Он даже вспоминает в связи с этим один характерный эпизод. «Я весьма подробно, – пишет он, – осматривал работы, производившиеся по Рязанско-Козловской железной дороге, для чего выходил из коляски при каждом искусственном сооружении. Видя, что работы производятся тщательно, я приказал кучеру не останавливаться подле одной строившейся незначительной трубы. Но, проехав мимо нее, заметил сидящему со мной в коляске фон Дервизу, что эту трубу кладут на извести без цемента. Несмотря на то что мы довольно далеко отъехали, он упросил меня воротиться для осмотра работ по трубе. Оказалось, что я ошибся: работа производилась на чистом цементе». Дельвиг отмечает также скромность и простоту жизни русских инженеров, работавших на строительстве дороги, которые обходились гораздо дешевле иностранных инженеров. «Мы останавливались, – вспоминает он, – для обедов и ночлегов в Рязске и разных селениях, в последних инженеры жили в простых избах, и еда наша состояла из холодного кушанья. Подобная жизнь наших инженеров мне очень нравилась в сравнении с роскошной жизнью французских инженеров Главного общества. Желательно было бы только более порядка и чистоты, которой отличались помещения английских инженеров на Динабург-Витебской железной дороге». К этому можно лишь добавить, что еще дешевле подрядчикам обходился труд русских рабочих и мастеровых, которым платили еще меньше, чем даже на строительстве казенных железных дорог.

Рязанско-Козловская дорога первой из вновь сооруженных линий достигла районов, являвшихся «хлебными житницами» России, и приобрела огромное значение для вывоза хлеба из черноземных земель. Фактически она обеспечила кратчайшую связь Центра с Черноземьем, что предоставляло железной дороге монополию на хлебные грузы, а владельцам ее возможность держать высокие тарифы. Она сразу же стала одной из очень доходных железнодорожных веток.

«Нажива на Рязанской дороге и, особенно, на Козловской разожгла аппетиты». Развернулась самая настоящая концессионная горячка. Прибыли, полученные фон Дервизом и фон Мекком при строительстве Рязанско-Козловской дороги, затем огромные барыши, вырученные при постройке дорог Поляковым, Башмаковым, Губониным и др., убедили, что сооружение дорог частными средствами в России не только возможно, но даже очень выгодно. С этого времени, отмечает один из современников, «наше железнодорожное дело принимает другой характер. На нашем рынке появляется целая масса предпринимателей, которых раньше правительство искало, но не находило». На начало «железнодорожной лихорадки» указывает и барон А. И. Дельвиг: «Несметное богатство, приобретенное фон Дервизом и фон Мекком при постройке Рязанско-Козловской железной дороги... побудило многих

добиваться уступок разных линий. В это дело вмешались банкиры и разные аристократы, или, лучше сказать, люди, близкие к высочайшему двору и потому считающие себя аристократами, и вообще лица, влиятельные при дворе; одни участвовали явно, другие тайно».

С конца 60-х годов XIX века царское правительство «становится на путь неограниченного покровительства частным железнодорожным обществам, гарантируя им не только высокие доходы, но в значительной степени и предоставление самого строительного капитала». Это время стало «золотым веком» для учредителей и концессионеров, разбогатевших на выгодных железнодорожных подрядах в период «концессионной горячки» 60-70-х годов. Среди них одним из наиболее удачливых был Карл Федорович фон Мекк.

Акции и облигации железнодорожных обществ и промышленных предприятий, государственные кредитные билеты

Большую роль в его предпринимательской карьере сыграло получение концессии на строительство Курско-Киевской железной дороги. Новый курс правительства на еще большее финансовое покровительство частным железнодорожным обществам особенно ярко проявился при постройке этой линии. Оба компаньона, фон Дервиз и фон Мекк, еще в январе 1866 года сделали предложение о строительстве дороги от Орла через Курск до Киева с оценкой стоимости строительства по 56 010 рублей с версты. При этом проценты за время постройки, а также стоимость реализации капитала, по их проекту, оставались на ответственности правительства. Кроме того, компаньоны требовали полной свободы действий без предварительного рассмотрения и утверждения министром путей сообщения проектов сооружений и ограничения прав инспекторов и министерства при надзоре за ходом работ. Уже одно требование об освобождении строителей от надзора было достаточным основанием к отклонению подобного предложения, что и сделало Министерство путей сообщения.

В таком положении дело оставалось до конца 1866 года, когда правительство взяло крупный заграничный заем. С этого момента оно получило возможность оказывать содействие частным обществам не одной гарантией дохода, но и финансовым обеспечением. Теперь уже концессионерам не нужно было хлопотать о реализации капитала. Для строительства достаточно было одной суммы облигационного капитала, которую обеспечивало правительство. Акционерный же капитал большей частью оставался чистым доходом держателей акций, опять-таки гарантированным правительством.

Фон Дервиз и фон Мекк поспешили воспользоваться такой выгодной ситуацией. Они исключили из своих прежних предложений все условия, освобождавшие их от надзора инспекции и министерства, и вошли с новыми предложениями о предоставлении им права постройки дороги по договору – концессии. Договор состоял из двух частей: первой – собственно подряда на постройку дороги за оптовую цену и второй, относящейся к образованию акционерного общества для эксплуатации дороги по окончании строительства. Причем в первой части предусматривалось «прекращение ответственности строителей и их обязанностей по устранению недоделок после сдачи дороги в эксплуатацию».

С этим предложением компаньоны, к которым присоединился статс-секретарь князь С. А. Долгорукий, участвовали в конкурсе, где конкуренцию им составили еще три предложения. После их рассмотрения в особой комиссии Комитета железных дорог 24 декабря 1866 года предприятие было оставлено за фон Дервизом, фон Мекком и Долгоруким. Компаньоны получили концессию на строительство Курско-Киевской дороги на льготных условиях. Правительство практически взяло на себя всю реализацию основного капитала общества, а назначенная «поверхстная стоимость» дороги была намного выше действительной стоимости.

Курско-Киевская железная дорога была выстроена в течение двух лет и открыта для движения 17 декабря 1868 года. Льготные условия концессии дали возможность учредителям-подрядчикам получить за счет казны около 6 млн рублей. Было образовано акционерное общество по эксплуатации железной дороги, фактически фиктивное. Хотя 3/4 акций общества принадлежали правительству, а четвертую их часть оставили за собой учредители, правительство пользовалось лишь 1/4 частью голосов в общем собрании. Таким образом, управление дорогой, выстроенной исключительно на казенные средства, на деле находилось в распоряжении учредителей (фон Дервиза, фон Мекка, князя С. А. Долгорукого), имеющих при этом полную возможность уходить, в случае необходимости, от ответственности, прикрываясь постановлениями фиктивного общего собрания акционеров. Надо отметить также, что неправительственная часть акций с самого начала была присвоена учредителями и так и не появилась в продаже на бирже. Современники признавали тем не менее, что управление дорогой осуществлялось безукоризненно и сложившийся порядок не вредил делу. Более того, дорога приносила значительный доход.

К. Ф. фон Мекк и впоследствии участвовал в конкурсах на получение концессий на строительство железных дорог, но не всегда успешно. Конкуренция возрастала. С каждым годом получить выгодную концессию становилось все труднее. Вокруг железнодорожного дела сгущалась ядовитая атмосфера взяточничества и интриг. Слишком сильно поражали воображение примеры быстрого и фантастического обогащения в этой области. Один из историков железных дорог писал: «Несообразность цен в различных концессиях стала обращать на себя внимание. Баснословные состояния, создававшиеся почти моментально из ничего, возмущали невольно совесть честных людей, а погоня за концессиями и желание какими бы то ни было путями пристроиться к железнодорожным деятелям стали чуть ли не всеобщими. Жажда наживы, и притом быстрой, охватила общество, и окунуться в это море золотой грязи не считалось постыдным ни для кого. Если вместе с этой грязью все эти железнодорожные деятели успевали выносить и золото, то успех оправдывал и вполне обелял их». Однако самый большой гнев автора вызывали не они. «Мы не очень виним, – писал он, – капиталистов, прямо бравшихся за дело и наживших себе миллионы; для них это были только выгодные подряды и ничего более; им можно разве поставить в вину те средства, которые они употребляли для того, чтобы взять дело, но они имели за себя в этом случае и смягчающие обстоятельства. Ведь говорил же Струсберг на суде, что в России без подарков нельзя было сделать

никакого дела. Эти взгляды у нас выработались исторически. Но есть и другой род деятелей, которые никогда явно не вступали в железнодорожное дело, но были ходатаями, посредниками и заступниками за деятелей явных, пользовались своими связями и торговали своим положением – этот разряд людей представляется нам всего более отвратительным».

С 1871 года система конкуренции путем торгов была отменена: министру путей сообщения было предоставлено право единолично выбирать концессионера. Это только усилило позиции разных влиятельных групп и обострило борьбу за получение концессий. Наиболее ожесточенная борьба развернулась за концессии на Лозово-Севастопольскую и Ландварово-Роменскую железные дороги. На последнюю из них претендовал фон Мекк. Но здесь он встретил сильное противодействие. Нужно сказать, что Карл Федорович проявил недюжинные способности в налаживании контактов с придворными и правительственными кругами и накопил немалый опыт взаимоотношений с влиятельными лицами, от которых зависело получение крупных подрядов. Фон Мекк был принят в Министерстве путей сообщения, где его хорошо знали по прежней службе и не только высоко ценили, но и покровительствовали ему.

Широкий круг знакомств и умение использовать связи помогли К. Ф. фон Мекку победить в ожесточенной борьбе, развернувшейся за получение концессии на Ландварово-Роменскую дорогу, причем в почти безнадежно проигрышной ситуации. Главным соперником Карла Федоровича был инженер Ефимович со своим компаньоном, венским банкиром Викерсгеймом, пользовавшийся поддержкой фаворитки императора Александра II княжны Долгорукой (будущей княгини Юрьевской).

В июне 1871 года, не без влияния окружения фаворитки, состоялось высочайшее повеление о внесении в Комитет министров представления о сдаче концессии на Ландварово-Роменскую дорогу Ефимовичу и Викерсгейму. Однако шум, поднятый вокруг этого дела, был настолько велик и интересы «придворных хищников» так резко противоречили интересам самого государственного хозяйства, что министр путей сообщения А. П. Бобринский и шеф жандармов граф П. А. Шувалов должны были «оказать особое давление» на Александра II, чтобы получить его согласие на обсуждение всего дела о концессиях. 5 июня «было слушано в Комитете министров представление А. П. Бобринского о передаче Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской дорог и, согласно представлению, положено отдать первую фон Мекку по поверстной стоимости 39 675 рублей, из коих 1/3 негарантированными акциями и 2/3 гарантированными правительством облигациями, а вторую – Губонину по поверстной стоимости 54 тыс. рублей с гарантией правительства на весь капитал общества, как на акции, так и на облигации». По этому поводу было принято постановление правительства.

Однако закулисные интриги возымели действие. И хотя Комитет министров высказался в пользу фон Мекка, он должен был по высочайшему повелению еще раз пересмотреть это дело. Тем не менее вследствие твердости, проявленной Комитетом министров и министром путей сообщения, интрига «долгоруковской партии» не удалась. 30 июля постановление Комитета о сдаче дороги фон Мекку было утверждено императором. Причем Александру II пришлось отменять свое прежнее, уже ставшее известным приказание, что вызвало его раздражение. Материальные интересы его фаворитки, однако, не пострадали. К. Ф. фон Мекку все же пришлось выложить отступного, по одним свидетельствам, полтора миллиона, а по другим – до трех миллионов рублей.

При реализации концессии фон Мекк столкнулся с не меньшими трудностями, чем при ее получении. Основной капитал дороги был утвержден в сумме 28 млн рублей, в

том числе 21 млн рублей в облигациях и 7 млн рублей в акциях. Получив концессию, Карл Федорович пригласил по старой памяти в компаньоны фон Дервиза, но тот наотрез отказался от сотрудничества. Как свидетельствует С. Ю. Витте, фон Дервиз заявил, что «он не такой дурак, чтобы, раз нажив состояние, стал им рисковать; что ему совершенно достаточно тех миллионов, которые он имеет, поэтому он предпочитает вести жизнь мецената, какую он и ведет». В отличие от фон Дервиза, проживавшего свое состояние за границей, К. Ф. фон Мекк до конца жизни не изменил своему профессиональному делу строительства железных дорог в России, даже в условиях все более ужесточающихся требований со стороны правительства и ухудшения экономической конъюнктуры в этой области. На постройке дороги он действительно потерял много денег. Как отмечал Витте, причиной этого было то, что, «по мере постройки новых дорог, правительство становилось все опытнее и ставило все более тягостные условия. Поэтому в конце концов люди перестали так наживаться, и даже были случаи, что и крупные подрядчики прогорали». Несмотря на отказ фон Дервиза, Карл Федорович, благодаря финансовой поддержке правительства, все-таки достроил дорогу, но ее эксплуатация оказалась убыточной, и ему вновь пришлось прибегнуть к помощи своих связей при дворе. Под обеспечение дороги акциями он получил правительственную ссуду в 2,5 млн рублей. После того как в 1872 году Ландварово-Роменская железная дорога была слита с Либаво-Роменской дорогой, акции были возвращены уже наследникам фон Мекка.

Получая выгодные контракты и умело организуя дело, К. Ф. фон Мекк постепенно скопил огромное состояние. Свои многомиллионные капиталы он держал в акциях построенных им дорог: Ландварово-Роменской, Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской, Курско-Киевской, Моршанской. Имел он и недвижимость: дом в Москве на Мясницкой и огромное имение Браилово в южной Украине. Скончался Карл Федорович от тяжелого сердечного приступа. Отмечая его заслуги в развитии железнодорожного транспорта в России, газета «Московские ведомости» писала в 1876 году, что миллионы, полученные фон Мекком, «положили начало той железнодорожной горячке, которая несколько лет кряду волновала все общество России».

«Роман невидимок»

После смерти мужа семейным железнодорожным и промышленным делом какое-то время пришлось заниматься его жене, Надежде Филаретовне фон Мекк, вступившей по завещанию в права наследования. «После мужа, – писала она П. И. Чайковскому в 1878 году, – мне остались очень запутанные и затруднительные дела, так что без всякой помощи я не могла бы справиться с ними. Поэтому я выбрала соопекунами к себе моего сына Володю и брата Александра, но главные распоряжения потому сосредоточиваются во мне, что я и опекунша малолетних детей моих и участница во всех делах, оставленных моим мужем».

Нужно сказать, что в неблагоприятных для владельцев частных железных дорог условиях, наступивших в 1880 – начале 1890-х годов, Надежде Филаретовне удалось, благодаря своей твердости и энергии, сохранить семейное дело от разорения и отстоять его от поползновений со стороны разных «алчных хищников». Особенную активность в попытках перехватить контроль над принадлежащими фон Мекк железнодорожными компаниями проявляли наследники П. Г. фон Дервиза, их бывшего компаньона. Несмотря на определенные потери (так, например, акции Либаво-Роменской железной дороги пришлось передать немецким кредиторам, что вызвало в прессе обвинения фон Мекков в забвении ими национальных интересов страны) и откровенно слабое умение вести дела, проявленное помощниками Н. Ф. фон Мекк, ей все же удалось избежать больших потерь и уберечь семейное состояние

для своих многочисленных подрастающих детей.

Надежда Филаретовна фон Мекк родилась в селе Знаменском Ельнинского уезда Смоленской губернии 29 января 1831 года. Родители ее были небогатые помещики. Тем не менее они смогли дать своим детям хотя и домашнее, но разностороннее образование и прекрасное воспитание. Главой семьи была мать, Анастасия Дмитриевна, женщина энергичная, деловая. Отец Нади, Филарет Васильевич, страстный любитель музыки, большую часть времени отдавал игре на скрипке. Под влиянием отца у молодой девушки рано выработался тонкий музыкальный вкус. С малых лет Надю обучали игре на фортепьяно. Еще девочкой она целыми часами могла слушать игру отца на скрипке или аккомпанировать ему. А с годами, когда отцу стало трудно брать в руки инструмент, она вместе с сестрой часто играла в четыре руки произведения великих немецких композиторов, чтобы доставить ему удовольствие. Надежда много читала и хорошо разбиралась в литературе.

Еще в юности в Наде отмечали редкое сочетание романтической мечтательности с трезвым мужским расчетом. Если от отца юная Надя унаследовала любовь к музыке, то от матери – волевой и энергичный характер, пылливый ум и деловитость, твердость и решительность. Очень рано выйдя замуж за инженера путей сообщения государственной службы К. Ф. фон Мекка, она тем не менее оказалась вполне готовой к трудностям практической жизни. Любящая жена и мать одиннадцати детей, она сумела стать настоящим помощником, советчиком, другом мужа и благодетельницей семьи.

После смерти мужа, которого она глубоко уважала и с которым прожила наполненную трудами и заботами жизнь, Надежда Филаретовна попала в полосу глубокого внутреннего одиночества. Со времени кончины мужа она отказалась от всякой светской жизни, от посещений, не относящихся к семейному предпринимательскому делу. Вне семьи она никогда никого не видела, ни к кому не ездила и оставалась до конца дней своих «совершенной невидимкой» для всех посторонних, кроме лиц, непосредственно служивших ей или состоявших при ее детях. Она даже не присутствовала на бракосочетаниях своих детей и не встречалась со своими новыми родственниками. Возможно, причиной этого было и одно обстоятельство, семейная тайна, которую приоткрывает в своих воспоминаниях ее внучка Г. Н. фон Мекк. В душе Надежды Филаретовны под внешней замкнутостью и сдержанностью жили еще не остывшие чувства. В сорок лет в ее, казалось, давно вошедшую в наезженную колею жизнь неожиданно ворвалась любовь – глубокое чувство к инженеру Александру Иолшину, бывшему на несколько лет моложе ее. Чувство было взаимным. Младшая дочь Надежды Филаретовны, Людмила, согласно свидетельству Г. Н. фон Мекк, была внебрачным ребенком. Надежда Филаретовна сумела преодолеть ставшую губительной для нее страсть и прекратить дальнейшие отношения с Иолшиным, женившимся впоследствии на ее старшей дочери, Елизавете, «тихой и доброй девушке». Но она скрыла свою тайну от мужа, опасаясь, что это известие убьет его, так как он страдал серьезной болезнью сердца. Судя по воспоминаниям Г. Н. фон Мекк, тайна эта неожиданно стала известной Карлу Федоровичу и, возможно, послужила причиной сердечного приступа, приведшего его к смерти. Эти события тяжело сказались на характере Надежды Филаретовны, наложили отпечаток на всю ее последующую жизнь.

Теперь, после смерти мужа, у нее оставались заботы о подрастающих детях. Из одиннадцати детей семь находились при ней, а остальные жили отдельно своими семьями.

Н. Ф. фон Мекк

Воспитание младших детей, кроме сложных и запутанных дел по многомиллионному состоянию, было по-прежнему главной ее заботой. В этом ей помогала ее дочь Юлия. Личные же интересы и склонности Надежды Филаретовны сосредоточились теперь на любви к природе, что проявлялось в постоянных путешествиях, чтении и, самое главное, в страсти к музыке. Порвав со светскими обязанностями, она, по выражению писателя Ю. Нагибина, буквально «населила музыкаю дом, заведя небольшой, но превосходно подобранный оркестр». И в заграничных путешествиях у нее было много встреч с музыкантами. Свидетельствуют, что во Франции в ее доме подолгу гостил Дебюсси, дававший уроки музыки в семье и едва не женившийся на одной из ее дочерей, Софье.

Богатая вдова-миллионерша оказывала поддержку Московской консерватории, Русскому музыкальному обществу, покровительствовала молодым музыкантам. При этом, при ее твердом, независимом характере, не обходилось без конфликтов с директором консерватории Н. Г. Рубинштейном, который недолюбливал ее, но не мог не считаться с ней, так как ее помощь была действительно важной. В ее книге расходов была предусмотрена постоянная графа помощи нуждающимся музыкантам. По просьбе Н. Г. Рубинштейна она приютила у себя в доме выдающегося музыканта Генриха Венявского в его последние дни.

В это время громадное впечатление на нее произвела музыка тогда мало кому известного профессора Московской консерватории Петра Ильича Чайковского. «Есть много оснований предположить, – писал известный музыковед Пшебышевский о Н. Ф. фон Мекк, – что она первая объявила Чайковского выдающимся, почти гениальным композитором, поставила его произведения на один уровень с классическими произведениями давно признанных авторитетов. Тогда это было слишком смело. История подтвердила правильность оценки». «Надежда Филаретовна, – повторит впоследствии писатель Ю. Нагбин, – задолго до всех музыкальных знатоков увидела в бедном консерваторском профессоре и композиторе-неудачнике гения, который станет в ряд с величайшими из величайших». Удивительная история взаимоотношений богатой меценатки и композитора заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее.

Находясь после смерти мужа в Москве, Надежда Филаретовна обратилась к Н. Г. Рубинштейну с просьбой рекомендовать ей скрипача, который бы мог вместе с ней играть с листа сочинения для скрипки с фортепьяно. Николай Григорьевич порекомендовал скрипача Котека, который был большим поклонником творчества П. И. Чайковского, своего профессора. Но в лице фон Мекк он нашел еще более

восторженного почитателя музыки Чайковского. Она заинтересовалась и личностью композитора. От Котека ей стали известны многие подробности жизни Чайковского, его характер и привычки. Она узнала о его затруднительном материальном положении, его стремлении освободиться от консерваторских обязанностей. Не раз обращался к ней с просьбой помочь композитору и Н. Г. Рубинштейн. Постепенно у нее созрело твердое решение освободить Чайковского от материальных забот, чтобы он смог в полную силу отдаться творчеству. Осуществить это решение надо было таким образом, чтобы не ранить самолюбие композитора.

Через Котека Надежда Филаретовна обратилась к Чайковскому с просьбой сделать для нее несколько переложений его сочинений для скрипки и фортепьяно за большое вознаграждение. Когда эта просьба была исполнена, последовала другая через посредство того же Котека. Так начались «странные, но имевшие громадные последствия, отношения Петра Ильича и Надежды Филаретовны». Они глубоко отразились на всей его последующей судьбе, в корне изменили его материальное положение, что доставило ему столь важную для него свободу в композиторском творчестве. О значении этой помощи для Чайковского, может быть, лучше всех сказал писатель Юрий Нагибин: «В самую трудную пору его жизни к нему протянулась рука вовсе незнакомого ему человека – вдовы железнодорожного магната фон Мекка – Надежды Филаретовны. Покоренная музыкой Чайковского, она предложила ему щедрую бескорыстную помощь, решившую все его жизненные проблемы. Петр Ильич получал ежемесячный высокий пансион, позволивший заниматься творчеством, а лето проводить в любимой Италии. Заслуга Надежды Филаретовны перед русской культурой велика».

П. И. Чайковский

Отношения между П. И. Чайковским и Н. Ф. фон Мекк носили очень необычный характер. Они условились не встречаться и не видеть друг друга, поэтому их взаимоотношения называли «романом невидимок». Впоследствии сам композитор охарактеризовал эти взаимоотношения в письме от 19 июля 1886 года своему музыкальному издателю Юргенсону: «Есть личность, играющая первенствующую роль в истории моей жизни за последние 10 лет; личность эта есть мой добрый гений; всем моим благополучием и возможностью всецело отдаваться любимому труду я обязан ей – и однако ж я никогда ее не видел, не слыхал звука ее голоса, и все отношения мои к ней суть исключительно почтовые». Эта переписка, которая охватывает длительный период в 13 лет, сохранилась почти вся целиком. Она уникальна по своей значимости и отражает суть удивительных отношений этих двух незаурядных личностей.

Первыми письмами Н. Ф. фон Мекк и П. И. Чайковский обменялись 18 и 19 декабря 1876 года после заказа, переданного Надеждой Филаретовной Петру Ильичу через скрипача Котека. «Милостивый государь Петр Ильич, – писала Надежда Филаретовна, – позвольте принести вам искреннейшую благодарность за такое скорое исполнение моей просьбы. Говорить вам, в какой восторг меня приводят ваши сочинения, я считаю неуместным, потому что вы привыкли и не к таким похвалам». Петр Ильич ответил ей тотчас же: «Милостивая государыня Надежда Филаретовна, искренне Вам благодарен за все любезное и лестное, что вы изволите мне писать. С своей стороны я скажу, что для музыканта, среди неудач и всякого рода препятствий, утешительно думать, что есть небольшое меньшинство людей, к которым принадлежите и вы, так искренне и тепло любящее искусство».

Переписка между ними отличалась большой искренностью и затрагивала самые разные области жизни и искусства. О глубине и богатстве личности Н. Ф. фон Мекк, ее высоком музыкальном вкусе свидетельствуют многие ее письма. В одном из них она с большой силой описывает свои впечатления от музыки Чайковского: «Слушая такую музыку, чувствуешь, как поднимаешься от земли, как стучит в виски, как бьется сердце, туманится перед глазами, слышишь ясно только звуки этой чарующей музыки, чувствуешь только то, что происходит внутри тебя и как хорошо тебе, и очнуться не хочешь... Господи, как велик тот человек, который доставляет другим такие минуты».

Несколько ранее она писала Чайковскому: «Первое из ваших сочинений, которое я услышала, было «Буря»; невозможно выразить то впечатление, какое она произвела на меня. Я несколько дней была как бы в бреду, не могла освободиться от этого состояния. Надо вам сказать, что я не умею отделять музыканта от человека и даже в нем, как в слуге такого высокого искусства, я еще более чем в других людях ожидаю и желаю тех человеческих свойств, которым поклоняюсь, и потому, как только я оправилась от первого впечатления «Бури», я сейчас хотела узнать, каков человек, творящий такую вещь. Я стала искать возможность узнать об вас как можно больше, не пропуская случая услышать что-нибудь, прислушиваясь к общественному мнению, к отдельным отзывам, ко всякому замечанию, и скажу вам при этом, что часто то, что другие в вас порицали, меня приводило в восторг – у каждого свой вкус!.. Мне кажется, не одни отношения делают людей близкими, а еще более сходство взглядов, одинаковая способность чувств и тождественность симпатий, так что можно быть близким, будучи очень далеким... Я счастлива, что в вас музыкант и человек соединены так прекрасно, так гармонично».

Кабинет и гостиная П. И. Чайковского в Клину

Строки эти во многом позволяют понять внутренние мотивы и побуждения этой богатой, но отнюдь не склонной к пустым, разорительным тратам женщины в ее настойчивом стремлении оказать поразительно щедрую помощь, которая стала подлинным откровением для Чайковского и эталоном истинного меценатства. Ее желание уберечь композитора от материальных тягот, освободить его для творчества было неподдельным, искренним и твердым. Она прислала Чайковскому 3 тыс. рублей на уплату всех долгов, расстроивших его материальное положение и являвшихся причиной его беспокойства. С этих пор, по свидетельству Модеста Чайковского, брата композитора, Надежда Филаретовна «вошла в свою роль покровителя, хранителя его покоя и стала виновницей его материального благосостояния».

Но еще более важным для Чайковского было глубокое чувство, которое руководило ее щедростью: «Я забочусь о вас для себя самой, – писала она, – в вас я берегу свои лучшие верования, симпатии, убеждение, что ваше существование приносит мне бесконечно много добра, что мне жизнь приятнее, когда я думаю о ваших свойствах, читаю ваши письма или слушаю вашу музыку, что, наконец, я берегу вас для того искусства, которое я боготворю, выше и лучше которого для меня нет ничего в мире, – также как из служителей его нет никого столь симпатичного, столь милого и доброго, как вы, мой добрый друг. Следовательно, мои заботы о вас есть чисто эгоистичные, и насколько я имею права и возможности удовлетворить им, настолько они мне доставляют удовольствие и настолько я благодарна вам, если вы принимаете их от меня».

Читая эти строки, думаешь: а есть ли вообще более высокое и благородное

применение для денег, чем та бескорыстная, возвышающая душу помощь гениальному композитору, освободившая его силы для творчества, которую оказала Надежда фон Мекк? Благодарный и тронутый искренностью и чувством, с которыми была предложена ему помощь, Чайковский писал в ответ: «Надежда Филаретовна, каждая нота, которая отныне выльется из-под моего пера, будет посвящена вам! Вам я обязан тем, что любовь к труду возвратится ко мне с удвоенной силой, и никогда, ни на одну секунду, работая, я не позабуду, что вы даете мне возможность продолжать мое артистическое призвание».

Через некоторое время в трудной для Чайковского ситуации, после его разрыва с женой и отъезда за границу, когда он находился в глубоком душевном кризисе, Н. Ф. фон Мекк посылает ему 6 тыс. рублей и решает взять на себя постоянную заботу о его материальном благосостоянии, прося Чайковского «принять 6 тыс. рублей в год до того времени, когда он будет в состоянии приняться за профессию в Москве». В ответ на извинения Петра Ильича она писала: «Разве я вам не близкий человек, ведь вы же знаете, как я люблю вас, как желаю вам всего хорошего, а по-моему, не кровные и не физические узы дают права, а чувства и нравственные отношения между людьми, и вы знаете, сколько счастливых минут вы мне доставляете, как глубоко благодарна я вам за них, как необходимы вы мне и как мне надо, чтобы вы были именно тем, чем вы созданы, следовательно, я ничего не делаю для вас, а все для себя; мучаясь этим, вы портите мне счастье заботиться о вас и как бы указываете, что я не близкий человек вам; зачем же так? – Мне это больно... а если бы мне что-нибудь понадобилось от вас, вы бы сделали, не правда ли? – Ну так, значит, мы квиты, а вашим хозяйством мне заниматься, пожалуйста, не мешайте, Петр Ильич».

Тронутый до глубины души такой заботой, Чайковский писал из-за границы в октябре 1877 года своему брату Модесту: «Все это предложено с такой изумительной деликатностью, с такой добротой, что мне даже не особенно совестно. Боже мой! До чего эта женщина добра, щедра и деликатна. В то же время и умна удивительно, потому что она, оказывая мне такую неизмеримую услугу, делает это так, что я ни на минуту не сомневаюсь в том, что она делает это с радостью». В знак благодарности и уважения к Н. Ф. фон Мекк композитор посвятил ей Четвертую симфонию. На первой странице партитуры он оставил надпись: «Симфония № 4. Посвящается моему лучшему другу».

Взаимоотношения между Н. Ф. фон Мекк и П. И. Чайковским, длившиеся более 13 лет, закончились трагично для них обоих. Переписка была неожиданно прервана Надеждой Филаретовной в конце сентября 1890 года. Одновременно прекратились и денежные выплаты. К этому времени общая сумма их приближалась к 85 тыс. рублей. Причины разрыва объясняются по-разному. Биографы сходятся лишь в том, что меценатка вынуждена была пойти на этот шаг под давлением родных, раздраженных длительной и чрезмерно высокой, по их мнению, денежной помощью композитору, а также странными, вызывающими разговоры в обществе отношениями между ними. Но можно с уверенностью говорить о том, что разрыв этот был причиной тяжелых душевных страданий обоих.

Чайковский чрезвычайно болезненно воспринял его. В письме от 6 июня 1891 года, адресованном зятю Надежды Филаретовны, музыканту В. А. Пахульскому, бывшему своему ученику, он писал: «Меня огорчает, смущает и, скажу откровенно, глубоко оскорбляет не то, что она мне не пишет, а то, что она совершенно перестала интересоваться мной... Мне хотелось, мне нужно было, чтобы мои отношения с Надеждой Филаретовной несколько не изменились вследствие того, что я перестал получать от нее деньги... В результате вышло то, что я перестал писать Надежде Филаретовне, прекратил почти всякие с нею сношения после того, как лишился денег. Такое положение унижает меня в собственных глазах, делает для меня невыносимым

воспоминание о том, что я принимал ее денежные выдачи, постоянно терзает и тяготит меня свыше меры... Быть может, именно оттого, что я лично никогда не знал Надежды Филаретовны, она представлялась мне идеалом человека; я не мог себе представить изменчивости в такой полубогине... но последнее случилось, и это перевертывает вверх дном мои воззрения на людей, мою веру в лучших из них; это смущает мое спокойствие, отравляет ту долю счастья, которая уделяется мне судьбой. Конечно, не желая этого, Надежда Филаретовна поступает со мной очень жестоко. Никогда я не чувствовал себя столь приниженным, столь уязвленным в своей гордости, как теперь».

«Можно представить себе, – замечают авторы комментария к переписке П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк, – до какой степени была отравлена жизнь Чайковского после разрыва, до каких пределов доходили его раздражение, а потом ненависть к той, которая в самые трудные годы его жизни помогала ему вернуться к творчеству и была, как он называл ее, добрым его гением, лучшим другом, а теперь так неожиданно оттолкнула его».

Неизвестно, дошло ли последнее письмо Чайковского до Н. Ф. фон Мекк. Но, по-видимому, Надежда Филаретовна и без того понимала тяжелые моральные последствия, которыми был чреват для Чайковского их разрыв, и это причиняло ей глубокие страдания. Как замечает много писавший об отношениях Н. Ф. фон Мекк и Чайковского Юрий Нагибин, Надежда Филаретовна дорого заплатила за «свой жестокий поступок». Хотя вправе ли мы называть его жестоким? Не сделала ли она для Чайковского даже больше, чем могла, во всяком случае, гораздо больше, чем любой другой в ее положении. Приступы черной меланхолии, случавшиеся у нее и прежде, стремительно перешли в неизлечимую душевную болезнь. Н. Ф. фон Мекк скончалась в Ницце 14 января 1894 года.

Существуют и другие свидетельства, прежде всего со стороны ближайших родственников Надежды Филаретовны, по иному освещающие картину последних месяцев ее взаимоотношений с композитором, а также мотивы их прекращения. Одно из них принадлежит ее сыну, известному железнодорожному деятелю Николаю Карловичу фон Мекку. Через 10 лет после смерти Чайковского он, возможно, по случаю памятной даты объясняет причины прекращения взаимоотношений между своей матерью и Петром Ильичем в письме от 3 февраля 1903 года к музыкальному критику Н. Д. Кашкину (в прошлом близкому другу П. И. Чайковского): «сильнейший упадок сил» у его матери «после перенесенного в зиму 1889–1890 годов воспаления легких» и «смертельная болезнь» его старшего брата Владимира.

«Эта болезнь, – пишет Николай Карлович, – так потрясла мою мать, что для нее все и вся отошли на задний план, и она вся отдалась заботам об облегчении последних дней брата. Вместе с тем моя мать усмотрела в этой болезни брата наказание свыше за то, что она смела иметь и собственную жизнь в виде переписки и дружеских отношений к Петру Ильичу, а не отдаваться вся своим детям и заботам об них». Здесь же Н. К. фон Мекк сообщает и об имевшем место разговоре его жены, Анны Львовны, приходившейся племянницей композитору, с его матерью, в котором Надежда Филаретовна «просила передать Петру Ильичу, что чувства ее к нему несколько не изменились». По-видимому, многие причины прекращения этих удивительных, долгих взаимоотношений глубоко понимавших и ценивших друг друга людей объяснялись как сплетением жизненных обстоятельств, так и особенностями личности, глубокой религиозностью Надежды Филаретовны.

Николай Карлович, кроме того, отвергает в письме распространенное мнение о душевной болезни своей матери как причине ее смерти. «Считаю нужным заметить, – пишет он, – что мать моя скончалась от туберкулеза легких, а не от нервной болезни,

как пишет М. И. Чайковский (брат композитора. – М. Г.) в биографии».

Галина Николаевна фон Мекк, внучка Надежды Филаретовны, в опубликованных недавно воспоминаниях полагает, что Чайковскому удалось в 1893 году, незадолго до своей смерти, передать письмо Надежде Филаретовне в Ниццу (через племянницу свою, жену Николая Карловича), объясниться и помириться с ней.

Наследники семейного дела и традиций: разные судьбы

Согласно духовному завещанию Надежды Филаретовны наследниками были объявлены: сыновья – Владимир, Николай, Александр, Максимилиан, дочери – Александра, Юлия, Лидия, Софья и Людмила.

Старшим из сыновей Карла Федоровича и Надежды Филаретовны фон Мекк был Владимир (1852–1893). Сведений о нем сохранилось немного. Еще при жизни отца он помогал ему в железнодорожных делах. В 1876 году В. К. фон Мекк женился на дочери крупного московского водочного фабриканта М. А. Попова, Елизавете Михайловне (1861–1892). 14 июля 1877 года у них родился сын Владимир. После кончины отца в 1876 году Владимир Карлович стал опекуном малолетних братьев и сестер по наследственному имуществу и взял на себя руководство коммерческими предприятиями семьи. В. К. фон Мекк был председателем правления Либаво-Роменской железной дороги, входил в состав руководства других железных дорог и предприятий, контролировавшихся семейством фон Мекк. Как писала его мать в одном из писем Чайковскому, Владимир был «директором в трех правлениях и получал до 50 тыс. в год».

Однако руководство это нельзя признать удачным. Организаторские способности Владимира сильно уступали деловым качествам его родителей. Не отличался он и твердостью характера. Это была противоречивая личность. Так же противоречивы и мнения о нем. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях отмечает, что старший сын железнодорожного короля был «страшный кутила, который всю свою молодость в Москве провел между цыганами и цыганками; он находился постоянно в нетрезвом виде и преждевременно умер». Мать же его оправдывала. В письмах к Чайковскому она просила его не верить дурным слухам о своем старшем сыне и его жене. «Если Вам будет кто-нибудь говорить дурно про моего Володю, – писала она, – не верьте этому». Он один «помог мне выпутаться из бедственного положения, в котором я очутилась после смерти мужа... Если кто-нибудь скажет, что ведь это моими акциями, то конечно, – потому что у Володи своих нет, – но ведь вынуть акции из сундука нетрудно, а хлопотать, устроить все дело и достигнуть цели – вот это потруднее».

Оправдывала Надежда Филаретовна и жену своего сына, о легкомысленном поведении которой также ходило немало слухов по Москве. «Насчет его жены, – сообщала она Чайковскому, – я также хочу, чтобы Вы имели правильное мнение, потому что она, бедненькая, также подвергается большим порицаниям, клевете и злобе людской. Между тем как это – премилое, пресимпатичное существо. Эта женщина не получила никакого воспитания, кроме светского, о нравственном не было и помину в доме, где она выросла. Мать – недалекая, пустая женщина, которая проживала сотни тысяч в год, сама не зная, куда они шли, вечно полный дом гостей, балы, наряды, и больше ничего; о детях заботы никакой, хотя для них брали француженок и англичанок и наряжали их, как кукол. Но ведь это стоит только денег, а доходы у них были большие, при отце – от полутора до двухсот тысяч в год, теперь она и состояние расстроила совершенно, хотя все-таки и знать этого не хочет... К тому же еще, Вы бы посмотрели, милый друг, что за ребенок их Воличка! Я, проживши

больше полстолетия на свете, никогда не встречала такого ребенка: что за чувствительность, что за доброта, какая деликатность и какая развитость необыкновенная! Он любит до страсти свою мать, и Вы бы посмотрели, до каких поэтических форм доходит эта привязанность, как он хранит каждую вещь, которая идет от нее. Если бы Вы увидели этого ребенка, дорогой мой, Вы бы поняли, что у такого существа не могут быть дурные родители».

Оценивая деловую сторону деятельности В. К. фон Мекка, справедливости ради следует сказать, что после смерти его отца обнаружилось, что коммерческие дела были сильно запутанными, обремененными множеством долгов. Положение осложнялось также новой политикой, которую правительство повело по отношению к частным железным дорогам и их владельцам с начала 1880-х годов. С. Ю. Витте по этому поводу писал: «В царствование Александра III установилась твердо идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной степени исключает возможность построек и в особенности эксплуатации железных дорог частными обществами... Проведению ее в жизнь способствовало то, что императора Александра III не могло не шокировать... что в государстве создались как бы особые царства – железнодорожные, в которых царили маленькие железнодорожные короли...»

Эта новая ситуация сказывалась и на делах семьи фон Мекк. Преемникам железнодорожного короля, и прежде всего старшему сыну, пришлось не только распутывать его долговые обязательства, но и вести напряженную борьбу с министерствами финансов и путей сообщения за сохранение семейного дела. Об этих затруднениях Надежда Филаретовна писала Чайковскому в феврале 1881 года: «Оказалось, кроме долгов, о которых я Вам упомянула, масса долгов правительству, другим железным дорогам, частным лицам и проч. и проч. Эти долги составляли также несколько миллионов, и бедный Володя мой в 21 год должен был распутывать все это и оберегать свое семейство от разорения. Против меня и Володи поднялись интриги, с которыми, конечно, неизбежно соединены клевета, искажение истины, распространение самой возмутительной лжи... Все эти преследования, все клеветы довели до того, что Володя две недели как вышел из правления Либаво-Роменской дороги, где был председателем. Ведь это из своей собственной дороги, Петр Ильич, дороги, которая принадлежит семейству фон Мекк». Через девять лет в письме к Чайковскому в июле 1890 года она уже с отчаянием скажет: «Вчера у меня был мой сын Володя. Это всегда большая радость для меня видеть его, но его здоровье меня очень беспокоит. У него так расстроились нервы от этой напряженной борьбы с министром и многих неприятностей в жизни, что я со страхом и тоскою смотрю в будущее».

Действительно, неумеренный, беспорядочный образ жизни В. К. фон Мекка, так же как и неумение противостоять жизненным обстоятельствам, неудачи в делах и в личной жизни, быстро подорвали его здоровье. Он ненадолго пережил свою безвременно умершую молодую жену. Владимир Карлович увлекался коллекционированием, был не чужд благотворительности. Он имел звание камер-юнкера высочайшего двора и умел при случае использовать свои связи.

Именно Владимир помог своему младшему брату, Николаю, укрепить позиции семейства фон Мекк в руководстве их самой старой и доходной железной дорогой – Московско-Рязанской, введя его в состав правления. С деятельностью Николая Карловича связан новый взлет железнодорожного предпринимательства семьи фон Мекк.

Н. К. фон Мекк (1863–1929) стал талантливым продолжателем дела своего отца, одним из крупнейших железнодорожных деятелей России конца XIX – начала XX века.

Он был вторым сыном в семье, воспитывался в основном вместе с младшим братом Александром, который родился на год позже него. Мать много внимания уделяла воспитанию обоих мальчиков, к ним были приставлены учителя, гувернеры-англичане. Дети обучались музыке: Коля – игре на скрипке, а Саша – на фортепьяно. Рассказывают, что Коля опасно заболел дифтеритом и врачи опасались худшего. Тогда мать, смертельно рискуя, отсосала дифтеритные пленки из горла ребенка и тем спасла его.

Первоначальное образование маленький Коля получил в частном московском пансионе, где считался первым учеником. В 1877 году, после обучения в приготовительном классе, вместе с братом Сашей поступил в императорское Училище правоведения в Петербурге. Там он не отличался большими успехами, как, впрочем, и его брат, что вызывало беспокойство матери, писавшей Чайковскому: «Петр Ильич, меня очень беспокоит начало карьеры моих мальчиков в училище правоведения... До поступления туда они учились очень хорошо, в особенности старший... Но как только поступили в Правоведение, пошли хуже и хуже. И теперь старший сидит во втором десятке». Но дело было, по-видимому, в том, что профессия юриста или карьера судебного чиновника не слишком привлекали юношу. После окончания училища он решает посвятить себя семейному железнодорожному делу, начав работать в этой области с самых низших ступеней: в депо, конторщиком на Николаевской железной дороге. Он последовательно и целеустремленно прокладывает свой путь в жизни.

Н. К. фон Мекк

К этому времени относится его женитьба на Анне Львовне Давыдовой из известного дворянского рода декабристов, племяннице П. И. Чайковского. Кстати, сам Николай, как и его брат Александр, с юности хорошо знал и любил Чайковского и часто переписывался с ним. Да и сама женитьба была не случайна. Ее возможность обсуждалась в письмах Н. Ф. фон Мекк к Чайковскому, и вначале речь шла вовсе не об Анне, а о младшей сестре ее – Наташе. Впервые эту идею выдвинула Надежда Филаретовна в письме от 23 августа 1879 года. «Мне пришла в голову мысль и, вследствие ее, желание соединить наших детей – Вашу Наташу и моего Колю».

Крайне смущенный Чайковский писал в эти дни своему брату Анатолию: «Не говори этого Саше (сестре Чайковского. – М. Г.), может показаться просто смешно, что строят планы о женитьбе 16-летнего мальчика на 11-летней девчонке». Эти переговоры о сватовстве Н. К. фон Мекка к одной из племянниц Чайковского через несколько лет привели к женитьбе Николая Карловича на Анне Львовне. Их бракосочетание состоялось 30 января 1884 года. Надежда Филаретовна и в этом случае с родителями своей невестки никогда не встречалась, поддерживая с ними отношения только

письменно. В переписке П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк, как и в дневнике самого Чайковского, встречаются частые упоминания об этой молодой супружеской паре.

После бракосочетания молодых П. И. Чайковский стал близким родственником, по сути дела, членом семьи фон Мекк. Он часто бывал у молодой пары, интересовался их жизнью, переживал за них, если у молодых возникали ссоры или трудности. Причем о Николае фон Мекк он отзывался даже с большим сочувствием, чем о своей племяннице. Так, в письме к своему брату Модесту от 2 января 1885 года Петр Ильич с грустью замечает: «Помнишь этого добряка Колю, который носился с карточками членов семьи? Что из него сделала Анна». Перед близившимися родами у своей племянницы он 15 сентября 1886 года с беспокойством записывает в дневнике: «У Мекков. Мое сомнение и страх насчет Анны. Все благополучно покамест». 26 сентября того же года другая запись: «Телеграмма. От Н. Мекка. Слава Богу – у них родилась дочка». Опасения его по поводу взаимоотношений молодых супругов рассеялись. Брак оказался очень прочным. У супругов было шестеро детей: три сына и три дочери.

В том же 1884 году Николай Карлович избирается кандидатом в члены правления Общества Московско-Рязанской железной дороги. Начинается его активная деятельность в железнодорожном предпринимательстве. Он, правда, пробует еще заниматься и другими делами. По совету своего тестя, Льва Васильевича Давыдова, приобретает за 150 тыс. рублей имение в Киевской губернии, чтобы превратить его в высокодоходное сельскохозяйственное предприятие. Но ничего, кроме убытков, этот эксперимент ему не принес. Необдуманно приобретенное полуразрушенное имение требовало слишком больших капитальных затрат. Однако эта неудача послужила ему хорошим уроком на будущее. Николай научился быть более осмотрительным, тщательнее обдумывать свои действия в последующей, имевшей гораздо большие масштабы предпринимательской деятельности на железных дорогах.

С. Ю. Витте

С начала 1890-х годов российское правительство вновь приступило к активному железнодорожному строительству. Инициатором его выступило Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте. Для активизации строительства был взят курс на создание крупных железнодорожных монополий на базе тех частных железнодорожных обществ, которые доказали свою жизнеспособность. В ряде случаев при организации железнодорожных монополий министр финансов сам активно содействовал расширению железнодорожных предприятий. Так было и с укрупнением в 1891–1892 годах Общества Рязанско-Козловской железной дороги, преобразованного в Общество Рязанско-Уральской дороги, и с Обществом Московско-Рязанской железной дороги, преобразованным в Общество Московско-Казанской

дороги. Именно с этим содействием была связана смена руководства правления Общества Московско-Казанской железной дороги, приведшая к приходу молодого и энергичного руководителя, Николая Карловича фон Мекка.

Надо сказать, что весь предшествующий период Общество Московско-Рязанской железной дороги действовало достаточно успешно. Эксплуатация дороги со дня ее открытия до 1893 года давала хорошие результаты. Валовой доход составлял в среднем около 70 млн рублей в год, расход эксплуатационный – около 30 млн рублей. Дивиденд, выплачиваемый за этот период, колебался в размере от 22 до 30 рублей за акцию. Такое блестящее положение дел общества создало ему репутацию одного из самых солидных и богатых железнодорожных обществ. Его акции в основном были сосредоточены в немногих руках (главным образом, семейства фон Мекк) и потому почти не являлись предметом спекуляции. Московско-Рязанская железная дорога одной из первых стала развивать дачное и пригородное сообщение. От Москвы были пущены скоростные пригородные поезда, понижены тарифы на проезд до ближайших подмосковных пунктов, устроены остановочные платформы на участке от Москвы до Быково. Эта местность с тех пор стала одним из любимых дачных районов московских жителей.

С именем Николая Карловича фон Мекка связано вступление компании на путь активного железнодорожного строительства, ее интенсивного расширения, превращения в одну из семи крупнейших железнодорожных монополий России начала XX века. 1 ноября 1890 года Николай Карлович становится членом правления общества вместо выбывшего из состава правления А. П. Вилимбахова. А уже в следующем, 1891 году оно переименовывается в Общество Московско-Казанской железной дороги, и Н. К. фон Мекк избирается председателем правления нового общества. В этом качестве он бессменно руководит им в течение 27 лет, вплоть до национализации компании после 1917 года.

Став руководителем Московско-Казанской железной дороги, Николай Карлович свой ум, энергию, практический опыт, да и придворные связи направил на ее развитие. За первые девять лет его управления протяженность Московско-Казанской железной дороги увеличилась в девять раз – с 233 верст до 2,1 тысячи верст. А за 50 лет существования общества (с 1863 года) протяженность его линий увеличилась в 13 с лишним раз. Фактически в Среднем и Нижнем Поволжье была создана новая разветвленная железнодорожная сеть: Рязань – Казань, Рузаевка – Пенза – Сызрань – Батраки, Инза – Симбирск, Тимирязево – Нижний Новгород.

Успех Николая Карловича фон Мекка основывался на высоком профессионализме, тщательности проведения изыскательных работ, проработки проектов. Об этом свидетельствует история получения им концессии на строительство линии, соединяющей Москву с Уралом и Сибирью. В 1910 году группа московских предпринимателей во главе с Ф. А. Головановым выступила с проектом железнодорожной магистрали Москва – Нижний Новгород – Екатеринбург – Курган – Омск с ответвлением на Казань. Общество Московско-Казанской железной дороги выдвинуло контрпроект, предусматривавший сооружение двух линий: Казань – Екатеринбург и Нижний Новгород – Котельнич. На основе трехлетних изысканий особо тщательно была проработана трасса через Уральский перевал. Предложение Общества Московско-Казанской железной дороги, поддержанное Министерством финансов, было утверждено 14 мая 1913 года.

Получению концессий способствовали и связи фон Мекка с членами царской фамилии и придворными. Он пользовался поддержкой и покровительством сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, которая отзывалась о нем как о «честнейшем слуге царю и отечеству». Она сблизила Николая Карловича с царским

двором и многими петербургскими сановниками. Никто из владельцев других частных железных дорог не пользовался таким расположением высшей власти, как он. Во многих правительственных учреждениях, в частности в Министерстве финансов, в Департаменте железнодорожных дел Министерства путей сообщения, Николай Карлович имел друзей и покровителей, которые снабжали его информацией, давали советы, отстаивали его интересы, помогали обходить конкурентов.

Быстрое развитие Общества Московско-Казанской железной дороги обеспечивало его акционерам высокий доход. В 1890-х годах дивиденд на акции этого общества достигал 32 %. Надо отметить вместе с тем, что качество выстроенных линий было невысоким. В целях «экономии» постройка дорог велась на «особо облегченных технических условиях». Железные мосты строились только через судоходные реки, а в остальных случаях – деревянные. На вновь выстроенных линиях были уложены старые рельсы, снятые с главных путей Московско-Рязанской дороги, что впоследствии потребовало коренной «перешивки» железнодорожного полотна на всем протяжении Московско-Казанской железной дороги. Для этого правление общества потребовало от правительства новых дополнительных ассигнований.

Н. К. фон Мекку Общество Московско-Казанской железной дороги обязано не только чрезвычайным расширением масштабов предприятия, но и коренным улучшением его технической оснащенности, модернизацией оборудования. При нем Московско-Казанская железная дорога стала своего рода экспериментальной площадкой по разработке и испытанию новых типов паровозов. Он пригласил в свою компанию талантливых инженеров Нольтейна, Красовского, Белоцерковца. В предвоенные годы на ней появились мощные паровозы, созданные по проекту Нольтейна, а также товарные вагоны повышенной грузоподъемности. По инициативе того же Нольтейна на Московско-Казанской дороге появились вагоны-холодильники, в Москве был построен первый холодильный склад, оснащенный немецкой фирмой «Борзиг».

Ввод в эксплуатацию новых мощных паровозов и товарных вагонов требовал незамедлительной реконструкции железнодорожных путей. На основных магистралях железнодорожное полотно не обновлялось 30 и более лет. Однако, несмотря на критическое состояние железнодорожных линий, фон Мекк не спешил с их реконструкцией. Приближался срок выкупа Московско-Казанской железной дороги в казну. Размер выкупной суммы зависел от величины дивиденда на акции в годы, предшествующие выкупу. Поэтому фон Мекк, как и другие владельцы частных железных дорог, добивался повышения доходов в этот период за счет резкого сокращения расходов, в том числе и на техническое оборудование дороги.

Николай Карлович стремился преобразовать и коммерческую сторону деятельности компании. Общество, соорудая под его руководством все новые линии, «старалось развить их не сразу, а постепенно, сообразуясь с экономическим и коммерческим ростом обслуживания района, дабы несообразными с действительными потребностями движения расходами не пошатнуть финансовой прочности предприятия и не стать обузой для государства». К чести фон Мекка нужно сказать, что за 50 лет существования Общества Московско-Рязанской, а затем Московско-Казанской железной дороги оно «несмотря на иногда бывшие тяжелые обстоятельства никогда не прибегало к правительственной гарантии, а, наоборот, из своей чистой прибыли выплатило казне за все время своего существования свыше 12 млн рублей».

Ремонтные работы на железной дороге. Художник *К.А.Савицкий*

О том, каких успехов достигло Общество Московско-Казанской железной дороги под управлением Н. К. фон Мекка, свидетельствуют сравнительные данные деятельности предприятия за 50 лет. За это время общество вложило на его улучшение и оборудование свыше 80 млн рублей. К концу 1912 года подвижной состав дороги насчитывал: паровозов – 517 (в 1865 году – 31), пассажирских вагонов – 685 (в 1865 году – 69), товарных вагонов – 14 858 (в 1865 году – 768), в том числе 107 вагонов-ледников, сооруженных специально для перевозки сливочного масла к балтийским портам.

Для развития хлебной торговли были устроены зернохранилища и громадные механизированные элеваторы в Москве, Коломне, Зарайске и Рязани, а также ряд станционных хлебных амбаров в Пензенской, Казанской, Тамбовской и Симбирской губерниях. В 1913 году при Московской пассажирской станции построен «Холодный склад» из железобетона, с машинным охлаждением для скоропортящихся продуктов. В том же году началось сооружение на участке от Москвы до Раменского третьего и четвертого путей, приспособленных для движения по ним «электрических трамваев» для обслуживания дачного и пригородного движения, достигшего здесь большой интенсивности. Одновременно с празднованием 50-летия Московско-Казанской железной дороги было начато сооружение нового грандиозного московского вокзала для пассажиров по проекту академика архитектуры А. В. Щусева.

События 1905 года и возросшая конкуренция заставили Н. К. фон Мекка искать пути привлечения на его предприятия рабочих и служащих. Необходимо было решать и социальные проблемы. По инициативе Николая Карловича была создана потребительская кооперация, которая обеспечивала железнодорожников дешевыми продуктами: мукой, растительным маслом, солью, крупой. В 1913 году были открыты специальные магазины в Москве, Перово, Голутвино, Рузаевке, Сызрани, Казани, Симбирске, Пензе, Арзамасе, Нижнем Новгороде. На линии Арзамас – Муром курсировал вагон-магазин для железнодорожников. Для рабочих были построены дешевые многоквартирные дома в Москве и при станции Москва-Сортировочная.

Близ платформы Прозоровская (в 32 верстах от Москвы) обществом был приобретен более чем за 1 млн рублей лесной участок площадью в 677 десятин. На этом участке, расположенном в сухой, с песчаной почвой местности, с прекрасным хвойным лесом, был основан поселок, дома в котором сдавались внаем служащим дороги. В поселке были разбиты бульвары, устроены мостовые, канализация,

курсировали трамваи, работали электрическая и телефонная сеть, водопровод. Проектировались также больница, туберкулезный и общий санатории, церковь, здание для общественных собраний с театром, читальней и библиотекой. Общая смета строительства поселка составляла 6 млн рублей. Поселок задумывался как памятник 50-летию существования Московско-Казанской железной дороги. Однако завершению строительства помешала война. Кроме того, для подготовки железнодорожных кадров были открыты технические училища, телеграфная школа.

В годы Первой мировой войны Н. К. фон Мекк занимался снабжением армии хлебом. Для этой цели железнодорожные станции были оборудованы дополнительными пакгаузами и амбарами.

Руководимое Николаем Карловичем Общество Московско-Казанской железной дороги стремилось усилить свое влияние и в сфере крупной промышленности, в особенности в горно-металлургической. В начале 1917 года оно приобрело более половины паев Товарищества Алапаевских горных заводов. В августе того же года «на совещании финансовых воротил с участием А. И. Путилова, П. М. Батолина, Н. К. фон Мекка, Е. Ф. Давыдова и других было решено, что развитие Алапаевского горного округа следует приспособить к интересам дороги». Округ должен поставлять ей чугун, кровельное и сортовое железо, стальное и чугунное литье, а по окончании войны даже снабжать дорогу подвижным составом. Однако этим широко задуманным планам не суждено было сбыться.

Неиссякаемая энергия Николая фон Мекка распространялась и на общественную деятельность и на благотворительность. Он был гласным Подольского уезда Московской губернии, где находилось его имение, членом Общества распространения полезных книг и членом наблюдательного совета управления синодального училища церковного пения и синодального хора при Московской синодальной конторе. Вместе с братом Владимиром, еще в начале своей предпринимательской карьеры, Н. К. фон Мекк сделал крупное пожертвование Московскому институту благородных девиц имени императора Александра III. В институте были учреждены три стипендии от семейства фон Мекк.

Человек разносторонних интересов, Николай Карлович отдал дань и коллекционированию картин русской живописи, положив начало великолепному семейному художественному собранию. В частности, фон Мекк был большим почитателем таланта М. А. Врубеля. В 1902 году он приобрел за 3000 рублей полотно Врубеля «Демон поверженный». Впервые художник получил за свою картину столь значительную сумму, послужившую ему существенной материальной поддержкой. 7 сентября того же года он писал своей жене Н. А. Забеле-Врубель: «Я покупкой Мекком «Демона» за 3000 рублей был совершенно обеспечен». Лишь позднее, в 1908 году, картина была приобретена у фон Мекка для Третьяковской галереи. В его коллекции находилось также другое известное полотно Врубеля «Сирень». Николай Карлович и в дальнейшем поддерживал Врубеля, популяризировал его работы. 8 октября 1904 года он пишет художнику: «Я затеваю устроить в Москве выставку картин из коллекций частных лиц и предполагаю дать на эту выставку и наши вещи, и поэтому прошу Вас уведомить меня, которые из имеющихся у нас Ваших вещей Вы разрешите выставить...»

М. А. Врубель

Еще одним страстным увлечением Николая Карловича были лошади. В подмосковном имении Воскресенское в Красной Пахре расположились фермы и конный завод, где выводили коней-тяжеловесов бельгийской породы. Но когда в предвоенные годы появились автомобили, Николай Карлович увлекся автомобильным спортом и стал призером многих автогонок.

Революция круто изменила жизнь «железнодорожного короля». После Октября 1917 года Н. К. фон Мекк был арестован и посажен в Лубянскую тюрьму. Он обратился с запиской к Держинскому: «Уважаемый Феликс Эдмундович, я не хочу зря тратить время, я могу быть полезным!» Вскоре его выпустили – специалисты были нужны и новой власти. В 1920-е годы Николай Карлович занимался вопросами планирования, работал постоянным представителем в Госплане от Наркомата путей сообщения. Наряду с ежедневной практической работой он размышлял над перспективами развития железных дорог в стране. Именно в это время вышли его книги по истории и экономике железнодорожного транспорта России: «Экономика транспорта и ее перспективы в нашем отечестве», «Будущее путей сообщения Западной Сибири» и др.

Но судьба его уже была предreshена. Ни лояльность к новой власти, ни сорокалетний опыт работы на благо России не смогли уберечь его от гибели. В 1928 году Николай Карлович фон Мекк был арестован, когда ОГПУ сразу после «шахтинского процесса» сфабриковало «дело» о некоей «вредительской» инженерной организации, «объемлющей всю страну». Аресты в Москве захватили работников Наркомата путей сообщения. Среди главных обвиняемых были Н. К. фон Мекк и еще два видных специалиста – горный инженер П. А. Пальчинский (товарищ председателя Военно-промышленного комитета в годы Первой мировой войны и товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве) и военный инженер К. И. Величко (бывший профессор Академии Генштаба, генерал-лейтенант, руководитель Управления военных сообщений в царском Военном министерстве). Им инкриминировалось «вредительство» на транспорте. 2июня 1929 года в «Известиях» появилась статья, в которой утверждалось, что фон Мекк «усиленно охранял имущество частных железных дорог и стремился всеми мерами увеличить его в ущерб бывшим казенным железным дорогам». ОГПУ не удалось, однако, обвиняемых «подготовить» к открытому процессу, и приговоры были вынесены «тройкой» ОГПУ закрытым порядком. К. фон Мекк был расстрелян весной 1929 года.

Если Николай Карлович оставил значительный след в истории российского предпринимательства как еще один «железнодорожный король», то его брат Александр Карлович фон Мекк (1864–1911) большую часть своего времени уделял не

семейному делу, хотя и состоял в совете директоров Московско-Казанской железной дороги, а общественной деятельности. Он получил известность также как крупный библиограф, коллекционер, ученый-архивист и путешественник. С его именем связана обширная благотворительная деятельность, распространение и развитие туризма и альпинизма в России.

Первоначальное образование Александр фон Мекк получил в частном пансионе в Москве. В 1877 году, вместе со своим братом Н. К. фон Мекком, он поступил в императорское Училище правоведения в Петербурге. Надежда Филаретовна зорко следила за воспитанием сыновей, стремилась привить им любовь к музыке. 13 марта 1878 года она писала П. И. Чайковскому: «Мои петербургские мальчики также учатся музыке: Коля на скрипке, а Саша на фортепьяно; Коля большой лентяй, а Саша очень любит музыку». Судя по всему, и сами братья проявляли большой интерес к музыке, особенно после установления дружеских связей Надежды Филаретовны с Петром Ильичем Чайковским в конце 1870-х – начале 1880-х годов. Об этом свидетельствует оживленная переписка обоих юношей с композитором. По этому поводу он даже жаловался брату Модесту в письме от 8 ноября 1882 года: «Меня в последнее время порядочно утомляет переписка с братьями Мекк. Оба мне пишут письма, требующие ответов, оба так милы и симпатичны, что нельзя не отвечать, а письма для меня становятся чистой мукой, когда я тороплюсь какую-нибудь работу окончить».

Г. Н. фон Мекк

После окончания училища Александр фон Мекк долгое время искал свой путь в жизни. Он перепробовал много занятий, написал солидную теоретическую работу о соотношении цен на мировом рынке. Однако предпринимателем-практиком, в отличие от своего брата Николая, он был довольно плохим. Мать его, давая характеристику юному Саше в письме Чайковскому от 17 декабря 1877 года, еще ранее отмечала, что «он мечтатель и живет всегда в каком-то отвлеченном мире». В конце 1880-х годов Александр занимался экспортной торговлей мясом в Англию, но неудачно, и даже интересовался вопросами денежного обращения.

В начале 1888 года А. К. фон Мекк вступил в брак с Анной Георгиевной Франс, дочерью Георга Франса из Гленелга (Шотландия), владельца крупного имения Монтана в Аргентине. 14 октября 1888 года у них родился сын Георгий. После смерти матери Александр вместе с другими своими братьями и сестрами был объявлен наследником семейного состояния.

Перечень его общественных должностей и сфер деятельности, где он сумел проявить себя, поистине неисчерпаем. А. К. фон Мекк состоял председателем

императорского Общества содействия русскому торговому мореходству. Его перу принадлежит брошюра по истории этого общества, членами которого были многие крупные деятели, и ряд пособий по мореходному образованию. Как крупный библиограф, он был избран председателем Московского общества любителей книжных знаков. Александр Карлович являлся председателем целого ряда благотворительных организаций: Общества для доставления средств Высшим женским курсам, Общежития для слушательниц Высших женских курсов в Москве, Московского попечительного комитета императорского Человеколюбивого общества и др.

А. К. фон Мекк много путешествовал, побывал в Альпах, Пиренеях, Далмации, на Балканах, Корсике, оставив описания некоторых своих путешествий. Он был членом императорского Русского географического общества и императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, членом швейцарских, немецких, австрийских альпинистских клубов, собирал литературу по альпинизму, посещал конгрессы альпинистов. Александр Карлович совершил немало серьезных восхождений, в частности в 1903 году на Юнгфрау – горную вершину в Бернских Альпах (в Швейцарии) и на Казбек; в 1905 году – на Монблан. Его имя было широко известно среди альпинистов Европы. Он многое сделал для распространения альпинизма в России. Александр фон Мекк основал и возглавлял вплоть до своей кончины Русское горное общество, устраивал выставки, издавал и редактировал «Ежегодник», знакомящий россиян с развитием альпинизма в мире. Он фактически организовал и поставил на прочное основание русский альпинизм.

Имя Александра фон Мекка имело высокий авторитет в кругу российских библиофилов и архивистов. Ему принадлежат работы по организации русского археографического и архивного дела. Его библиотека считалась одним из лучших частных собраний в России. К 1900 году собрание книг фон Мекка, согласно изданному им каталогу, насчитывало 6087 единиц. Каждый год собрание пополнялось и издавался новый каталог. К концу жизни его библиотека состояла из 9000 томов. Основу ее составляли книги по экономике России и стран Западной Европы. Это были сочинения русских, английских, немецких, французских экономистов; книги по истории экономических учений, кредиту, банкам, бирже, денежному обращению, налогам; по различным отраслям промышленности, внутренней и внешней торговле, промышленным союзам и обществам, путям сообщения, фабричному законодательству, государственному имуществу, земским и городским хозяйствам. Много книг было по русской истории: работы Т. Н. Грановского, Ю. Ф. Самарина, П. И. Бартенева, Н. П. Барсова, С. И. Иловайского, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, М. М. Ковалевского.

Крайне скудны сведения о двух младших сыновьях Карла Федоровича и Надежды Филаретовны фон Мекк. Некоторые факты можно почерпнуть из ее переписки с П. И. Чайковским. Старший из них, Максимилиан Карлович, родился 17 января 1869 года. Он избрал дипломатическую карьеру. В разные годы Максимилиан фон Мекк служил секретарем посольства России в Вашингтоне и Стокгольме, российским генеральным консулом в Ньюкасле (Великобритания). После смерти матери он был объявлен одним из сонаследников оставленного ею состояния. М. К. фон Мекк владел имением Хрусловка Веневского уезда Тульской губернии. Женат был на Ольге Михайловне Кирьяковой, имел сына Георгия (Юрия). После 1917 года Максимилиан обосновался во Франции. В эти годы он увлекается изучением современных направлений мистицизма и оккультизма, опубликовав в конце 1920-х – начале 1930-х годов в Париже ряд работ в этой области.

Трагичной была судьба младшего сына фон Мекка, Михаила. Он прожил всего 13 лет и умер от тяжелой болезни. Воспитывался он дома, матерью. Среди писем

Чайковского есть одно от 16 апреля 1883 года, в котором он пишет брату Модесту о смертельно больном мальчике: «Убийственно грустно известие о Мише Мекк. Надежда Филаретовна, как вижу из письма, вовсе не ожидает такого исхода, а лишь нетерпеливо ждет выздоровления его. Я боюсь, как бы это не убило ее».

О шести дочерях Карла Федоровича и Надежды Филаретовны фон Мекк сведений также очень немного. Наибольшую известность из сестер получила, как основательница Высших женских курсов в Москве, Софья. Она родилась в 1867 году.

Высшие женские курсы. Главное здание на Девичьем поле

В первом браке была замужем за Алексеем Александровичем Римским-Корсаковым, во втором – за князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Год ее кончины неизвестен.

Крупным коллекционером и меценатом, продолжившим семейные традиции, был внук Карла Федоровича и Надежды Филаретовны, Владимир Владимирович фон Мекк. Надежда Филаретовна, души не чаявшая во внуке, писала о нем Чайковскому: «У этого ребенка я нахожу один только порок и то не личный, а привитый воспитанием – это привычка к роскоши. Он не выносит белья не самого тонкого, он не может одевать других чулок, как шелковые, чистота для него требуется самая щепетильная, так что даже в вагоне ему меняется белье каждый день, и вид неопрятности возбуждает в нем крайнее отвращение». Эти привычки, однако, совсем не испортили его характера, зато с ранних лет привили вкус к красивым и изысканным вещам и, возможно, способствовали его стремлению к художественному творчеству.

В. В. фон Мекк окончил училище правоведения, но юридическая карьера не слишком привлекала его. Гораздо интереснее ему было попробовать себя в художественном творчестве, окунуться в атмосферу искусства. В начале 1900-х годов В. В. фон Мекк сближается с художниками объединения «Мир искусства», эстетические взгляды которых разделял, в 1902 году становится активным участником этого объединения, помогает в организации его выставок, таких как «36 художников» и «Союз русских художников». Он принимает участие в финансировании издания журнала «Мир искусства», а также в субсидировании грандиозной по масштабам и блестящей по составу экспозиции Русского отдела парижского осеннего Салона в 1906 году.

В это же время молодой меценат участвует в организации объединения «Современное искусство» в Петербурге, художественным руководителем которого стал И. Э. Грабарь. «Современное искусство» мыслилось как «нечто вроде постоянной выставки картин, мебели, целых архитектурных интерьеров и прикладного

искусства». Наряду с И. Э. Грабарем, А. Н. Бенуа, К. А. Коровиным, А. Я. Головиным, Е. Е. Лансере, К. А. Сомовым, Л. С. Бакстом и князем С. А. Щербатовым, В. В. фон Мекк был автором интерьеров «Современного искусства», участвовал в финансировании этого художественного предприятия.

В экспозицию первой его выставки, открывшейся 26 января 1903 года, каждый из участников внес свой вклад: А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере сделали проект гостиной, Л. С. Бакст – проект будуара, А. Я. Головин – русского терема, И. Э. Грабарь – главного входа и голландской печи. Специально для этой выставки К. А. Коровин создал «Чайную», С. Щербатов придумал несколько стульев и кушетку, Владимир фон Мекк создал роскошные дамские платья. Выставку субсидировали В. В. фон Мекк и князь С. А. Щербатов. Аосенью 1903 года они организовали выставки произведений К. А. Сомова, Н. К. Рериха и старинных японских гравюр. На деньги, пожертвованные фон Мекком и князем Щербатовым, был выпущен богато иллюстрированный альбом «Константин Сомов». При непосредственной поддержке Владимира Владимировича вышло в свет издание, посвященное Левитану.

Особое значение в жизни этого мецената и художника-любителя имело его знакомство с М. А. Врубелем. Он преклонялся перед творчеством художника и принимал горячее участие в его судьбе и судьбе его картин. Из писем Врубеля к фон Мекку видно, сколь значительной была материальная и моральная поддержка, оказанная меценатом художнику в трагический для него период 1900–1903 годов.

В. В. фон Мекк вместе со своим дядей Николаем Карловичем приобрели многие полотна Врубеля, в том числе один из вариантов «Демона», когда в 1902 году совет директоров Третьяковской галереи отказался его покупать.

В эти же годы В. В. фон Мекк серьезно увлекается коллекционированием произведений современной русской живописи. Ему принадлежали, кроме того, собрания японских гравюр, лубков, миниатюр, старинной бронзы, гобеленов, екатерининской и ампирной мебели. В 1907–1908 годах, когда коллекционер стал испытывать финансовые трудности, он был вынужден распродавать принадлежавшие ему произведения искусства. Так, из его собраний поступили в Третьяковскую галерею многие шедевры русской живописи: «К ночи», «Демон поверженный» М. А. Врубеля, «Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь» Н. К. Рериха, «Последние лучи солнца» и «Лунная ночь» И. И. Левитана, «Аленушка» В. М. Васнецова, «Летом» К. А. Коровина, «В деревне. Баба с лошадью» В. А. Серова, «Остров любви» К. А. Сомова.

В музей Александра III в Петербурге (впоследствии Русский музей) также попали полотна из коллекции В. В. фон Мекка: «Взятие снежного городка» В. И. Сурикова, «Радоница (Перед обеднею)» А. Е. Архипова, «Сибирь» В. М. Васнецова, «Золотая осень. Слободка» И. И. Левитана, «Венеция» М. А. Врубеля. Ряд картин из собрания В. В. фон Мекка приобрели другие крупные коллекционеры: И. С. Остроухов, С. С. и А. П. Боткины, М. П. Рябушинский.

Хотя В. В. фон Мекку не удалось сохранить целостного собрания, тем не менее его коллекционерская и меценатская деятельность внесли свой вклад в становление новых направлений русского искусства в начале XX столетия. Художественная и собирательская деятельность Владимира Владимировича завоевала ему авторитет среди деятелей отечественной культуры. И. С. Остроухов, покидая в 1913 г. пост попечителя Третьяковской галереи, рекомендовал фон Мекка на этот пост (и в этом нашел поддержку дочери Третьякова А. П. Боткиной).

Широко известен был В. В. фон Мекк своей благотворительной деятельностью. В

качестве заведующего благотворительными учреждениями великой княгини Елизаветы Федоровны он участвовал в постройке церкви Марфо-Мариинской обители, сооружение которой по его совету было поручено архитектору А. В. Щусеву. В годы Первой мировой войны фон Мекк вместе с известными купеческими деятелями П. А. Бурышкиным, Ю. М. Астровым, П. А. Рождественским, Н. Н. Шустовым участвовал в работе Попечительной комиссии по оказанию помощи семьям призванных на действительную военную службу, помогал детям, родители которых находились на фронтах Первой мировой войны. После революции, в 1920-е годы и вплоть до своей кончины в 1932 году, он работал в Малом театре, создавая эскизы декораций и театральных костюмов. Владимир Владимирович фон Мекк оставил о себе благодарную память у всех знавших его людей.

В. В. фон Мекк был последней яркой фигурой некогда широко известной династии «железнодорожных королей» и меценатов.

ЛИТЕРАТУРА

Ададуров И. Е. К истории Рязанско-Козловской железной дороги. 1865–1884. – М., 1887.

Витте С. Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т. 1.

Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976.

Головачев А. А. История железнодорожного дела в России. – СПб., 1881.

Дельвиц А. И. Мои воспоминания. – М., 1913. – Т. 2, 3.

Дневники П. И. Чайковского. 1873–1891. – СПб., 1993.

История предпринимательства в России. – М., 1999. – Кн. 2.

Краткий очерк развития сети Общества Московско-Казанской железной дороги. – М., 1913.

Мекк Г. Н. фон. Как я их помню. – М., 1999.

Нагибин Ю. М. Вечная музыка. – М., 1998.

Нагибин Ю. М. Когда погас фейерверк // Остров любви. Повести и рассказы. – Кишинев, 1985.

Палтусов И. Н. Династия фон Мекк // Труды Государственного исторического музея. – М., 1977. – Вып. 98.

Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века. Предпринимательство и политика. – М., 2002.

Скальковский К. Воспоминания молодости. По морю житейскому. 1843–1869. – СПб., 1906.

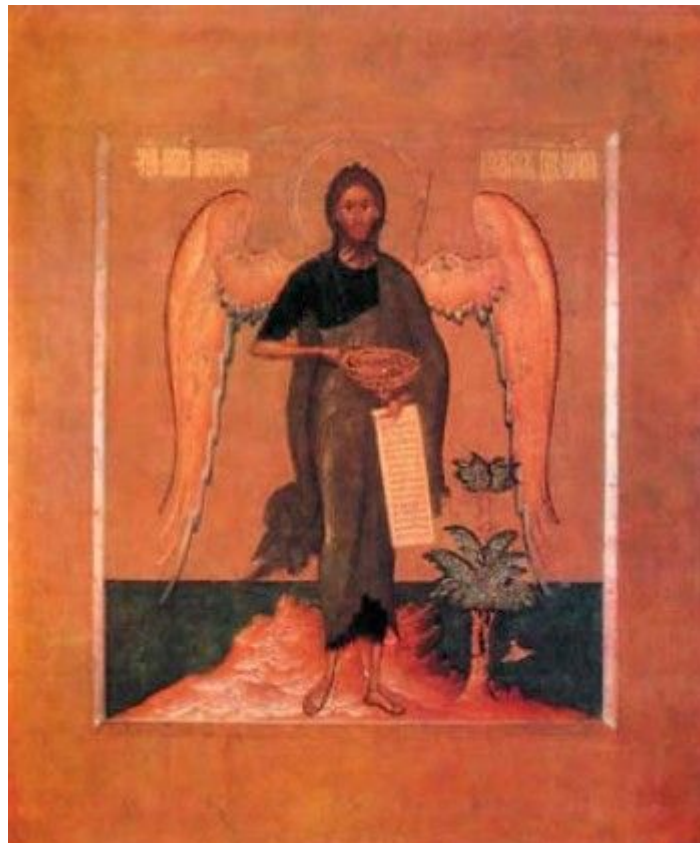
Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. – М., 1989. – Т. 1.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. – Л., 1929.

Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. По документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину. – М.; Лейпциг, 1901. – Т. 2.

Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк. – М.; Л., 1934–1936. – Т. 1–3.

Иллюстрации

Икона строгановского письма

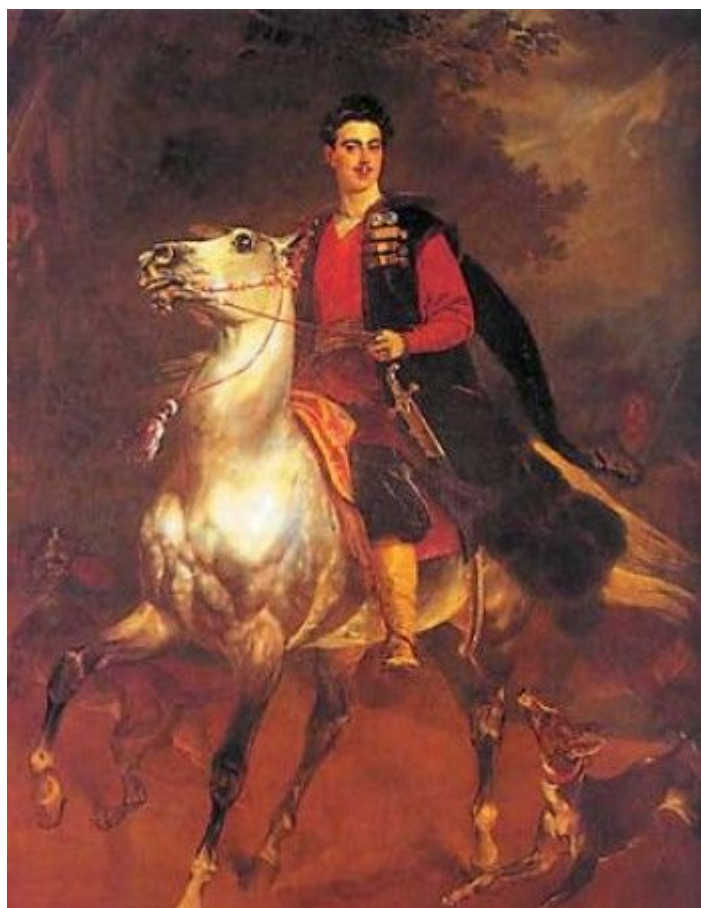
Мария Яковлевна Строганова. Художник И. Никитин

Строгановское шитье. XVII в.

П. А. Демидов. Художник Д. Г. Левицкий

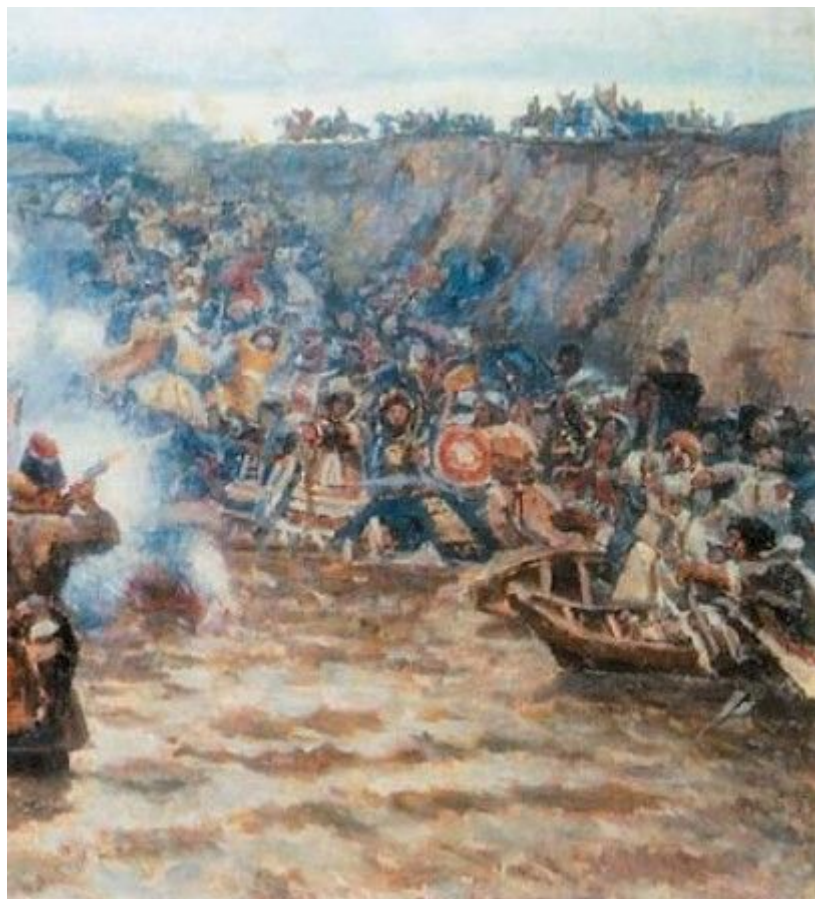
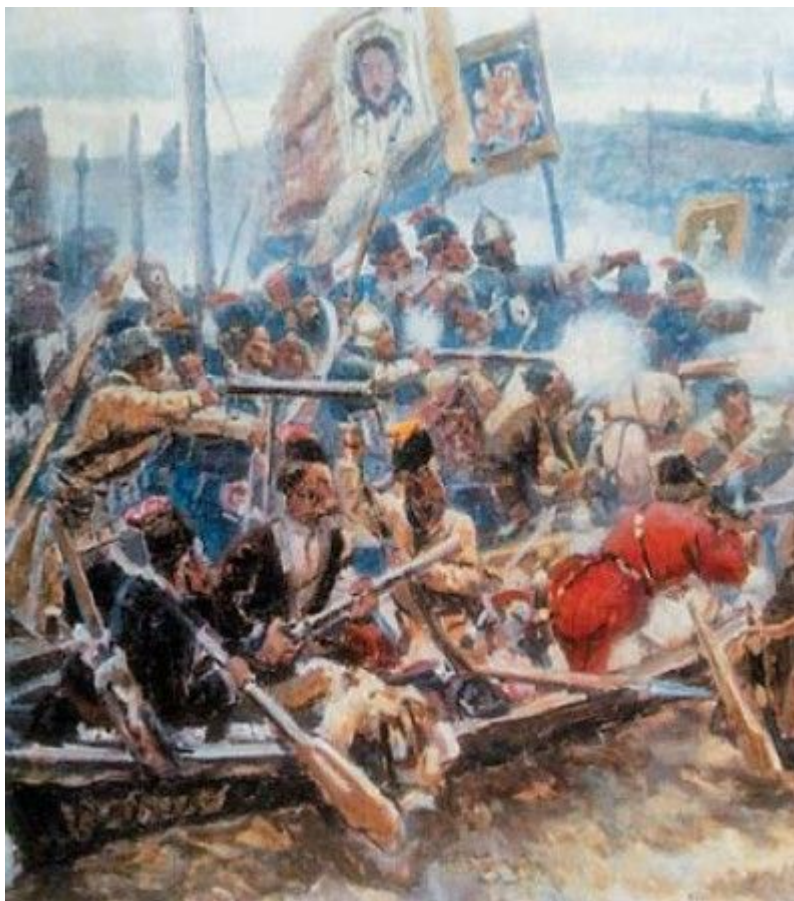
Анатолий Демидов. Художник К. П. Брюллов

Павел Николаевич Демидов

Аврора Шернваль

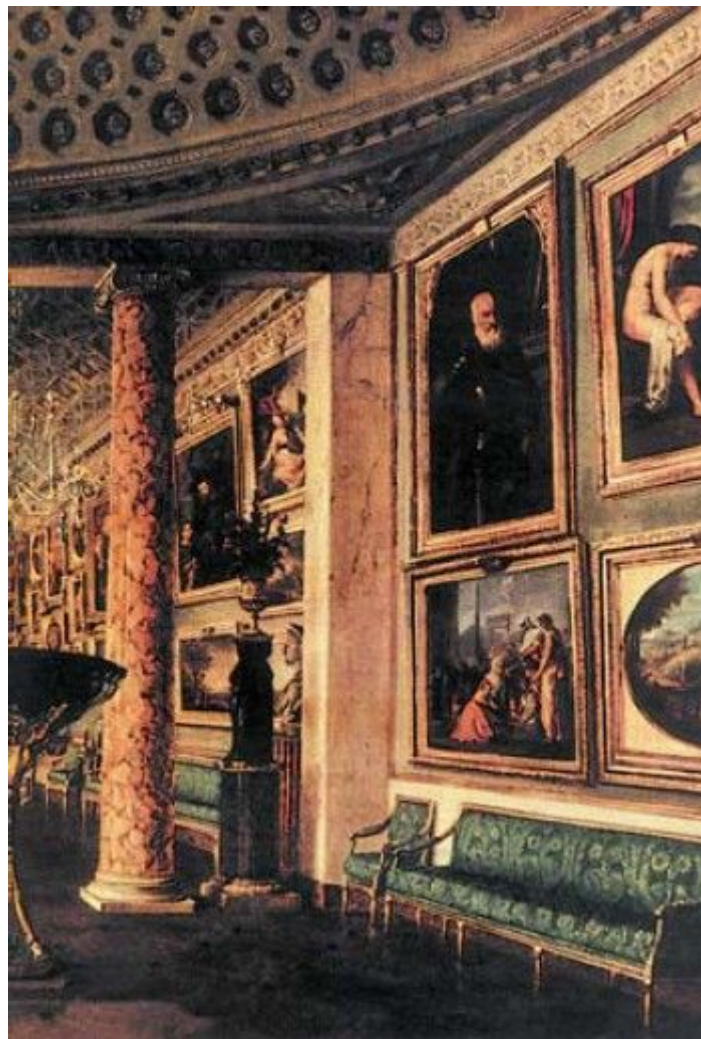
Покорение Сибири Ермаком. Художник В. И. Суриков

Герб рода Демидовых, князей Сан-Донато

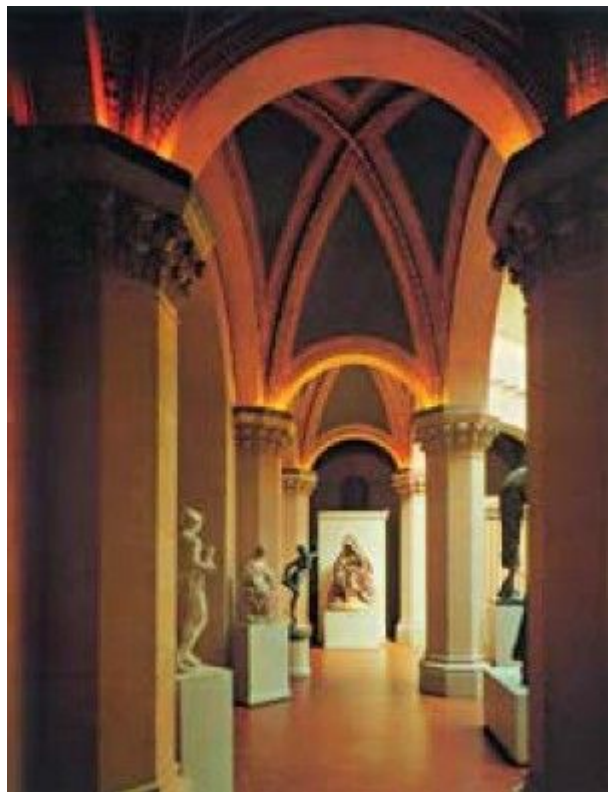
Гробница Александра Невского. *Выполнена из первого серебра, добытого на колыванских рудниках*

Картинная галерея в Строгановском дворце

Казанский собор со стороны Невского проспекта

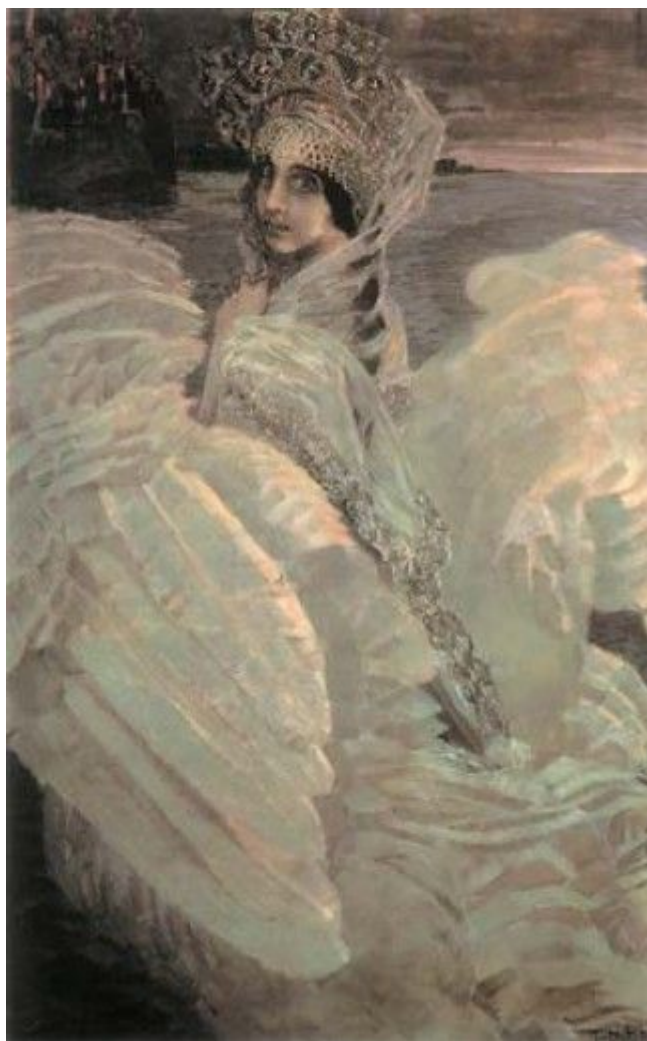
Музей изящных искусств. Античный зал

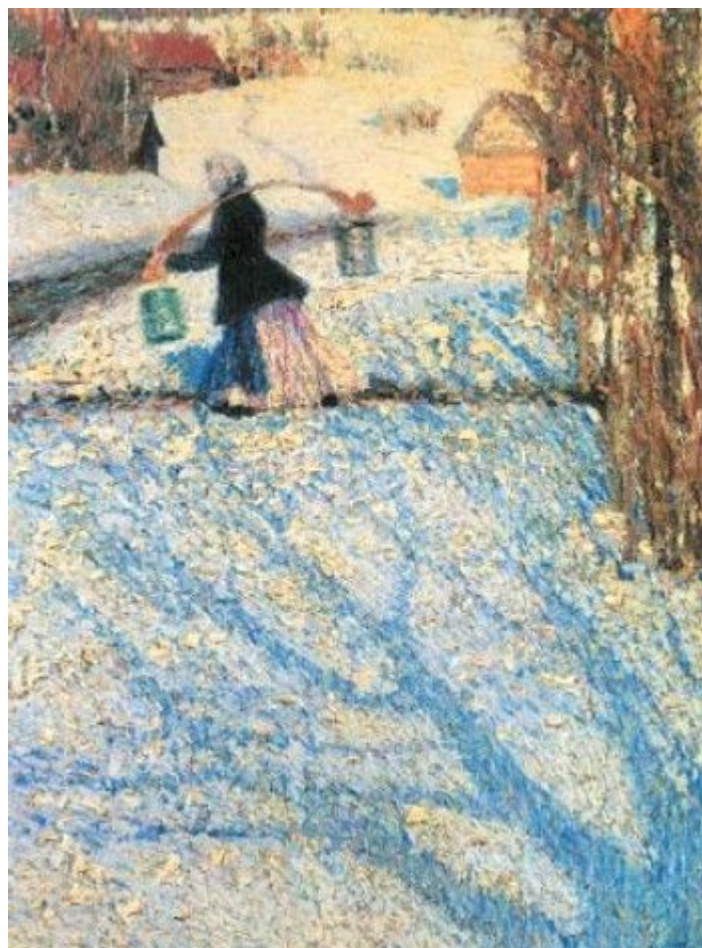
Последний день Помпеи. Художник К. П. Брюллов

Явление Христа народу. Художник А. А. Иванов

Царевна-Лебедь. Художник М. М. Врубель

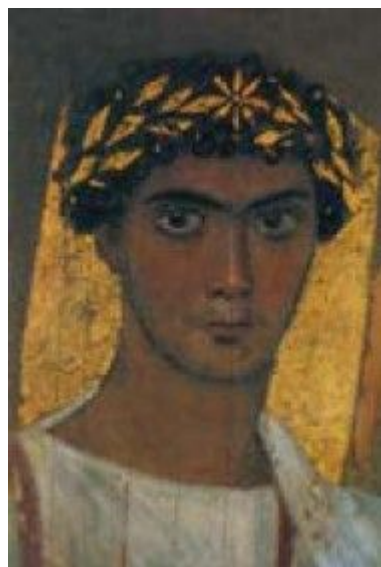
Мартовский снег. Художник И. Э. Грабарь

Великая княгиня Елизавета Федоровна. Художник Ф. И. Рерберг

Чаша из темно-зеленого порфира. *По рисунку А. Н. Воронихина*

Юноша в золотом венке. Фаумский портрет